

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

**V ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ
XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»**

20–24 апреля 2015 г.

**Том IV
История. Философия.
Культурология. Социальные науки**

Томск 2015

ББК 74.58

В 65

В 65 V Всероссийский фестиваль науки. XIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (г. Томск, 20–24 апреля 2015 г.) : В 5 т. Т. IV: История. Философия. Культурология. Социальные науки / ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2015. – 368 с.

Научные редакторы:

Зайцева Т.И., канд. ист. наук, доцент

Морозова О.Ю., канд. пед. наук, доцент

Грошева Г.В., канд. ист. наук, доцент

Сазонова Н.И., д-р. филос. наук, профессор

Серкова О.А., ассистент

Тучкова Н.А., канд. ист. наук, доцент

Селиванов С.А., канд. филос. наук, доцент

Степанов А.А., доктор филос. наук

Романова Н.И., канд. культурологии, доцент

Герасимова О.В., ст. преподаватель

Материалы публикуются в авторской редакции

Технический редактор: Г. В. Белозёрова. Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Бумага: офсетная. Печать: трафаретная. Формат: 60×84¹/₁₆. Тираж: 100 экз.

Сдано в печать: 27.08.2015. Усл. печ. л.: 21,39. Уч. изд. л.: 24,47. Заказ: 886/н

Издательство Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (3822) 52–12–93. E-mail: tipograf@tspu.edu.ru

© Авторский коллектив, 2015

© ФГБОУ ВПО «ТГПУ», 2015

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 930(460)
ГРНТИ 07.00.09.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСПАНИСТИКИ (КОНЕЦ XIX – 40-Е ГГ. XX ВВ.)

FORMATION OF THE NATIONAL HISPANISM: THE END OF XIX – THE 40-IES OF XX CENTURY

Алина Александровна Азарова

Научный руководитель: Г.А. Синельникова, канд. истор. наук, доцент

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

Ключевые слова: историография, становление отечественной испанистики, Средние века.

Keywords: formation of the national Hispanism, historiography, the Middle Ages.

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления в конце XIX – 40-х гг. XX вв. отрасли отечественной историографии, занимающейся изучением истории Испании в Средние века. Анализируются временные рамки, характеризующие период становления отечественной испанистики. Выявляется круг проблем, исследовавшихся отечественными медиевистами данного периода.

История относится к наукам, тесно связанным с переменами в жизни общества, влияющими на судьбу ученых и их исторические концепции. Об этом свидетельствует судьба российских испанистов конца XIX – первой половины XX вв., того периода, когда происходило становление отечественной испанистики, изучающей историю Средневековья.

Начальный период изучения истории средневековой Испании следует отнести к 90-м гг. XIX в. – 10-м гг. XX в., когда начали появляться первые работы [1, 2, 3] по данной теме. В отечественной историографии В.К. Пискорский стал основоположником традиции изучения истории средневековой Испании. Это бесспорно и признано всеми историками-испанистами. Все его работы, и в том числе обобщающая монография «История Испании и Португалии» [4], несомненно, занимают достойное место в исторической науке. По оценке Л.Т. Мильской и И.С. Пичугиной, «работы Пискорского определили все дальнейшее развитие испанистики в нашей стране» [5, с. 248].

Интерес к изучению истории средневековой Испании у В.К. Пискорского возник по многим причинам: в связи с ее недостаточной изученностью в самой Испании, в связи с продолжительным в данной стране пребыванием (он был первым иностранным ученым, которому разрешили работать в королевском архиве Испании) и, наконец, под влиянием своего научного руководителя – И.В. Лучицкого.

Под руководством В.К. Пискорского в студенческие годы занимался Н.Г. Грацианский и, хотя он сам не стал специалистом в области изучения истории средневековой Испании, но благодаря своему великому учителю сохранил интерес к этой стране и сумел передать его А.Р. Корсунскому. В свою очередь, А.Р. Корсунский специализировался по истории вестготской Испании, им были написаны такие монографии как «Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории)» [6] и «История Испании X-XIII вв. (Социально-экономические отношения и политический строй Астури-Леонского и Леон-Кастильского королевства» [7]. Основные труды А.Р. Корсунского были опубликованы в 1960-1970 гг.

Период с 10-х по 30-е гг. XX в., можно назвать пробелом в отечественной испанистике. Это связано, прежде всего, со смертью В.К. Пискорского, который не оставил после себя прямых учеников-испанистов, поэтому преемников его дела не было. Наступившие события в России (Первая мировая война, Февральская революция, октябрьские события 1917 года) не способствовали появлению новых исследований по истории средневековой Испании, поэтому в данный период наблюдается полное отсутствие работ по интересующему нас вопросу.

Вновь интерес к истории средневековой Испании возникает только в 30-40-е гг. XX в. в связи с гражданской войной 1936-1939 гг. в Испании, которая оказала огромное влияние на советских людей. В 1937 году была опубликована монография А.Е. Кудрявцева «История Испании в средние века» [8], где он в популярной форме на основе источников и обширной литературы изложил историю Испании с древнейших времен до конца средневековья. Несмотря на то, что первоначально А.Е. Кудрявцев занимался историей Англии, испанская тематика стала импонировать ему больше, вот как он описывает свои впечатления: «В событиях борющейся за свою свободу и независимость народной Испании наших дней невольно оживает далекое прошлое этой замечательной страны, этого удивительного народа <...> вызывающих своим героизмом всеобщее восхищение и преклонение. Но знаем ли мы это прошлое? Мы хотим его знать, но до сих пор имеем о нем весьма смутное понятие» [8, с. 2]. А.Е. Кудрявцев был вторым испанистом после В.К. Пискорского, который написал обобщающий труд.

Несомненная заслуга А.Е. Кудрявцева заключается не только в том, что он написал работы по истории средневековой Испании, но и сумел организовать вокруг себя ленинградский кружок испанистов. Вот как А.Л. Трухин выразился о деятельности А.Е. Кудрявцева, направленной на привлечение людей к изучению средневековой Испании: «Многолетнее руководство кружком по изучению испанского языка, приоб-

щение его членов к изучению средневековой истории Испании позволило ученому создать небольшой, но крепкий коллектив» [9]. Сюда можно отнести А.М. Розенберга, Н.С. Масленникова, И.В. Арского, Г.Н. Коломиеца, также оставивших после себя учеников, занимающихся историей средневековой Испании.

В годы Великой Отечественной войны публикаций по истории средневековой Испании не было, так как многие испанисты (А.Е. Кудрявцев, И.В. Арский, Н.С. Масленников) ушли на фронт, а некоторые не вернулись. Последние статьи были опубликованы в 1941 г. Но начиная с 1946 года советских медиевистов вновь привлекли испанские сюжеты, стали публиковаться работы С.В. Фрязинова, Л.Т. Мильской, И.С. Пичугиной, которые стали признанными испанистами в 1950-1970-х гг.

Недостатком данного периода являлось то, что даже самый заслуженный медиевист, как правило, не только не имел возможности посетить изучаемую страну, но и не верил, что такая возможность ему когда-нибудь представится. Историю средневековой Испании приходилось изучать по доступным публикациям. Важно также отметить, что в этот период господствовала марксистско-ленинская методология, что также оставило свой отпечаток при написании работ.

Отношение к наследию В.К. Пискорского со стороны испанистов 1930-1940 гг. не было однозначным. Наиболее критичную позицию по отношению к его работам занимал И.В. Арский, хотя именно он продолжил работать над проблематикой, поднятой В.К. Пискорским. На защите кандидатской диссертации [10] И.В. Арского; оппонентами были А.И. Кудрявцев и О.А. Добиаш-Рождественская. О.А. Добиаш-Рождественской не понравилось, как И.В. Арский высказывался по отношению к В.К. Пискорскому: «...как Вы счастливо или несчастливо выразились? Вообще главной мишенью нападков Вы избираете Пискорского, постоянно изображая его представителем либерально-буржуазной точки зрения. Меня это заинтересовало <...> потому, что сохранились рассказы, как в движении 1905 г. профессор Пискорский поразил всех, выступая как марксист и получая от левых ораторов обращение «товарищ Пискорский». В своем выступлении О.А. Добиаш-Рождественская пытается парировать И.В. Арскому, тем самым подчеркивая значимость наследия В.К. Пискорского.

Таким образом, труды советских историков-испанистов отличались критическим отношением к буржуазным исследователям: советские ученые не раз упоминали о «кризисе буржуазной исторической мысли» и «идейном разброде» [11, с. 26, 34, 36]. В частности, Я.М. Свет в предисловии к «Истории Испании» [12, с. 3] Р. Альтамиры-и-Кревеа писал: «И.В. Арский подверг критике основные работы буржуазных историков, посвященные формированию крепостнических отношений в Каталонии, и пришел к принципиально новым выводам...».

Указывая на недостатки трудов буржуазных ученых, тем не менее, советские испанисты не внесли каких-либо разъяснений по тем или иным вопросам. Так, О.А. Добиаш-Рождественская на защите диссер-

тации И.В. Арского высказала свое сомнение в том, что он внес что-то новое, кроме того, что описал В.К. Пискорский: «Вы говорите: Пискорский ограничился шестью традиционными [дурными обычаями] <...> «Пискорский не искал...»... «Пискорский уклонился»... «О том же самом, – пишете Вы, – говорят документы, которые удалось собрать по этому вопросу». Что же именно «удалось» – как Вы говорите – «собрать Вам? А ничего! То есть так-таки решительно ничего!...» [10].

Как уже было описано выше, советские испанисты 1930-1940 гг. развивали в первую очередь ту проблематику, которая была наработана в трудах В.К. Пискорского. К примеру, они продолжили исследовать в своих работах крепостное право в Каталонии в Средние века, Реконкисту и сельскую общину. Кроме этого, использование марксистской методологии привнесло в испанистику неизученные ранее вопросы: впервые в отечественной историографии появились работы, посвященные крестьянским восстаниям [13, 14].

В целом, несмотря на весьма критическое отношение А.Е. Кудрявцева и его учеников к наследию В.К. Пискорского, имела место научная преемственность. Прежде всего, это заключалось в наследовании интереса к испанским сюжетам со стороны отечественных историков.

Следующий этап развития отечественной испанистики относится к 1950-1960-х гг., когда появляется значительное количество работ, в частности объемные монографии А.Р. Корсунского.

По сравнению с этапом становления отечественной испанистики, для сегодняшнего дня характерен интерес массового характера к истории средневековой Испании. Так, большое количество историков изучают культурно-исторические аспекты истории средневековой Испании, основываясь на деятельности испанистов конца XIX – первой половины XX вв [15]. Работы В.К. Пискорского и А.Е. Кудрявцева сохраняют свое значение до сих пор, что выражается в их регулярном переиздании.

Литература

1. Пискорский, В. К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188-1520) / В.К. Пискорский. – Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1897. – 203 с.
2. Пискорский, В. К. Вопрос о значении и происхождении шести «дурных обычаев» в Каталонии / В.К. Пискорский. – Киев : Типография Университета св. Владимира. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1899. – 87 с.
3. Пискорский, В. К. Крепостное право в Каталонии в Средние века / В.К. Пискорский. – Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1901. – 246 с.
4. Пискорский, В. К. История Испании и Португалии / В.К. Пискорский. – Лейпциг : Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1902. – 283 с.
5. Мильская, Л. Т. Русский историк-испанист – В. К. Пискорский (1867-1910) / Л.Т. Мильская, И.С. Пичугина // Проблемы испанской истории. – Москва: Наука, 1975. – С. 230-250.
6. Корсунский, А. Р. Готская Испания / А.Р. Корсунский. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 326 с.

7. Корсунский, А. Р. История Испании IX–XIII вв. / А.Р. Корсунский. – Москва : Высшая школа, 1976. – 239 с.
8. Кудрявцев, А.Е. История Испании в средние века / А.Е. Кудрявцев. – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 250 с.
9. Профессор Кудрявцев Александр Евгеньевич: сб. ст. / Отв. ред. А.Л. Трухин. – Санкт-Петербург: СПбГЛТА, 2007. – 15 с.
10. Добиаш-Рождественская, О. А. Выступление на защите кандидатской диссертации И.В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX-XII вв.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.binetti.ru/content/821> (дата обращения: 18.03.2015)
11. Вайнштейн, О. Л. Современный кризис буржуазной исторической мысли: сб. ст. / О.Л. Вайнштейн // Историк-марксист. – 1940. – № 3. – С. 24-39.
12. Альтамира-и-Кревеа, Р. История Испании / Р. Альтамира-и-Кревеа. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1951. – Т. 1. – 520 с.
13. Арский, И. В. Крестьянские войны в Испании в XV веке / И.В. Арский // Борьба классов. – 1936. – № 5. – С. 94-109.
14. Розенберг, А. М. Восстания против королевской власти в Кастилии XV в. // Учёные записки ЛГПИ. – Ленинград, 1948. – Т. 68. – С. 25-31.
15. История Испании. С древнейших времен до конца XVII века / под. ред. В. А. Ведюшкина, Г. А. Попова. – Москва : Индрик, 2012. – 696 с.

УДК 94 «20»
ГРНТИ 03.09.55

ПИРАТЫ XXI ВЕКА – НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА

PIRATES OF XXI CENTURY – NEW GLOBAL THREAT

Васильева Кристина Викторовна

Научный руководитель: Меха И.В., канд. истор. наук, доцент

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

Ключевые слова: пиратство, виды пиратства, мировое сообщество, международные силы противодействия пиратству

Key words: piracy, type of piracy, international community, international forces fighting piracy

Аннотация. В статье рассматривается проблема современного морского пиратства. Выявляются особенности современного пиратства и раскрываются основные направления противодействия морскому разбою. Делается вывод о том, что современный пират отличается от разбойников прошлых лет. Совершенствуя и развивая свои методы, пиратство выходит на новый уровень – мировой, а проблема пиратства все более приобретает характер глобальной угрозы.

Согласно традиционной концепции, история – это движение по спирали. Возрождение некоторых явлений древней и средневековой истории в современную эпоху, в измененном виде может служить одним из обоснований этой концепции. К числу таких явлений можно отнести элементы рабства, пиратство, варварское отношение к природе и всему живому.

Древним занятием, уходящим корнями в эпоху античности, зародившимся в Средиземноморье, является пиратство. Оно затрагивало историю всех народов, знакомых с мореходством. А поскольку на протяжении всей мировой истории морское пространство являлось центром связи между государствами, пираты своими нападениями наносили удары по самому уязвимому месту, препятствуя, затрудняя и притупляя механизм взаимодействия. При этом странам, самостоятельно или союзническими силами, приходилось вырабатывать механизмы противодействия пиратству.

Казалось бы, что в XXI в. не актуально вспоминать профессии прошлых лет, ведь мир пережил уже столько взлетов и падений, разочарований и побед, в том числе, как казалось и над пиратством, еще в конце XIX в. Но современная статистика случаев пиратских атак опровергает это заблуждение. Пиратство переживает ренессанс на рубеже веков. Возродившись в конце XX в., оно развивается и совершенствуется в XXI в.

Уже в 1999 г. было зафиксировано 300 случаев пиратских нападений. Пиковый уровень зарегистрированных пиратских атак: 350–450, был достигнут в период с 2000-х по 2004 г. [1, с. 12]. В 2005 г. активность морских разбойников снижается почти вдвое, 276 нападений и стабильно держится на этом уровне: 2006 г. – 239 атак, 2007 г. – 263 нападения. В 2008 г. происходит новый взлет – 293 нападения пиратов [1, с. 12]. Попытки мирового сообщества покончить с пиратством оказывались мало результативными. Число пиратских нападений с 2009 г. значительно увеличивается: 2009 г. – 406 атак, 2010 г. – 445 нападений и 2011 г. – 544 пиратских захватов [1, с. 12-13]. Некоторый спад активности пиратов в последующие годы связан с усовершенствованием и новшествами механизмов борьбы, выработанными мировым сообществом. К 2012 г. показатели пиратских нападений снижаются до 341 атак, а в 2013 г. до 264 нападений. В 2014 г. был зафиксирован самый низкий уровень пиратства за последние восемь лет [2].

Таким образом, представленная статистика доказывает не только существование морского пиратства, рост его масштабов, но и необходимость выработки эффективных мер борьбы с этой глобальной угрозой. По данным Центра мониторинга пиратства, в настоящее время опасность пиратских нападений существует у берегов Бангладеш, Вьетнама, Индонезии, Малайзии, в Малаккском и Сингапурском проливах, у побережья Гвинеи, Камеруна, Нигерии, Бразилии, Перу и Сомали [1, с. 16]. По количеству пиратских нападений, можно выделить три самых активных пиратских района – это Африканский Рог, Гвинейский залив и Малаккский пролив – районы, служащие важными транспортными магистралями.

Современный пират, переняв часть ремесла у своих предков, адаптируется к новому миропорядку и разрабатывает новые стратегии ведения захвата. Как правило, в античности пиратством занимались и купцы, и путешественники, поскольку было выгодно не только торговать, но, в подходящий момент, и захватить чужое судно или неволь-

ников. Ведь слово «пират», появившись первоначально в Древней Греции, означало «предприимчивый человек», «охотник за удачей», всегда надеющийся на дело случая [3, с.3].

Свои нападения пираты совершали под покровом ночи, либо заходя в порт обнаруживали жертву, либо у побережья или в проливе. В течение нескольких часов; велась тщательная разведка, затем пираты неожиданно подплывали к своей жертве и с кастели – высокой палубной надстройки своего судна – прыгали на атакуемый корабль. Исход битвы решался, как правило, в рукопашной схватке с помощью меча и кинжала [4, с. 22]. В этом и заключается непредсказуемость доходов от профессии пирата.

Основной добычей пиратов античного времени являлись деньги, полученные в качестве выкупа за богатых пленников, или контрибуции, получаемой пиратами от портовых и приморских городов за обещание не причинять им ущерб.

Постепенно пиратство приобретает новые черты. В Новое время пиратству присваивается узаконенный вид. Появляется частное пиратство, к нему относились буканьер, флибустьер и корсар. Одним из критериев выделения видов пиратства служат цели морских разбойников. Буканьер и флибустьер нападали на чужой корабль, и не важно, гражданам какого государства он принадлежал. Целью же корсара были только суда вражеской страны. Изменяются и действия пиратов. Если в античное время для устрашения жертвы пираты вывешивали флаг «Веселого Роджера», то теперь используется флаг корабля жертвы, что позволяет приблизиться к намеченной цели ограбления, и придает внезапность нападению. Подплыв, вся команда поднимала дикий вой, нападавшие били в барабаны, янычары открывали огонь, далее действовали по старому образцу, судно берется на abordаж, тех, кто оказывают сопротивление, убивали [5, с.45-46]. Прибыльной добычей стали пленники, которых после захвата гнали на невольничьи рынки. Не смотря на «Золотой век пиратства», мировому сообществу удается практически искоренить пиратство в XIX веке.

Иным представляется современное пиратство. Во-первых, поменялось определение понятия, из любительской деятельности пиратство переросло в организованную преступность и уже фиксируется на законодательном уровне. В Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. определение термина «пиратства» трактуется в статье 101 как «любой неправомерный акт насилия, задерживания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна...и направленный: i) в открытом море против другого судна...или против лиц или имущества, находящихся на их борту; ii) против какого-либо судна...лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства» [6, с. 220].

Во-вторых, формируются совершенно новые виды пиратства, основными критериями выступают количество человек в группировке, оснащение морских разбойников и добыча. По данным Международного морского бюро, современное пиратство можно разделить на

три вида. К первому относятся обычные шайки, которые вооружены оружием прошлого, ножами и пистолетами. Они внезапно нападают на суда в открытом море или гавани, а затем грабят пассажиров и экипаж, не задаваясь целью захватить судно, им достаточно лишь судовой кассы и части груза. Второй вид представляют банды, вооруженные крупнокалиберными пулеметами, автоматами и гранатометами. Частым явлением при таком захвате является истребление всего экипажа и захват, как судна, так и груза. Третий вид пиратства является самым крупным – это международные организованные группы. Они захватывают суда с особо ценными грузами, используя современные системы спутниковой навигации и связи, а также благодаря обладанию агентурной сетью и обширными связями в политической сфере [7].

Изменение претерпевает и время нападения морских разбойников. Если пираты античности нападали ночью, то современные пираты обычно проводят нападение в светлое время суток, чаще всего на рассвете, а ночью нападают редко. Часто начинают подвергаться нападению и танкеры. Морское бюро связывает это с высокими ценами на нефть. Так, 8 февраля 2015 г. пиратскому нападению в Аденском заливе подвергся кувейтский танкер «Burgan», следовавший в порт Джибути. Пираты на четырех лодках подплыли к судну и пытались попасть на борт. Нападение было отбито специализированной охраной, находящейся на борту танкера [8].

При захвате судна пиратам необходимо место, где можно укрыть захваченное судно, пока ведутся переговоры с его хозяевами о выкупе. Но, поскольку некоторые регионы мира не имеют пиратских столиц – городов, распространение получила схема, приносящая наибольшие прибыли, которая называется «корабль-призрак». Захваченный пиратами корабль перекрашивается, затем получает новое название, новый флаг и новые документы. И перепродается где-нибудь подальше от места захвата. Выходит двойная выгода, деньги можно получить за груз и за корабль [1, с. 61].

Пиратская деятельность, обогащая одних, наносит ущерб другим. Данная угроза ставит членов мирового сообщества перед необходимостью искать пути ее устранения. Известно, что отдельным странам не по силам справиться с проблемой пиратства, поэтому необходимо действовать сообща.

В настоящее время международные силы противодействия пиратству включают, во-первых, рекомендации капитанам судов об безопасных маршрутах прохода в пиратских районах, а также инструкции поведения при захвате судна. Данные рекомендации разрабатываются Центром сообщений о пиратстве Международного морского бюро (IMB PRC), а инструкции зафиксированы в «Международном кодексе по охране судов и портовых сооружений» (ОСПС) Международной морской организации, вступивший в силу 1 июля 2004 г. Во-вторых, осуществляется конвоирование гражданских судов по небезопасным морским районам. В Индийском океане у восточного побережья Африки, в самом процветающем пиратском районе, с января 2009 г. дей-

ствуется оперативно-тактическая группа 151 (CTF-151), возглавляемая Соединенными штатами Америки. Совместно с силами НАТО, американский флот должен обеспечивать безопасный транзитный коридор через Аденский пролив [9, с. 3]. В-третьих, для выявления и предотвращения пиратских нападений ведется патрулирование районов повышенной опасности. С августа 2009 года силы НАТО в рамках операции «Океанский щит» («OceanShield») действуют против пиратов, отслеживая и пресекая морской грабеж и захват судов на море. Распространение получает и способ найма вооруженной охраны сотрудниками частных охранных предприятий, как правило, для перевозки особо ценного груза. Известность получили частные военные и охранные предприятия и компании «Private military companies and private security companies» (PMSC) [10, с. 57].

Как несложно заметить, мер, предпринимаемых мировым сообществом не достаточно, чтобы справиться с пиратской угрозой. Для обеспечения индивидуальной защиты отдельных судов; целесообразным будет внедрения современных и эффективных приемов отражения пиратских нападений, оснащение судов новыми техническими разработками, например, такими как электрические заграждения, водометы, сонарные и световые устройства, а также оборудование помещений для защиты экипажа, в случаи захвата судна. Так же необходимо уделить внимание и правовым аспектам проблемы. Поскольку пиратство продолжает оставаться очень выгодным делом, то какое-то время оно будет еще существовать, что вполне предсказуемо.

В заключении важно отметить, что современный пират не похож на своих предков: изменяются методы введения захвата, формы деятельности пиратов. Пират XXI века более подготовлен, осмотрителен, лучше оснащен и добыча у него богаче. Несмотря на то, что в определенный период времени всем казалось, что настоящее пиратство вымерло и его даже заменили на интернет-пиратство, применяя термин к воровству компьютерных игр, музыки и кино, сейчас данная проблема носит статус мировой.

Литература

1. Зинде, Э. Пираты Сомали: Атака на цивилизацию/ Э. Зинде. – Москва : Коммерсантъ: Астрель, 2011. – 319 с.
2. Сайт новостей РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140115131542.shtml> (дата обращения: 10.03.2015).
3. Мерьен, Ж. Энциклопедия пиратства/ Ж. Мерьен; Пер. с франц. – Город? Изд-во: Терра-Книжный клуб. – 1999. – 688 с.
4. Маховский, Я. История морского пиратства / Я. Маховский; Пер. с пол. – Москва: «Наука», 1972. – 288 с.
5. Тарновский, В. Пираты / В. Тарновский; Пер. с нем. Г.П. Герасимова. – Москва: Слово, 1994. – 49 с.
6. Конвенция ООН по морскому праву 1982.
7. Международное морское бюро (ИМБ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://мимо.com.ua/info/42-imb-international> (дата обращения: 10.03.2015).

8. Новости Рамблер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/29087865/> (дата обращения: 10.03.2015).
9. Рагунштейн, А. Г. Противодействие морскому пиратству у берегов Сомали/ А.Г. Рагунштейн, О.В. Рагунштейн// Курский государственный университет. – 2014. – 8 с.
10. Ещенко, Я. В. Способы противодействия морскому пиратству/ Я.В. Ещенко, А. В. Новиков // Морской сборник. – 2014. – № 1. – С. 55-58.

УДК 94(520)

ГРНТИ 03.09.25/03.09.31

САМУРАИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОСЛОВИЯ И СУБКУЛЬТУРЫ

SAMURAI: THE EMERGENCE OF CLASSES AND SUBCULTURES

Михаил Юрьевич Герасимов

Научный руководитель: О. Н. Мухин, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: кондэй, кланы, феодализм, кисин, самураи, сегун, буси-до.

Keywords: conde, clans, feudalism, kissin, samurai, shogun, bushido.

Аннотация: Рассматривается сословие самураев в Японии, история и факторы, повлиявшие на его возникновение, а также традиции и обычаи самураев, определяющие данное сословие как субкультуру.

Актуальность обращения к истории возникновения самурайского сословия с собственной специфической культурой и мировоззрением связана с тем, что, несмотря на исчезновение в конце XIX века самураев как особой социальной страты, их культурное наследие до сих пор бытует в Японии и оказывает влияние на менталитет современных японцев. В науке существует ряд проблем, связанных с генезисом сословия самураев: как оно возникло, какие особенности исторического и социокультурного развития Японии способствовали его возникновению, как появился специфический самурайский кодекс, ставший впоследствии «Духом Японии»? На эти вопросы я и попытаюсь ответить в своей статье.

Вопрос о возникновении сословия самураев спорный, и точный ответ на него найти сложно. Многие историки-востоковеды сходятся на том, что самурайство как сословие возникает в эпоху Нара (VIII в. н.э.). Эта теория имеет основание, т.к. именно в эту эпоху японская классическая культура достигает своего расцвета, переживая время Великих Реформ Тайка, когда японцы многое переняли у своих китайских соседей – бюрократический аппарат, систему власти и т.д. Указывается даже более точное время – 80-90-е годы VIII в., во время правления императора Камму (781-806 гг.). Именно этому императору принадлежит идея создания системы специального воинского воспитания юношей – «Кондэй», что в переводе означает «Надежная молодежь». Создание этой системы начинается с 782 г., когда по указу императора в тогдеш-

ней столице Японии Киото возводится монументальное здание, где проходило воинское воспитание юных кугэ (аристократов) – Бутокудэн, «Зал воинских добродетелей». Дети аристократов теперь проходили подготовку в Бутокудэне, где обучались владению оружием и боевым искусствам, верховой езде. Пройдя обучение, они получали офицерский чин и направлялись в войска [1, с.8]

Военизация аристократии в Японии не была чем-то новым – японские правители также переняли эту практику у Китая, в котором, начиная с периода Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.), где аристократы представляли собой сословие воинов, составлявших офицерский корпус армии. Помимо этого, в Японию из Поднебесной пришла идеология «Бунбо ити» («Когда военное и гражданское сливаются воедино»). Поэтому ученики Бутокудэна также обучались грамоте, литературе, они учили историю (историю Древнего Китая) и даже стихосложение [2].

Еще один фактор, повлиявший на возникновение самураев – это география Японии. Как известно, Япония – страна островов, расположенная в удалении от цивилизаций, что сыграло немалую роль в развитии ее изоляции. Острова японского архипелага разделены между собой проливами, каждый остров буквально изрезан горами и реками. В результате население островов было разделено на группы, отделенные друг от друга горной цепью или проливом. Уже в III-IV вв. эти общества людей превратились в первые кланы, которые немедленно начали борьбу друг с другом за скудные ресурсы и немногочисленные плодородные земли, а также за власть на островах.

Один из главных факторов возникновения самурайства – феодализм, зародившийся здесь в VII-VIII вв. и окончательно установившийся в Японии в XI-XII вв. Земли, захваченные у айнов, перераспределялись между воинами, которые становились землевладельцами. Однако многие из них не могли справиться с ведением хозяйства и разорялись. Чтобы как-то решить проблему разорившихся (и во избежание пополнения рядов разбойничьих группировок), крупные землевладельцы стали практиковать выдачу им земельных участков из своих наделов. Платой за это было полное подчинение и служение тому, кто выдал ему землю – здесь впервые появляется слово «сабурахи», означающее «служить хозяину». Подобная практика в Японии известна как «кисин», и именно она стала основой зарождения феодализма. И именно на плечи местных феодалов (будущих лидеров самурайских кланов) ляжет обязанность соблюдать закон и порядок в своих землях. Свяzano это было, по большей части, с тем, что большинство аристократов, несмотря на военную подготовку, не спешило отдавать свои жизни, сражаясь с воинственными аборигенами или многочисленными разбойниками. Дабы сохранить свои владения, землевладельцы за свой счет начинают создавать военизированные отряды из тех самых «сабурахи», которые будут охранять его и его участки от враждебных посягательств. Впоследствии в их ряды начали вливаться и аристократы, по тем или иным причинам попавшие в немилость в Киото. Они вносили в ряды своих менее образованных соратников идеалы, полученные ими

в Бутокудэне. Именно так в Японии и сформировался самурайский корпус, который первоначально являлся ополчением землевладельцев, поддерживающим порядок как внутри страны, так и на ее рубежах [3].

Сражаясь с айнами и бандитами, самураи достаточно быстро стали приобретать влияние в стране. Несмотря на это, аристократы не воспринимали самураев всерьез, воспринимая их как на обычных солдат и часто приравнивая их к варварам. Тем не менее, они старались контролировать самураев, назначая из центра человека с титулом сегуна (полное название сэйи-тай-сегун – «великий полководец, карающий варваров»). Сегун являлся верховным главнокомандующим над армией самураев, в его обязанности входило ведение боевых действий на севере, против коренных жителей архипелага [4].

Постепенно военные объединения самураев начинают разрастаться, и из них возникают первые самурайские кланы. Лидеры кланов уже не хотят быть просто воинами, поэтому они начинают вмешиваться в политику, желая самим руководить страной. Начавшиеся разногласия между самураями и аристократами выльются в мятежи самурайских кланов против правительства, переросшие в целые феодальные войны. Эти войны показали, что японская аристократия совершенно не готова дать отпор новому сословию. Воины-аристократы, практически лишённые боевого опыта, не смогли противопоставить себя закаленным в многочисленных сражениях самураям. Поэтому правящий клан аристократов Фудзивара (власть императора уже давно считалась номинальной; лишь некоторые императоры, такие как Камму, пытались решать вопросы касательно страны наравне с аристократией) был отстранен от власти кланом Тайра, а Тайра, впоследствии был уничтожен другим самурайским кланом, Минамото. [3].

Лидер Минамото, Минамото Ёритомо, принялся реорганизовывать власть в стране. Он присвоил себе титул сёгуна, который стал правящим титулом, отстранил от власти аристократию и создал свою резиденцию в городе Камакура. Так, в Японии возник первый сегунат. Новое правительство стало военным по природе, т.к. у руля власти теперь находились самураи и их лидеры. Что до аристократов и императора, то они сохранили многие свои привилегии и богатства, однако их не допускали к власти, а их обитель Киото стала, по существу, местом принудительного заключения. Самураи же стали новой, военной аристократией, наподобие рыцарей средневековой Европы.

Самурайское сословие можно рассматривать как носителей определенной субкультуры, т. е. суверенного целостного образования внутри господствующей культуры. Это доказывается тем, что самураи были закрытой организацией, которые не допускали в свой круг представителей других сословий, но, тем не менее, не пытавшиеся влиять на устоявшиеся в Японии культурные традиции. Помимо этого, можно привести еще один факт в пользу отнесения самурайства к особой субкультуре – наличие собственных культурных ценностей. Во-первых, это право на ношение оружия. Вплоть до появления асигару в XVI в. самураи были единственной боевой единицей в стране, со второй тре-

ти XVII в. и до краха сегуната во второй половине XIX в. только самураям было дозволено носить оружие. Также самураем не мог стать представитель другого сословия – для этого нужно было родиться в семье самураев. Начиная с XVI в. в самурайской среде начинает бурно развиваться поэтическое искусство, до этого бывшее привилегией аристократии и практически забытое в эпоху нескончаемых войн. [5].

Однако главный фактор, определяющий самураев как субкультуру – это созданная ими идеология, знаменитое буси-до – «Путь воина». Создание буси-до, как и возникновение самого самурайства, приходится на VIII в. Буси-до понимался самураями как своеобразный идеал, доктрина поведения. Главной целью самурая являлась преданность и бесконечное ощущение долга перед своим господином. Не допускается и мысли о перемене хозяина или измене ему. Самурай готов умереть за своего господина, в любой момент вступить в бой ради него. Помимо преданности своему господину, самурай должен обладать чувством собственного достоинства, чувством чести. Самурай должен беречь свою честь и честь своей семьи, не позволять, чтобы другие опозорили ее, а если и опозорили – то отомстить своим обидчикам. Буси-до велит самураям постоянно быть готовыми к любому бою, но в тоже время посвящать себя и мирным наукам. В одном из многочисленных воинских кодексов самураев, «Букэ сёхатто» говорится следующее: «Необходимо постоянно упражняться в искусстве мира и войны, включая стрельбу из лука и вольтижировку на лошади. С глубокой древности правилом было «практиковать искусство мира левой рукой и искусство войны – правой», и в обеих следует совершенствоваться. Стрельба из лука и вольтижировка являются важнейшими для воина. И хотя оружие зовется инструментом зла, бывает время, когда все же следует прибегнуть к нему. И в мирное время мы не должны забывать об опасности войны. И разве не должны мы готовиться к ней?» [1, с. 23-24].

Таким образом, можно сказать, что на становление самурайского сословия повлияло три фактора: зародившийся практически в это же время феодализм, который создал в Японии ополчение землевладельцев (будущее воинство самураев), географические особенности архипелага, породившие клановость и постоянную борьбу, и реформы Тайка, одна из сторон которых – создание Кондэй, чья идеология была внесена в ряды молодого самурайского корпуса опальными аристократами. Помимо этого, самураев нужно рассматривать как отдельную субкультуру, так как в их среде возникли культурные традиции, присущие только этому сословию, а именно: наличие собственной идеологии буси-до; военизация сословия (военным делом могли заниматься только самурай); занятие литературой и искусством, которое было присуще только данному сословию вплоть до XVII в. (до возникновения городской культуры в Японии).

Литература

1. Маслов, А. А. Бусидо: кодекс чести самурая / А. А. Маслов. – 4-е изд. – Ростов на Дону: Феникс ; Краснодар : Неоглори, 2010. – 284, [4] с. ил. – (Путь мастера).

2. Васильев, Л. С. Древний Китай в 3 томах. Т. 2. Период Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/Leonid-Vasilev_Drevniy-Kitay--Tom-2--Period-CHuntsyu--VIII-V-vv--do-n-e (дата обращения: 10. 04. 2015).
3. Тернбулл, С. Самураи. Военная история [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/turnbull/index.html> (дата обращения: 10. 04. 2015).
4. Елисеев, В. Японская цивилизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litmir.info/br/?b=169407> (дата обращения: 10. 04. 2015).
5. Беляев, И. А., Беляева, Н. А. Культура, субкультура, контркультура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://culturolog.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=2051&pop=1&page=0&Itemid=6 (дата обращения: 10. 04. 2015).

УДК 9 (620) 32.019.51

ГРНИ 03.91

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ ЛИВИИ 2011 ГОДА

MEDIA'S ROLE IN THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 2011 LIBYA

Ежова Вероника Сергеевна

Научный руководитель: И. В. Меха, канд. истор. наук, доцент

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

Ключевые слова: Средства массовой информации (СМИ), революция в Ливии, Муаммар Каддафи.

Keywords: Media, revolution in Libya, Muammar Gaddafi.

Аннотация. В современном мире СМИ оказывают огромное влияние на политическую сферу общества, управляют массовым сознанием, навязывают определённое мнение, представления, иллюзии. Наиболее ярким примером может служить роль СМИ в событиях «арабской весны». В статье рассматриваются проблемы влияния СМИ на революцию в Ливии, принимаются попытки проанализировать использование информационных сетей в формировании образа Муаммара Каддафи и его дискредитации.

В современном мире СМИ охватывают все сферы человеческой жизни и обладают мощным потенциалом, оказывая огромное влияние на политическую составляющую общества, становление нового мироощущения и формирование единой глобальной культуры. Современные технологии управляют массовым сознанием, представлениями, иллюзиями. Пропаганда может быть плохой или хорошей, она представляет собой попытку изменить массовое сознание людей, используя массовое убеждение.

Целью СМИ в международных событиях XXI в. выступает насаждение политической мифологии. Под «политическим мифом» понимается совокупность социальных убеждений, включающих устойчивые представления об идеальном типе власти в рамках конкретного общественного устройства [1, с. 20].

Одним из примеров огромной роли СМИ в политическом процессе являются революционные события на арабском Востоке. Запад и США использовали пропаганду как определённый вид оружия, но более экономный и оперативный. Социальные сети, такие как Twitter, Facebook, You Tube, стали главными инструментами политических событий. Они выступили катализаторами революций в арабских государствах. Многие революции на арабском Востоке носили название «твиттерные». С помощью данной сети население могло оперативно узнавать о всех событиях, быстро реагировать на изменение ситуации.

С 2010 г. в странах Африки прошли революционные события, которые в политическом лексиконе получили название «арабская весна». Произошли перевороты в Тунисе, Египте, Йемене и в Ливии. В Сирии и Ливии гражданские войны (продолжаются); массовые протесты прошли в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко. В ходе выступления использовались различные медиа для организации, общения и информирования протестующих. Активизация протестных настроений, сбор групп недовольных – это задачи, которые все с большим успехом выполняются СМИ.

Для более детального анализа проблемы влияния СМИ на политические события предлагается остановиться на революции в Ливии, выявить формы использования информационных сетей для формирования негативного образа Муаммара Каддафи и его дискредитации.

Воздействие интернета на население, на политику огромно. Многие теоретики занимались данной проблемой. Г. Лассуэлл в работе «Propaganda, Communication and Public Order» выделил структурные компоненты массовых коммуникаций, такие как анализ управления коммуникативным процессом, анализ содержания сообщений, анализ аудитории, анализ средства, анализ результата [1, с. 17].

Вооружённый конфликт в Ливии начался в феврале 2011 г. между силами, подконтрольными Муаммару Каддафи, и вооружёнными отрядами Национального переходного совета Ливии, которые поддерживались США, Лигой Арабских Государств, Европейским союзом, другими государствами и межгосударственными организациями.

Причинами революции в Ливии являлись неравномерное распределение материальных благ, безработица, возрастание роли политической элиты в стране, формирование культа личности Каддафи. Разумеется, нельзя не учитывать роли внешнего фактора: влияния на политическую ситуацию стран Запада исламских экстремистских групп, примеров беспорядков в соседних странах.

Движущей силой в революции стала молодёжь. Данная часть населения образованна и молода, но в Ливии молодёжь не нашла применения своим знаниям и требовала изменений в обществе. В науке появилось определение этого явления как молодёжный бугор [2]. Также она проводит больше времени в социальных сетях, использует их для получения и передачи информации, а также установлении связей между единомышленниками.

СМИ является политической технологией власти. Они реализуют цели путём использования методов манипулирования массовым сознанием. Методами являются забалтывание, информационная блокада, подтасовка фактов, «эффект присутствия», «эффект ареола» и т.д. Данные технологии изменяют сознание простого населения, неспособного оценивать критически какие-либо события, рефлексировать.

Материалы СМИ в 2011 г. пестрили заголовками о победе над диктатором, в изданиях преобладала идея эйфории от победы над Каддафи. «Ливийский сценарий» был разработан и реализован западными и местными СМИ.

События в Ливии рассматривались в таких изданиях США как «Wall Street Journal» и «The New York Times», Германии как «Der Spiegel» и «Die Welt», Франции «Corriere della Sera» и «La Stampa», в арабских СМИ «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия».

Анализ содержания сообщений в западной прессе сводился к резко отрицательной оценке Каддафи, он представлялся врагом, тираном, диктатором. Е.И. Дорошенко в статье «Цель – Каддафи: «Ливийская кампания в СМИ» утверждает, что «очернение – это способ создания образа врага». По его мнению, после начала демонстраций в Ливии тематически западные и местные статьи были построены на противопоставлении тирана, диктатора Каддафи и героических образов повстанцев. Речь в статьях в основном шла о кровожадном угнетателе собственного народа [3, с. 27].

Издание «Wall Street Journal» в статье от 25 февраля 2011 г. отмечало, что «Бешеный пёс Ближнего Востока» [Каддафи] вполне оправдывает свой титул. Он развернул кровавую кампанию против собственного народа и напомнил нам как мы его ненавидим». Экономическое состояние Ливии оценивается негативно «...порочный режим оставляет Ливию в гораздо худшем состоянии, чем до революции 1969 года» [3, с. 28].

Влиятельная газета «The New York Times» рассказывала «о похождениях семейства Каддафи». По сведениям, один из сыновей Каддафи в 2009 г. заплатил Мэрайе Кэри за исполнение для него четырех песен миллион долларов [4].

СМИ используется приём демифологизации, сложившего до революции 2011 г. образа Каддафи. Он стал для западных СМИ воплощением мирового зла. Американские СМИ использовали ситуацию с семьёй, показывая расточительство клана Каддафи, и внутрисемейную вражду, включая распри между сыновьями вождя Джамахирии по поводу собственного влияния. Большинство западных изданий обсуждали ситуацию бегства от ливийского лидера его медсестры-украинки. Потеря ливийским лидером контроля над этим воплощением женственности воспринималась как утрата им своей мужской магической силы и власти [5, с. 70].

Образы, сконструированные СМИ, «программировали» поведение отдельных лиц, навязывая определённый образ мыслей, стереотипы. Аудиторией являлось мировое сообщество, жители Ливии и арабских стран.

США необходимо было оправдать свои действия по захвату нефтяных ливийских месторождений. Большинство международных обозревателей считают штурм Триполи заранее спровоцированной акцией НАТО. К. В. Мещерина подтверждает это сообщениями газеты «The Telegraph», использовавшей информацию министерства обороны Великобритании [6, с. 28].

Во время революции «мировые СМИ» сообщили, что основной «ударной силой» войск Каддафи, осуществляющей геноцид ливийского народа, являются зарубежные наемники из так называемого «Панафриканского исламского легиона». Однако правозащитная организация «Human Rights Watch», признала, что у ее активистов в Ливии нет данных об участии бойцов легиона [6, с. 28]. Другой момент подтверждает фальсификацию и подтасовку фактов. Например, СМИ цитировали фальшивки «Аль-Джазиры» о десятках тысяч мирных жителей, убитых войсками Каддафи, а также о готовности чуть ли не всего окружения Каддафи предать его и перейти на сторону мятежников [7, с. 158].

Особую роль в событиях «арабской весны» сыграли и арабские СМИ. Задолго до революционных событий на арабском Востоке сложилось единое интернет-пространство. По арабским телевизионным каналам транслировались демонстрации, над программами работали талантливые тележурналисты, представлявшие необыкновенно эмоционально яркие образы народных выступлений. Нет сомнений в том, что всё это сыграло колоссальную роль в нарастании социально-политических потрясений [8, с. 55].

Накануне революции ливийский государственный телеканал «Al-Jamahiriya» (Аль – Джамахирия) представил информацию о «Дне гнева», к проведению которого призывала группа, зарегистрированная в социальной сети Facebook. Утром число последователей этой группы превышало 9,5 тысяч» [9].

Революция в Ливии показала истинные возможности интернета. Так, например, на сайте WikiLeaks была размещена информация, что семья диктатора Муаммара Каддафи пыталась принудить ряд ливийских и иностранных компаний платить ей миллиарды долларов. Информация содержала компромат на Каддафи, что впоследствии выразилось в дискредитации положения лидера.

Интернет-сервисы играют организующую роль. Протестующие используют интернет-каналы для распространения различной информации, информирования мирового сообщества о протесте, о проблемах, успехах. Медиа привнесли скорость и масштаб в события «арабской весны», они сопровождали протесты, а в некоторых странах выступили катализатором революционных событий в обществе, создавали образ политического противника, заслуживающего особой смерти, так произошло с Муаммаром Каддафи. Теперь, например, фото и видео об убийстве Муаммара Каддафи может посмотреть любой желающий.

Полковник – личность специфическая, неординарная, оценки которой колеблются от отрицательных до самых положительных, но

несмотря на это заслуга по преобразованию быта населения, экономики, политики принадлежит ему. Возможностям ливийцев мог позавидовать любой американец или европеец. В Ливии было бесплатное медицинское обслуживание, образование и электричество, а также дешёвые продукты питания, кредиты без процентов, при вступлении в брак гарантировались субсидии на покупку жилища и автомобиля, учёба за границей оплачивалась государством.

Таким образом, СМИ, используя различные технологии и методы, изменили отношение ливийцев к лидеру. Примером тому может послужить то, что ливийцы не хотели слышать призыв Каддафи, они были заражены революцией и требовали изменений в обществе. Полковник до последнего оставался вождём революции 1969 года, лидером. В июне 2011 г. Муаммар Каддафи говорил: «Сейчас, когда я произношу эти слова, в небе кружат самолёты, а вокруг меня рвутся снаряды... Но мы не будем думать о смерти или о жизни. Мы будем думать о зове долга» [3, с. 26].

В Ливии в связи с процессами глобализации, информатизации произошла смена мировоззрения, поворот к европейским ценностям. Следует подчеркнуть, что образы военного конфликта могут стать опаснее всякого оружия. В Ливии они привели к разрозненности в обществе, размежевания общества на два лагеря, к огромным человеческим потерям, разрушенным городам и к краху экономики.

Литература

1. Гнатюк, О. Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902-1978) [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/g/gnatuk.shtml# (дата обращения: 17.03.2015).
2. Истоки и смысл арабской революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=287&Itemid=1# (дата обращения: 23.03.2015).
3. Дорошенко, Е. И. Цель Каддафи: «Ливийская кампания» в СМИ/ Е. И. Дорошенко// Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 10. – С. 26-30.
4. Информационная война Запада против Ливии [Электронный ресурс]. –Режим доступа: [http:// pravda. ru](http://pravda.ru) (дата обращения: 23.03.2015).
5. Маленьких, Е. А. Роль СМИ в мифологизации личности во время «арабской весны» / Е.А. Маленьких// Вестник РГГУ. – 2013. – № 7. – С. 65-72.
6. Мещерина К. В. Ливия долгий путь к стабильности или угроза распада страны? / К. В. Мещерина// Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 8. – С. 26-31.
7. Кургинян, С. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. – Москва: МОФ ЭТЦ, 2011. – 288 с.
8. Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. – Москва: Либроком/URSS, 2012. – С. 28–76.
9. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20110216/334824664.html#14271680816244&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz3VHBT1gYf> (дата обращения: 20.03.2015).

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ТУРЕЦКИХ ИММИГРАНТОВ
В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ (КОНЕЦ XX – XXI ВВ.)**

**PROBLEMS OF FORMATION OF CIVIC IDENTITY OF TURKISH
IMMIGRANTS IN GERMANY TODAY
(END OF XX – XXI CENTURIES)**

Наталья Алексеевна Жмурова

Научный руководитель: Г.В. Грошева, канд. истор. наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Германия, гражданская идентичность, турки, иммигранты, интеграция.

Keywords: Germany, civic identity, Turks, immigrants, integration.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования идентичности турок, проходящих процесс интеграции в Германии; трудности, с которыми они сталкиваются в процессе включения в немецкое общество и немецкую нацию. Описываются позиции правительств Турции и Германии по вопросам интеграции и ассимиляции турецких иммигрантов в ФРГ.

Возросшие масштабы миграции турецкого населения и связанные с ней проблемы интеграции турок в немецкую культуру и немецкое общество выдвигают ее в число актуальных проблем Германии. Современные миграционные процессы в ФРГ вошли в число «горячих тем», серьезно заботящих не только правительство и рядовых граждан Германии, но и научное сообщество. Среди отечественных исследователей, занимающихся различными аспектами проблемы интеграции и социальной адаптации немецких турок, можно выделить Т.С. Кондратьеву, И.С. Новожену, А.А. Галкина, Л.Е. Стровского и др. Тем не менее, сюжет о формировании гражданской идентичности турецких иммигрантов в Германии и проблеме включения их в немецкую нацию остается недостаточно изученным. Этому вопросу и будет посвящена настоящая статья.

В начале XXI в. в Германии проживало около 2 млн. граждан Турции (турок и курдов) [1, с.378]. К 2013 г. численность турецкой диаспоры увеличилась до 2,7 млн. человек [2]. По данным на 2013 г. доля турецких иммигрантов, не граждан Германии, составляет около 1,5 млн. человек [3].

Правительство Германии в начале 90-х годов XX в. впервые задумалось об интеграции иностранцев, в частности иммигрантов из Турции. Закон о гражданстве Германии старой версии (от 1913 г.) предусматривал получение гражданства на основе «права крови». Согласно этому закону, дети, рожденные от иностранцев в Германии, не имели право на получение гражданства. В 1991 г. Правительство Германии изменило

закон о гражданстве и облегчило правила его получения, а с 1999 г. законом признается «право почвы», т.е. иностранцы, рожденные в ФРГ, имеют право претендовать на получение гражданства Германии [4].

С 1 января 2000 г. в силу вступили в силу новые изменения о гражданстве. Был введен принцип предоставления гражданства по месту рождения. Срок проживания, необходимый для получения гражданства Германии взрослому иммигранту, по новому закону сократился с 15 до 8 лет [5, с.28]. Также была снижена стоимость для оформления всех необходимых документов с 5 000 до 100–500 немецких марок [6]. Все же, иностранцу, который не имеет среди своих предков немца, трудно получить гражданство Германии.

Крайне медленно проходят интеграционные процессы среди немецких турок. Как отмечает Хайнц Буховски, мэр берлинского района Нойкельн (в этом районе проживает большое количество турок), национальность родителей оказывает большое влияние на молодое поколение. «Чем дальше находится родина, тем упорнее и фанатичнее они придерживаются ценностей, принятых на родине. Мол, наши дети не должны забывать, что мы турки, и гордимся этим», отметил Х. Буховски в интервью телеканалу «Euronews» [7]. Известный германский политик Тило Саррцин пишет, что мигранты-мусульмане во втором и третьем поколении в большинстве своем не могут и не хотят интегрироваться в немецкое общество» [8, с.167]. Готовностью к интеграции, по мнению Т. Сарацина, является брачное поведение. Оно предотвращает появление параллельных обществ в большом объеме. В случае с турками ситуация крайне сложная, поскольку «только 3% молодых мужчин и 8% молодых женщин турецкого происхождения заключают брак с немецким партнером» [8, с.273].

Турки, как мусульмане, интегрируются значительно медленнее, чем иммигранты других стран, однако, они также меняются. Происходит «размытие» традиционной идентичности. Если турок рос в Германии, то в Турции замечают, что теперь он не настоящий турок, а «онемеченный» [9, с.297]. Как отмечает И.В. Лебедева, возникает проблема для тех, кто находится «между», так как они являются «не настоящими турками», но и «настоящими немцами» не могут стать. Таких иммигрантов называют «другими». Но являясь «другими», большинство из них не станет «своими». Это создает чувство дискомфорта не только у самих мигрантов, но и у местных жителей. В Германии противятся строительству мечетей для мусульман, это воспринимается как демонстрация мусульманского присутствия в стране. На уровне элиты это повод для внутривластной борьбы, так как население в увеличении количества мечетей видит угрозу со стороны носителей другой культуры; поскольку ислам, рассматривается как угроза общественному порядку. Несмотря на это, в Германии насчитывается около 2200 мечетей и молельных домов, большинство из которых следуют турецкой интерпретации суннитского ислама [10, с.117]. Стоит отметить, что турецкие мусульмане в Германии являются наиболее организованным этническим и религиозным мусульманским меньшинством. Ту-

рецкие исламские организации находятся под покровительством ассоциаций, самой крупной из которых является «Турецкий исламский союз» при Турецком институте по делам религии, связанный с правительством Турции [10, с.118].

Примечательна позиция турецкого правительства, которое в лице премьер-министра Р. Эрдогана старается сохранить «традиционное сознание» турков, призывая сохранить языковые и культурные традиции этнической родины, проживающих турок в Германии [11]. Р. Эрдоган предложил создать школы-гимназии в Германии, в которых обучение велось бы на турецком языке. Как отмечает И.В. Лебедева, Р. Эрдоган добивается продолжительной консервации турецкого меньшинства в Германии [12, с.355]. В один из своих визитов в Германию, Р. Эрдоган призывал сохранить турецкую «самоидентичность» турецких граждан, проживающих на территории ФРГ [13]. Выступая перед шестнадцатью тысячами своих сторонников, глава правительства Турции призывал их «предостеречь себя от чрезмерного сближения с немецкой культурой» [14]. Турки, как отмечает «Немецкая волна», «слушаются Эрдогана, а не руководство страны своего пребывания. Если бы было по-другому, то произошла бы ассимиляция, которую Эрдоган расценивает как преступление против человечества» [15]. Р. Эрдоган настаивает на доминировании не только культурных, но и законодательных принципов мигрантской среды над принципами принимающей стороны внутри своего общества. По этой причине турки начинают замыкаться в своем кругу, что приводит к ограничению участия в социально-политической и культурной жизни страны, в которой они проживают. Как правило, турки предпочитают селиться «компактно» в крупных городах, в районах, которых живут исключительно иммигранты-мусульмане. Такое расселение обуславливается, прежде всего, руководящей прослойкой мусульманских общин. Многие из иммигрантов, в том числе родившихся в Германии, до сих пор плохо владеют немецким языком, строго соблюдая традиции, принятые на родине. При этом склонность законам и порядкам страны пребывания, как правило, является минимальной.

Турецкая диаспора, живущая в Германии и других странах Европы, впервые получила возможность участвовать в «домашних» выборах, т.е. выборах, проходящих в Турции. Как отмечает В. Кропман в своей заметке в «Немецкой волне» почти 69% немецких турок из общего числа принявших участие в голосовании на выборах, прошедших в 2014 г., поддержали кандидатуру Р. Эрдогана [16], что свидетельствует о поддержке позиции премьер-министра по вопросу о положении турецкой диаспоры в Германии и сохраняющейся включенности немецких турков в события общественно-политической жизни Турции.

Таким образом, формирование гражданской идентичности турецких мигрантов в Германии проходит трудно. Среди причин, сдерживающих процессы интеграции турков-иммигрантов в немецкое общество, можно назвать влияние турецких традиций, религиозный фактор (ислам и мусульманская община), а также позицию турецкого прави-

тельства, выступающего против ассимиляции турков в Германии. Молодое поколение мигрантов, на которых оказывает влияние старшее поколение, не соотносит себя с немецкой нацией, предпочитая турецкую национальность немецкой. Протекание процесса интеграции немецких турков осуществляется не так успешно, как рассчитывало правительство Германии.

Литература

1. Галкин, А. А. Исламский аспект иммиграционной проблемы / А. А. Галкин // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Институт социологии, – 2007. – Выпуск 6. С. 370-385.
2. Tabelle 3b. Ausländische Bevölkerung 2006 bis 2013 nach Staatsangehörigkeit und Geschlecht // DE STATIS. Statistisches Bundesamt. Ausländische Bevölkerung – Fachserie 1 Reihe 2/ 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung.htm> (дата обращения: 14.04.2015).
3. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund (Ergebnisse des Mikrozensus 2013) // DE STATIS. Statistisches Bundesamt. Publikationen im Bereich Migration/ 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund.html> (дата обращения: 14.04.2015).
4. Закон о гражданстве Германии./2012. 19 мая. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=7650> (дата обращения 14.04.2015).
5. Кондратьева, Т. С. Иммигранты в Европе: модели интеграции / Т. С. Кондратьева, И. С. Новоженова // Актуальные проблемы Европы. – 2006. – № 1. – С. 9-59.
6. Германия: турецкая проблема остается острой.//Занимательная география и туризм/2012. 16 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bygeo.ru/strany/germaniya/1512-germaniya-tureckaya-problema-ostaetsya-ostroy.html> (дата обращения: 14.04.2015).
7. Турки Германии: чем дальше родина, тем упорнее сохранение национальных ценностей // Тюркист. Независимое издание/2013. 11 сентября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkist.org/2013/09/alman-turk.html> (дата обращения: 14.04.2015).
8. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация: перевод с немецкого / Тило Саррацин. Москва: Рид Групп, – 2012. – 400 с.
9. Лебедева, И. В. Образ «другого» глазами носителя европейской культуры / И. В. Лебедева // Каспийский регион: политика, экономика, культура, – 2011. – Выпуск №4 (29). – С.294-301.
10. Повразнюк, К. В. Роль мусульманских организаций в сообществах Великобритании, Германии, Франции и Италии / К. В. Повразнюк // Политекс. – 2010. – Т.6. – №4. – С.116-129.
11. Эрдоган призвал немецких турок сохранять этнические традиции // 2008. 11 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/эрдоган-призвал-немецких-турок-сохранять-этнические-традиции/a-3120146> (дата обращения: 14.04.2015).
12. Лебедева, И. В. Между двух культур. Рецензия на книгу Неклы Келек «Хаос культур. Дебаты вокруг ислама и интеграции» / И. В. Лебедева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – №2. – С. 354-358.

13. Шмидт, К. «Домашний визит» Эрдогана в Кёльн / К. Шмидт // Русская Германия/2014. 30 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg-rb.de/index.php?id=13998&Itemid=0&option=com_rg&task=item (дата обращения: 14.04.2015).
14. Ромашенко, С. «Прессе»: Туркам пора ощутить себя частью немецкого общества / С. Ромашенко // Deutsche Welle/2008. 12 февраля. – [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.dw.de/прессе-туркам-пора-ощутить-себя-частью-немецкого-общества/a-3123931> (дата обращения 14.04.2015).
15. Имаев, А. Визит турецкого премьера в Кёльн воспринят неоднозначно / А. Имаев // Deutsche Welle/2008. 11 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/визит-турецкого-премьера-в-кельн-воспринят-неоднозначно/a-3121719> (дата обращения: 14.04.2015).
16. Кропман, В. Турецкая диаспора Германии отдала предпочтение Эрдогану / В. Кропман // Deutsche Welle/2014. 11 августа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/турецкая-диаспора-германии-отдала-предпочтение-эрдогану/a-17844823> (дата обращения: 14.04.2015).

УДК 94 «04/15»

ГРНТИ 03.09.25

ОБРАЗ ЕРЕТИКА В СОЧИНЕНИЯХ ИНКВИЗИТОРОВ РАЙНЕРИЯ САККО И БЕРНАРА ГИ

FIGURE OF HERETIC IN TREATISES OF REINERUS SACCHO AND BERNARD GUI

Елена Гайратдиновна Кайнова

Научный руководитель: Т.И. Зайцева, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: ереси, катаризм, вальденство, исторические источники, инквизиция.

Keywords: heresies, Cathares, Waldenses, historical sources, inquisition

Аннотация. Основным типом источников по истории средневековых еретических движений катаров и вальденсов являются сочинения представителей католического духовенства, в том числе инквизиторов. Сведения о еретиках, полученные в ходе допросов, в значительной мере зависели от личности и мировоззрения инквизитора. В статье охарактеризованы основные черты образа катаров и вальденсов в сочинениях инквизиторов Райнерия Сакко и Бернара Ги.

Наиболее крупными ересями XIII-XIV вв. считаются катаризм и вальденство, широко распространявшиеся во Франции, Италии и Германии. Письменные памятники, созданные еретиками, уничтожались в ходе преследований, поэтому основным типом источников по истории неортодоксальных религиозных течений являются сочинения представителей католического духовенства, в том числе инквизиторов. Исследователи отмечают наличие у данного типа источников ряда специфических черт, осложняющих их интерпретацию и требующих применения специальных методов их анализа.

Как указал советский историк В.Л. Керов, сочинения инквизиторов создавались для внутреннего использования и содержат достаточно большой объем сведений относительно различных аспектов истории ересей [1, с. 5-6]. Однако современный израильский автор С. Шахар отметила, что эти сочинения были написаны преследователями со слов тех, кто подвергался преследованиям. Характер информации, полученной в ходе деятельности инквизиционных судов, зависел от применявшихся методов допроса. Беседа инквизитора и обвиняемого не представляла собой диалога, руководитель допроса обладал властью над предполагаемым еретиком, особенно если обвиняемый был уже арестован и повторно доставлен из тюрьмы. Речь допрашиваемых изложена в интерпретации судебного секретаря либо инквизитора, причем обвиняемые говорили на народном языке, а запись велась на латыни. Фиксировались те сведения, которые казались важными обвинителю. Для изложения еретических вероучений применялись католические теологические эквиваленты, не имевшие полного соответствия понятиям, которые обозначались с их помощью. Это могло создавать иллюзию более конституированной веры и практики, чем было на самом деле [2, с. XV-XVI].

Таким образом, сведения инквизиторов в большой степени отражают не мировоззрение того, от кого они были получены, а ситуацию, имевшую место во время допроса, и зависят от личности и представлений человека, который их собирал и интерпретировал. В этой связи представляется важным воссоздать характерные черты образа еретика, существовавшие в сознании инквизиторов.

Цель доклада – на материале выдержек из сочинений доминиканцев Райнерия Сакко и Бернара Ги о катарах и вальденсах охарактеризовать основные черты образа еретика в представлении инквизиторов.

Райнерий Сакко был итальянским «совершенным» катаром, который перешел в католичество и стал инквизитом. Около 1254 г. он написал трактат «О катарах и лионских бедняках», содержащий сведения о вероучениях еретиков и организации их общин [1, с. 6; 3]. Француз Бернар Ги был главным инквизитом Лангедока в 1307-1324 гг. и создал руководство, предназначенное для организации борьбы с еретиками – трактат под названием «Практика расследования еретических заблуждений» (до 1331 г.) [1, с. 5-6].

Сочинения Райнерия Сакко и Бернара Ги содержат большой объем сведений о движении катаров и дают возможность получить представление о наборе отрицательных качеств, которыми инквизиторы наделяли приверженцев данной ереси.

Наиболее яркой характеристикой катаров в представлении Райнерия является отсутствие истинного сокрушения о совершенных грехах: «Покаяние всех катаров, без всякого сомнения, лживое, показное, мнимое, пагубное»; «чтобы достичь истинного и плодотворного покаяния, необходимы три вещи: сердечное раскаяние, устная исповедь, исправление деяний...но я, брат Райнерий, когда-то ересиарх, теперь, милостью Божьей, священник доминиканского ордена,...не колеблясь

говору и свидетельствую перед Богом, что я не лгу, что нет ничего из этих трех вещей среди катаров или в их покаянии...». Еретики изображены в его сочинении тщеславными нераскаявшимися грешниками, придерживающимися пагубных заблуждений. Подчеркивание отсутствия в их среде истинного покаяния, необходимого для загробного спасения, может быть объяснено попыткой дискредитировать обряд «consolamentum», посредством которого, как считали катары, давалось отпущение всех грехов. Также его можно связать с процессами, происходившими в духовной жизни в данный период: углублением индивидуальной религиозности и формировавшимся убеждением в том, что для спасения недостаточно совершения обрядов, но необходимо искреннее раскаяние. Присутствует сравнение еретиков с животными: «катары, как обезьяны, пытающиеся повторить действия людей, имеют четыре таинства...» (далее описаны таинства катаров, сходные с католическими). Катарское учение Райнерий охарактеризовал как исходящее от дьявола и потому не имеющее никакого отношения к истинной вере, дающей загробное спасение: «...яд заблуждений, который они испили из уст древнего змия, не позволяет им иметь какое-либо сокрушение об их грехах» [3].

Бернар Ги, давая описание катаризма, акцентировал внимание на факте чтения еретиками священных книг на народном языке и произвольном их толковании с целью дискредитации католической церкви: «Они читают Евангелия и Послания на народном языке, применяя и излагая их по своему желанию против Римской Церкви таким образом, что будет слишком долго описывать это в деталях, но все относительно этого предмета можно более подробно прочесть в книгах, которые они написали и заразили». В трактате Бернара присутствует сравнение ереси с некоей заразной болезнью. Он указал на враждебность еретиков по отношению к католической церкви [4].

Райнерий Сакко и Бернар Ги представили катаров нераскаявшимися грешниками, придерживавшимися пагубных лжеучений и враждебно настроенными по отношению к церкви.

Описание движения вальденсов, как и катаризма, занимает большое место в сочинениях Райнерия Сакко и Бернара Ги и содержит сходные отрицательные характеристики, так как вальденство в силу широкого распространения воспринималось клириками как достаточно серьезная угроза.

Согласно трактату Райнерия Сакко, вальденство было одним из самых опасных из известных ему еретических течений: «Нет более пагубной ереси для Церкви, чем леонисты». Подчеркнуты вредоносность учения и его повсеместное распространение, а также агрессивность вальденсов по отношению к Церкви: многократно употреблены слова «богохульство», «поносить», «осуждать», «порицать», «презирать». Характерно сравнение еретиков с упомянутыми в Библии зловредными лисицами: «как читаем в Книге Судей, лисицы Самсона имеют разные обличия, но хвосты у них связаны, так и еретики делятся на разные секты, но в своих нападках на Церковь они едины... коварные лисенята

разрушают виноградник Господень, то есть Церковь, своими заблуждениями». Инквизитор указал на неграмотность и невежество вальденсов (например, о предполагаемом основателе движения сказано: «он был малообразован») [3].

Бернар Ги при характеристике вальденства выдвинул на первый план стремление еретиков к чтению и самостоятельной интерпретации священных книг и подчеркнул невежество еретиков, неграмотность и неспособность к верному восприятию прочитанного: «Вальдесий повелел перевести для себя на народный язык евангелия и некоторые другие книги из Библии...он и его последователи читали их слишком часто и понимали недостаточно здраво, ибо были не очень образованы». Инквизитор также выделил такие черты, как упорство вальденсов в отстаивании своих воззрений и их презрительное отношение к клирикам. Воззрения вальденсов Бернар Ги воспринимал как заблуждения, не имеющие ничего общего с истинным христианством: «отлучённые от церкви, они, смешиваясь с другими еретиками и впитывая в себя их заблуждения, присоединили к собственным измышлениям ошибки и лжеучения существовавших прежде еретиков ...» [5, с. 272-273].

Наиболее характерными чертами приверженцев вальденства в представлениях Райнерия Сакко и Бернара Ги являются стремление к самостоятельному чтению священных книг, невежество, упорство в отстаивании своих заблуждений.

Давая описание катаризма и вальденства, и Райнерий Сакко, и Бернар Ги подчеркнули, что праведность и набожность их приверженцев являются показными, и в действительности, по мнению инквизиторов, еретикам были присущи такие качества, как лицемерие и тщеславие [3; 4; 5, с. 272-273].

Таким образом, при сопоставлении сочинений Райнерия Сакко и Бернара Ги выделяется следующий набор основных черт образа еретиков: приверженность опасным лжеучениям, враждебность по отношению к католической церкви, греховность, напускное благочестие, лицемерие. Относительно вальденсов отмечены неграмотность, невежество последователей ереси. Присутствует сравнение еретиков с животными, символизирующими различные отрицательные качества, а в случае с катарами с заразной болезнью. Еретики воспринимались как враги, желавшие нанести вред католической церкви и ее пастве. При этом Райнерий акцентировал внимание на дьявольском происхождении учений катаров и вальденсов и опасности, исходящей от них, в то время как Бернар Ги выдвинул на первое место стремление еретиков самостоятельно изучать и интерпретировать священные книги и неспособность верно их понимать в силу невежества и неграмотности. Это может быть связано с усилением в XIV в. процесса индивидуализации и углублением личной религиозности, что вело к нарастанию стремления освободиться от авторитета Церкви в вопросах веры.

Литература

1. Керов, В. Л. Борьба народных масс против католической церкви во Франции в конце XIII – начале XIV вв. (бегины и спиритуалы). Учебное пособие по курсу «История средних веков» / В. Л. Керов. – Москва: Б. и., 1977. – 81 с.
2. Shahar, S. Women in a medieval heretical sect. Agnes and Huguette the Waldensians. Boydell Press, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/0003653905e727091cec0> (дата обращения: 10.03.2015).
3. Reinerius Saccho. A.D. 1254. // Maitland S.R. Facts and Documents Illustrative of the History, Doctrine and Rites of the Ancient Albigenses and Waldenses. London: Rivingtons, 1832. P. 400-438. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=4aMtAAAАсААJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 10.03.2015).
4. Bernard, Gui. On the Albigensians [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fordham.edu/halsall/source/gui-cathars.html> (дата обращения: 10.03.2015).
5. Начало вальденского движения (известие инквизитора Бернарда Гвидона, начало XIV в.) // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина: в 3 т. – Т. 2. – Москва: Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения РСФСР, 1950. – С. 272 – 273.

УДК 94(495).01 / 94(357)

ГРНТИ 03.09.25

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВИЗАНТИИ И САСАНИДСКОГО ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКЕ АСПЕКТЫ

CONFRONTATION OF BYZANTINUM AND SASANIAN IRAN ON THE NEAR EAST: STRATEGIC ASPECTS

Александр Владимирович Капустин

Научный руководитель: А.В. Соболевский, ст. преподаватель

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Византия, Иран, Сасаниды, внешняя политика, история военного дела.

Keywords: Byzantium, Iran, Sasanian, foreign affairs, history of warfare.

Аннотация: Статья посвящена проблеме противостояния Византии и Ирана. Рассмотрена эволюция положения двух великих держав в регионе, изменение характера отношений от взаимовыгодного сотрудничества к стратегическому сдерживанию и попыткам изменения существовавшего баланса сил, приведшего к масштабному столкновению, в итоге повлекшего за собой реформирование всего политического пространства на Ближнем Востоке.

В исследовании истории Византии войнам с Ираном, как одним из важнейших событий рассматриваемого периода, уделяется достаточно много внимания; тогда как изучению и систематизации самой системы взаимоотношений двух великих держав – значительно меньше. Из работ, посвященных данной проблематике, можно выделить уже ставший классическим труд Н.В. Пигулевской «Византия и Иран на рубеже VI и VII» [1], в котором сделан упор на исследование социально-эконо-

мических аспектов, и сравнительно недавно опубликованную «Стратегию Византийской империи» Э. Н. Люттвака [2], в которой, хоть и рассматривается «новая стратегия империи», акцент сделан на вопросах сдерживания варварских племен на Дунае, а не на противостоянии с Ираном. Поэтому проблема противостояния двух держав на Ближнем Востоке нуждается в дальнейшем исследовании.

Стоит начать с того, что две державы на протяжении долгого времени не были заинтересованы в уничтожении друг друга, хотя являлись единственными великими державами в регионе, способными проводить собственную внешнюю политику. Казалось бы, столкновение интересов должно вызывать постоянные войны и стремление покончить с противником. Но изначально характер отношений не носил столь конфронтационного характера. Э. Н. Люттвак проводит идею о том, что сама Сасанидская держава была не слишком агрессивной, а Византия, помимо уязвимо положения, сохраняла боязнь к боестолкновениям после чувствительных поражений еще во времена единой Римской империи [2, с.12]. На начало V в. в отношениях Византии и Ирана не просматривается воинственного характера. Прокопий Кесарийский пишет, что когда Аркадий назначил своего сына наследником, то «опекуном же ему назначил персидского царя Исдигерда» [3]. Также он сообщает о том, что иранский царь поддерживал добрососедские отношения до конца своей жизни [3]. Более того, в 409 г. христианству был дарован официальный статус. Две империи вполне успешно пришли к сосуществованию.

Однако терпимому отношению к христианству пришел конец, что привело к обострению отношений. Как писал Сократ Схоластик в «Церковной истории»: «Теснимые нуждой, персидские христиане прибежали к римлянам с просьбой, чтобы они не дали им погибнуть <...> а римляне <...> решились лучше воевать с персами, чем попустить погибнуть христианам» [4]. К религиозным гонениям добавилась проблема соперничества за Армению, бывшей тогда буферной зоной с одной стороны, и точкой столкновения интересов с другой [2, с.81]. Длившаяся с 420 по 422 гг. война не принесла каких-либо преимуществ, для Византии она была невыгодной по причине отвлечения сил, которые могли бы быть задействованы против гуннов, Иран, в свою очередь, был заинтересован в стабильной границе на западе [2, с.82]. Главным же итогом стала долговечность мира – отраженное в 442 г. вторжение нового царя Йезигерда II имело целью поддержание авторитета, а не нанесения ущерба противнику [2, с.82].

Новый век показал, что стороны все больше и больше склоняются к конфронтации. Инцидентом, спровоцировавшим войну, стало восстание армян. Снова зона столкновения интересов дала о себе знать. Начавшаяся в 502 г. война была не выгодна Византии, так как она вынуждена была удерживать так же и рубежи на Дунае. Но даже при таких обстоятельствах империя смогла защитить свои восточные рубежи, и в 506 г. был заключен мир на условиях сохранения границ. Император Анастасий заложил город Анастасинополь (Дара), призванный облег-

чить защиту восточного рубежа, то есть, василевс уже начал вести действия, направленные на оборону от Ирана, что было болезненно воспринято персами [3]. Византия стремилась сдержать своего противника, не дать ему возможности для нападения, а если война все же начнется – отразить нападение с наименьшими потерями [2, с.14].

Нарастающая напряженность в отношениях Византии и Ирана привела к столкновению в 526 г., из-за попыток иранского царя Кавада I навязать принятый в Персии зороастризм зависимым от него иберийским государствам. Эти попытки натолкнулись на противодействие Византии, которая не могла допустить расширения сферы влияния Ирана. При этом, как пишет Ф.И. Успенский, формального разрыва мирного договора 506 года не происходило, и соперничество держав шло через зависимые племена [5]. Из-за отвлечения всех сил империи на запад, персы получили преимущество в войне, которое, правда, не смогли закрепить из-за смерти Кавада I. Наследник же Хосров I предпочел прекратить войну и укрепиться на престоле. По условиям «вечного мира» восстанавливались прежние границы, с условием отвода войск от границы с целью недопущения столкновений [5].

Однако «вечный мир» продлился не долго. Успехи Юстиниана в Африке и Италии и утверждение влияния Византии среди арабских племен вызывали тревогу у Хосрова I [6, с.153]. С другой стороны, Д. Норвич считает излишним считать причиной вторжения геополитику. По его мнению, здесь был расчет на разграбление территорий и не более [7, с.111]. Однако я склонен считать, что если Хосров как минимум воспользовался отвлечением всех сил Византии, то и потенциально опасное усиление империи он тоже вполне понимал. Помимо столкновений на границе и взятия Антиохии он вторгся на территорию Лазики – княжества на территории современной Грузии, с целью получения выхода к Черному морю. Правда, решающего превосходства Иран так и не добился, и в 562 г. был подписан мир на 50 лет. По его условиям Византия обязалась выплачивать дань в обмен на очищение территорий империи, а так же Лазики от персидских войск [6, с.153]. Особенно важно очищение Лазики. Византия не дала Ирану выхода к Черному морю и обезопасила свое господство на море.

Правда, пятидесятилетний мир оказался не прочным. Юстиниан I задумывал его как передышку. И при Юстине II, в 572 г., война возобновилась из-за прекращения выплат дани [6, с.189]. Война шла с переменным успехом, и грозила затянуться на очень продолжительное время, но в 590-г. произошел переворот в Иране. В этих условиях законный наследник престола, будущий Хосров II, обратился за помощью к императору Маврикию в обмен на заключение выгодного для Византии мира. Заключенный в 591 г., он содержал положения, по которому персы уступили Византии персидскую Армению и Восточную Месопотамию, а так же крепости Дара и Мартирополь. Империя получала достаточную устойчивость на своей восточной границе, решив спорные вопросы в свою пользу. Стоило ожидать ответа Ирана.

Такой ответ последовал в 604 г. Переворот в Константинополе в 602 г., приведший через убийство императора Маврикия на трон Фоку, привел все сферы жизнедеятельности империи в полное расстройство. Н.В. Пигулевская пишет, что как в столице, так и в провинции нарастали беспорядки [1, с.191]. Ко всему этому добавилось восстание полководца Нарсеса, обратившегося за помощью к Хосрову II [1, с.179]. Призыв упал на подготовленную почву. В. Шульзингер указывает на то, что иранский правитель с момента окончательного взятия власти готовился к войне. С 600 г. на ирано-византийской границе не прекращались провокации. Так, он указывает, что в 602 г. «У персидского шаха было все уже готово для вторжения. <...>. С воцарением Фоки у Хосрова появился легитимный фактор для вторжения – месть за своего патрона – Маврикия» [8]. При этом, по мнению Пигулевской, война для Ирана была способом выйти из кризиса [1, с.4]. Не Иран добился решающего превосходства за эти несколько лет, скорее, Византия настолько ослабла, что предоставила возможность для столь сильного удара. В 604 г. началось вторжение. В 605 г. пала крепость Дара, под которой была разбита византийская армия. Не встречая сопротивления, иранская армия заняла территорию Сирии. Недовольство Фокой привело к провозглашению нового императора – Ираклия. Но, ему было не под силу сразу изменить ход войны. В 611 году пала Антиохия. Войска Хосрова II двинулись в Малую Азию и Египет. Впервые одна из сторон получила настолько значительный перевес, что могла реально угрожать существованию противника. И Хосрой II решил добить Византию [8]. 15 апреля 614 г. был взят Иерусалим. В Ктесифон был вывезен Святой крест Господень. К тому же в 616 г. персидские войска захватили Египет, лишив империю ее главной житницы, а в Малой Азии был взят Халкидон, чем создавалась угроза Константинополю. Ситуация складывалась тяжелейшая. Империя потеряла армию, оказалась расчлененной надвое и лишенной главных источников ресурсов. Хосров II высокомерно заявил василевсу, что Бог покинул христиан [5].

Ираклий нашел, что противопоставить уверенному в своей победе царю Ирана. Ему удастся умиротворить западную границу Византии, приостановить натиск на Дунае, развязав себе руки на восточном направлении. Для пополнения казны император воспользовался богатствами церкви [6, с.221]. Патриарх Сергий своей энергией придал сил Ираклию на борьбу с персами. Из-за потерь в высшем военном руководстве Византии Ираклий был вынужден самостоятельно возглавить действующую армию [9]. Император тщательно готовил план кампании и свое войско. И 5 апреля 622 г. он начал свой ответный удар. Тем желаннее он был для населения империи, так как одной из его целей было возвращение Креста Господня и месть за поруганные святыни. Война с Ираном приобрела характер крестового похода, причем эта идея оказалась всеобщей для всех ветвей христианства в Империи. Я.А. Манадаян приводит цитаты из армянских источников того времени, в которых приводится численность войска – 120 тысяч [10, с.134]. На конец правления Юстиниана Ф.И. Успенский дает численность ар-

мии в 150 тысяч [5]. Учитывая огромные потери, можно понять, что армию таких размеров удалось создать лишь крайним напряжением всех сил империи.

Вторжение в Иран было неожиданным. Э.Н. Люттвак пишет о том, что Ираклий решил рискнуть и нанести глубокий удар по территории самого Ирана, дабы воспользоваться фактором неожиданности и мобильности византийского войска и вывести противника из войны [2, с.563]. Византийское войско без труда овладело городом Фиварма, где находилось главное святилище зороастризма, и уничтожило храм Огня, попутно разоряя вражескую территорию [10, с.138]. Успехи кампании 624-625 гг. привел к тому, что 626 г. становился решающим для обеих сторон. Обе стороны искали союзников. Так, персы привлекли на свою сторону аваров, при помощи которых планировали взять Константинополь. В свою очередь, византийцы заручились поддержкой тюрок [2, с.568]. Можно сказать, что обе державы нашли союзников для удара в тыл противнику. 29 июня 626 г. аварский каган осадил столицу Византии. Со стороны Малой Азии его были готовы поддержать персидские войска. В. Шульзингер пишет, что Иран пошел ва-банк [8]. Но 6 августа 626 г. решающий штурм Константинополя провалился. После устранения угрозы, Ираклий начал ответные действия. Кампания 627 г. поставила Иран на грань катастрофы. 28 февраля 628 г. был убит своими же придворными Хосров II. Стоит отметить, что он при вести о наступлении византийцев не стал отзывать свои войска из Сирии и Египта, будучи уверенным в том, что Ираклий идет лишь в набег [2, с.574]. Новый царь Сирой начал мирные переговоры. 15 мая того же года мир был заключен на условиях возвращения к границам 602 г., освобождения всех пленных и возврата всех христианских реликвий. По мнению А.А. Васильева, Византия оказалась на вершине своего могущества [6, с.223]. С другой стороны, империя оказалась истощена, и не сможет сразу отразить арабское вторжение [6, с.139]. Тем самым, невозможность Византии после переворота Фоки сдерживать Иран ставила империю под серьезную угрозу. Умения и сил Ираклия хватило на отражение одной угрозы. Но на месте старого врага тут же возник новый. И как знать, возник ли он бы вообще, не нарушь две державы сложившийся порядок.

Как можно заметить, противостояние не сразу приобрело столь мощный накал. Да и само противостояние возникло не сразу. Однако, столкновение интересов и религиозный фанатизм перевели характер отношений к конфронтации. Эскалация шла постепенно, от относительно мирного V в. к началу серии столкновений в VI в., в котором произошло как качественное, так и количественное изменение характера противостояния к открытым столкновениям, происходивших на большей территории, чем ранее, и, как апогей противостояния, война 604-628 гг. Византия отдала стратегическую инициативу Ирану, предпочитая сдерживать своего противника. Это было следствием новой византийской стратегии, не предусматривавшей полного уничтожения своего противника. При всей своей опасности, Иран сдерживал племе-

на из Средней Азии, а впоследствии, его помощь могла бы оказаться полезной в борьбе с арабскими племенами. Однако Иран мог быть только уничтожен, слишком многое было поставлено на карту после потери стольких территорий. И в итоге над Византией нависнет новая смертельная угроза.

Литература

1. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. / Н.В. Пигулевская. – Москва-Ленинград: изд. АН СССР, 1946. – 243 с.
2. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи / Э.Н. Люттвак. Пер. с англ. А.Н. Коваля. – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 664 с.
3. Прокопий Кесарийский. Война с персами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framerpers11.htm> (дата обращения 07.04.2015).
4. Сократ Схоластик. Церковная история [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/04/socrat/socr00.html> (дата обращения 03.04.2015).
5. Успенский Ф. И. История Византийской империи Т.1. / Ф.И.Успенский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://samoderjavie.ru/node/522> (Дата обращения 15.04.2015).
6. Васильев А.А. Византийская империя до крестовых походов / А.А. Васильев. – Москва: Алгоритм, 2012. – 432 с.
7. Норвич Д. История Византии / Д. Норвич. Пер. с англ. Н.М. Забилоцкого. – Москва: АСТ, 2013. – 542 с.
8. Шульзингер В. Ирано-византийская война 602 – 628 гг. / В. Шульзингер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://byzantion.ru/polemos/st2.htm> (дата обращения 12.04.2015).
9. Кулаковский Ю.А. История Византии. Том 3: 602-717 годы / Ю.А. Кулаковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KULAKOVSKIY_Yulian_Andreevich/Kulakovskiy_Yu.A._Istoriya_Vizantii._T.3.\(1996\).\[doc-ocr\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KULAKOVSKIY_Yulian_Andreevich/Kulakovskiy_Yu.A._Istoriya_Vizantii._T.3.(1996).[doc-ocr].zip) (Дата обращения 16.04.2015).
10. Манандян А.Я. Маршруты персидских походов императора Ираклия / А.Я. Манандян // Византийский Временник. – 1950. – Т.3. – С. 132-146.

УДК 94 (560)

ГРНТИ 03.09.31

ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПЕРИОДА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ. О ТАКТИКЕ И ЧИСЛЕННОСТИ ЯНЫЧАРСКОГО ВОЙСКА

FOREIGN TRAVELERS OF XVII – FIRST HALF XVIII CENTURIES ON TACTICS AND NUMBER OF THE JANISSARY TROOPS

Александр Евгеньевич Корсаков

Научный руководитель: А.Н. Полухин, канд. истор. наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал)

Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия

Ключевые слова: Османская империя, янычары, воспоминания иностранцев, тактика боя.

Keywords: The Ottoman Empire, the Janissaries, the memoirs of foreigners, battle tactics.

Аннотация: Османская империя на протяжении многих столетий считалась одной из самых могущественных военных держав. Данное исследование посвящено раскрытию одного из главных аспектов военной структуры турецкой армии – тактике боя и комплектации войска. В статье были проанализированы воспоминания дипломатов, путешественников, военных деятелей, которые непосредственно сталкивались с янычарским корпусом турецкой армии. На основании воспоминаний европейцев была прослежена динамика численности янычар на протяжении XVII–XVIII вв., а также выявлены факторы, на неё влияющие. Особенности тактики боя, проводимые янычарским войском, были выявлены в воспоминаниях непосредственных противников Османской империи XVII–XVIII вв., с учетом субъективных позиций авторов воспоминаний.

История становления и развития Османской империи теснейшим образом связана с особенностями её военной организации. Именно благодаря структуре военной организации, туркам-османам длительный период времени удавалось проводить активную завоевательную политику.

В исследовании необходимо рассмотреть численность и военную тактику янычарского корпуса по воспоминаниям иностранцев.

В начале XVII в. польский дипломат К. Збаржский отмечал: «Тут же, около Константинополя, редко их можно видеть, потому что нет крепостей. В самом Константинополе, говорят, 20 тысяч. Никак не могу это принять, потому что со всеми, о ком раньше упоминал, получается не более 10 тысяч» [1, с. 35]. Многие русские и зарубежные историки (Коллас, А. де Бессэ, А.Я. Черемзин), констатировали, что многие янычары, записанные в строй, получают жалование и при этом не служат. Известно, что начиная с XVII в., среди янычар процветает коррупция, покупаются должности и происходят всякие махинации, которые истощали экономическую мощь государства. Алжирские янычары, например, только формально подчинялись султану, а на деле даже не участвовали в походах.

И.М. фон Тальман, австриец по происхождению, был дипломатом в Турции. В своих докладах императору он сообщает о периоде, когда шведский король проиграл в Полтавской битве 1709 г. и бежал в Османскую Империю. Дипломат замечает, что армия Турции слаба, но многочисленна. И если шведы будут во главе Турецкой армии, то османы окрепнут. Вот что говорит австрийский дипломат в докладе от 27 ноября 1710 г.: «Помимо небольшого увеличения численности янычар и того, что сипахи и другие подчиненные пашам войска в провинциях уже стоят наготове, личный состав легко мобилизовать, и недостаток будет ощущаться скорее в их боевых качествах и опытности, нежели в численности» [2, с. 54]. Более детальное представление о численности янычарского войска мы находим в двух источниках от 1730–1731 гг. – это воспоминания русского посла в Турции Ивана Неплюева и приближенного к турецкому двору Дестари Салих Тарихи. Неплюев утверждает, что в Константинополе осталось менее 5000 янычар, а до войны

было 40000 человек. «А войско янычарского чина по причине войны, в разные времена, в Персию разослал. И так сей чин умалился, что едва до 5000 человек янычар в Константинополе найтись могло (которых обыкновенно бывало до 40 000)» [2, с. 54]. Вернувшиеся с неудачной войны янычары взбунтовались. «А бунтовщики тогож числа собрався на Эт-Майдане ополчились в палатках (которые они из skutарского лагеря вовремя замешания туда перевезли), начали записывать в янычарскую книгу, без султанского указа всех бунтовщиков, которых сказывали, что до 80 тыс. набралось и более умножилось» [Цит. по: 3].

Янычары влияли на государственные дела (это видно из обоих источников). Они были лидерами бунтовщиков, получали награды при вступлении нового султана на престол. Численность янычар в обоих источников примерно одинаковая: 80000 человек, которых записывали в янычарскую книгу. Постепенно янычары стали активными участниками в политике. Например, после смерти Магомеда II янычары военным путем поставили на власть его сына Баязида II, за это они потребовали увеличения ежедневного оклада. Как отмечает А. Черемзин, «это был один из многих примеров их распущенности» [4, с.160]. Султан согласился на эти требования и это «дерзкое вымогательство этих своевольников, – утверждает историк, – с того времени и до 1774 г., уже вошло как бы в обычай при вступлении на престол каждого нового султана» [4, с.165].

Итак, были приведены примеры из текстов трех авторов: К. Збаржского, И. М. фон Тальмана и И. Неплюева, написанных в разные периоды. К. Збаржский указывал на 20000 янычар в 1620 гг., а в докладе 1709 г. говорится о 20000 янычар в Стамбуле. И. Неплюев пишет, что янычаров в 1730 г. в Стамбуле было 40000; за один год их стало 80000 тысяч. По этим трем ценным источникам можно выявить примерное количество янычар с 1622 по 1731 гг. Оно не было равномерным.

Что касается тактики боя янычар, то известно, что в средние века тактика войска была очень даже эффективна в борьбе с западными средневековыми государствами. Выделяют прекрасное снабжение войска, о чем свидетельствует И. М. фон Тальман: «А провианта в турецких землях такое изобилие, что можно было бы целый год снабжать им Францию, Италию и Испанию и страна даже не заметила бы этого. Недостатка в деньгах, этой важнейшей основы для войны, не будет тем более, что, по оценке самых осторожных турок, в кассе султана находится по меньшей мере 40000 кошелей, или 20 миллионов талеров наличными» [2,с.63]. Об этом говорил и Р. Льюис: «Многих ремесленников нанимало и оплачивало государство, а в случае объявления войны старший офицер-янычар подбирал определенное число ремесленников сопровождать войска и обеспечивать их необходимыми товарами и услугами» [5, с. 34]. Также заботился о провизии еще Лютфи-паша в XVI в. Получается, что снабжение армии было на высоком уровне. Что же касается тактики, то янычары были организованным структурным образованием. Войска строились в длинную линию, в виде полумесяца, с той целью, чтобы, обхватывать фланги противника; позади боевой линии стояли сильные резервы» [6,с.31].

Они не могли воевать строем, ибо техника сабельного поединка не предусматривала ограничения пространства. Воины, нанося рубящие удары саблей, обязаны были беречь установленные интервалы между собой. В строю же это невозможно. Но если даже допустить, что турки могли атаковать строем, то тем самым они лишали бы себя маневренности. Как утверждает военный историк Е.А. Разин: «Янычар, вооруженный короткой саблей, находясь в строю, не имел возможности отскочить или увернуться от удара и заранее обрекал себя на гибель» [7, с.206]. А, нападая большим количеством, не имея своего строя, с фронта, они не могли бы нанести большого вреда. Поэтому янычары выбирали «тактику масс». Подтверждение тому, что янычары имели на вооружение сабли можно привести, пример слов П. Румянцева: «Как те янычаре, внезапно выскочив из ложины с саблями в руках, обыкновенною своею толпою» [Цит. по: 8, с. 162]. Об этом утверждает и А.С. Пушкин: «Но янычары не могут сопротивляться кавалерии, ибо не имеют ни штыков, ни рядов, ни шеренг и никакого приличного для сего расположения» [9, с. 182]. Барон Зедделер считает, что никакого порядка в бою они не соблюдали: «Они бросались толпами с криками “Аллах”, держа в правой руке саблю, в левой ружье. При неудаче быстро падали духом» [Цит. по: 10, с. 50].

Рассматривая одно из сражений русских войск против янычар, можно сделать вывод о том, что янычары храбры и в тоже время слабы духом, нападают большим числом, имеют сабли. Даже в ближнем бою русские воины все равно обращают их в бегство, это говорит о превосходстве русского оружия над самыми лучшими воинами Турции, слабость янычар уже не феномен, а настоящее бедствие империи.

Делая вывод, можно заключить следующее: к середине XVI в. янычарское войско по своим боевым качествам и численности намного превосходило военные структуры европейских стран. Особенная система комплектации войск, высокое материальное поощрение, религиозный фанатизм – все это в совокупности определило преданность янычар султану. Специфика тактики боя янычар состояла в использовании сабельного оружия, хорошее знание местности, сплоченность войска определяло успех в бою. Однако с конца XVI в. и затем в XVII–XVIII вв. происходит изменение в функциональности янычарского корпуса, с сугубо военной деятельности они начали влиять на политику в стране, усилились бюрократизм и коррупция в высших эшелонах янычарского руководства, что естественным образом сказались на дисциплине солдат. Слабость янычар в это же время была продиктована и тем фактом, что они категорически не принимали новые приемы ведения боя, что в конечном итоге сказалось на том, что военное искусство Османской империи остановилось на уровне XV–XVI в.

Литература

1. Збаржский, К. О состоянии Оттоманской империи и ее войска / К.О. Збаржский // Османская империя в первой четверти XVII века: сборник документов и материалов. – Москва : Наука, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Zbarazskij/pred2.htm> (дата обращения: 23.11.2014)

2. Турция накануне и после полтавской битвы (Глазами австрийского дипломата). / ред. С.Ф. Орешкова. – Москва : Наука, 1977. – 104 с.
3. Описания о бунтах в Константинополе в 1730–1731 гг.// Археографический ежегодник за 1960 г. – Москва, 1962 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVIII/1720-1740/Bunty1730-31/pred.htm> (дата обращения: 9.11.2014)
4. Черемзин, А. Я. Турция, ее могущество и распадение / А.Я Черемзин. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Голике, – 1878. – Т.1. – 359 с.
5. Льюис, Р. Османская Турция. Быт, религия, культура / Р. Льюис – Москва : Центрполиграф, 2004. – 239 с.
6. Богданович, М.И. История военного искусства и замечательнейших походов. Военная история средних веков / М.И. Богданович. – Санкт-Петербург : Крайя, 1853. – 132 с.
7. Разин Е. А. История военного искусства VI–XVI вв. / Е.А. Разин. – Санкт-Петербург : Изд-во «Полигон».– 1999. – Т.2. – 654 с.
8. Ларга и Кагул (материалы о полководческой деятельности Румянцева Задунайского) // Красный архив. – 1940. – №6 (103). – С. 160–197. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.adjutant.ru/rtwar1768-74/larga_i_kagul01.htm (дата обращения: 12.11.2014).
9. Пушкин, А.С. Взгляд на военное состояние Турецкой Империи // Сын отечества. – 1826. – Часть 107, № 10. – С.173–191. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Puskin/text3.htm> (дата обращения: 19.12.2014).
10. Тараторин, В. В. История боевого фехтования: Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века / В.В. Тараторин. – Москва: Палек, 1998. – 134 с.

УДК 141.8 / 94(430).08

ГРНТИ 03.09.31

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА ГЕРМАНИИ С ИДЕЯМИ ДАРВИНИЗМА В 60–80-Е ГГ. XIX В.

INTERACTION OF THE THEORETICAL SOCIALISM OF GERMANY WITH IDEAS OF DARWINISM IN 1860–1880S.

Владислава Олеговна Кривошеина

Научный руководитель: А. В. Соболевский, специалист по учебно-методической работе

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: дарвинизм, эволюция, исторический и диалектический материализм, социализм, марксизм.

Keywords: Darwinism, evolution, historical and dialectical materialism, socialism, Marxism.

Аннотация: В статье приводится общая характеристика взаимодействия теоретического творчества представителей двух течений внутри социализма – немарксистского и марксистского социализма с идеями дарвинизма. Обозначены главные теоретики немецкого социализма, обращавшиеся к теории Дарвина в 60–80-е гг. XIX в. Рассмотрена разница в интерпретации идей дарвинизма в контексте основополагающих различий между немарксистской и марксистской теорией социализма.

Середина XIX века была ознаменована появлением одной из наиболее значимых как в истории биологии, так и в истории научной мысли в целом теории биологической эволюции, наиболее прославленной именем Ч. Дарвина. Его предшественниками были такие великие ученые как К. Линней, Ч. Лайель, Ж.Б. Ламарк, Ж. Кювье, Э. Жоффруа Сент-Элер, К.Э. фон Бэр, чьи открытия впоследствии и использовал английский натуралист в разработке своей теории. Его работа «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (1859 г.) подтолкнула новый этап развития естественнонаучной мысли. Помимо этого, открытия Дарвина интегрировались в множество разнообразных по своему характеру социальных, политических и идеологических учений. Поэтому для начала необходимо ответить на вопрос о том, какие причины способствовали широкому распространению выводов Ч. Дарвина в сфере социального знания. Однако центральная проблема данной статьи заключается в ответе на вопрос, какова была позиция представителей двух течений немецкого социализма 60-80-х XIX в. в отношении теории Дарвина. Данная проблема исследовалась ранее в науке, но является относительно новой и нуждается в дополнительном рассмотрении.

Прежде всего, возможность повсеместного распространения принципов теории эволюции складывалась из нескольких причин. Во-первых, этому способствовала царившая в западной науке того периода методологическая установка на редукционизм: законы эволюции, функционирующие в рамках природы – целостной системы, состоящей из различных по своему уровню организации элементов (растений, животных, популяций и т.д.), выглядели столь же убедительно и в рамках социальной системы, иерархично состоящей из различных элементов (индивидов, социальных групп, организаций и т.д.). Во-вторых, общей чертой теории эволюции и социальных учений второй половины XIX века являлся строгий детерминизм: как природные, так и социальные явления и процессы представлялись как четко обусловленные рядом определенных специфических факторов. И, в-третьих, «теория Дарвина первоначально предназначалась не для социальной среды, она была идеологически индифферентной» [1, с. 407] и могла быть использована для объективного обоснования разнообразных научных, политических и идеологических взглядов.

Разумеется, уверенными темпами проходящий в 60-80-х гг. XIX в. свое теоретическое и практическое становление социализм не мог обойти вниманием столь прогрессивное и значимое событие, как выдвинутую Дарвином теорию эволюции. Так, согласно концепции американского исследователя европейской интеллектуальной истории Р. Вайкарта, сформулировавшего обобщенное понятие «социалистический дарвинизм», под которым в наиболее общем смысле стоит понимать своеобразную трактовку теоретиками социализма теории Дарвина, справедливо будет выделить социалистический немарксистский дарвинизм и сам марксизм как таковой. Немарксистский и марксистский социализм помимо некоторых расхождений в доктрине социа-

лизма, отличаются друг от друга степенью и характером конвергенции идей теории эволюции и учений основных представителей социалистической теории, а также ролью их идеологов в пропаганде дарвинизма в научной среде.

Так, к представителям социалистического немарксистского дарвинизма Р. Вайкарт относит Ф. А. Ланге и Л. Бюхнера. Стоит отметить, что, будучи неокантианцем, Ланге был оппонентом материалиста Бюхнера по вопросам философии, но их понимание теории и практики социализма совпадали. Кроме того в Германии они оба были первыми защитниками дарвиновской теории, а также первыми применили её для ответа на вопросы о некоторых особенностях социального развития. Так, в 1865 г. Ланге выпускает книгу «Рабочий вопрос» – «первую книгу развивающую систематическую социальную теорию, основанную на дарвинизме» [2, р. 85], в которой идея борьбы за существование теоретически была переложена на человеческое общество. По предположению Ланге и поддерживающего его в вопросах дарвинизма Бюхнера, несмотря на то, что природные законы распространяются на человека так же как и на любое другое животное, «человеческий разум способен изменить и смягчить борьбу за существование» [2, р. 83]. Однако оба полагали, что в человеческом обществе природные начала берут верх над началами социальными, и борьба за существование неизбежна. Дело в том, что Ф.А. Ланге и Л. Бюхнер рассматривали социальные закономерности в тесном взаимодействии с законом о народонаселении Т. Мальтуса. Борьба за существование, таким образом, есть не что иное, как следствие этого закона. Тем не менее, они утверждали идею о том, что человек способен не поддаваться «диктату дикой природы и не принимать неравенство, бедность и нищету» [2, р. 98]. Подобная позиция Ланге и Бюхнера отвечала духу неревolutionного социализма, сторонниками которого они являлись.

В то же время представители революционного социализма – марксисты, также обращались к дарвинизму. Так, среди марксистов, в своем научном творчестве наиболее тесно соприкасавшихся с теорией эволюции, исследователь Р. Вайкарт выделил К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля и К. Каутского. Наиболее примечательным является то, что Ч. Дарвин первым среди натуралистов ввёл исторический метод познания в биологическую науку. Его логически выстроенная теория основывалась на ретроспективном методе, который в дальнейшем прочно укрепился в биологии. Использование Дарвином исторического метода позволило основать прочный каркас его теории эволюции. Вследствие этого, «с 1860-х гг. практически каждый видный марксист <...> затрагивал вопрос о взаимодействии дарвинизма и марксизма в своих произведениях, а многие посвятили этому специальные статьи и даже книги» [3, с. 104].

История взаимодействия марксизма и дарвинизма берёт своё начало с прочтения в 1860 г. К. Марксом работы Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора», впечатлениями о которой он поделился в письме Ф. Энгельсу: «Хотя изложено грубо, по-английски,

но эта книга даёт естественноисторическую основу для наших взглядов» [4, с. 102]. Впоследствии, Энгельс, затрагивая вопрос о наиболее значимых естественнонаучных предпосылках диалектического материализма, которых, безусловно, было многим больше, указывал в качестве таковых «три великих открытия <...> доказательство превращения энергии, открытие органической клетки, эволюционная теория Дарвина» [5, с. 68]. Во-первых, марксисты, восприняли теорию эволюции как атеистическую, антирелигиозную, исключая идеалистические формы познания, и соответствующую материализму их теории. Между тем, сам Дарвин не задумывал свою теорию как атеистическую, кроме того он считал вкрапление идей дарвинизма в социалистическую теорию «чудовищным гибридом <...> и был в ужасе узнать, что его идеи были объявлены революционными социалистами как поддержка их политических и социальных позиций» [2, р. 1]. Во-вторых, марксисты приняли теорию Дарвина как описывающую биологическую эволюцию в целом, опуская сам механизм этой теории – естественный отбор через борьбу за существование, по причине его односторонности с законом о народонаселении Мальтуса. Подобная позиция марксистов позволила прибегнуть к интеграции дарвинизма в исторический диалектический материализм и не дискредитировать тезис социалистов о «классовой солидарности» [6, с. 117]. Как известно, работа К. Маркса над первым томом «Капитала» совпала по времени с публикацией «Происхождения видов» Дарвина (1859 г).

Как полагает исследователь И. К. Антонова, между теорией Маркса, раскрывавшей наиболее общие закономерности социально-экономического развития, и эволюционным учением Дарвина методологически общим было то, что обе теории носили системный характер, и решение отдельных вопросов в обеих теориях происходило на стыке нескольких наук [7, с. 44]. В теории К. Маркса прослеживаются некоторые терминологические заимствования из естествознания, в частности, «...» общественно-экономическая формация» (не тождественно геологическим формациям), «клетка» (не тождественно биологическим клеткам, т.к. характеризует товарное производство), «социальный организм» и иные» [8, с. 136], однако они «несут совсем другой смысл, выступая элементами теоретической конструкции, раскрывающей закономерности социального уровня» [8, с. 136]. Использование Марксом «организмической метафоры» [9, с. 133] придавало всему множеству социальных действий, явлений и отношений целостный характер, раскрываемых через общество-систему по аналогии с организмом-системой. Для К. Маркса «обширный охват системы естествознания служил теоретическим фоном экономического анализа и его философского обобщения» [7, с. 62]. Маркс, принимавший дарвинизм как теорию исторического диалектического материализма, высказал критику по конкретному вопросу заимствования Дарвином методологии Мальтуса в контексте рассмотрения теории классовой борьбы.

В связи с тем, что подавляющую часть своего творчества после 1860 г. К. Маркс сосредоточил на анализе законов капиталистического

общества, проблемой глубинного философского раскрытия аспектов естественнонаучного знания усиленно занялся Ф. Энгельс. Наиболее содержательны в этом плане его труды «Анти-Дюринг» (1878) и «Диалектика природы» (1873-1882). Энгельс предполагал «соединить естественную науку и социализм в более широкое, согласованное мировоззрение на основе принципа диалектического развития» [2, р. 54]. Энгельс в целом одобрительно относился к теоретическому творчеству Дарвина, зачастую ссылаясь на него в своих работах по естествознанию.

Одновременно с этим он выступал и с критикой Ч. Дарвина по отдельным вопросам его теории эволюции. В частности, он критиковал Дарвина за то, что он не обозначил вопрос начальной точки происхождения всего живого, и, выражаясь словами Ф. Энгельса, у Дарвина «обрывается нить происхождения» [10, с. 73]. В свою очередь, наибольшее влияние идеи дарвинизма оказали на разработку Энгельсом марксистской теории антропосоциогенеза и концепции семьи.

А. Бебель – автор эпохального труда «Женщина и социализм» (1883), теоретик и тактик женского рабочего движения, явился активным популяризатором идей Дарвина, особенно в ключе марксистской концепции семьи. В одной из своих речей в Рейхстаге «он утверждал, что его книга «Женщина» была основана на теории Дарвина» [2, р. 134]. В своём сочинении Бебель зачастую либо упоминает Дарвина, либо ссылается на его теорию.

К. Каутский – теоретик немецкой социал-демократии и II Интернационала, сильнее остальных ранних марксистов испытал влияние идей дарвинизма. В связи с этим в историографии существует 2 точки зрения относительно характера теоретической деятельности Каутского: 1) «он был последовательным марксистом, продолжателем и верным учеником Маркса и Энгельса» [5, с. 209]; 2) взгляды Каутского представляют собой «дарвинизм и вульгарный материализм» [5, с. 209] и тесно перекликаются с ревизионизмом Бернштейна. Придерживаясь концепции Р. Вайкарта, целесообразнее рассматривать как наиболее сильные дарвинистские взгляды Каутского в период с 1875 по 1885 гг. [2, р. 159]. Каутский, размышляя над своими взглядами середины 1870-х гг., писал о том, что его теория истории «была ничем иным как приложением Дарвинизма к социальному развитию» [2, р. 158]. Каутский, помимо теоретической попытки обоснования социальных закономерностей с помощью биологических факторов в целом, занимался вопросом антропосоциогенеза с позиции сочетания марксизма и дарвинизма.

Таким образом, главной чертой характеризующей взаимодействие немарксистского социализма Ф. А. Ланге и Л. Бюхнера и марксистского социализма с идеями дарвинизма являлась своеобразная интерпретация центральных выводов Дарвина и попытка их синтеза с социалистическим учением.

Литература

1. Хен, Ю. В. Дарвинизм как картина мира / Ю. В. Хен // Идея эволюции в биологии и в культуре / Отв. ред. Баксанский О. Е., Лисеев И.К. Москва: «Канон+», 2011. – С. 397-408.

2. Weikart, R. Socialist Darwinism / R. Weikart [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.csustan.edu/History/Faculty/Weikart/sd-toc.htm> (дата обращения : 07.05.2014).
3. Колчинский, Э. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). / Э. Колчинский. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2006. – 638 с.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Маркс – Энгельсу в Манчестер // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Москва: Государственное издание политической литературы. – Т. 30. – 1963. – С. 101-102.
5. Марксистская философия в XIX веке. Развитие марксистской философии во второй половине XIX века / Отв. ред. Нарский И.С. Москва: Наука, 1979. – 398 с.
6. Козлова, Т. З. Проблема солидарности в трех социологических традициях / Т. З. Козлова // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 116-119.
7. Антонова, И.К. Марксизм вне политики. Источники, генезис и структура работ Маркса и Энгельса по естествознанию. / И.К. Антонова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 192 с.
8. Зотов, А. А. О фрагментах из истории социологии / А. А. Зотов // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С.132-139.
9. Баранов, Г. С. Модели и метафоры в социологии К. Маркса / Г. С. Баранов // Социологические исследования. – 1992. – № 6. – С. 128-142.
10. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Москва: Государственное издание политической литературы. – Т. 20. – 1961. – С. 5-342.

УДК 94(493)

ГРНТИ 03.09.55

ИММИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛЬГИЙЦЕВ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

FACTOR OF IMMIGRATION AND ITS INFLUENCE ON BELGIANS' NATIONAL IDENTITY (END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXICENTURY)

Виктория Викторовна Литвиненко

Научный руководитель: Г.В. Грошева, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: национальная идентичность, иммиграция, мигранты, ислам, мусульмане, Бельгия.

Keywords: national identity, immigration, immigrants, Islam, Muslims, Belgium.

Аннотация. В статье рассмотрено влияние иммиграционного (исламского) фактора на проблему консолидации современного бельгийского общества и формирование национальной идентичности бельгийцев. Показано отношение к этой проблеме в среде рядовых жителей и политических деятелей Бельгии. Рассматриваются вопросы современной иммиграционной политики бельгийского государства.

Проблема сохранения национальной идентичности является одной из актуальных в развитии современных западных обществ. Под понятием «национальная идентичность» в данной статье понимается самоидентификация человека с той или иной страной или внутреннее самоощущение в качестве принадлежности к определенной нации как гражданско-политической общности [1, с. 98]. На формирование национальной идентичности влияет ряд факторов, таких как историческая территория, общая экономика, общая религия, общая массовая культура и др. В условиях современного глобализирующегося мира, усиления и интенсификации миграционных потоков одним из важнейших факторов, влияющим на процессы трансформации национальной идентичности европейцев, становится иммиграция. Не является исключением и Бельгия.

В Бельгию активно стали иммигрировать в период четвертого этапа миграции, который начался на европейском континенте с 1990-х гг. и продолжается по настоящее время. На данном этапе в Западную Европу активно стали приезжать жители стран Центральной и Восточной Европы, а также СНГ [2, с. 126]. Как отмечает министр внутренних дел Бельгии Аннеми Тюртелбом, число граждан ЕС, приехавших в Бельгию, с 2004 года, после присоединения к ЕС десяти восточноевропейских и прибалтийских стран выросло с 17 801 до 65 062 человек, т.е. в 4 раза [3]. По данным на 2010 г. в Бельгии проживает 8,8 % иммигрантов: 180 тыс. итальянцев, 60 тыс. французов, 50 тыс. голландцев, 40 тыс. поляков, 35 тыс. евреев, 30 тыс. испанцев, 30 тыс. китайцев, и др. 4 % из них – иммигранты неевропейского происхождения. Помимо китайцев, это – марокканцы, алжирцы, турки, индийцы и др. [4]. Предметом особого внимания в бельгийском обществе являются иммигранты-мусульмане. Согласно исследованиям фламандского социолога Яна Хертогена, в конце 2010 г., численность бельгийских мусульман составила примерно в 624 тыс. чел. или 5,8% населения страны [5].

Необходимо отметить, что коренные бельгийцы не воспринимают иммигрантов как часть своей нации. В 2011 г. в Бельгии институтом Ipsos проводилось социологическое исследование по проблеме иммигрантов в стране. Примерно 72 % из опрошенных бельгийцев выказали свое негативное отношение к иммигрантам. Как утверждает подавляющее большинство опрошенных, иммиграция отрицательно сказывается на развитии страны в целом. Следует отметить, что иммигранты оказывают влияние на языковую ситуацию в Бельгии. Исследователь языковой политики и двуязычного образования Орхан Агирдаг пишет о том, что после Второй мировой войны Фландрия (один из субъектов федерации Бельгии) превратилась в многокультурное общество из-за потока иммигрантов из южной Европы, Турции и Марокко. Автор отмечает, что одноязычие и языковая ассимиляция иммигрантов являются ведущими принципами языковой политики в образовании, поскольку двуязычное обучение даже на двух официальных языках – голландском и французском, рассматривается как потенциальная угроза сохранению фламандской культуры [6, с. 9].

С момента прохождения выборов в национальный парламент 10 июня 2007 г., на котором христианские демократы и либералы подняли вопрос о миграции, и отметили, что нашествие иммигрантов является угрозой для страны, унифицирует ее, лишает ее идентичности, в стране начинает проводиться политика по ужесточению получения бельгийского гражданства [7]. Например, в настоящее время для получения иммигрантом гражданства необходимо представить документ, свидетельствующий о том, что он владеет одним из двух государственных языков; проживание на территории Бельгии увеличилось с четырех до пяти лет. «Интерфакс» от 10 января 2014 г. сообщает, что около 3 тыс. граждан государств Евросоюза лишились в Бельгии вида на жительство в минувшем году, что на 10% больше выдворенных из страны европейцев, чем в 2012 г. Выдворенных из страны граждан европейских государств становится больше с каждым годом даже после их продолжительного проживания на территории Бельгии. В первую очередь это касается тех, кто потерял работу, не имеет индивидуального бизнеса, не учится или утратил право на пособие по безработице [8].

Сами иммигранты, как правило, не считают себя частью бельгийской нации; живя в Бельгии, они стремятся сохранять свою культуру, традиции, обычаи и т.п. Этому способствует и политика бельгийского государства. Например, представители ислама получают субсидии на строительство и реставрацию культовых учреждений, на выплату государственного жалования и пенсий священнослужителям; ислам можно преподавать в государственных школах [9, с. 114]. Мусульмане добиваются введения предметов по изучению мусульманской культуры: введения арабского и турецкого языков по выбору для всех учеников, истории и культуры средиземноморских стран, сравнительной истории религий. Более того, в университетском департаменте на основе циклов полных исследований предлагается утвердить дипломы в области коранических исследований, исламского права и теологии, мусульманских языков, литературы и культуры, истории, социологии и философии мусульманского мира. Но мусульмане сталкиваются и с трудностями: как похоронить близких, если нет мусульманского кладбища; дать образование дочерям, если школьные правила предусматривают общие раздевальные комнаты для мальчиков и девочек? Естественно, схожие трудности были и есть не только у мусульман, но и у представителей традиционных для Бельгии религий: католики отдают детей в конфессиональные школы, в том числе для того, чтобы избежать прилюдного раздевания и уроков полового воспитания (мусульмане Бельгии и других европейских стран в этой связи также порой предпочитают отдавать девочек именно в католические школы), представители некоторых христианских течений не допускают участия детей в школьных карнавалах.

Следует отметить, что в Бельгии мусульманам разрешено создавать свои политические партии. Так как в стране по закону нельзя запретить мусульманскую партию, депутат от либерального «Реформаторского движения» предложил ограничить доступ радикальным течениям

к участию в работе органов местного управления. При этом напомнил он, Европейский суд по правам человека ясно высказался о том, что шариат несовместим с правами и свободами, предусмотренными Европейской конвенцией о защите прав человека. Созданная в Бельгии партия «Ислам» на коммунальных выборах 14 октября 2012 г. провела в местные органы власти Бельгии двух представителей. Она не скрывает своей цели последовательно внедрять в стране мусульманские законы [10], что также не способствует решению проблем консолидации бельгийской нации.

Таким образом, иммиграционные процессы существенно влияют на трансформацию национальной идентичности бельгийцев. Количество мигрантов в Бельгии с каждым годом увеличивается, и, приезжая в страну, они не интегрируются в бельгийское общество, а стремятся сохранить свою культуру, традиции. Большинство иммигрантов не считают себя частью бельгийской нации. Но и большая часть бельгийцев, стремясь сохранить свою национальную идентичность, негативно относятся к иммигрантам. Эта тенденция проявляется как в обществе в целом, так и на политическом уровне.

Литература

1. Ананова, Л.В. Проблема исследования национальной идентичности в современной западно-европейской культуре / Л.В. Ананова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2007. – Выпуск 11 (74). – С. 98-101.
2. Хижный, Э.К. Иммиграция в страны Западной Европы: экономические, демографические и юридические аспекты / Э.К. Хижный // Россия и мир в начале нового века. – 2005. – С. 125-129.
3. В Бельгию съезжается все Восточная Европа // Правый мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://right-world.net/news/956> (дата обращения: 17.04.2014).
4. Население Бельгии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belgiya.net/naselenie-belgii/sostav-naseleniya.html> (дата обращения: 17.04.14).
5. Соловьева, З.А. Мусульмане в Бельгии / З.А. Соловьева // Новое Восточное обозрение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/9815> (дата обращения: 17.04.2014).
6. Гураль, С.К., Смокотин, М.В. Вопросы национальной и этнокультурной языковых сообществ Бельгии в условиях нестабильного многоязычия / С.К. Гураль, М.В. Смокотин // Язык и культура. – 2010. – №4. – С. 5-11.
7. Мигранты спасут Бельгию от распада? // Заграница № 41 (403) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zagran.kiev.ua/article.php?new=403&idart=4033> (дата обращения: 21.10.14).
8. Власти Бельгии стали активнее выдворять мигрантов из стран ЕС // Росбалт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/01/10/1219334.html> (дата обращения: 21.10.2014).
9. Четверикова, О. Ислам в Бельгии и Нидерландах / О. Четверикова // Россия и мусульманский мир. – 2005. – № 7 9. (157). – С. 114-117.
10. Бельгийские парламентарии предлагают ограничить в правах исламских политиков // Правый мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://right-world.net/news/3217> (дата обращения: 17.04. 2014).

УДК 930(410.1+73)

ГРНТИ 03.01.11

НОВЫЙ ОБРАЗ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE NEW IMAGE OF THE CRUSADES IN THE MODERN ENGLISH AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY

Анна Валерьевна Мурзакова

Научный руководитель: Г.А. Синельникова, канд. истор. наук, доцент

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

Ключевые слова: Крестовые походы, Джонатан Райли-Смит, Томас Мэдден, современная английская историография, современная американская историография, антропологический подход.

Keywords: Crusades, Jonathan Riley-Smith, Thomas F. Madden, modern English historiography, modern American historiography, anthropological approach.

Аннотация. Современный британский медиевист Джонатан Райли-Смит и его американский коллега Томас Мэдден создали в зарубежной историографии новый подход к пониманию сути Крестовых походов. В основе их концепций лежит идея о необходимости рассмотрения Крестовых походов с точки зрения их участников, благодаря чему Райли-Смит и Мэдден пытаются разрушить основные стереотипы, созданные традиционной историографией.

Крестовые походы начались более семи столетий назад, когда Папа Урбан II созвал Первый Крестовый поход в ответ на просьбы о помощи со стороны византийского императора, однако эта тема до сих пор является предметом споров для ведущих медиевистов, как отечественных, так и зарубежных. Главным вопросом остается: чем же были Крестовые походы, какие идеи лежали в их основе, и как следует их оценивать?

В целом, в историографии преобладает традиционная точка зрения, согласно которой Крестовые походы были военными походами, носящими завоевательный характер, с целью личного обогащения и приобретения новых земель. Такую позицию можно видеть в трудах М.А Заборова, который рассматривал Крестовые походы на основе марксистской методологии и писал, что «насуточные интересы феодалов как класса выдвигали перед ними неотложную задачу: изыскать такой способ решения возникших проблем, который позволил бы удовлетворить их собственные возросшие потребности в землях, в подневольной рабочей силе, в деньгах и богатствах всякого рода, избавил бы крупных сеньоров от бесчинств рыцарской мелкоты, а рыцарство – от участи «голяков» и «безземельных» и упрочил бы в то же время устои существующей системы» [1, с. 14]. Схожие идеи существуют и в зарубежной медиевистике, в частности, британский медиевист Стивен Рансиман утверждал в своем труде «История Крестовых походов», что «священные войны были ничем иным, как мерзкими, аморальными актами нетерпимости во имя Бога, что является грехом перед лицом Святого Духа» [2, с. 480].

Однако в последние несколько десятилетий в зарубежной медиевистике появляется тенденция к переоценке Крестовых походов, их сущности и целей. Во многом этому способствуют труды британского медиевиста Джонатана Райли-Смита, основателя «Общества изучения Крестовых походов», автора таких трудов как «Первый Крестовый поход и идея крестоносного движения» [3] и «История Крестовых походов» [4], и его американского коллеги Томаса Мэддена, руководителя «Центра по изучению Средневековья и Возрождения» при Сент-Луисском университете, автора работ «Краткая история Крестовых походов» [5] и «Крестовые походы: конфликт средневековых миров» [6].

Особенностью позиций Райли-Смита и Мэддена по вопросу Крестовых походов является то, что они отвергают идею Крестовых походов как войн, в основе которых лежали экономические интересы, такие как личное обогащение, завоевание новых земель или колонизация мусульманского мира. Авторы полагают, что первоочередное значение для крестоносцев имели духовные ценности, сокровище, которое «ни моль, ни ржа не истребляют» [7]. В своих работах Мэдден неоднократно подчеркивает, что в первую очередь Крестовые походы являлись Священными войнами, причем «они стали священными не из-за своей цели, но благодаря жертвенности их участников – крестоносцев» [5, с. 20]. Райли-Смит пишет, что Крестовые походы были изначально объявлены римским папой священной войной во имя Христа, а их участники в первую очередь были паломниками [4, с. 17].

Каждый участник Крестового похода приносил клятву во имя Господа, он давал обет достичь Святой земли и освободить Гроб Господень, что позволяло проявить любовь к Богу, послужить ему и одновременно получить некую выгоду для себя, так как центральной идеей крестоносцев становилась идея покаяния и отпущения грехов [8]. Райли-Смит утверждает: крестоносцы верили, что участие в Крестовом походе «снимет» с них грехи и позволит спасти свою душу, не удаляясь от мирских дел, не уходя в монастырь, так как такой сильный акт покаяния как Крестовый поход позволит уравновесить все предшествующие грехи [3, с. 28]. Томас Мэдден, соглашаясь с тем, что идея покаяния лежала в основе Крестовых походов, пишет, что люди Средневековья считали Бога способным вернуть себе Иерусалим самостоятельно, но таким образом Господь давал своему народу возможность как бы помочь ему, и приводит слова Св. Бернара Клервосского: «Блаженным назову я поколение, которому досталась возможность столь щедрого отпущения грехов!» [7]. А триумф Первого Крестового похода показал участникам, что на это действительно была Божья воля, Папа Пасхалий II писал: «Господь воистину возродил свои давние чудеса!» [4, с.96]. Это окончательно уверило крестоносцев, что их война как акт покаяния угодна Богу.

Однако Крестовые походы были проявлением любви не только к Господу, но также и к ближнему своему, и в частности к христианам Востока, которые оказались под властью мусульман, Крестовые походы являлись откликом Урбана II на призыв о помощи со стороны ви-

зантийского императора. Джонатан Райли-Смит подробно рассматривает эту идею в своей статье «Крестовые походы как акт любви» [9]. По его мнению, любовь эта была направлена не только на братьев-христиан, но и на врагов Католической церкви, на мусульман. Насилие трактовалось в контексте любви ко всему человечеству, и отчасти христианская теория позитивного насилия была обоснованием идеи «справедливой войны», согласно которой в некоторых ситуациях насилие может быть признано меньшей из бед и может быть применено по воле Христа для защиты Его интересов и интересов христианского общества в целом [8]. Мэдден так же пишет, что сами крестоносцы считали насилие этически нейтральным, так как оно могло быть в равной степени направлено против зла или в его поддержку [10]. По его мнению, Крестовые походы соответствуют всем критериям справедливой войны, так как были реакцией христиан на мусульманскую агрессию, первоочередной задачей крестоносцев была защита своей религии [11].

Тем не менее, Крестовые походы были не просто справедливыми войнами, это были Священные войны, и, как пишет Мэдден, священными они стали благодаря жертвам крестоносцев, которые были поистине неординарными. Без финансовой помощи извне только богатые могли позволить себе такие расходы, особой же прибылью не предвиделось. В лучшем случае участники могли компенсировать стоимость самого похода, но даже этого смогли добиться не все, множество знатных семейств разорилось, финансируя Крестовые походы. Райли-Смит упоминает несколько примеров, когда крестоносцы привозили домой, в Европу, богатую добычу, однако он утверждает, что подобных случаев было немного [4, с. 92]. Именно поэтому, полагает Мэдден, крестоносцы не могли иметь никакой материальной заинтересованности в этом мероприятии, их участие было основано на духовных ценностях, на уже упоминавшейся идее покаяния за грехи.

По мнению Мэддена, невозможно объяснить Крестовые походы без идеи покаяния и отпущения грехов. Именно поэтому, утверждает он, когда в эпоху Просвещения наряду с индульгенциями была отвергнута идея наказания за грехи, оказалось невозможно поверить, что люди могли настолько серьезно воспринимать клятвы во имя Господа. Крестовые походы стали толковаться с позиции экономических мотивов, и поэтому после возникновения идей либерализма сложилось мнение, что крестоносцы использовали религию как прикрытие для своих земных интересов. Именно этим Мэдден объясняет возникновение традиционной точки зрения на Крестовые походы, согласно которой они имели в своей основе в первую очередь материальные интересы, и, соответственно, носили захватнический характер.

По этому вопросу мнения Мэддена и Райли-Смита расходятся. Джонатан Райли-Смит полагает, что причиной складывания традиционного образа Крестовых походов является скорее пересмотр теории справедливой войны, однако признает, что изменения принесла за собой эпоха Просвещения. Энциклопедисты называли Крестовые походы

ды «ужасными действиями», и в дальнейшем христианская теория позитивного насилия рассматривалась в контексте теории естественного права и этических суждений [8], в результате чего сложился во многом негативный образ Крестовых походов.

Несмотря на перспективы банкротства и гибели далеко от родной земли, множество людей отправлялось в Крестовые походы, чтобы вернуть Католической церкви исконно христианские земли. Для современного общества это кажется странным и даже чуточку диким, но не для людей той эпохи. Используя данные проведенных ими исследований и опираясь на сохранившиеся документы, Томас Мэдден и Джонатан Райли-Смит стараются разрушить заблуждения, свойственные традиционной точке зрения, и те аргументы, на которых эти заблуждения основываются. Суть их теорий сводится к тому, что Крестовые походы были в первую очередь благочестивым актом любви к Господу, способом показать ему свою верность, покаяться перед его лицом и заслужить отпущение грехов. Главным для крестоносца были духовные ценности, а не материальная выгода от предполагаемой добычи.

Образ Крестовых походов эволюционировал с течением времени, и на каждом этапе общественное мнение привносило в него новые оценки, поэтому современный человек, как правило, осуждает эти священные войны, называет их отвратительными, совершаемыми из корыстных побуждений, но такие суждения основываются на современных ценностях и неприменимы к людям той эпохи. Особенность концепций Мэддена и Райли-Смита заключается как раз в том, что в соответствии с идеями антропологического подхода они стараются рассмотреть Крестовые походы с точки зрения их современников и отвечают на вопрос, чем они являлись для их участников-крестоносцев. В первую очередь крестоносцы были паломниками, которые этим покаянным действием старались заслужить отпущение грехов. Такой подход позволяет авторам создать в современной историографии новый образ Крестовых походов, который, по их мнению, наилучшим образом отражает реальность Средних веков.

Литература

1. Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке / М.А. Заборов. – Москва Наука, 1980. – 320 с.
2. Runciman, S. History of the Crusades, vol. 3 / S. Runciman. – Cambridge : Cambridge University Press, 1966. – 529 p.
3. Riley-Smith, J. The First Crusade and the Idea of Crusading / J. Riley-Smith. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1986. – 236 p.
4. Райли-Смит, Дж. История крестовых походов / Дж. Райли-Смит. – Москва: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 495 с.
5. Madden, Th. F. The New Concise History of the Crusades / Th. F. Madden. – Lanham : Rowman & Littlefield, 1999. – 264 p.
6. Madden, Th. F. Crusades: Medieval Worlds in Conflict / Th. F. Madden. – Burlington : Ashgate, 2010. – 226 p.
7. Madden, Th. F. The Real History of the Crusades / Th. F. Madden // Crisis Magazine. – 2002. – April. – Режим доступа: <http://www.crisismagazine.com/2011/the-real-history-of-the-crusades> (дата обращения : 15.03.15).

8. Riley-Smith, J. Rethinking the Crusades / J. Riley-Smith // First Things. – 2000. – March. – Режим доступа: <http://www.firstthings.com/article/2000/03/rethinking-the-crusades> (дата обращения : 16.03.15).
9. Riley-Smith, J. Crusading as an Act of Love / J. Riley-Smith // Crusades: The Essential Readings / ed. Thomas F. Madden. – Oxford : Blackwells, 2002. – p. 31-50.
10. Madden, Th. F. Inventing the Crusades / Th. F. Madden // First Things. – 2009. – June. – Режим доступа: <http://www.firstthings.com/article/2009/06/inventing-the-crusades> (дата обращения : 16.03.15).
11. Madden, Th. F. Crusade Propaganda: The Abuse of Christianity Holy Wars / Th. F. Madden // National Review. – 2001. – Nov. – Режим доступа: <http://www.nationalreview.com/articles/220747/crusade-propaganda/thomas-f-madden> (дата обращения : 14.03.15).

УДК 94(4)»2004/2014

ГРНИ 03.09.55

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕ- МЕННОЙ ЕВРОПЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОБАРОМЕТРА 2004–2014 ГГ.)

PROBLEM RELATIONS EUROPEAN AND NATIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF MODERN EUROPE (ACCORDING TO THE EUROBAROMETER 2004–2014)

Попцов Дмитрий Александрович

Научный руководитель: Г.В. Грошева, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: европейская идентичность, национальная идентичность, Евросоюз, интеграция.

Keywords: European identity, national identity, EU, integration.

Аннотация: В статье, основанной на статистических исследованиях Европейской комиссии и отечественной научно-исследовательской литературе, подвергается сомнению состоятельность политического конструкта европейской идентичности. Показывается сложность процессов формирования общеевропейской идентичности, их ограниченность национальными рамками.

Изучение соотношения национальной и общеевропейской форм идентичности остаётся актуальным, поскольку в современном научном дискурсе, о последней принято говорить как о чём-то «не получившимся», в значительной мере «теоретическом», а иногда и вовсе не существующем [1]. Подобный тон высказываний заставляет искать причины неудач европейской идеи, рассматривать её с разных ракурсов, в том числе и с позиций её соотношения с «национальным», в различных сферах жизнедеятельности человека.

Опираясь на данные Евробарометра, можно с уверенностью сказать, что европейская идентичность, как чистая форма отождествления себя с понятием «европеец», выглядит наиболее имплицитной, на

общем фоне европейского гражданства. Доля людей, считающих себя только европейцами, на протяжении 21 года ни когда не превышала 7%, от общего количества [2]. Как пишет Г.И. Вайнштейн, европейская идентичность есть: «чувство «двойной» (выделение автора. Д.П.) идентичности, сочетающее в себе одновременно ощущение принадлежности и к своей стране и к Европе в целом» [3, С.124].

Существование двойной идентичности непременно ставит проблему доминирования одной из её форм, их соотношения в сознании человека. Д.В. Телегин и Р.Н. Напсо полагают, что сегодня национальная идентичность, вместе с лежащей в её основе моделью языковой общности, определяет одну из важнейших проблем европейской интеграции. Национальная идентичность, выглядит достаточно целостной, пластичной и независимой категорией, являющейся базовой в сознании европейцев по отношению к другим идентичностям, в том числе и европейской. Общеευропейская же идентичность, наоборот, отсутствует как целостный феномен, как на уровне научно дискурса, так и на уровне онтологической реальности. Как отмечают исследователи, она выступает исключительно как умозрительная конструкция, которая никогда не представляла собой единого концепта [4-6]. О том же говорят и статистические данные Евробарометра. Например, процент граждан ЕС с преобладающей национальной идентичностью с 2000 по 2013 гг. колебался от 41% до 49%, а процент граждан имеющих только национальную идентичность за тот же период с 38% до 46% [2].

Подобные проблемы связаны с неопределённостью «идеи Европы», её генезиса и логического завершения, отсутствием чёткого плана по развитию идентичности в контексте европейской интеграции. Самой главной проблемой «европейской идентичности», по мнению Г.И. Вайнштейна, С.В. Арапиной, В.Я. Швейцера и других отечественных исследователей, является то, что она является продуктом политической инженерии, т.е. вызрела не на низовом уровне, а формируется «сверху». Имея общую символику (гимн, флаг), общие праздники (например, «День Европы»), политические и иные институты, граждане ЕС не осознают пользу интеграции. Ко всему прочему отмечается, что: «Евросоюз не пользуется значительным доверием граждан в плане способности решать заботящие их проблемы» [3, С.127], поскольку проблемы эти решаются национальным государством.

Приведённый выше тезис достаточно ярко демонстрирует статистика. По опросам на 2004 г. лишь около половины граждан ЕС 53% было согласно с утверждением, что членство в ЕС принесло пользу их стране, тогда как 34% высказались за то, что оно нанесло ей вред, а 13% за то, что это ни хорошо, ни плохо [7]. В 2008 г. этот показатель равнялся 52% против 29% и 14%, 3% воздержались [8], в 2010 г. 49% против 18% и 29%, 4% воздержались [9], в 2014 г. 59% против 8%, 27%, 3% воздержались [10]. Таким образом, граждане ЕС с каждым годом всё меньше и меньше видят пользу в объединении.

Политические процессы, направленные на формирование идентичности в ЕС, сводятся к двум актам: во-первых, выборам в Европарла-

мент, который географически оторван от своего электората и сильно опосредован демократической легитимностью национальных правительств и парламентов; во-вторых, проведению референдумов, которые на общеевропейском уровне практически не проводятся, а опять же являются инструментом национальных государств. Таким образом, в политической реальности, как верно замечает В.Я. Швейцер, «страны ЕС лишь формально представляют собой единый партийно-политический организм» [11, С.23].

Коррозию общеевропейской идеи можно наблюдать и в области правовой сферы. Например, по данным Евробарометра на март 2010 г., 32% опрошенных из 27 стран ЕС признают, что хорошо информированы о своих правах как граждан Европейского Союза, однако, большинство (67%) респондентов считают, что они плохо или вообще не информированы о своих правах как граждане ЕС [12]. Ещё более показателен тот факт, что при ответе на вопрос «Доверяете ли вы институтам ЕС» в 2008 г. положительно ответило лишь 15% граждан, до 2014 г. этот показатель то терял, то прибавлял 1-2 пункта [7-10]. Как отмечает Л.В. Гирко, это связано, прежде всего, с тем, что все представления о правах и демократии до сих пор ассоциируются с национальным государством, которое: а) остаётся абсолютной точкой отсчёта в современном политическом мышлении; б) выступает гарантом прав и свобод граждан; в) является основной единицей в международных отношениях [13].

В ЕС вопрос политико-правовой области «европейской идентичности» признаётся наиболее проблематичным [14, С.7]. Как замечает Л.В. Дериглазова, главный смысл проблемы здесь в том: «Насколько возможно на практике достичь одного уровня обеспечения прав граждан в условиях существенных различий в их наполнении в 28 странах ЕС» [15, С.64].

Однако логика рассуждений Л.В. Дериглазовой более приемлема к культурной сфере существования «европейской идентичности», в которой, по словам М.В. Берендеева, она представляет собой наиболее абстрактную вещь, причём не нашедшую конвенции не только в научном сообществе, но и не ясную жителям ЕС, следовательно, не имеющую символических и ментальных оснований [16, С.75]. Политика национального государства, в большинстве случаев, основана на «лингвизме», что противоречит формированию транснациональной культуры, к которой стремиться ЕС. Ко всему прочему, «секулярность» европейской идентичности во многом переносится и на всю национальную культуру в целом, причём ЕС не предлагает ничего взамен национальным стереотипам, обычаям, быту и т.д., что вызывает дефицит оснований для идентификации и ведёт к глокальным процессам среди населения. Глокализму способствует и географический фактор: существование границ национальных государств, т.н. «родины», которая укоренена в ментальном сознании граждан. Отсюда и релятивизм «европейской идеи» в области экономики и безопасности, наиболее прочных её оснований, где действующим актором выступает, прежде

всего, национальное государство, которое хоть и помещено в условия общего рынка и стандартов, однако, действует в угоду своим интересам.

Таким образом, в «европейской идентичности» существует ряд структурных проблем и пробелов, до сих пор, не позволяющих стать ей доминирующей в сознании граждан ЕС; или людей живущих в Европе и за её пределами. Данный вид идентичности имеет размытые основания для объединения людей, возникновения у них чувства общей солидарности, поскольку во многом «общеевропейская идентичность» детерминирована рамками национальной идентичности, т.е. национальной историей, национальным укладом жизни, национальными стереотипами, уникальными в каждом случае, которые зачастую противоречат и протестуют против более широких форм объединения. Политико-правовая, культурная и социально-экономическая сферы жизни европейского общества, в большинстве моментов развиваются по национальным сценариям, лишь с поиском выгоды вступая в транснациональные объединения.

Литература

1. Гусев, А.С. Европейская идентичность: современные российские исследования / А.С. Гусев // Известия АГУ. – №4(80). Том.2. 2014. – С.263-266.
2. Eurobarometer – 40 years. European Commission [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/topics_en.htm (дата обращения: 24.01.15).
3. Вайнштейн, Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное / Г.И. Вайнштейн // Полис: политические исследования. 2009. – №4. – С.123-135.
4. Напсо, Р.Н. Национальная идентичность и её атрибуты / Р.Н. Напсо // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. – №7. – С.140-147.
5. Напсо, Р.Н. Национальная идентичность в современных условиях / Р.Н. Напсо // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. – № 6 (1). – С. 118-123.
6. Телегин, Д.В. Национальная идентичность как вид социокультурной идентичности и модель языковой общности в европейской перспективе / Д.В. Телегин, Г.В. Телегина // Мир психологии. 2009. – №3. – С.46-58.
7. Eurobarometer 62. Public Opinion in the European Union. 2004. October -November. Brussels [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb62/eb_62_en.pdf (дата обращения: 10.01.15).
8. Eurobarometer 69. Public Opinion in the European Union. 2008. March – May [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb69/eb69_part2_en.pdf (дата обращения: 10.01.15).
9. Eurobarometre standard 73 l'opinion publique dans l'union europeenne – printemps 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb73/eb73_vol1_fr.pdf (дата обращения: 10.01.15).
10. Eurobarometre standard 81 l'opinion publique dans l'ue – printemps 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_publ_fr.pdf (дата обращения: 10.01.15).
11. Швейцер, В.Я. Выборы в Европейский парламент: сдвиги на партийно-политическом пространстве / В.Я. Швейцер // Современная Европа. 2014. – №4. – С.23-33.
12. Eurobarometer. Flash EB No 294. European Union Citizenship Analytica lReport. March. 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Brussels // http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_294_en.pdf (дата обращения: 10.01.15).

13. Гирко, Л.В. Европейская идентичность и национализм / Л.В.Гирко // Социальные и гуманитарные науки. 1998 г. – №.3. – С.63-69.
14. Spotlight on European public opinion in 2013 // A Eurobarometer Almanac. European Commission. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://ec.europa.eu/public_opinion/topics/almanac2013_en.pdf (дата обращения: 10.01.15).
15. Дериглазова, Л.В. Результаты формирования гражданской идентичности в Европейском союзе в 1997-2014 гг. / Л.В. Дериглазова // Вестник ТГУ. История. 2014. – №6(32). – С.60-67.
16. Берендеев, М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? / М.В. Берендеев // Вестник БФУ им. И. Канта. 2012. – №6. – С.71-77.

УДК94(510).09
ГРНИ03.09.55

КИТАЙСКИЕ МИЛИТАРИСТЫ 1920-Х ГГ. ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКОВ КОМИНТЕРНА

CHINESE MILITARISTS OF THE 1920-ES I N THE EYES OF THE KOMINTERN

Юлия Сергеевна Шаева

Научный руководитель: А.Н. Полухин, канд. истор. наук, доцент

*Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия*

Ключевые слова: милитаристы, армия, Коминтерн, Китай, Сунь Ятсен, СССР.

Keywords: militarist, army, Komintern, China, Sun Yat Sen, USSR.

Аннотация. В статье даются портреты, характеристики китайских милитаристов, составленные на основе личных впечатлений сотрудников Коминтерна, работавших в Китае в 1920-е гг. Актуальность темы обусловлена тем, что изучаемые события в рамках этого периода во многом являются ключевыми к пониманию дальнейшего развития истории Китая в XX в. Они являются важной вехой наших двухсторонних отношений.

1920-е гг. были весьма бурными и трудными для китайского народа. Многочисленные сотрудники Коминтерна были направлены на работу в Китай. Одни находились на службе в Китае в 1920-е гг. в качестве военных советников, других отправляли политическими консультантами устанавливать контакт с Сунь Ятсеном и прочими лидерами Поднебесной, кто-то отправлялся на практику в Китай студентом-практикантом и уезжал от Государственного дальневосточного университета. Советские представители наблюдали любопытную картину всего происходящего в Китае, видели как страдает народ, насколько несправедливы и беспощадны милитаристы, все свои впечатления они изложили на бумаге, издав позднее целую серию воспоминаний, записок, мемуаров. Все написанное составляет живой рассказ очевидцев и участников военных событий, с помощью этих бесценных источников можно

составить представление о событиях в революционные годы Китая и в том числе о китайских милитаристах, присвоивших себе всю власть в этой стране.

Для изучения и раскрытия заданной темы использовались воспоминания, связанные с революционной жизнью Китая. Следует среди них выделить воспоминания М.И. Казанина «В штабе Блюхера», которое представляет собой записки советского человека, очевидца событий тех памятных дней [1]. Мемуары М.И. Казанина отражают развитие событий на политической арене Китая после выхода Национально-революционной армии на рубеж реки Янцзы и переезда национального правительства из Гуанчжоу в Ухань [1, с. 4].

Немаловажную роль для исследования темы играет труд А.И. Черепанова «Записки военного советника в Китае». А.И. Черепанов рассказывает о попытках советских людей помочь китайским коммунистам спасти дело китайской революции [2, с. 13]. Книга А.И. Черепанова свидетельствует о дружеских, теплых чувствах, питаемых как всеми советскими людьми, так и самим автором [2, с. 15].

В.В. Вишнякова-Акимова в своей работе «Два года в восставшем Китае» рассказывает о революционной борьбе китайского народа, о помощи СССР Китаю, многогранно и занимательно описывает повседневную жизнь, и политическую борьбу в Китае.

Возникновение феномена китайского милитаризма восходит к временам тайпинского восстания середины XIX в. Эти, как правило, региональные правители преимущественно китайского происхождения в итоге после Синьхайской революции растащат Поднебесную на части. Просуществует этот феномен до создания Китайской Народной Республики. Сотрудники Коминтерна застали его существование в самом разгаре. М.И. Казанин отмечал, что милитаристы – это генерал-губернаторы провинций [1, с. 3]. В подчинении генералов-милитаристов были провинциальные армии, которые делились на северные, южные и центральные [1, с. 3].

Милитаристы могли происходить из разных классов и прослоек общества [1, с.94]. При этом они формировались по принципу связей, которые возникали в период обучения в какой-либо из военных академий [3, с.135]. Некоторые из них собирали шайки или банды, другие сами были ставленниками банд [1, с.95].

М.И. Казанин в своей работе «В штабе Блюхера» приводит примеры нескольких крупных милитаристов, таких как диктатор Манчжурии Чжан Цзолин, «маленький крысopodobный человек», был ранее главарем шайки бандитов, его союзник-диктатор Шаньдуна Чжан Цзунчан, такой же полуграмотный бандит [1, с.95].

Так же Фэн Юйсян вышел из зажиточной крестьянской семьи и имел некоторое образование. Он назвал свою армию христианской, но прошло некоторое время, и он объявил себя революционером, демократом, армию переименовал в народную. Увидев выгоду быть в костюме беднейшего крестьянина, надел его и повел свои полки на защиту интересов революции, чтобы завтра же ей изменить [1, с. 95].

Милитарист У Пейфу получил классическое китайское образование, обладал первой ученой степенью [1, с. 94]. Высоконравственный, как отмечал М.И. Казанин, У Пэйфу во время одной из решающих битв с южанами стоял в тылу с мечом в руках и тут же, на обочине дороги, рубил головы своим бежавшим офицерам [1, с. 95].

На деле милитаристов было много десятков и все они воевали друг с другом, одни господствовали над целой провинцией, других было по нескольку на одну провинцию [1, с. 95]. Вооруженные силы северных милитаристов были лучше обеспечены артиллерией и тяжелым пехотным оружием, в отличие от южных и центральных армий милитаристов [1, с. 3]. По оценкам сотрудников Коминтерна, под ружьем милитаристов было не менее двух миллионов человек, ими командовали несколько сот генералов, воевавших между собой за обладание хорошими кусками [1, с. 96].

Большой силой обладали китайские милитаристы, в том числе от них зависела смена политической ситуации в стране. К общему фронту антиимпериалистической борьбы примыкали консервативные слои, из которых южнокитайские милитаристы имели наибольшее значение, в отдельных случаях выступавшие против бэйянской (северной) клики. В свое время южане оказали поддержку Сунь Ятсену и продолжали входить в Гоминьдан после его смерти. В 1925 г. их войска вошли в состав Национально-революционной армии [4, с. 215].

Претендовав на большую территорию, милитаристы постоянно вели друг с другом войны, тут же вступали в коалиции, признавали власть более сильных. На очень долгие годы основным политическим фоном страны остается эта милитаристская междоусобица [4, с. 29]. В основном милитаристская борьба шла в социально-политических рамках господствующих и привилегированных классов, групп, но постепенно она затрагивала интересы почти каждого китайца, приводя к большим жертвам среди населения [4, с. 30].

Генералу Чжан Факую принадлежит историческая фраза: «Что же я все воюю, одерживаю победы и до сих пор еще не получил своей провинции?». Милитаристы рассматривали отдельные провинции Китая как уделы или домены в средневековье [1, с. 96]. Например, Пекин был «лакомым куском для всяких авантюристов. Захват его обещал международное признание. За него без конца дрались представители различных милитаристских клик» [3, с. 50]. Никто из них не был настоящим генералом. Все это был сброд, одетые в генеральские и фельдмаршальские мундиры [1, с. 96].

По словам М.И. Казанина, помимо реальных войн между милитаристами, в которых гибли тысячи людей, бывали и театральные, за которыми крылись комбинации и сделки между генералами [1, с.95]. Милитаристы были подозрительны, скрытны, не доверяли друг другу [2, с.44].

Милитаристы жили за счет грабежа населения, но при этом они объявляли себя патриотами и защитниками народа. В одной провинции собирали налоги на 20 лет вперед, в другой – заставляли сажать

опиумный мак, в третьей – наполняли рынок напечатанными и не имевшими никакой ценности банкнотами, и под угрозой расстрела заставляли их принимать [1, с. 96].

По словам А.И. Черепанова, высказанные им в книге «Записки военного советника в Китае», закон существования милитаристов был прост: «Есть армия – есть власть. Согласно с этим законом милитаристы чувствовали себя в Гуанжоу, как пассажиры на вокзале в ожидании попутного поезда». Каждый из них стремился накопить достаточно сил, чтобы раздвоить конкурентов в Гуанчжоу. Как правило, милитаристы не заботились ни об экономическом развитии, ни об улучшении жизни населения, занятой ими территории. Прежде всего, они были заинтересованы в сохранении доходов [2, с. 44].

Так же А.И. Черепанов пишет о том, что при феодальной раздробленности Китая не было никакой централизованной системы комплектования армии. Каждый генерал-милитарист формировал войско по своему и предпочитал солдат из родной провинции для того, чтобы играть на чувствах местного патриотизма [2, с. 208].

Многие крестьяне соглашались идти в солдаты, чтобы заработать для себя и прокормить свою семью, так как в городах Китая в то время была безработица. А.И. Черепанов пишет, что в среднем солдату платили восемь китайских долларов в месяц, из которых только два доллара выдавали на руки. Эти два доллара и привлекали солдат [2, с. 209].

Служба в войсках милитаристов была тяжелой, основывалась на палочной дисциплине. Солдатам были чужды цели боевых действий. У большинства милитаристов боеприпасов было очень мало, и поэтому солдат милитаристской армии не рвался в бой, но быстро бросался преследовать уже бегущего врага, чтобы поживиться чем-нибудь из брошенного имущества. Обычно милитаристы обещали избавить народ от тирании, не допускать грабежа населения и т.д. Но после захвата власти в провинции, они беззастенчиво разоряли крестьян поборами [2, с. 209].

М.И. Казанин приводит заключение Монтескье, которое было выдвинуто им в XVIII в. Монтескье проанализировав сообщения миссионеров, пришел к заключению, что Китай управляется палкой. Теперь, добавлял М.И. Казанин, к палке прибавились ружье и пулемет [1, с. 97].

Взросшую активность северных милитаристов А.И. Черепанов объясняет политическими соображениями. Милитаристам необходимо было ликвидировать опору Сунь Ятсена в Гуанчжоу, тем самым они хотели лишить Сунь Ятсена влияния на дальнейший ход событий [2, с. 196].

Сунь Ятсен придавал важное значение идее Северного похода против северных милитаристов. Сунь Ятсен назвал этот этап китайской революции этапом военных походов [2, с. 173]. Решение о Северном походе поддержало большинство руководителей Гоминьдана и союзных милитаристов, которые связывали с походом надежду на отвоевание родных провинций [4, с. 176]. Именно этот поход впоследствии позволил ослабить власть китайских милитаристов.

Каждый милитарист, подчеркивал М.И. Казанин, в Китае – это «Большая драконова голова», контрреволюционный самозванец, живущий эксплуатацией масс и их смутной мечтой об освобождении. Только революция и приход к власти народа могли спасти Китай [1, с. 99].

Милитаристы все больше становились олицетворением всех несчастий страны, воспринимались как главный источник материальных тягот и национального унижения, как основное препятствие на пути возрождения Китая [4, с. 30].

Литература

1. Казанин, М.И. В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов / М.И. Казанин. – Москва : Наука, 1966. – 156 с.
2. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае / А.И. Черепанов. – Москва : Наука, 1976. – 648 с.
3. Вишнякова-Акимова, В.В. Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания / В.В. Вишнякова-Акимова. – Москва : Наука, 1980. – 287 с.
4. Новейшая история Китая 1917–1927 гг. / под ред. И.А. Прусаускаене. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 400 с.

УДК 9(510+512.317)

ГРНТИ 03.09.55

ГОНКОНГ И КИТАЙ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

HONG KONG AND CHINA: PROBLEMS OF INTEGRATION

Мария Алексеевна Шишкина

Научный руководитель: И.В. Меха, канд. ист. наук, доцент

Омский государственный университет, г. Омск, Россия

Ключевые слова: Гонконг, Китай, специальный административный район, интеграция.

Keywords: Hong Kong, China, Special Administrative Region, integration.

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы интеграции Китайской народной республики и Гонконга. С 1997 года Гонконг является специальным административным районом Китая. Проблемы интеграции двух регионов затронули практически все сферы жизни общества. Главные изменения произошли в экономической и политической сферах. Сближение социалистического Китая и капиталистического Гонконга, несмотря на беспокойную политическую обстановку последнего, продолжается.

Истории известны случаи возврата целых народов в прошлые эпохи после вторжения кочевников, отказ от социалистических принципов в странах социалистической ориентации, народной демократии, да и в бывших республиках СССР. В исторической литературе они получили достаточное изучение. Но попытка интеграции «непримиримых» ориентаций – социализма и капитализма, двух довольно развитых государств пока известна только одна. Это КНР и Гонконг, которые до

1997 г. были объединены только национальностью народов населяющих их.

История интеграции этих государств серьезно отличается от объединения Германии, где Восточные земли были присоединены к ФРГ и за короткий срок просто растворились в общем государстве. Здесь же мы наблюдаем следование прежним принципам (хотя они тоже эволюционируют) и попытку большую часть (КНР) поднять до уровня меньшей (Гонконг).

Специальный административный район Китайской Народной Республики Гонконг сегодня является одним из крупнейших финансовых центров мира. Такому статусу регион во многом обязан Великобритании, так как до 1997 г. он был колонией этого государства.

В начале 1980-х гг. Дэн Сяопин выдвинул идею «одна страна – две системы», которая предусматривала возможность объединения китайских территорий при сохранении социалистического строя в Китае, а в Гонконге, Макао и Тайване капиталистических систем. В связи с реализацией этого положения возникают новые проблемы взаимодействия материкового Китая и его островных частей, связанные с интеграцией.

Гонконг в 1997 г. стал первой территорией, где проблемы интеграции затронули практически все сферы общества. Существенные изменения были внесены в организацию управления островом. В соответствии с Основным законом Гонконга (Глава 1, статья 12), он стал административным районом Народной Республики Китай с высокой степенью автономности и подчинением непосредственно центральному Народному Правительству Китая. В соответствии со статьями 13 и 14 данного закона Центральное народное правительство отвечает за международные дела, относящиеся к Гонконгу, а также за безопасность, состояние общественного порядка. Остальные вопросы, касающиеся территории, сохраняются за местными властями [1].

В колониальный период, королева Великобритании назначала губернатора региона, с 1997 г. главой считается Главный министр администрации Гонконга, избираемый специальным комитетом, состоящим из 800 человек деловой элиты Гонконга (половина из которых назначается правительством Китая, а вторая половина избирается внутри профессиональных округов).

Специальный административный район наделен правом законодательной власти. Законы, принятые в Гонконге должны быть направлены в Постоянный Комитет Национального Народного Конгресса КНР. Если постоянный Комитет установит, что представленный закон не соответствует основному Закону, либо затрагивает полномочия центральных органов, он возвращает закон назад, но не вправе изменять его [1].

Таким образом, Гонконг имеет достаточно широкую автономию в политической сфере общества, тем не менее, совсем недавно в регионе началось протестное движение, так называемая «революция зонтиков». Главное требование протестующих – отставка главы правительства Гонконга Лян Чжэньиня. Причина связана с тем, что Пекин пред-

ложил внести изменения в законодательство, предусматривающее согласование кандидатуры на должность главы специального административного района с руководством КНР. Правда, ни в одной протестной речи не звучат возгласы против правительства КНР.

Массовые выступления, даже краткосрочные создают проблемы в интеграции Китая и Гонконга. Население Гонконга, привыкшее к западным демократическим нормам, настроениям и действиям в политике, сильно беспокоит китайское правительство. Поведение студентов и горожан совершенно противоречит китайским политическим устоям. Достаточно вспомнить, как с подобного рода выступлением студентов на площади Тяньаньмэнь в КНР в 1989 г. расправилось правительство. Демонстрация была жестоко подавлена при помощи бронетехники и армейской силы.

Почему же руководство Китая не отреагировало на такое же масштабное событие в Гонконге? Реакция, конечно же, последовала, но правительство КНР на этот раз ограничилось лишь официальным обращением к мировому сообществу, в котором прозвучало требование не вмешиваться во внутренние дела государства. Причиной такой реакции является особый статус Гонконга и признание коммунистическим руководством Китая того, что Гонконг действительно имеет самостоятельность в решении своих внутренних проблем. Возмущение горожан реформой, предложенной КНР и одобренной правительством специального административного района, лишь подтверждает непоколебимую уверенность жителей Гонконга в обособленности их региона от материкового Китая. Если же говорить об открытых выборах, проведения которых требуют горожане, то они совершенно противоположны китайской практике консультаций при подборе руководителей.

Недовольство гонконгских студентов, деятельностью руководства региона связано и с проблемами экономического характера. Китай и Гонконг – важные экономические партнеры (напомним, что направления экономической политики специального административного района входят в полномочия правительства региона), а значит, для них очень важна стабильность экономических отношений. По статистике правительства Гонконга, в 2014 г., 60% реэкспортной продукции Гонконга было произведено в Китае. По данным таможенной статистики Китая, Гонконг является вторым по величине торговым партнером материковой части КНР после США. Товарооборот Китая и Гонконга составляет 8,7% от общего объема торговли специального административного района в 2014 г. [2]. Экономика Гонконга постепенно растворяется в китайской: если в 1997 г. ВВП региона составлял 16 % ВВП КНР, то к 2014 г. эта доля сократилась до 3 % [3].

Гонконг является ключевым финансовым центром для инвестиций Китая. К концу 2013 г., среди всех зарубежных финансируемых проектов, утвержденных в материковой части Китая, 44,3% были связаны с интересами Гонконга. В общей сложности приток использованного капитала составил US \$ 664 600 000 000, что составляет 47,7% от общенационального объема [3].

Закрепление за Гонконгом статуса транзитного пункта китайской торговли, а также транспортного узла на Дальнем Востоке произошло на рубеже XIX–XX вв., вместе с формированием в регионе мощной банковской системы, естественно под руководством английской буржуазии. Подавляющее большинство товаров доставлялось на английских и китайских судах, что свидетельствует, прежде всего, о значимости Гонконга именно для двусторонней англо-китайской торговли. Однако не следует игнорировать и роли международного сектора в грузо- и судообороте колонии [4].

Развитие новых отраслей промышленности в 80-е гг. XIX в. (фабрик и мастерских по производству веревочных изделий, соевых продуктов и консервированию имбиря, табачных изделий, производство стекла, зонтов, ткацкий и красильный промыслы) обусловило продолжающийся приток из Китая, как дешевой рабочей силы, так и китайского капитала, который постепенно приобретал все более твердые позиции в промышленности Гонконга [4, с. 70].

Еще одной из сторон интеграции стала сфера услуг. Важной областью совместной деятельности является туризм. В 2014 г. было зарегистрировано 60,8 миллионов туристов, посетивших остров, что в 8,4 раза больше населения Гонконга, из них 78% составили жители материкового Китая [4]. Для сравнения – в 1996 году Гонконг посетили более двух миллионов китайских туристов, а в 2006 году их число приблизилось к тринадцати миллионам (63 % от всех туристов, посетивших город) [2]. Отсюда можно сделать вывод, что Гонконг стал популярным туристическим направлением для материковых китайцев. Состоятельные китайцы находят привлекательность не только в видах с пика Виктории или прогулке по аллее звезд, но еще и в брендовых европейских магазинах, так как в Гонконге действует беспощинная торговля, товары в них стоят значительно дешевле. В противовес этому, материковый Китай совсем не является наилучшим направлением для туризма у гонконгцев, более того, горожане с неодобрением относятся к богатым туристам с материка, расхаживающим с большими чемоданами и замедляющим тем самым поток занятого городского населения. Тем не менее, эти самые туристы вносят значительный вклад в городской бюджет.

Проблемы интеграции КНР и Гонконга имеют ярко выраженный противоречивый характер, но эти два региона слишком зависимы друг от друга, чтобы осложнять отношения какими-либо реакционными действиями. Совершенно очевидно, что интеграция началась задолго до деколонизации региона, и за это время Гонконг стал неотъемлемой частью экономического пространства Китая. На данный момент, Китай соблюдает свою часть договора о невмешательстве во внутренние дела специального административного района, что позволяет этим двум регионам мирно и достойно сосуществовать друг с другом.

Литература

1. Основной закон Гонконга/Full Text: The Practice of the «One Country, Two Systems» Policy in the Hong Kong Special Administrative Region. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmcoffc.gov.hk/eng/xwtd/gsxw/t1164057.htm> (дата обращения: 10.03.2015).
2. Economic and Trade Information on Hong Kong [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hong-kong-economy-research.hktdc.com/business-news/article/Market-Environment/Economic-and-Trade-Information-on-Hong-Kong/etihk/en/1/1X000000/1X09OVUL.htm#sthash.rteDJbsW.dpuf> (дата обращения: 16.03.2015).
3. Why Hong Kong remains vital to China's economy//The Economist explains. Режим доступа: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2014/09/economist-explains-22>(дата обращения: 16.03.2015).
4. Иванов, П.М. Гонконг: История и современность / П.М. Иванов – Москва, 1990. – 274 с.
5. Мохов, В.Н. Гонконг на пути к политическому плюрализму / В.Н. Мохов // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 5. – С. 28-31.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(569.4)
ГРНТИ 03.09.55

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

BASIS OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE FIELD SETTLEMENT OF THE ARAB-ISRAELI CONFLICT TODAY

Екатерина Викторовна Арлт

Научный руководитель: А.Н. Полухин, канд. истор. наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия

Ключевые слова: арабо-израильский конфликт, МИД России, Израиль, Палестина.

Keywords: the arab-israeli conflict, MFA Russia, Israel, Palestine.

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть интересы России на Ближнем Востоке, и её роль в урегулировании арабо-израильского противостояния. Особое внимание уделено тому, что роль России на Ближнем Востоке регулируется экономическими интересами. Поэтому, поиск наиболее оптимальных путей дипломатического урегулирования арабо-израильского конфликта представляет больше практический интерес. Прослеживается особое внимание и поддержка России в отношении Палестины. По мнению МИД России, будущее свободное Палестинское государство должно стать родиной для всех палестинцев, следовательно, ставится задача России в продолжении диалога с палестинскими силами для установления мира в регионе.

Сегодня арабо-израильскому конфликту уделено не малое внимание. Его неразрешенность на протяжении более шестидесяти лет даёт основания для новых столкновений противостоящих сторон, что оказывает влияние на всю международную обстановку. Поэтому, проблема урегулирования главного конфликта на Ближнем Востоке не теряет актуальности. Тем более что арабо-израильское противостояние стало неотделимой частью мировой политики, в том числе и политики России. На территории Ближнего Востока Россия имеет свои собственные интересы, которые нужно продвигать и защищать. Урегулирование палестино-израильского конфликта для России является экономически выгодным. В своей политике на Ближнем Востоке Россия выступает

против смены режимов насильственным путем и против вмешательства во внутренние дела ближневосточных стран извне. Также, заинтересованность России на Ближнем Востоке заключается в восстановлении влияния до уровня времен СССР и минимизация присутствия и влияния в данном регионе США.

В своей концепции внешней политики Россия ставит перед собой цель оптимизации коллективных сил для того, чтобы достигнуть на мировой основе полного и долгосрочного урегулирования палестино-израильского конфликта, включая «создание независимого палестинского государства, сосуществующего в мире и безопасности с Израилем. Такое урегулирование должно быть достигнуто с участием и при учете законных интересов всех государств и народов, от которых зависит стабильность в регионе» [1].

Сатановский Е.Я. говорит о выгодной для России позиции сдержанности, которая «контрастирует с активностью США, ЕС и НАТО, пытавшихся проводить курс «нового колониализма» в Ираке и Афганистане с отрицательными результатами не только для региона, но и для них самих» [2]. Общим интересом, как США, так и России, являются меры по недопущению распространения радикализма и терроризма на Ближнем Востоке, и в мире, в целом.

В конце XX – начале XXI в. заметно проявился большой интерес России к ближневосточным событиям, к его проблемам, особенно к тому, что касается территорий Палестины. Поводом для того, что Россия обратила внимание на Палестину, послужил кризис отношений между израильтянами и палестинцами, который возник в конце сентября 2000 г.

Россия, поддерживая Палестину, встаёт в противовес политике Запада в регионе Ближнего Востока. Россия взаимодействует с Ираном, с Израилем, странами Залива, а также с негосударственными организациями «ХАМАС» и «Хезболлой», признанными на Западе террористическими. Примаков Е.М. отметил: «...весьма важным резервом урегулирования могут быть роль и политика Москвы. Россия отличается от других членов «квартета» тем, что у нее сложились хорошие отношения не только с Израилем, Ираном и Сирией, но и с движениями ФАТХ, ХАМАС, «Хезболла» [3].

По сведениям МИДа известно, что в России ценят высокий уровень и дружественный характер, искренность российско-палестинских дипломатических отношений. «Сказывается и то обстоятельство, что соседний с Россией Иран является её крупным торгово-экономическим партнером. Россия также как и США опасается ядерного вооружения Ирана, но стремится не допустить этого политическими средствами» [4].

Преобладающим является мнение о слабом участии России и о «молчании Москвы» в урегулировании палестино-израильского противостояния, хотя, признается наличие интересов России на Ближнем Востоке. Примаков Е.М. писал о том, что Ближний Восток всегда был и пока остается в круге интересов России [4]. В связи с этим, Е.Я. Сатановский пишет, что на протяжении века позиции России определены

границами. Во-первых, некая традиция политической конкуренции с США. Во-вторых, балансирование между экономическими интересами ЕС и Турции. В-третьих, потребность модернизации, а также борьба с радикалами-исламистами и другие контакты с Израилем. Наконец, установление дипломатических отношений МИД России с исламским миром [5].

Помимо собственных интересов, у России есть и международные обязательства в отношении Ближнего Востока и в решении палестино-израильского вопроса. Россия несет особую ответственность за обеспечение миропорядка и безопасности как постоянный член Совета Безопасности ООН. Заявление официального представителя МИД России от 21.11.2000 г. показывает, что Россия приложит и продолжит всевозможные усилия в урегулировании конфликта в связи с осознанием своей ответственности в ближневосточном регионе [6]. В заявлении МИД по вопросу резкого обострения арабо-израильского конфликта сказано, что Россия принимает достаточно активные усилия на пути нормализации ситуации на Ближнем Востоке [8]. При этом все меры России координируются Генеральным Секретарем ООН и представителями других государств. Главное, все стараются выполнить общие цели – незамедлительное прекращение насилия, восстановление, преимущественно, двусторонних переговоров, окончательное урегулирование противостояния.

Сегодня внешняя политика России, как и США, разнонаправленна. Поэтому Россия поддерживает дипломатические отношения с США, Турцией, Ираном, Израилем, странами арабского мира. «В системах связи и аэрокосмической отрасли, энергетике, военно-техническом сотрудничестве, вопросах борьбы с терроризмом, организованной преступностью и наркоторговлей Россия работает со всеми заинтересованными странами, включая Израиль, его союзников, противников и конкурентов» [2] – пишет Е.Я. Сатановский. В отличие от стран Запада, Россия не пропагандирует мировую борьбу с «исламским терроризмом». Отвергая терроризм во всех его формах и проявлениях, Россия осуждает теракты, включая теракты против израильских граждан, отстаивая основополагающее право на жизнь. Позиция России достаточно справедлива. В урегулирование арабо-израильского конфликта Россия отстаивает не только право народа на самоопределение, но и более серьезные идеологические принципы, которые и определяют характер всей системы международных отношений. Е.Я. Сатановский отметил, что участие России в урегулировании арабо-израильских отношений имеет перспективу, хотя ожидать скорейшего разрешения этого конфликта пока не приходится. «...Коспонсорская роль России скорее ритуал, хотя она нужна, чтобы присутствовать в кругу мировых лидеров» [2].

Международная политика рассматривается Россией как целостная структура и комплексная система мира. Примаков Е.М. выдвинул план выхода из ближневосточного кризиса, который предусматривает прекращение любых форм насилия, возобновление мирных дипломатических переговоров, основываясь на принципе «мир в обмен на землю»

[8], а также создание системы безопасности Ближнего Востока на региональном уровне при участии всех государств. Е.М. Примаков подчеркнул, что Россия намерена играть определяющую роль в ближневосточном противостоянии, чтобы соответствовать статусу коопонсора. Израиль, выступал против участия России в двусторонних переговорах с палестинцами, признавая активную роль России в многосторонних контактах. Постоянные отношения России с палестинцами дает возможность разрешать острые вопросы, возникающие в тяжелые периоды противостояния. Сатановский Е.Я. по этому поводу отметил, «Россия, вряд ли, будет следовать примеру СССР, платя миллиарды долларов за иллюзию политического влияния» [2].

Россия остаётся на позиции в том, что какой сложной бы ни была ситуация на Ближнем Востоке, нужно продолжать содействие по восстановлению палестино-израильского урегулирования. В Международный день солидарности с палестинским народом Россия продемонстрировала поддержку стремлениям палестинцев, включая право на создание независимого государства. В выступлении министра МИД России, А.В. Яковенко, говорится, что «конечной целью начатого движения должно стать создание суверенного, жизнеспособного и территориально целостного палестинского государства, сосуществующего в мире и безопасности с Израилем» [9]. В связи с этим, Россия призывает противостоящие стороны проявить ответственность в решении вопросов и избегать односторонних действий, которые могут встать на пути мирного процесса.

Россия продолжает вносить свой вклад в установление прочного и всеобъемлющего мира в регионе Ближнего Востока на общепризнанной международно-правовой основе. «В ходе обмена мнениями по вопросам двустороннего сотрудничества выражено общее стремление к укреплению дружественных российско-палестинских отношений в различных сферах» [10] – говорится в статье МИД России «О заседании российско-палестинского комитета по Ближнему Востоку». По словам Лаврова С.В., «поддерживать тесные контакты с нашими палестинскими друзьями всегда приятно. Мы хотим продолжать и расширять всяческое содействие переговорному процессу с тем, чтобы решить, наконец, застарелую палестинскую проблему...» [11]. По мнению министра, успеху в разрешении конфликта способствовало бы восстановление единства палестинцев, т.е. создание Палестинского государства. К тому же, начал свою работу Российско-палестинский деловой совет, в рамках которого обсуждаются различные проекты, в том числе касающиеся энергетики, водоснабжения и опреснения воды.

По мнению России, в мирном процессе должны участвовать палестинские силы, которые способны к диалогу с Израилем. Поэтому, из-за неудачных переговоров с Израилем, палестинцы перешли к односторонним компромиссным действиям в разрешении конфликта, которые предлагаются Россией. Урегулирование конфликта требует решения целого ряда и комплекса проблем, следовательно, нужно расширить состав участников переговоров за счет региональных представителей.

Таким образом, наблюдается преемственность России в отношении арабо-израильского противостояния. Как и в период СССР, Россия представляет разрешение конфликта путем образования двух независимых государств, а также стремится к участию в переговорах всех политических сил в мирном процессе. Россия, являясь членом «квартета», наблюдателем Организации исламского сотрудничества, а также поддерживаемые тесные связи с арабскими странами, имеет возможность реализовать свои инициативы в урегулировании конфликта. При чем, Россия стремится дополнить или компенсировать недостатки других коспонсоров, а не старается их вытеснить из Ближневосточного региона.

Сегодня мирный процесс на Ближнем Востоке находится в сложном состоянии. Определенно, существует необходимость использовать всевозможные пути для стабилизации арабо-израильских отношений, а также укрепить административную, политическую и экономическую сферы жизни палестинской автономии. Очевидно, что окончательный мир на Ближнем Востоке может быть только всеобъемлющим.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]//Утверждена Президентом Российской Федерации Медведевым Д.А., от 12.07.2008 г. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/d48737161a0bc944c32574870048d8f7!OpenDocument> (дата обращения: 7.03.2015).
2. Сатановский Е.Я. Замкнутый круг «миротворческой дипломатии» [Электронный ресурс]// Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/08-05-08c.htm> (дата обращения: 30.10.2014)
3. Примаков Е.М. Основополагающий конфликт [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2009. – № 3, Май-Июнь. – режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13210 (дата обращения: 6.01.2015).
4. Примаков. Е. М. Ближневосточный курс России: исторические этапы [Электронный ресурс]// Центр Азия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1358140200> (дата обращения: 6.01.2015).
5. Сатановский Е.Я. Израиль и внешний мир – перспективы развития ситуации [Электронный ресурс]// Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=11057#more-11057> (дата обращения: 30.10.2014).
6. Заявление официального представителя МИД России [Электронный ресурс]// Издание Министерства иностранных дел Российской Федерации, – № 1305 от 21.11.2000г. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005f4325699e004fc379!OpenDocument> (дата обращения: 5.02.2015).
7. Заявление МИД России в связи с резким обострением палестино-израильского конфликта [Электронный ресурс]// Издание Министерства иностранных дел Российской Федерации, – № 1078 от 15.10.2000г. – Режим доступа:<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005f4325699c003c0eb4!OpenDocument> (дата обращения: 05.02.2015).

8. Демченко А.В. Роль России в урегулировании палестино-израильского конфликта [Электронный ресурс]// Специально для портала «Перспективы». – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/rol_rossii_v_uregulirovanii_palestino-izrail'skogo_konflikta_2011-09-02.htm (дата обращения: 4.11. 2014).
9. Яковенко А.В. Выступление заместителя Министра иностранных дел России на торжественном вечере по случаю Международного дня солидарности с палестинским народом [Электронный ресурс]// Министерство иностранных дел Российской Федерации, – № 1906 от 29. 11. 2007г. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32573a2005562e1!OpenDocument> (дата обращения: 05.02. 2015).
10. О заседании российско-палестинского рабочего комитета по Ближнему Востоку [Электронный ресурс] Сообщение для СМИ // Министерство иностранных дел Российской Федерации, – № 431 от 01.04.2008г. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc325741e004adab7!OpenDocument> (дата обращения: 05.02. 2015).
11. Стенограмма выступления и ответа Министра иностранных дел России Лаврова С.В. на вопрос СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Председателем Палестинской национальной администрации Аббасом М. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации, – № 913 от 01.07.2010г. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32577530029ff55!OpenDocument> (дата обращения: 05.02. 2015).

УДК [291.337+398.3]:271.22

ГРНИ 03.09.55

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА К ПРИМЕТАМ И ОБЕРЕГАМ (ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ)

THE RELATION OF THE MODERN PERSON TO SIGNS AND CHARMS (ACCORDING TO QUESTIONING)

Евгения Валерьевна Веселкина

Научный руководитель: Н.А. Тучкова, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: приметы, обереги, «студенческая магия», школьники, студенты, молодые специалисты, национальность, вероисповедание, респонденты.

Keywords: signs, charms, «student's magic», school students, students, young specialists, nationality, religion, respondents.

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных верований в среде современной, преимущественно этнически русской молодёжи. В статье приведены данные относительно веры в приметы и охранительные свойства оберегов, собранные методом анкетирования (численность опрашиваемых – 100 человек), обобщены ответы респондентов и составлен рейтинг популярных примет и оберегов. Выявлено двойственное отношение к приметам и оберегам в исследуемой группе.

Приметами и оберегами издавна пользовались люди, желающие «отвести от себя беду», «притянуть к себе удачу» и оградить себя от

действия «темных сил». Приметы и обереги появились давно, но меня заинтересовал вопрос, пользуется ли ими современный человек?

Вопросом изучения отношения современного человека к приметам занимались такие исследователи, как? И.Ю. Назарова «Почему мы (не) верим в приметы» (2011), Т.В. Симашко «К вопросу о происхождении современных примет» (2011). Однако, не смотря на то, что данная тема связана с такой глобальной проблематикой, как мировоззрение современного человека, на современном материале она изучена явно недостаточно.

Для того чтобы изучить отношение молодого поколения к приметам и оберегам, мною было проведено исследование. При сборе данных мною использовался метод анкетирования. Вопросы в анкете были предложены как в закрытой форме (предполагались варианты возможных ответов) так и в открытой форме (информанту предлагалось дополнить список популярных примет, предложенных в анкете). Исследование проводилось в период с 4 марта по 10 апреля 2015 года. Опрос проходил анонимно.

Для более быстрого сбора информации использовалось два вида распространения анкет: раздаточное (персонально) и рассылка анкет в социальных сетях.

В исследовании приняли участие 100 представителей разных возрастных групп: 1) группа людей в возрасте от 15 до 20 лет (33%) (учащиеся в школе); 2) группа людей в возрасте от 21 до 25 лет (33%) (обучающиеся в университетах); 3) группа людей в возрасте от 26 до 30 лет (34%) (молодые специалисты). В данном анкетировании участвовали лишь те возрастные группы, которые, на мой взгляд, относятся к молодому поколению.

В анкетирование учитывалась национальность и вероисповедание респондентов. При подведении итогов было выявлено, что считают себя русскими по-национальности – 77% респондентов, не могут точно указать свою национальность 11% респондентов. Считают себя по-национальности не русскими 12% респондентов (из них в анкетировании приняли участия представители таких этнических групп, как кыргызы (3%), тувинцы, таджики (по 2% каждый), поляки, лезгины, татары, азербайджанцы (по 1 %)).

Так же из 100% респондентов православные составили 71%, мусульмане 8%. К атеистам отнесли себя 17 % респондентов. Придерживаются другой религии 4%. Среди «других религий» респонденты отметили язычество, буддизм, протестантизм.

Респондентам был задан вопрос «верите ли вы в приметы?»

Большинство опрошенных (69%) ответили «Да». И только 30% ответили «Нет» и 1% – затруднились ответить.

Следовательно, молодое поколение все же верит в приметы, несмотря на то, что некоторые могут сказать, что это предрассудок или пережиток прошлого.

Респондентам были предложены приметы, предупреждающие о беде, которые имеют популярность. Каждый из респондентов располо-

жил приметы в последовательности, важной для него. Таким образом, получилось, что самой популярной приметой, предупреждающей о беде, является «ответ Б»: Черная кошка, перебежавшая дорогу (28 %). На втором месте «ответ А»: Плевать через плечо три раза от сглаза (23 %). На третьем месте примета, предупреждающая о беде «ответ Г»: Рассыпать соль (19%).

Далее ответы расположились в следующем порядке:

4. Е. Разбить зеркало – предупреждает о беде (21%)

5. В. Держать дома битую посуду – к беде (30%)

6. Д. Залетевшая в дом или квартиру птица – к беде (30%)

Анкетирование показало, что большинство респондентов затруднялись написать приметы, в которые они верят, помимо предложенных в списке. Следовательно, мы можем сделать вывод, что другие приметы не так популярны среди молодого поколения. Однако кое-кто всё же указывал некоторые дополнительные приметы.

Так, дополнительно к упомянутым в анкете приметам, респонденты отметили следующие приметы, предупреждающие о беде, которые они используют в своей жизни. Самыми часто повторяемыми стали такие приметы как: встретить женщину с пустыми ведрами – к неприятностям (5 респондентов); Нельзя носить чужие часы, одежду, украшения – к беде (3 респондента); Запнулся левой ногой – к несчастью (3 респондента); Одеть одежду задом наперед или на левую сторону – к неприятностям (3 респондента); Нельзя озвучивать свои неприятности в разговоре с людьми, т.к. беды могут увеличиться (3 респондента); Когда возвращаешься в дом и не посмотришься в зеркало – к беде (2 респондента); Оставить на ночь нож на столе – к неприятностям (2 респондента); Выносить мусор в дорогу или после заката – к несчастью (2 респондента); Много смеяться – к несчастью (2 респондента).

Интересно проследить на основе ответов респондентов, что они вкладывают в понятие «беда». Под этим термином молодые люди имеют ввиду: бедность (возвращать долги после захода солнца – к бедности); пожар (разбить гнездо ласточке – к пожару); болезни и смерть (когда птица об окно ударяется – к болезни, смерти).

Второй вопрос, заданный респондентам, был следующим: «Верите ли вы в охранительные свойства оберегов?»

«Да» ответили 63% респондентов

«Нет» ответили 37% респондентов

Респондентам так же были предложены обереги, которые они расположили в последовательности, важной для них. Таким образом, получилось, что самым популярным оберегом стала (А): Английская булавка, прикрепленная к одежде (37%). На втором месте (Б): Оберег для дома – подкова, которая приносит удачу и охраняет дом (31%).

3. В. Оберег «Ловец снов» – охраняющий сон человека (25%)

4. Г. Оберег от сглаза – небольшое зеркальце (36%)

Респонденты предложили и свои разнообразные варианты оберегов, которыми они пользуются. Самым популярным оберегом, судя по ответам, стал нательный крестик (9 респондентов). Встречаются такие

обереги, как небольшая икона, возможно с именами святых (6 респондентов); кулоны на шею и кольца с символикой, которые передаются по наследству; украшения с символикой «своего» знака зодиака (4 респондента); кусочек ладана приколотый от сглаза к одежде. 2 респондента считают что молитва – самый надежный оберег. В единичных случаях упоминаются оригинальные/не типичные обереги, которые носят постоянно с собой: например: мотошлем, браслеты, монетка или кусочек сахара.

Можно заметить, что в качестве эффективных оберегов респондентами чаще всего упоминаются именно религиозные обереги (иконы, кресты, молитвы, ладан). Это связано с тем, что большая часть опрошенных православные, и их вера в охранительную силу православной символики весьма актуальна (не формальна).

Среди выявленных ответов были упомянуты обереги для дома (всей семьи), а не только личные: веник (3 респондента); оберег-домовёнок (3 респондента); различные камни (2 респондента).

На основе собранных данных можно сделать вывод, что в настоящее время обереги не утратили своего значения. Большинство молодых людей верят в силу оберегов и пользуются ими. Обереги могут быть как личными, которые мы носим постоянно с собой, так и для дома.

На первый взгляд, совсем обычные вещи, такие как мотошлем, браслет, брелок, монетка могут приобрести необычные свойства оберега, но только для определенного человека. Напротив, вещи с религиозной символикой или имеющие отношение к религии являются наиболее типичными оберегами; их защитные свойства воспринимаются как универсальные.

Отдельным аспектом исследования были вопросы по «студенческой магии». Среди них, в частности, был такой: как можно положительно повлиять на сдачу экзамена?

Всем возрастным группам респондентов был предложен вопрос «Пользуетесь (пользовались) ли вы студенческими приметам и оберегами?»

Ответы респондентов распределились почти в равном количестве:

«Да» ответили 52% респондентов

«Нет» ответили 48% респондентов

Из предложенных респондентам студенческих примет и оберегов, самой популярной стал оберег (А): Класть «пяточок» под пятку, идя на экзамен (26%);

Втрое место заняли две приметы: (В) Нельзя мыть голову, стричься, бриться, заправлять кровать накануне экзамена (16%) и (Б) Нужно приходить на экзамен в одной и той же одежде, стирать её нельзя (15%);

Примета, занявшая третье место, гласит, что нужно в ночь перед экзаменом, выставить в форточку открытую зачетку и трижды прокричать как можно громче «халява, приди!»(15%) (Д).

4. Е) Спать на учебниках и конспекте (16%).

5. Ж) Никому не показывать зачетку с предыдущими оценками (18%).

6. Г) Иконка, вложенная в зачетку (24%).

Респонденты считают, что также для хорошей сдачи экзаменов и зачетов помогают: молитва, самовнушение перед зеркалом, различные талисманы. Большинство студентов в ночь перед экзаменом не спят, а учат билеты или занимаются своими делами. Считают, что усиленная учеба – это самая хорошая примета.

Однако есть респонденты, которые не верят в силу студенческой магии: 10% из числа респондентов возрастной группы 26–30 лет (молодые специалисты) считают, что приметы и обереги не могут помочь в сдаче экзамена, поэтому нужно учить или использовать шпаргалки. Также респонденты данной возрастной группы не смогли предложить ни одной студенческой приметы, помимо примет из списка, предложенного в анкете.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что современное молодое поколение людей (школьники, студенты, молодые специалисты) все же верят в приметы, не смотря на то, что некоторые приметы и обереги не имеют никакого логического объяснения и появились совсем недавно. Однако и некоторые старые народные приметы, прошедшие через века, всё ещё актуальны в наши дни, и имеют популярность у современной молодёжи. Анкетирование показало, что современный человек верит не только в приметы, но и в охранительные свойства оберегов. Можно заметить, что в качестве наиболее эффективных и универсальных оберегов чаще всего респондентами упоминаются предметы религиозного культа (иконы, кресты, ладан), а также молитвы.

Литература

1. Симашко, Т.В. К вопросу об изучении современных примет на фоне традиционных // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 159-165
2. Назарова, И.Ю. Почему мы (не) верим в приметы // Антропологический форум. – 2011. – № 13. – С. 107-116

УДК 94(47).083/329.21

ГРНТИ 03.23.55

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЮЗА В РОССИИ В 1915–1917 ГГ.

ACTIVITY OF THE DOMESTIC PATRIOTIC UNION IN RUSSIA IN 1915–1917

Денис Анатольевич Гаврин

Сибирская пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Железногорск, Россия

Ключевые слова: монархия, организация, союз, политика, правительство, министерство, кризис, революция.

Key words: monarchy, organization, union, politics, government, ministry, crisis, revolution.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Отечественного патриотического союза – российской монархической организации, возникшей в 1915 г. Основной задачей Союз провозглашал содействие объединению русских людей всех сословий и состояний для мирной работы на благо Отечества на нераздельных исконных русских началах: Православия, Самодержавия и Народности. Деятельность этого Союза вызвала критику со стороны других монархических организаций. Отечественный патриотический союз стал последней монархической организацией в России, члены которой пытались спасти монархию от гибели и после революции 1917 г. прекратил свое существование.

Накануне Первой мировой войны в России существовало несколько политических организаций, объединявших в своих рядах сторонников монархии, убежденных борцов с революционными и либеральными идеями, подрывающими основы самодержавия. Вступление России в Первую мировую войну в 1914 году стало началом периода тяжелых испытаний для всей страны. В 1914-1917 гг. в России активно продолжали свою деятельность ряд влиятельных право-монархических («черносотенных») организаций. Среди них наиболее крупными и влиятельными были «Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа», «Союз Русского Народа», Русский народный союз имени Михаила Архангела, Русский монархический союз в Москве, Одесский союз русских людей, Астраханский народный монархический союз (Н.Н. Тихановича-Савицкого), киевский «Двуглавый Орел». В июне 1915 года в Москве появилась еще одна монархическая организация – Отечественный патриотический союз (ОПС). Председателем Главного совета новой организации стал деятель монархического движения, ранее принимавший участие в деятельности Союза русских людей, Василий Григорьевич Орлов, ближайшим помощником председателя стал еще один активный монархист, издатель газеты «Колокол» Василий Михайлович Скворцов.

Отечественный патриотический союз был сформирован во время Первой мировой войны, когда после ряда неудач на фронте многие общественные деятели, особенно из числа депутатов Государственной думы всерьез говорили о социально-экономическом и политическом кризисе, охватившем империю. Большие потери на фронте, недостаток боеприпасов и вооружения, и, как следствие, начавшееся «Великое отступление» русской армии, в ходе которого врагу были оставлены территория Польша и часть Прибалтики – все это, по мнению многих должно было вызвать недовольство властью царя и уменьшить число сторонников монархии. Несмотря это, 21-22 июня 1915 г. прошло Учредительное собрание новой русской монархической организации. Вскоре Союз развернул активную деятельность. В ОПС вошли 58 московских и провинциальных отделов ранее существовавших монархических организаций. Большинство из них ранее были частью Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (РНСМА), основанного В.М. Пуришкевичем.

Руководители Союза В.Г. Орлов и В.М. Скворцов менее чем за год создали отделения своей организации в Петрограде, Витебске, Сарато-

ве, Харькове, Нижнем Новгороде, Серпухове, Астрахани, Самаре, Рязани. К осени 1916 г. в ОПС состояло 82 отдела. Несмотря на быстрый рост численности новой организации, с самого начала своего существования она вызывала нарекания со стороны других монархических организаций, не желавших согласиться с тем, что Союз, в отличие от других черносотенных объединений, принимал в свои ряды не только русских, но и инородцев, и иноверцев, и даже евреев. Особенно сильное недовольство у «истинно русских» патриотов вызывала информация о финансировании Союза банкирским домом Рубинштейна и другими еврейскими коммерсантами. В связи с этим многие считали, что Союз таким образом дискредитирует и пытается развалить монархическое движение в России.

В.Г. Орлов неоднократно подчеркивал, что «целью создания Союза является сплочение общества во время войны, привлечение в монархическое движение тех народностей, которые проливают кровь за Царя и Отечество» [1, с.357].

Появление ОПС в данный исторический период было обусловлено рядом обстоятельств. В то время среди русских монархистов уже давно не было единства. Различные монархические организации боролись за политическое влияние. Шла борьба между монархическими объединениями Петрограда и Москвы. Несмотря на отдельные попытки, достичь объединения монархического движения в России не удалось. Расколы и внутренняя борьба фактически парализовали деятельность Союза Русского Народа – крупнейшей монархической организации. Разный подход к вопросам об участии в деятельности Государственной Думы и союзу с другими правыми силами усугубился личными амбициями лидеров монархического движения [2, с.34].

Отечественный патриотический союз был создан силами московских монархистов, Главный совет организации находился в Москве, где к тому времени базировалась всего одна монархическая организация всероссийского масштаба – Русский Монархический Союз (РМС). Всероссийским РМС был только по названию. Деятельность ОПС поддерживали такие известные московские монархисты, как протоиерей Иоанн Восторгов, литератор и публицист Б.В. Назаревский, известный историк, профессор Д.И. Иловайский, правовед А.С. Шмаков и другие общественные деятели [3, с.613].

Союз появился при поддержке правительственных кругов, настроенных умеренно консервативно. ОПС создавался не для того, чтобы в него могли вступать евреи, а для того, чтобы в него вступали те благонамеренные русские, которых отпугивал крайняя нетерпимость и консерватизм первых монархических союзов, для кого были неприемлемы еврейские погромы и другие агрессивные действия.

При создании Союза В.Г. Орлов заручился покровительством некоторых высокопоставленных сановников, известных своими симпатиями к монархии: министра путей сообщения С.В. Рухлова, сенатора Н.И. Туган-Барановского, товарища министра внутренних дел Н.В. Плеве [3, с.614].

В сентябре 1915 г. был утвержден устав ОПС. Основной задачей своей деятельности Союз провозглашал содействие «объединению русских людей всех сословий и состояний для мирной работы на благо Отечества на нераздельных исконных русских началах: Православия, Неограниченного Царского Самодержавия и Русской Народности». В уставе отмечалось, что ОПС стремится «всеми законными способами содействовать улучшению материального быта крестьян и рабочих», одновременно Союз намеревался «всеми силами оказывать противодействие социализму, как лживой и несостоятельной теории обеспечения трудящихся классов и как силе разрушительной для государственной и церковной жизни» [4, с.763]. В тексте устава было сказано о преданности и благонадежности Союза правительству и государственному устройству Российской империи, сложившемуся в России в результате преобразований, связанных с Манифестом 17 октября 1905 года. Союз заявлял о готовности к конструктивному сотрудничеству с правительством во имя общего блага.

Союз, согласно заявлениям его учредителей, «стремится к установлению более тесной постоянной непосредственной связи с правыми членами Государственной думы и Государственного Совета, имея в канцелярии Главного совета Союза особый отдел по справкам в думе и текущих ее делах. При новых же выборах в Думу Союз принимает деятельное участие в таковых, стремясь провести в Думу возможно большее число своих единомышленников». Провинциальные отделы, по указанию Главного совета, должны были «вступить в соглашение с родственными по духу политическими организациями» [4, с.765].

Согласно уставу, Отечественный патриотический союз определял себя как организацию всероссийского масштаба с центром в Москве, где и находился Главный совет. Местные отделы открывались при наличии не менее 12 членов. В уставе закреплялась довольно неопределенная форма подчинения местных отделов Главному совету, с которым отделы находятся «в постоянном духовном и нравственном единении, а равно и в посильной взаимной материальной поддержке, однако без какого бы то ни было принудительно-юридического подчинения» [4, с.766].

Указанные пункты устава ОПС присутствовали в уставных документах других монархических организаций России. Наиболее существенным отличием, выделявшим ОПС среди родственных по духу монархических союзов, являлся пункт о членстве в Союзе и примечания к данному пункту. В уставах всех монархических организаций содержались ограничения на вступление в члены союзов иноверцев и инородцев и категорически запрещали вступление в их ряды евреев. В примечаниях к пункту о членстве Устава ОПС было сказано: «1. Немцы и все те, кои враждебны государственным устоям России, членами Союза быть не могут. 2. Инородцы и иноверцы принимаются в члены Союза по единогласному решению Советов Отделов, каждый раз представляя о сем на утверждение Главного Совета». [4, с.765]. Подобная «толерантность» была совершенно недопустимым, чуждым и непонятным явлением для членов других русских монархических объединений.

Крупнейшие монархические организации России – оба Союза Русского Народа (СРН) – некогда составлявшие единую мощную организацию – «дубровинский» Союз (председатель – А.И. Дубровин), и «марковский» (под председательством Н.Е. Маркова) отнеслись к учреждению ОПС однозначно отрицательно. Они считали возникновение ОПС политической авантюрой, и старались всячески от него дистанцироваться.

В конце 1916 г. ОПС планировал созвать в Москве монархический съезд, призванный, по замыслу руководителей Союза, положить конец междоусобной розни и объединить монархистов России. Лидер ОПС Орлов пытался заручиться поддержкой этого мероприятия со стороны представителей властных структур и других право-монархических организаций. Премьер-министр Б.В. Штюрмер принял депутацию ОПС. Член Государственного Совета С.В. Рухлов и другие влиятельные люди из правительства выразили свое одобрение и поддержку.

Несмотря на все усилия, В.Г. Орлову не удалось получить поддержку своему проекту ни от одной монархической организации. Наоборот, монархические организации России оказали явное противодействие Союзу и его попыткам достижения всеобщего единения. 6 октября 1916 г. Совет Монархических Съездов выпустил специальное постановление, адресованное всем монархистам и подписанное С.В. Левашовым, А.А. Римским-Корсаковым, А.И. Дубровиным и Н.Е. Марковым, в котором сообщалось, что союзы, общества и организации, вошедшие в состав Монархических Съездов, не имеют ничего общего с деятельностью В.Г. Орлова и в московском съезде участвовать не собираются [3, с.615]. Совет Монархических Съездов, в лице подписавшихся, заявил протест против причисления ОПС к правым монархическим организациям. Признание еврейского равноправия, по мысли авторов постановления, противоречит основам православной монархической государственности. Издание этого постановления означало окончательный разрыв между ОПС и остальными монархическими организациями России. Орлов пытался оказывать противодействие своим оппонентам – он лично обращался к Б.В. Штюрмеру, А.Д. Протопопову, С.П. Белецкому и другим высшим сановникам с жалобами на своих противников и с объяснением своей точки зрения. Так, Орлов жаловался министру внутренних дел на Н.Е. Маркова и его газету «Земщина», на страницах которой печатались публикации, направленные против Орлова и его организации. Лидер ОПС подчеркивал, что негативные замечания и клеветнические суждения со стороны членов СРН, РНСМА и РМС против него и его соратников «носят личный характер и ничего общего с отстаиванием интересов монархического дела не имеют» [5, с.411]. Министерство внутренних дел при Б.В. Штюрмере, и при А.Н. Хвостове, и при А.Д. Протопопове занимало позицию невмешательства в распри среди монархистов.

В январе 1917 г. в Москве прошло собрание Союза, на котором обсуждались проблемы противодействия духовному и политическому кризису, охватившему общество. Собрание направило телеграмму

министру внутренних дел А.Д. Протопопову с требованием проявлять на местах твердую власть, так как революционная пропаганда принимает широкие размеры [6, с.121]. Протопопов не оправдал возлагаемых на него надежд и не принял сколько-нибудь эффективных мер для предотвращения готовящегося заговора против монархии.

Дальнейшей патриотической деятельности, а также продолжению борьбы между ОПС и другими монархическими организациями помешали события, приведшие в итоге к свержению монархии в России. Временное правительство, а потом и большевики, старались уничтожить «контрреволюционные элементы». ОПС, как и другие монархические объединения, прекратил свое существование.

Отечественный патриотический союз стал последней монархической организацией в России, члены которой пытались спасти монархию от действия разрушительных сил и после революции разделил судьбу других русских монархических организаций. Возникновение Союза в последние годы существования империи свидетельствует, что в России было немало людей, для которых идеалы монархической государственности имели непреложное значение.

Союз, как и другие право-монархические объединения того времени, в своей деятельности показывал обособленность от других монархических организаций, при этом претендуя на статус всероссийской организации. По сравнению с ранее существовавшими монархическими объединениями ОПС был более демократичным, прогрессивным и открытым к конструктивному диалогу с правительством и общественностью. При этом незыблемость монархического устройства России оставалась главной идеологической основой Союза. Члены Союза пытались найти новые, более рациональные формы политической активности, но так и не смогли предложить ничего принципиально нового, занимаясь в основном устной и печатной агитацией, обсуждением текущих проблем на внутривнутрипартийных собраниях, просветительской работой в духе монархических идеалов и благотворительностью. В условиях длительной войны и связанного с нею социально-политического кризиса ОПС не сумел предложить правительству программы действий, способных обуздать недовольство и духовно сплотить Отечество. В своих попытках сохранить монархию в России члены Союза действовали изолированно и обособленно от остальных право-монархических сил. Правительство оказывало монархическим организациям лишь моральную поддержку, не используя их потенциальные возможности для объединения народных масс вокруг Царя.

Деятельность Отечественного патриотического союза оказалась последним серьезным проявлением политической активности монархического движения в России. Русские монархисты слишком много времени и сил тратили на борьбу со своими единомышленниками и не смогли сплотиться перед лицом надвигающейся общероссийской катастрофы.

Литература

1. Платонов О.А. История русского народа в XX веке. – Москва: Алгоритм, 2009. – 1264 с.
2. Воинство Святого Георгия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века. – Санкт-Петербург: Царское дело, 2006. – 808 с.
3. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. Отв. редактор О.А. Платонов. М., Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.
4. Правые партии: 1905-1917 гг.: Т. 2: 1911-1917 гг.: Документы и материалы (сост., предисл., введ., комм. Кирьянова Ю.И.). – Москва: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 816 с.
5. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 464 с.
6. Степанов А.Д. Черная сотня: взгляд через столетие. – Санкт-Петербург: Царское дело, 2000. – 136 с.

УДК 94(57)

ГРНТИ 03.23.31

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СИБИРСКОГО ГОРОДА XVIII ВЕКА ПО ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ЗАПРОСАМ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КУЗНЕЦКА)

THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE SIBERIAN CITY OF THE XVIII CENTURY ON GEOGRAPHICAL NEEDS OF THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES (AT THE EXAMPLE OF THE CITY OF KUZNETSK)

Григорий Вадимович Горшков

Научный руководитель: А.Н. Худолеев, доктор исторических наук, профессор

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия*

Ключевые слова: урбанистика, анкеты, Императорская академия наук, город Кузнецк, реконструкция, XVII-XVIII века, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер.

Keywords: urban studies, questionnaires, Imperial Academy of Sciences, city of Kuznetsk, reconstruction, XVII-XVIII century, M. V. Lomonosov, G. F. Miller.

Аннотация: Реконструкция Сибирского города XVII-XVIII веков связана с определенными трудностями. Прежде всего, это недостаток письменных источников по данному периоду русской истории. В данной статье предлагается вариант решения этой проблемы посредством использования географических запросов Императорской академии наук, составленных Герардом Фридрихом Миллером и Михаилом Васильевичем Ломоносовым в 1760 и 1764 годах соответственно. В статье освещаются основные позиции, по которым требовалась информация для составления полного и новейшего атласа Российской империи XVIII века, а также предлагается перспектива изучения предложенного корпуса источников по истории Сибири.

В настоящее время историческое краеведение развивается быстрыми темпами. Ежегодно издается множество статей и монографий на краеведческие темы, интерес к краеведению прививается со школьной

скамьи. Но, несмотря на все достижения современного краеведческого движения, имеются весомые проблемы. При изучении истории сибирских городов XVII-XVIII веков исследователь-краевед сталкивается с крайне скудным корпусом письменных источников. Данная ситуация обуславливается тем, что в XVII-XVIII веках в Сибири было практически не развито архивное дело. Чаще всего документы утрачивались в результате того, что архив заливало водой, либо он сгорал. Хотя встречались и более радикальные случаи, когда городские воеводы уничтожали документацию, чтобы не дискредитировать себя.

В связи с этим возникает вопрос о том, как реконструировать город, городскую жизнь при отсутствии должного количества источников освещающих самые разные стороны городской жизни. В качестве ответа, мы предлагаем географические запросы Императорской академии наук, которые достаточно активно использовались в XVIII веке для составления ландкарт и атласов Российской империи. Эти запросы представляют собой анкету, состоящую из максимально конкретизирующих вопросов, на которые было необходимо давать предельно подробные ответы.

В данном исследовании за основу были взяты Запросы Императорской академии наук, составленные в 1764 году Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Запрос состоит из 30 вопросов, которые охватывают практически все сферы жизни города, требуя информацию следующего характера: полное описание оборонительных укреплений, наличие церквей и монастырей, проводятся ли ярмарки, запрашивается подробное описание географических условий, ремесла и промыслы горожан, подробное описание культуры и быта коренных народов и т.д. [1, с.730-733] Наличие у историка-краеведа подобной анкеты заметно упрощает ему работу, так как у него на руках оказывается готовый план исследования, к которому, зачастую, имеется еще и ответ воеводской канцелярии города.

Именно так получилось в случае с городом Кузнецком, но с одной неточностью. В нашем распоряжении оказалась анкета, составленная М.В. Ломоносовым и ответ Кузнецкой воеводской канцелярии на анкету Г.Ф. Миллера, разосланную четыремя годами ранее, в 1760 году для Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Как оказалось, оба запроса практически идентичны, за исключением пары вопросов, которые появились в анкете М.В. Ломоносова. Наличие ответа воеводской канцелярии существенно облегчило исследование, но были и проблемы. Первый вопрос анкеты требовал описания городских креплений: материала, из которого они сделаны, точных размеров и планировки. Кузнецкие казаки не отвечали на это вопрос, обосновывая это следующей формулировкой (соблюдается орфография оригинала): «На I. Об оном по присланному Ея императорского величества из Сибирской губернии канцелярии от 4 июня прошлого 1760 году указу с прописанием во оном канцелярии Главной артиллерии и фортификацией ис канторы промемории с объявлением во оном предложения его сиятельства над фортификациями всероссийской империи обер-директора сенато-

ра и ковалера графа Петра Ивановича Шувалова о состоянии крепостей и планов и никакого объяснения подлежащего к сочинению при императорской академии наук российского атласа дават не велено» [2, с.112]. Аналогичная ситуация и с вопросом № 25, в котором М.В. Ломоносов и Г.Ф. Миллер запрашивали чертежи и карты городов с прилегающими к ним окрестностями. Решением данной проблемы является работа Г.Ф. Миллера, написанная им во время экспедиции Академии наук 1733-1743 годов, «Описание Кузнецкого уезда...», в которой он самостоятельно описывал Кузнецкий острог [3, с.69].

Теперь перейдем к тому, какую информацию мы смогли получить при помощи работы с данными анкетами. Помимо стандартного географического описания (реки, горы, полезные ископаемые и минералы, звери и птицы) эти географические запросы предоставляют нам подробные сведения об экономическом состоянии города. Так, составитель ответа указывал, что в городе Кузнецке не имеется ярмарок, а ряд в городе один на всю округу. Вместе с тем следует отметить, что из-за слабой развитости торговли прекратилось судоходство по Томи в сторону Кузнецка, лишь время от времени приходят суда с Томска. По берегам реки нет ни одной купеческой пристани и все близлежащие деревни и села торговлю ведут исключительно в Кузнецке [2, с.113]. На слабую экономическую развитость также указывают сведения об отсутствии какого-либо добывающего производства в Кузнецком уезде, даже такой важный для жизни человека минерал как соль, доставляется в Кузнецк с Колывано-Воскресенских заводов на Алтае [4, с.149].

Из анкет мы получаем подробные сведения о частном хозяйстве в городе Кузнецке: ремесла, промыслы, основные возвращаемые культуры. Из них мы узнаем, что кузнецчане занимаются хлебопашеством, чепотным (башмачным) делом, дубят кожу, несколько человек занимаются мыловарением. Сельское хозяйство представляет собой, в основном, возвращение злаковых культур, таких как: рожь, пшеница, ярица, ячмень, овес, а из скота в основном содержат коров да лошадей. Все что заготавливается сверх нормы отправляется либо зимой, либо летом в казну Колывано-Воскресенских заводов [2, с.114].

Особый интерес представляет ответ на 30 вопрос, в котором М.В. Ломоносов и Г.Ф. Миллер расспрашивали о местном коренном населении. В ответ им приходило подробное этнологическое описание всех татарских племен живущих в округе, а также описание телеутов. Составитель ответа особое внимание уделял тому, во что местные татары верят и как осуществляются бракосочетания. Опуская при этом подробности их быта и того, какими промыслами они занимаются и с каких ясак отдают [2, с.115].

Таким образом, работа с данным корпусом документов предложила нам позитивный опыт реконструкции городской жизни. Обусловлено это тем, что здесь имеются сведения, которых нет в отчетах экспедиций Академии наук и в документах, которые сохранились до наших дней в архивах. Использование этих анкет позволяет реконструировать сознание сибирского горожанина, отметить то, чему он больше

придавал значение, что в большей степени привлекало его внимание. Еще один плюс данного корпуса источников состоит в том, что они практически не проработаны современной исторической наукой.

Литература

1. Ломоносов, М.В. Запросы [Текст] / М.В. Ломоносов // Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. – Москва: Типография Московского университета, 1865. – Книга 1. – С. 730-733.
2. Ответы Кузнецкой воеводской канцелярии на анкету Г.Ф. Миллера 1760 г. [Текст] // Кузнецкая старина: историко-краеведческий сборник. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2006. – Вып. 8. – С. 112-115.
3. Миллер, Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. [Текст] / Г.Ф. Миллер // Кузнецкая старина: историко-краеведческий сборник. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. – Вып. 5. – С. 63-85.
4. Источники по истории снабжения солью Кузнецкого ведомства в 1770-е гг. [Текст] // Кузнецкая старина: историко-краеведческий сборник. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2010. – Вып. 1. – С. 148-167.

УДК 930.1

ГРНТИ 19.10.37

ТЕОРИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И «ВЕЛИКИЙ СЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ» В ТРУДАХ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

THE THEORY OF LOCAL CIVILIZATIONS AND “THE GREAT SLAVIC UNION” IN WORKS OF NICOLAY DANILEVSKY

Мария Николаевна Довнарович

Научный руководитель: А. Н. Полухин, канд. истор. наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, цивилизационный подход, культурно-исторические типы, локальные цивилизации, «Великий славянский союз», панславизм, «социалистический лагерь».

Key words: N.Y. Danilevsky, civilization approach, cultural and historical types, local civilization, “The Great Slavic union”, Pan-Slavism, “socialistic camp”.

Аннотация. Русский мыслитель XIX века Н. Я. Данилевский анализирует и объясняет различие России от Европы, и приходит к выводу, что это отличие кроется в цивилизационном плане. По его мнению, славяне могут раскрыть свой потенциал лишь в том случае, если все народы, составляющие этот культурно-исторический тип, объединятся в единый Всеславянский союз, и тем самым смогут образовать собственную уникальную цивилизацию. В статье раскрыто для истории эвристическое значение этих идей мыслителя.

На фоне обострения внешнеполитических и внешнеэкономических процессов, происходящих в настоящее время среди ведущих стран мира, как никогда становится актуальной идея Н. Я. Данилевского о не-

возможности построить единую общечеловеческую цивилизацию, и выработать единые для всего человечества ценности. Мыслитель развивает положение о том, что каждая цивилизация развивает только один жизненный аспект в полном совершенстве, и только таким способом может внести свой вклад в копилку исторического прогресса.

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) является знаковой фигурой своего времени. Его нестандартный и критический взгляд в различных областях знаний очень редко находил отклик и понимание в научной среде. В частности это касается его заслуг в области исторической науки, где он не был серьезно оценен современниками, и неоднократно его теоретические положения подвергались всесторонней критике за то, что он противопоставлял Россию и Запад. Его главное достижение заключалось в разработке и обосновании цивилизационного подхода в изучении истории, и оно не было серьезно воспринято в рядах представителей русской дореволюционной историографии. Советская историография ещё более негативно относилась к ученому, поскольку воспринимала его как идеолога панславизма, крепостничества и самодержавия. Впервые по достоинству он был оценен на Западе, где его ставили в один ряд с такими мыслителями XX века, как О. Шпенглер и Дж. Тойнби. Интерес к творческому наследию Н. Я. Данилевского обострился с выходом в свет книги О. Шпенглера «Закат Европы» в 1920 г. Идеи, высказанные этим ученым, были во многом сходными с выводами Н. Я. Данилевского. У самого О. Шпенглера, по свидетельству профессора М. Шрётера, в библиотеке присутствовала книга «Россия и Европа» [1, с. 160].

Мыслитель в своем исследовании пытается найти ответы на разнообразные вопросы: можно ли считать Россию состоящей в родственной связи с Европой или нет. В конечном счете он приходит к выводу, что «Европа видит в Руси и в славянстве чуждое и враждебное начало» [2, с. 50], поскольку, по мнению Н.Я. Данилевского, она не может извлекать свои выгоды, как в свое время извлекала из Китая, Индии и Африки. Ученый обращает внимание, что в разных сферах общественной жизни, будь то политика, или рядовые статьи по отношению к России в европейских газетах, вплоть до отзывов путешественников – везде можно встретить проявления недоверчивости, злорадства, и презрение по отношению к русским [2, с. 50–53].

Н.Я. Данилевский задается вопросом о причинах этой необъяснимой враждебности, и приходит к выводу, что она имеет цивилизационную природу, которая базируется на убеждении европейцев о превосходстве их цивилизации, и по их мнению, тождественна общечеловеческой. Однако утверждает, что ни одна из существующих на Земле цивилизаций, не может присвоить себе такое звание, в том числе и романо-германская не является венцом исторического прогресса [3, с. 34]. Ученый дает оригинальную трактовку этого понятия: «Прогресс состоит не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях...» [2, с. 87].

По мысли автора, нет и не может быть высшего осуществления идеи человечества, которая была бы воплощена в развитии какой-либо отдельной нации или цивилизации, а также не может быть и всечеловеческой цивилизации, на ранг которой претендует Запад, и нельзя смешивать национально-европейское с общечеловеческим» [3, с. 35].

Центральное место всей исторической концепции Н. Я. Данилевского занимает понятие о культурно-исторических типах. Ученый определяет их как отдельные или локальные цивилизации, развивающиеся по собственным законам и не испытывающие определяющего влияние извне.

Всего ученый выделяет двенадцать культурно-исторических типов, которые были в истории человечества: 1. Египетский, 2. Китайский, 3. Ассирийско-вавилонско-финикийский, 4. Индийский, 5. Иранский, 6. Еврейский, 7. Греческий, 8. Римский, 9. Ново-семитический, или арабийский, 10. Германско-романский, или европейский, 11. Мексиканский, 12. Перуанский. Два последних не успели раскрыть свой потенциал, поскольку погибли в результате вмешательства извне. Ни один культурно-исторический тип не может находиться в постоянном развитии [2, с. 88].

Каждая цивилизация, по мысли автора, подчиняется определенным общим законам, и их исследователь выделяет пять: в первом законе сказано, что самобытный культурно-исторический тип составляет семейство народов, объединенных отдельным языком, и способен по своим задаткам к историческому развитию.

Во втором законе сказано, что народы, принадлежащие одному культурно-историческому типу, должны быть политически независимыми.

В третьем законе исследователь отмечает, что цивилизации одного культурно-исторического типа не передается народам другого типа. Каждый тип вырабатывает неповторимые начала, свойственные только ему при большем или меньшем влиянии предшествовавших цивилизаций.

Смысл четвертого закона заключается в следующем: цивилизация только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны ее этнографические элементы, когда они пользуются независимостью, и составляют федерацию, или политическую систему государств.

И наконец, последний закон: весь ход развития культурно-исторического типа сравнивается с многолетним одноплодным растением, у которого период роста довольно продолжителен, а период цветения и плодоношения быстро истощает навсегда всю жизненную силу [2, с. 91–92].

Мыслитель приходит к выводам, что каждая цивилизация уникальна по своей сути, и развивает в совершенстве только одну сторону жизни. Она подчинена общим законам, проходит стадии становления, роста, цветения и плодоношения. Только после прохождения всех стадий, наступает упадок.

Что же касается России, то ученый полагает, что славяне могут выработать собственную цивилизацию, отличную от западной, но для этого Россия должна объединить все славянские народы в единый Всеславянский союз, и образовать единое федеративное государство. Иначе, по мнению Н. Я. Данилевского, мы обречены на незавидную участь: быть в тени европейской цивилизации, и не способны к историческому развитию [2, с. 408–409].

Далее Н. Я. Данилевский поясняет, что «Великий Славянский союз», обеспечив свободу славян и плодотворное взаимодействие их друг на друга, не мог бы угрожать ничьей независимости, ничьим законным правам», несмотря на то, что данное образование хоть и достаточно сильное, но тем не менее, Славянская система государств была бы все равно слабее Европейской по числу своего населения, и была бы действительной, в случае войны, только для обороны, а не для нападения [2, с. 411–412].

Если первоначально идеи Н.Я. Данилевского были восприняты в Европе определенными кругами положительно: говорили, насколько он предвосхитил идеи О. Шпенглера, то после окончания Второй Мировой войны наметился другой взгляд на концепцию этого ученого. Его стали воспринимать как идеолога воинствующего и враждебного Западной Европе панславизма. Идеи Н.Я. Данилевского и ранее так воспринимали, но в это время такое отношение к нему достигло апогея. Поскольку победа Советского Союза привела к росту влияния на международной арене, и в первую очередь в странах Восточной Европы был создан Социалистический лагерь во главе с СССР. И здесь западные исследователи обнаружили, что СССР, с некоторыми оговорками, фактически реализовал панславистские идеи Н. Я. Данилевского. Причем, говорили они, даже совпадают географические очертания социалистического блока, созданного И.В. Сталиным, и Всеславянского союза, задуманного Н.Я. Данилевским. А политика и идеология «холодной войны» многими на Западе воспринималась как проявление неприятия русскими основ европейской цивилизации. Среди наиболее известных сторонников данного подхода можно назвать А. фон Шелтинга, К. Пфальцграфа, Г. Кона, Ф. Фаднера, и др. [1, с. 170].

Таким образом, Н.Я. Данилевский в своем знаменитом труде «Россия и Европа» попытался не только дать характеристику различным типам цивилизаций, а также высказать идею прогресса в истории, и объяснить различие России от Европы, но и также попытался сформулировать общую для всего славянства идею, в виде построения Всеславянского союза, под руководством России. Удивительно, что эта геополитическая модель панслависта Н.Я. Данилевского получила определенное воплощение в истории, что лишний раз подчеркивает эвристический потенциал великого русского мыслителя.

Литература

1. Пивоваров, Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке / Ю.С. Пивоваров // Мир России. – 1992. – Т. I, №1. – С. 163–216.

2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский / Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева. – Москва: Книга, 1991. – 573 с.
3. Могильницкий, Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 206 с.
4. Кузнецов, Ю.В. Исторические судьбы России в учении Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах / Ю.В. Кузнецов // Вестник МГТУ. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 347–352.

УДК 930
ГРНТИ 03.23.55

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАХ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

POLITICAL CRASH OF THE RUSSIAN GOVERNMENT OF THE ADMIRAL A.V. KOLCHAK

Александра Валентиновна Лиманова

Научный руководитель: П.Л. Нестеренко, канд. ист. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Сибирь, интервенция, Гражданская война, А.В. Колчак

Keywords: Siberia, intervention, Civil war, A.V. Kolchak

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы политической ликвидации власти А.В. Колчака. Анализу подвергаются основные события, повлекшие за собой падение Омского Правительства. К ним относятся и обстановка на фронте, и политическая ситуация в Сибири. Ключевым моментом является факт выдачи и ареста адмирала.

Целью данной статьи является подробное изучение последних месяцев колчаковского режима. Задачами автор ставит анализ военной и политической обстановки Сибири в конце 1919 – начала 1920 года.

Хотелось бы осветить обстоятельства выдачи и ареста Колчака в январе 1920 года, а именно трагический конец адмирала, предпринявший не только его судьбу, но и судьбу Белого движения в целом. Арест Колчака явился заключительным этапом «белой борьбы» в Сибири. Обстоятельства данного дела до сегодняшнего дня приковывают внимание ученых-историков.

Состояние колчаковской армии на осень 1919 года было критическим. Белые сдавали свои опорные пункты, боевой дух был подорван, резервов не поступало, началось отступление Восточного фронта. Вот что пишет о состоянии армии генерал-лейтенант Д.В. Филатьев: «Численность войск никому известна не была, наугад ее принимали в 60 тысяч человек; на самом деле едва ли было и 30 тысяч» [9, с.98]

Можно утверждать, что конец октября – начало ноября 1919 года ознаменовали крах Белого движения в Сибири. А после сдачи Омска 14 ноября 1919 года начался Великий Сибирский Ледяной поход армии Восточного фронта под командованием В.О. Каппеля. Итогом похода

стало отступление Восточного фронта армии адмирала Колчака на восток зимой 1920 года.

Предвестниками «краха колчаковской диктатуры» были следующие события: мятеж Р. Гайды, который в ноябре 1919 года во Владивостоке предпринял попытку возглавить мятеж против колчаковского правительства, подготовленный эсерами. «Человек буйной энергии, он не сидел сложа руки.» – так пишет о Р. Гайде Г.К. Гинс.[2, с.443] Однако восстание не поддержали жители Владивостока и мятеж был подавлен. Также омские события сыграли решающую роль. В ходе отступления Восточной армии встал вопрос о стратегическом отступлении и сдаче Омска. На этот счет существовали планы генерала М.К. Дихтериса о глубоком отходе и генерала К.В. Сахарова об удержании Омска. Колчак согласился с мнением К.В. Сахарова. Ни тот ни другой план не увенчались успехом, генерал М.К. Дихтерис был уволен и в итоге 14 ноября 1919 года Омск был сдан без боя. Совет министров эвакуировался из города 10 ноября и отправился в новую столицу – Иркутск. Колчак же выехал из Омска 12 ноября. Прибыв в Новониколаевск, 21 ноября 1919 года Колчак издал указ об образовании совещания: «Считаясь с необходимостью моего пребывания при армии, доколе обстоятельства того требуют, повелеваю образовать при мне и под моим председательством Верховное совещание. На Верховное совещание возложить разработку общих указаний по управлению страной для объединения деятельности отдельных ведомств и согласования ее с работой армии».[9, с.95] По мнению Д.В.Филатьева, это «совещание было мертворожденным», так как к тому времени реальной военной и политической власти в руках адмирала уже не было.

13 ноября 1919 года лидеры чехословаков Б. Павлу и В. Гирса опубликовали политический меморандум, в котором заявляли, что вследствие реакционности Всероссийского Правительства Колчака, чехословацкое войско прекращает оказывать ему поддержку. Приведем отрывок: «Невыносимое состояние, в каком находятся наша армия, вынуждает вас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чем разрешен с согласия всех союзных держав. Выжигание деревень, избивание мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление. 13 ноября 1919 г. Иркутск. Б. Павлу, д-р Гирса».[6, с.112-113]

Колчак был очень возмущен выходкой чехов и потребовал «прекратить всякие сношения с этими лицами, как вступившими на путь политического интриганства и шантажа»[6, с.113] Об отношении общественности к меморандуму Г.К. Гинс пишет: «Возмущению русских патриотов не было пределов»[2, с.442]

Свою решающую роль в ликвидации колчаковского режима сыграл чехословацкий корпус. К концу 1919 года он являлся составной частью армии Верховного Правителя. Мнение о чехах очень противоречивое.

Эти самые легионеры были причастны к трагедии на железной дороге, предав эшелоны с русскими беженцами. «Не будет преувеличением сказать, что русской кровью пропитан каждый фунт кофе, каждый кусок хлеба и каждый тюк товара, вывезенный из Сибири в Чехию» [7, с. 91].

В районе Новониколаевска поезда Верховного правителя задержали чехи и простояли там до 4 декабря 1919 года, а затем двинулись в новую столицу – Иркутск. И тут Колчака задержали. На это раз генерал Жанен распорядился не пропускать поезд адмирала дальше Нижнеудинска. Так начинается двухнедельное «нижнеудинское сидение». На станции Нижнеудинск Колчаку поступает телеграмма от Совета министров. Пепеляев выставил следующие требования: отречение, созыв Земского собора и арест Сахарова. Положение Колчака было критическое. Брат В.Н. Пепеляева арестовал К.В. Сахарова и затем Колчак отчислил генерала от должности. Арест К.В. Сахарова стал свидетельством полного развала армии и потери авторитета адмирала. «Он дал сигнал к повсеместному проявлению произвола и распушенности» [2, с. 465]

Колчак, находясь в безвыходном положении, требование выполнил и 4 января 1920 года сложил с себя полномочия Верховного правителя в пользу Деникина, по прибытии его в Верхнеудинск; власть на Востоке России переходила к атаману Семенову. Указ о сложении с себя звания «верховного правителя» был последним государственным актом Колчака. Следовательно, можно утверждать, что 4 января 1920 года колчаковщина, как реальная контрреволюционная сила прекратила свое существование. [4, с.55] Совет министров, как законодательный и исполнительный орган был низложен. Оценивая факт отречения, Филатьев обвиняет адмирала в том, что «его непрестанные колебания и нерешительность принесли свои неизбежные плоды» [1] Столь быстрое признание населением новой власти и падение «ненавистой власти Колчака», было результатом активной пропаганды Политцентра.

Из телеграммы Колчака, посланной Каппелю от 27 декабря 1919 года: «Я задерживаюсь в Нижне-Удинске, где пока все спокойно. Чехи получили приказание генерала Жанена не пропускать даже моих поездов в видах их безопасности» [6, с.170] Далее последовали инструкции от Жанена. Также поступило требование о том, что конвой Колчака должен быть разоружен.

Вслед за этим охраняющие адмирала чехи получили новую инструкцию: «Если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне».

От союзников поступило требование – поступить под охрану чехов, на что Колчак ответил согласием. Телеграмма адмирала А.В. Колчака Высоким комиссарам Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов, поверенному в делах Чехословацкой республики и генералу М. Жанену от 4 января 1920 года: «Сегодня я начал передачу поезда с государственными ценностями под охрану чехословацкой вооруженной силы, действующей по поручению великих держав. Прошу высоких представителей союзных держав принять под такую же охрану

союзных держав мои поезда со всеми следующими в этих поездах лицами и имуществом. Прошу также и о продвижении моих поездов под охраной союзных держав в Забайкалье или на Дальний Восток. Адмирал Колчак» [10, с.129]

Оценка ситуации Гражданской войны представителями союзных держав представлена в сводке военно – политических сведений об отношении союзников к русскому вопросу к 7 декабря 1919 года. В заключении сводки генерал-майор М.И. Занкевич делает прогнозы стран на участие их в дальнейшей борьбе с большевизмом. «Весьма вероятно, что под влиянием военных успехов большевиков, великие державы в ближайшем будущем выработают общий план борьбы с этим мировым злом» [6, с. 122]

Сам же Колчак говорил о помощи союзников следующее: ««Я не буду много говорить об этом прежде всего потому, что я не доверяю никогда бумаге своих взглядов в таких деликатных вещах. Скажу лишь, что все отношения, на иностранной политике основанные, определяются успехом или неуспехом. Когда у меня были победы, всё было хорошо, когда были неудачи, – я чувствовал, что никто меня не поддержит и никто не окажет помощь ни в чём. Всё основано только на самом примитивном положении – победителя и побеждённого. Победителя не судят, а уважают и боятся, побеждённому – горе! Вот сущность всех политических отношений, как внешних, так и внутренних» [5]

21 декабря 1919 года в Черемхове вспыхнуло восстание, а к вечеру 27 декабря и в самом Иркутске. Власть перешла к так называемому Политцентру. По словам морского министра Омского правительства М.И. Смирнова: «Тем временем в тылу образовался социалистический политический Центр, который выставил своей программой мир с большевиками и прекращение гражданской войны. Политический Центр надеялся образовать в Сибири буферное социалистическое государство, которое было бы признано Советским Правительством» [8, с. 55] Организаторами восстания был Политцентр эсеров и меньшевиков и подпольные комитеты РКП(б). Попытки Колчака привлечь для подавления мятежа войска Семенова и японцев не увенчались успехом. Войска Семенова так и не смогли прорваться в город.

«А в это время уже шли большие игры», в которых участвовали и Совет министров Колчака, и чехословацкое руководство, и генерал Жанен, и Политцентр, и большевистское руководство. Большевики требовали от чехословаков выдачи им Колчака, Пепеляева и золотого запаса. Взамен они предоставляли чехам возможность уйти из Сибири. Позже Политцентр поддержал это мнение. [5]

Сам Колчак не испытывал особого доверия к союзникам – «Продадут меня эти союзнички» – говорил он генералу М.И. Занкевичу. Также Занкевич говорит о том, что адмирал верил в преданность своего конвоя, большая часть которого потом перешла на сторону большевиков. Из дневника генерала М. Жанена (7 ноября 1919 г.): «Колчак похудел, подурнел, выглядит угрюмо, и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазматически прерывает

речь. Слегка вытянув шею, откидывает голову назад и в таком положении застывает, закрыв глаза»[3] Д.В. Филатьев считает, что у адмирала были шансы спастись, «как и все мы». «Жаль, что ни Колчаку, ни его окружению не пришел в голову еще один наипростейший выход: пересечь в сани и двинуться на запад навстречу армии Каппеля. Где последняя находилась при ее следовании по тракту, легко было узнать через чехов или поляков по железнодорожному телеграфу, так как штаб Каппеля очень часто останавливался на ночлег у железнодорожных станций. При расстоянии между Красноярском и Нижне-Удинском в 500 верст, двигаясь навстречу друг другу, можно было встретиться с 3-й армией, шедшей все время по тракту, уже через пять дней» [9, с.118] Логически представляется сделать вывод о том, что у адмирала были шансы спастись, но он предпочел ими пренебречь и положиться на волю судьбы, согласившись даже на разоружение остатков своего конвоя. Измена конвоя нанесла огромный моральный удар адмиралу.

Адмирал с остатками своего конвоя (80 человек) перешел в вагон второго класса под флагами США, Великобритании, Франции, Японии и Чехии. 15 января 1920 года, несмотря на заверения и гарантии в безопасности и защите, Колчаку и Пепеляеву было объявлено, что они арестованы Иркутским Политцентром. Таким образом, чехи и Жанен предали Колчака. Акт передачи составлялся на вокзале в 21 час. 55 мин. Д.В. Филатьев пишет, что Политцентру чехи выдали всех, ехавших в вагоне адмирала, даже женщин. Спаслось всего несколько человек, в том числе генерал М.И. Занкевич, которые незаметно вышли из вагона.[9, с.125] Решение выдать не было вынужденным, неожиданным, оно было принято заранее. Японский полковник Фукуда, узнав о прибытии в город Верховного правителя, предложил Я. Сыровому – командиру чехословацких легионов в России, передать Колчака под охрану японского батальона, но получил отказ. Действия участников данной трагедии можно назвать ничем иным, как актом предательства. По мнению И.Ф. Плотникова, основной причиной предательства Колчака и последующей его выдачи стали заявления адмирала о том, что золотой запас является достоянием России и что он не допустит их вывоза за рубеж.[5]

Арестованные были помещены в губернскую тюрьму города Иркутска. Последним пристанищем адмирала стала тюремная камера №5. С 21 января по 6 февраля 1920 над Колчаком велись допросы Чрезвычайной следственной комиссией, во время которых адмирал, по свидетельствам очевидцев, вел себя мужественно и достойно, хотя и подвергался издевкам и ущемлениям со стороны С.Г. Чудновского. На все вопросы отвечал более чем подробно, будто пытаясь оставить в памяти потомков достоверные исторические факты, свидетелем которых он являлся.[1] А ведь показания по допросу адмирала представляют для нас огромную историческую ценность, хотя они были рассекречены не так давно. В ночь с 6 на 7 февраля 1920 года адмирал А.В. Колчак и председатель Совета министров России В.Н. Пепеляев были расстреляны на берегу реки Ушаковки без суда, по постановлению Иркутского

военно-революционного комитета. Расстрел состоялся накануне подхода к Иркутску каппелевской армии. Так оборвалась жизнь единственного «Верховного Правителя России» пробывшего в этой должности. Стоит отметить, что в процессе изучения опубликованных протоколов допроса, отсутствует информация о факте предательства, передачи Колчака союзниками. Те, кто вели допросы, не спрашивали адмирала, что он думает насчет предательства его союзниками, и что это вообще было по его мнению. По сути, им и неважно было знать, как предали «Верховного правителя России».

Таким образом, крах Белого дела в Сибири и гибель самого адмирала были неизбежны. Ни политической, ни военной власти в руках Колчака фактически не было уже с момента сдачи Омска, хотя адмирал до последнего пытался удержать город. В армии положение усугубляли: во-первых поражения и последовавшее отступление; во-вторых восстания, вспыхивавшие одно за другим, вследствие чего деморализованные солдаты переходили на сторону большевиков. В итоге это привело к падению авторитета адмирала. После восстания в Иркутске и прихода к власти Политцентра, в отношении адмирала все уже было решено заранее. Что касается генерала Жанена, то с уверенностью можно говорить о том, что он не зря получил прозвище – «генерал без чести». Причины его бездействия в отношении судьбы адмирала вполне ясны. Жанен обвинял чехов в выдаче адмирала, а последние утверждали, будто им грозила опасность быть вовлеченными в арьергардные бои с большевиками. Д.В. Филатьев считает что, чехи выдали потому, что иркутские революционеры грозили чинить препятствия движению до взрывов полотна включительно.[9,с.128] Всем участникам этой «игры» было выгодно физическое устранение Колчака, иначе он представлял бы реальную силу для большевиков и выступал неким ореолом, знаменем Белого движения.

Литература

1. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири, 1918-1922 : Впечатления очевидца / Д. В. Филатьев .– Париж : YMCA-Press, 1985 .– 142 с.
2. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, Т.2./ Г.К. Гинс – Пекин: Типолитография русской духовной миссии, 1921 – 606 с.
3. Последние дни колчаковщины : [сборник документов] / Централхив ; материал подгот. к печ. М. М. Константиновым ; с прил. ст. А. А. Ширямова .– Москва ; Ленинград. : Госиздат, 1926 .– 231 с.
4. Сахаров, К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство) / К.В. Сахаров.- Берлин: Globus, 1930.- 136 с.
5. Иоффе, Г.З. Колчаковская авантюра и её крах / Г.З. Иоффе – Москва: Мысль, 1983 – 298 с.
6. Допрос Колчака: протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака: стеногр. отчёт // Арестант пятой камеры. – Москва: Политиздат, 1990. – 478 с.
7. Шишкин В.И. Арест адмирала А.В. Колчака (декабрь 1919 – январь 1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны / В.И. Шишкин.- Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ, 1997.- вып. 1.- С. 111–169.

8. Плотников, И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность [Электронный ресурс]: <http://militera.lib.ru/bio/plotnikov/index.html> (дата обращения: 26.03.2015)
9. Смирнов, М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк) / М.И. Смирнов. – Париж: Издание военно-морского союза, 1930.- 59 с.
10. Жанен Морис. Отрывки из моего сибирского дневника [Электронный ресурс]: http://scepsis.net/library/id_1972.html (дата обращения: 26.01.2015)

УДК 908(470)

ГРНТИ 03.23.55; 03.23.31

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДА ТОМСКА НА ПРИМЕРЕ УЛИЦЫ СОЛДАТСКОЙ (1853–1920)

HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE CITY OF TOMSK ON THE EXAMPLE OF THE SOLDIER STREET (1853–1920)

Юрий Александрович Рудницкий

Научный руководитель: Т. В. Галкина, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: краеведение, историческая реконструкция, ул. Солдатская.

Keywords: study of local lore, Historical reenactment, Soldier street.

Аннотация: Статья посвящена разработке исторической реконструкции г. Томска на примере улицы Солдатской в период с 1853 по 1920гг. В работе рассматриваются такие аспекты как время появления такой функциональной единицы города как улица Солдатская, социальный состав жителей и бытовые условия их проживания.

Город-это крупный населённый пункт, большая часть жителей, которого работает на промышленных предприятиях, а также занята в сфере образования, науки, бизнеса и т. п. [1, с. 121]. Такое определение слова город даёт толковый словарь под редакцией Д. В. Дмитриева.

Рассматривая городское пространство как территорию «малой» родины, горожанин проникается чувством сопричастности к этому месту, человеческому сообществу, живущему на ней [2, с. 38]. Й. Селмер писал: «Город подобен открытой книге. Когда вы бродите по городу, вы должны уметь читать эту книгу, чтобы понять то, что вас окружает» [3, с. 62]. Такой помощью для открытия города и могла бы стать историческая реконструкция улицы, которая в свою очередь является частью городской культурно-исторической среды, создавая узнаваемый визуальный облик города, а также одновременно являющаяся местом настоящего проживания городского населения.

Именно по этому было решено взять для рассмотрения одну из исторических улиц города – улицу Красноармейскую. Данная тема в настоящее время является очень актуальной, потому что на этой улице располагается большое количество деревянных домов, которые придают нашему городу неповторимый своеобразный колорит, но к сожалению

нию они (за исключением домов – памятников архитектуры федерального и регионального значения) подвергаются интенсивному сносу, что естественно портит исторический облик улицы, и города в целом.

В настоящее время существует немало научной и научно – популярной литературы посвященной этой улице. Что касается истории названия и появления улицы, то большой вклад в разработку данной темы был внесён авторским коллективом, участвовавшим в создании научно – популярного издания «История названий томских улиц», которое впервые было издано в 1998 г., а затем переиздано в 2004 и 2012 гг. Во всех остальных источниках посвящённых этой улице, рассказывается, в основном, о домах деревянного зодчества, которые располагаются на улице и в данный момент носят статус памятник федерального или регионального значения.

Целью данного исследования является попытка исторической реконструкции процесса застройки и функционирования улицы Красноармейской (бывшей Солдатской) как структурной единицы городского хозяйства в период 1853 – 1920гг.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи: Определить примерное время появления улицы, выявить социальный состав жителей и бытовые условия их проживания.

В качестве источников для исследования нам послужили: Фонды ГАТО, карты города Томска за 1872 и 1898гг., газеты «Томские Губернские ведомости», «Сибирская правда», списки домовладельцев города Томска за 1908 и 1915 гг., Г. Н. Стариковой, Л. А. Захаровой, Е. В. Иванцовой и др. «История названий томских улиц», А. Н. Жеравиной «Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати)», статья Т. В. Галкиной Томские улицы (XVIII-XIX века) и др.

Официально считается, что история улицы Солдатской начинается с появления в Томске Солдатской слободки, образованной после выведения военного гарнизона с Воскресенской горы. Во всех источниках официальной датой появления улицы считается 1867г. Но в 127 фонде Гато находится «Регистр улиц, на коих следует выставить доски с обозначением наименования каждой», который датируется 1853г. В нём перечисляются все 42 имевшиеся улицы и 51 переулок [4, л. 50]. Следует отметить, что в регистре упоминается не только о Солдатской слободке, но и о Солдатской и Жандармской улицах находящихся на территории слободки. Соответственно из этого следует, что в 1853 г. улица Солдатская уже существовала, а Солдатскую слободку следует понимать как городской район.

Если говорить о социальном составе жителей и условиях их проживания, то необходимо отметить, что во 2-ой половине XIX в. заметно изменился облик города за счет увеличения в нем числа домов. В 1851 г. в Томске было 1935 домов и 219 лавок. [5, с. 60]. В 1867 г. газета «Томские губернские ведомости» сообщала о том, что по состоянию на 1866 г. в Томске было 64 каменных дома (из них 11 – 3 этажные, 44 – 2 этажные, 9 – 1 этажные), 1996 деревянных домов (из них 5 – 3 этажные, 691 – 2 этажные, 1300 – 1 этажные) [6] . В 1869 г. насчитывалось 3111 домов,

в 1911 г. – 7382. Город оставался, в основном, одно- и двухэтажным, но с 1866 до 1911 гг. число 3-этажных домов в Томске выросло с 3 до 130, 2-этажных с 44 до 2258, общее число квартир – с 14764 в 1880 г. до 16751 квартиры в 1912 г. [7, с. 17].

Современники считали, что жизнь в Томске в XIX в. была дешевле, чем в других городах России. Но это скорее всего относилось к тем, у кого был собственный дом и хозяйство. Справочник «Город Томск» за 1912 год сообщает: «Типичная томская квартира – это помещение без проведенной воды, без принадлежностей электрического освещения, без теплого клозета и ванны, нештукатуреная» [8, с. 418]. А оплата квартиры обходилась недешево. Холостые чиновники за комнату на хозяйском содержании платили 5-7 рублей, за две комнаты – 10–12 рублей в месяц. С женатых и семейных за две комнаты без хозяйского содержания брали 7 – 10 рублей, за три комнаты с надворными службами – 12 – 16 рублей серебром в месяц [7, с. 11]. В начале XX в. цены за съем квартиры довольно сильно выросли. Наем одной комнаты обходился в 6 – 10 рублей, трехкомнатной квартиры в 12 – 18 рублей, 5-7 комнатной квартиры в 30 – 40 рублей в месяц. Квартиры по своей обстановке делились на «простые» и «барские». То, как были обустроены «простые» квартиры, развернутых описаний нет. Зато мебелировка «барских» квартир, напротив, передается довольно подробно. В нее входили мягкая мебель и насыщенность интерьера тканями – драпировками, портьерами, коврами. Самым ходовым материалом для обивки был в то время плюш. Шелк встречался реже. Квартиры зажиточных горожан обставлялись, главным образом, дубовой мебелью. Причем она доставлялась не только из Европейской России, но и изготавливалась местными мастерами [9, с. 44]. Также немаловажным элементом комфортного жилья являлись такие приобретения технического прогресса, как телефон, электрическое освещение, водопровод, душ, теплый клозет. Если обратить внимание на карту города Томска, составленную в 1872 г., то можно увидеть, что на улице Солдатской водопровод уже был, а вот канализации еще не существовало в городе вообще, поэтому все отходы сливались в выгребные ямы, которые находились в антисанитарном состоянии и редко очищались. [7, с. 82]. Электрического освещения и телефона на улице не было, все эти блага появятся на улице только в советскую эпоху.

Если рассматривать социальный состав жителей, то например Т. В. Галкина в своей статье Томские улицы в (XVIII-XIX века), говорит о том, что в названии улицы нашла свое отражение сословная или профессиональная принадлежность [10, с. 110]. Той же самой версии придерживаются авторы книги История названий томских улиц, они утверждают, что история названия улицы связана с появлением в Томске Солдатской слободки, образованной после выведения военного гарнизона с Воскресенской горы. Так постепенно в образовавшейся слободке наметились улицы Солдатская, Офицерская, Жандармская. [11, с. 107]. Скорее всего, на улице, в основном, жили отставные военные со своими семьями, но впоследствии к концу XIX – началу XX в. улица по

своему социальному составу стала «пестреть» и на ней стали селиться представители разных социальных слоев.

Согласно «Списку домовладельцев города Томска за 1908 год», на улице располагалось 95 домов [12]. Из них 92 дома являлись жилыми, причем у некоторых из домовладельцев на улице располагалось по 2, а то и более 2 домов, а в 3 домах находились такие учреждения как «Богадельня братьев Королевых», «Общество содействия физическому развитию» и «Старообрядческое общество». Как удалось установить, из 92 домовладельцев 10 человек являлись мещанами (6 из них томскими), 3 крестьянина, 2 купца 2-ой гильдии, а также один землемер, одна жена томского дворянина, одна вдова отставного военного фельдшера, один губернский секретарь.

Следующий «Список домовладельцев города Томска» был составлен в 1915 г. [13]. В списке от 1915 г. количество построек на Солдатской улице увеличилось до 101 дома. Из них 98 являлись жилыми, в 2 домах располагались «Общество содействия физическому развитию», «Богадельня братьев Королевых» и одно пустопорожнее место женского монастыря. По установленным данным из 98 домовладельцев 8 человек являлись мещанами, 6 из них томскими, 2 купца 2-ой гильдии, 4 крестьянина, жена губернского секретаря, землемер, вдова отставного военного фельдшера, губернский секретарь, почетный личный гражданин и жена почетного личного гражданина.

Таким образом, изучив данные списки, можно с уверенностью сказать о том, что улица Солдатская на протяжении конца XIX – начала XX в. активно застраивалась и люди, поселявшиеся на ней, были совершенно разнообразны по своему социальному статусу. Однако этот вопрос о социальном составе жителей улицы Солдатской требует дальнейшего изучения.

На рубеже XIX-XX вв. Томск был одним из крупнейших городов Сибири. Томск был также и центром экономической жизни, просвещения и культуры [14, с. 153]. Но несмотря на свой высокий статус в коммунальном отношении город оставался очень грязным, пыльным, дороги, кроме центральных улиц, были не замощены. В 1871 г. генерал-губернатор Западной Сибири обратился к городскому голове с письмом «по предмету благоустройства и вообще по городскому хозяйству». Он писал, что в городе нет ни одной вымощенной камнем улицы, улицы засыпаются «иногда и кое-как дресвой, щебнем, кирпичом и чем случается по усмотрению и доброй воле домовладельцев. Жители не стесняются выбрасывать на улицы всякие нечистоты и загромождать их складами леса, кирпича, извести и т.д., отчего город имеет безобразный вид, и весной, и осенью существует непроходимая грязь и вредные испарения, а летом пыль и духота» [7, с. 62].

В этот период состояние Солдатской улицы было совершенно таким же, как и состояние города в целом. Так, в печати обращалось внимание городской управы и полиции «на устройство тротуаров на углу Солдатской улицы и Нечаевского переулка... помимо невозможного устройства» они содержались «крайне неопрятно» и угрожали увечьем»

[7, с. 62]. В газете «Томские губернские ведомости» было сказано, что 23 января 1911 г. около 7 часов вечера Курицына, жена служащего на кирпичном заводе Некрасова, «проходя по Солдатской улице около домов Пешковского, где помещается Еланская аптека, на тротуаре поскользнулась и так упала, что разбилась до крови» [15].

Также в 1913 г. газета «Сибирская правда» сообщала, что 3 августа 1913 г. в 8 часов вечера обоз частных ассенизаторов так сильно залил нечистотами Солдатскую улицу, что «зловоние не только поражало обоняние идущих по улице, но, врывалось в открытые двери и окна, отравляло все и вызывало рвоту» [16].

В заключение хочется сказать, то что перечислив все выше изложенные факты нужно отметить, что улица располагалась на окраине города, но тем не менее она находилась в постоянном развитии.

Литература

1. Дмитриев Д. В. «Толковый словарь русского языка» / Д. В. Дмитриев – Москва : Астрель, Аст, Транзиткнига, 2003. – 782 с.
2. Галкина Т. В., Рудницкий Ю. А. «Историческая реконструкция места и личности как опыт нематериальной музеефикации» / Т. В. Галкина, Ю. А. Рудницкий // Вестник томского государственного университета. Сер. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 1 (13). – С. 37 – 43.
3. Селмер Й. «Копенгаген. Прошлое в настоящем» / Й. Селмер // Исторические музеи в системе культуры города. Материалы международной науч.-практ. конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы. Москва, 1997. – С. 62–66.
4. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2205. Л. 50.
5. Герасимов А. П. «Усадьба второй половины XIX- нач. XX в. в Томске. Проблемы сохранности памятников деревянного зодчества» / А. П. Герасимов // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. IV. с. 57 – 68.
6. Томские губернские ведомости. 1867. 5 мая.
7. Жеравина А. Н. Томск второй половины XIX- нач. XX в. (по материалам дореволюционной печати). / А. Н. Жеравина – Томск : Изд-во Том. ун-та. 2010. 401 с.
8. Город Томск. 1912. Издание Сибирского Товарищества Печатного Дела в Томске. 1912. 418 с.
9. Андреева Е. А. Домашний быт томичей начала XX в. / Е. А. Андреева // Сибирская старина – 2005. – № 24. С. 43 – 44.
10. Галкина Т. В. Томские улицы в (XVIII – XIX века.) / Т. В. Галкина // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1994. Т. VII. С. 105 – 111.
11. Старикова Г. Н., Захарова Л. А., Иванцова Е. В., Нестерова Н. Г., Мороз Е. В., Банкова Т. Б. История названий томских улиц. – Томск : Изд-во «Водолей», 1998. – 320 с.
12. Список улиц города Томска с поименованием домовладельцев и указанием деления на полицейские, мировые и следственные участки. Томск. 1908.
13. Список улиц города Томска с поименованием домовладельцев и указанием деления на полицейские, мировые и следственные участки. Томск. 1915.
14. Сазонова Н. И., Матвеев Д. М. История Томска. / Н.И. Сазонова, Д. М. Матвеев – Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. – 288 с.
15. Томские губернские ведомости. 1911. 23 января.
16. Сибирская правда. 1913. 8 августа.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).084.6; 94(430).086
ГРНТИ 21.41.45; 03.23.55

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1933–1939 ГОДАХ

THE ORTHODOX CHURCH IN NAZI GERMANY DURING 1933–1939 YEARS

Александр Владимирович Капустин

Научный руководитель: С. С. Аванесов, доктор филос. наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Русская Православная Церковь за рубежом, религиозная политика, Третий Рейх, Министерство Церковных Дел.

Keywords: the Russian Orthodox Church Outside of Russia, religious policy, Third Reich, Ministry of Church Affairs.

Аннотация. Статья посвящена проблеме существования Православной Церкви в Германии после прихода к власти национал-социалистов, дается представление о религиозной политике режима, взаимодействия Церкви и государства, а так же показывается деятельность министерства церковных дел как основного регулятора церковной жизни.

Деятельность Православной Церкви в Германии в период между двумя мировыми войнами в отечественной историографии исследован достаточно слабо. Возможно, это связано с тем, что в советский период было принято относиться к эмигрантам как к предателям Родины. Вполне естественно, что данный подход переносился на деятелей Церкви. Ситуация стала меняться в постсоветский период. Так, появляются более объективные исследования по данной проблематике, такие как «Русская православная церковь в XX веке» Д. В. Поспеловского [1] и «Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь» М. В. Шкаровского [2]. И все же, даже при существующих наработках, проблема положения Православной Церкви в Германии при нацистском режиме нуждается в дальнейшем исследовании.

Стоит начать с того, что с самого своего создания в 1920 году программа НСДАП содержала положение о «точке зрения позитивного христианства» [2]. Л. Н. Бровко приводит положение о том, что Германия с последней трети XIX века находилась в состоянии духовно-нрав-

ственного кризиса, усугубленного поражением в Первой мировой войне [3]. То есть, отталкиваясь от фашизма, как способа «примирить все слои общества жестким прессом демагогии и террора, подчинить их государству» [3], можно сделать вывод, что примерно такую же участь должна была постигнуть и христианскую Церковь.

И действительно, идеологи нацизма готовили Церкви незавидную участь. Наиболее ярко будущее христианства в Германии сформулировано в двух работах идеологической направленности: «Майн Кампф» Адольфа Гитлера и «Миф XX века» Альфреда Розенберга. Гитлер не скрывал того, что желает реформировать христианство, но еще не решился прямо выступить против него по «тактическим соображениям» [3]. Но даже здесь уже присутствуют положения о «очищении от еврейского влияния» и поворот в сторону «нации» и «крови нации», что прямо противоречит основным идеалам христианства. Розенберг пошел еще дальше. Он прямо пишет о том, что «Германская народная Церковь – это сегодня мечта миллионов» [4]. Шкаровский отмечает, что «Розенберг стремился создать не просто еще одну теорию общественного развития, а совершенно новую религию, фактически не имевшую ничего общего с христианством» [2]. Эта книга была логическим продолжением развития нацизма с его учением о крови и расе. Под «народной Церковью» он понимал совсем другое, не христианское по своей сути учение, которое и должно было прийти на смену «старой» религии. Исходя из этих положений, можно сказать о том, что руководство НСДАП изначально планировало ведение по своей сути антихристианской политики.

Но, сразу же после прихода к власти в 1933 году, эти преобразования не начались. Слишком была велика масса верующих: как католиков, так и протестантов. В том же году был заключен конкордат с Ватиканом, по которому, Католическая Церковь теряла все свои позиции в политической сфере, в обмен на получение статуса «корпорации публичного права», то есть, возможности осуществлять свою деятельность по собственным законам. Такой же статус был дарован и Протестантской Церкви, которая была более лояльна новой власти и даже начала попытки преобразований по лекалам национал-социализма (так, к примеру, был создан «Институт исследования еврейского влияния на немецкую церковную жизнь»). При этом Шкаровский приводит свидетельство главы Данцигского Сената Г. Раушнинга. Осенью 1933 г. фюрер в разговоре с ним, двумя баварскими гаулейтерами и Геббельсом заявил: «Насчет вероисповедания: что одна вера, что другая – все равно. У них нет будущего. <...> Итальянские фашисты во имя Господа предпочитают мириться с Церковью. Я поступлю так же. <...> Но это не удержит меня от того, чтобы искоренить христианство в Германии, истребить его полностью вплоть до мельчайших корешков» [2].

И вот в такой обстановке находилась так же и Православная Церковь в Германии, которая не имела ни силы двух исторических Церквей, ни единства, так как одновременно свою деятельность осуществляли три структуры- Московский Патриархат, Русская Православная

Церковь за рубежом (РПЦЗ), руководимой из Сремских Карловиц и Временный экзархат Вселенского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, возглавляемый митрополитом Евлогием (Георгиевский). И если Московский патриархат обладал лишь одним приходом в несколько десятков человек, то Германская епархия (карловчане) имела четыре прихода, а евлогиане обладали девятью зарегистрированными приходами и четырьмя общинами [1].

После прихода к власти НСДАП положение русских приходов оказалось неопределенным. Да и сам приход к власти Гитлера рассматривался как угроза Церкви. В письме митрополита Антония архиепископу Пантелеймону от 28 декабря 1934 года он прямо пишет о том, что хотя идеи по организации немецких служб и вовлечении немцев в Православную Церковь и интересны, но практически не возможны «а особенно теперь, когда гитлеровщина обожествляется» [5]. Но, новая власть в Германии поначалу была занята укреплением собственных позиций, и до Православной Церкви новому режиму в первые два года не было дела.

Существенные изменения происходят 16 июля 1935 года, когда по указу Гитлера было создано Министерство Церковных Дел (РКМ), которое возглавил Ганс Керл. Как отмечает Шкаровский, при беззаветной преданности национал-социализму, Керл был глубоко верующим человеком, стремившимся сохранить Церковь в Германии, что противоречило первоначальной задумке нацистского руководства о подрыве позиций Церкви и ее дальнейшем уничтожении. Соответственно, министерству было трудно реализовывать свои предложения по организации религиозной жизни из-за сопротивления (а часто и саботажа) со стороны других органов власти [2].

Говоря же о деятельности РКМ применительно к Православной Церкви, стоит сказать, что «тактические отступления» допускались здесь достаточно часто. Несмотря на то, что Вернер Гаугг, как глава референтуры № 10 по делам иностранных Церквей, будет проводить политику унификации и применительно к Православной Церкви (о чем далее), взаимодействие с Церковью давало возможность укрепления отношений с эмиграцией и странами Балканского полуострова.

В качестве базы для создания унифицированной Православной Церкви в Германии была выбрана Германская епархия РПЦЗ (подчиненная Карловацкому Синоду), которая, как считалось, будет более лояльной, чем Временный Экзархат. В руководстве Германии по данному вопросу произошел раскол. РКМ и МИД выступали за предоставление равного с Католической и Протестантской церквями статуса для создания «ореола защитника» Православия. В свою очередь, Гестапо считало невозможным данный шаг из-за подозрений священников в шпионаже [1].

Но, в итоге победу одержал вариант Министерства Церковных дел, и 14 марта 1936 года Германской епархии РПЦЗ был предоставлен статус «корпорации публичного права». Более того, РКМ утвердило проект строительства православного собора в Берлине. Это, в свою

очередь, вызвало благодарность православного духовенства. Митрополит Антоний в письме министру Церковных дел Керлу писал следующее: «Для меня приятная обязанность высказать Вам от имени всей Русской Православной Церкви Заграницей нашу глубокую и искреннюю благодарность за Ваше благожелательное отношение» [2]. Теперь нацистское руководство ожидало добровольного слияния различных приходов под главенством Германской епархии в рамках политики унификации Церквей.

Но этого не произошло. РКМ и Гестапо на это среагировали практически сразу. Началось силовое давление на евлогиан. Пospelовский приводит фрагмент беседы архимандрита Иоанна и Вернера Гаугга. Особенно показательны следующие слова Гаугга: «Государство интересуется только одно... Православная церковь должна быть одна и именно Карловацкого синода» [1]. Евлогиане сопротивлялись стойко, что вынудило опубликовать 25 февраля 1938 г. «Закон о землевладении Русской Православной Церкви в Германии», по которому вся собственность православных приходов переходила в руки государства, осуществлявшее управление именно через Германскую епархию. И даже это не привело к полной унификации церкви. В 1939 году гестапо признало невозможность прежними методами добиться полной унификации, и сделало запрос в РКМ на высылку многих видных деятелей-евлогиан, на что был получен отказ. К тому же, за год до этого, епископ Тихон уступил свое место епископу Серафиму, немцу по происхождению, чья кандидатура устраивала как государственные органы, так и разделенные православные общины.

В заключение можно сказать следующее: несмотря на отношение идеологов национал-социализма к религии в целом, Православная Церковь в Германии была необходима им как инструмент внешнеполитического влияния. Конечно, она не избежала характерных для религиозной политики режима мер по унификации и государственному контролю, но, при этом, получила равный юридический статус с Католической и Протестантской Церквями. А вмешательство в догматы было даже меньшим, чем у этих двух Церквей, дабы не терять ореола «защитника» Православия. Но и не стоит считать, что это был благоприятный период. Ей, как и любой другой Церкви, была уготована страшная участь...

Литература

1. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Пospelовский [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_rpc/pospelovskiy/9/ (Дата обращения 15.04.2015)
2. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь / М.В. Шкаровский [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/book/shkarovskiy_mihail/krest_i_svastika_natsistskaya_germaniya_i_pravoslavnaya_tserkov.html (Дата обращения 15.04.2015)
3. Бровка Л.В. Христианство и национал-социализм. Мировоззренческий излом / Л.В. Бровка // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современ-

- ность [Электронный ресурс]. – URL: <http://ec-dejavu.ru/f/Fascism-2.html> (Дата обращения 15.04.2015)
4. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/rosenberg_estimation/ch64_i.html (Дата обращения 15.04.2015)
 5. Шкаровский М.В. Церковно-политическая деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в 1930-е годы / М.В. Шкаровский // Церковь и время. – 2007. – №3(40). – С.208-236.

УДК 130.2

ГРНТИ 21.01.21

ПРЕДПОСЫЛКИ КЛАССИФИКАЦИЙ РЕЛИГИЙ

PRECONDITIONS OF RELIGION CLASSIFICATION

Евгения Анатольевна Кустова

Научный руководитель: С.С. Аванесов, доктор филос. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Информация, образовательные центры, теологические споры, свобода вероисповедания, отстранённый взгляд на религию, информационные технологии.

Key words: Information, educational centres, theological discussions, freedom of religion, detached view on religion, information technology.

Аннотация: Настоящая работа посвящена выявлению предпосылок, способствовавших появлению исследовательских работ по классификации религий.

Человечество не имеет в своей истории периода, когда бы оно существовало без веры в сверхъестественное, а споры онтологического и теологического характера ведутся уже третье тысячелетие, соответственно, возникает вопрос: почему попытки философов и богословов собрать религии в логичную систему соподчинённых понятий, насчитывает не более двухсот лет? Ответ можно получить, выделив ряд предпосылок, способствующих появлению классификаций религий.

Накопление информации. Одной из важнейших причин возникновения условий, связанных с реализацией проектов по экспликации религий, можно назвать достаточное накопление материала для анализа в этой области. К данному роду информации относятся труды античных философов, мифология народов мира, религиозные тексты Древнего мира. Главенствующую роль в сложившемся фонде играют Священные тексты разных религиозных конфессий [1]. Часто они являются концентрированным выражением вероучений, рассказывают об обрядах и традициях их носителей. Исторически сложилось, что именно в них рассказывается о происхождении и устройстве мира и человека, нормах морали и законах бытия.

Образовательные центры. Появление информационных и обучающих центров в разные исторические периоды, как накопителей и хра-

нителей культуры, также составило предпосылку для возникновения к определённом моменту исследовательского интереса в вопросе систематизации религий. Очагами культуры такого рода были: школы, библиотеки, музеи, университеты, монастыри и т.д. Наиболее известными, из первых образовательных центров в истории человечества, являются:

Знаменитая библиотека царя Ассирийской империи Ашшурбанипала (668-635/27гг. до н.э.), фонд которой насчитывал более 30 тысяч клинописных табличек; часть из них посвящена информации, так или иначе связанной с устройством мира[2].

Александрийский Музейон и Библиотека (основана в 290 гг. до н.э.). Этот научный центр Древнего мира включал в себя ботанический сад, зоопарк, обсерваторию, анатомический театр, учёные, там работавшие, достигли значительных успехов в математике, астрономии, медицине; впервые стали производить вскрытие трупов с научной, познавательной целью[3].

Философские школы античного мира, например: Пифагорейская школа, Платоновская Академия, Лицей Аристотеля, Сад Эпикура.

Основы христианского богословия были заложены в Александрийской и Антиохийской школах.

Константинопольский университет – первый из высших учебных заведений мира, основанный в 425 году и получивший соответствующий статус в 848 году.

Университет Аль-Карауин, основанный в 859 году в Марокко, в городе Фес.

В IX веке появился Университет в Салерно, просуществовавший до 1861 года, а также литературные школы в Велики-Преславе и в Охриде, основанные болгарским царём Михаилом I.

В XI в. в Болонии была основана католическая школа, где разрабатывались юридические нормы, позже из неё также вырос университет.

На основе нескольких монастырских школ в конце XII века вырос Парижский университет.

В 1117 году Оксфордский университет уже проводил обучение студентов.

После конфликта профессуры и студентов с жителями Оксфорда в 1209 году, некоторые учёных муже бежали на север, где их силами был основан Кембриджский университет.

В 13-15 вв. был открыт целый ряд университетов в Европе: в Саламанке, Монпелье, Падуе, в Неаполе, Тулузе, во Флоренции, Праге (1348), Кракове (1364), Вене (1365), Гейдельберге (1385), Лейпциге (1409), Базеле (1459) и т.д. [4]. Распространение университетов в Европе возможно было связано с длительным процессом завоевания испанцами, каталонцами и португальцами земель на Пиренейском полуострове, занятых маврскими эмиратами; в результате реконкисты, арабские университеты оказались на территории христиан. Кроме того, крестовые походы на восток позволили европейцам познакомиться и с Византийской культурой.

Теологические споры. Ещё одной из предпосылок, без которой не появились бы условия для составления экспликаций, классификаций, типологизаций, систематизаций религий, является достаточно накопленный опыт автономных философских рассуждений о божестве и споров религиозного характера, способствующих концептуализации природы религии. Начало этому положила философия Древней Греции, в которой были заложены основные знания о всеобщих законах развития природы, общества и мышления человека, как системы идей в области познавательного, ценностного, этического и эстетического. Философия дала начало многим наукам и стала служить, как метод изучения, который мог быть использован практически во всех областях жизни. Наиболее яркими представителями древнегреческой философии были: Сократ, Аристотель, Платон, Пифагор, Демокрит, Гераклит, Гиппократ. При этом вопросы о мироустройстве, поставленные эллинскими философами, оставались в рамках дискуссий – религии Древней Греции и Древнего Рима не давали на них никакого ответа. В начале 1 века ситуация поменялась. Христианство, с первых лет своего существования, с одной стороны, было воспринято как угроза существованию язычества и как не оправдавшее мессианских чаяний иудеев, но, с другой, именно религия христиан дала ответы на вопросы, связанные с мироустройством, с ролью человека в этом мире, со взаимоотношениями человека и Бога. Христианское вероучение, пройдя бурный период апологетов со 2 по 4 вв., стремительно распространилось на Востоке и Западе, что сопровождалось ожесточенной борьбой с ересями и многочисленными церковными расколами вплоть до 8 века; Споры происходили преимущественно в Восточной Церкви, т.е. на территории Византийской империи. В горниле этих противостояний родилось христианское богословие [5]. После Великой схизмы в 1054 году, Восточная и Западная Церкви пошли разными путями развития. В 16 веке, Западная Церковь, в силу определённых причин, спровоцировала богословский дискурс, который вылился в движение Реформации, вождём которого стал Мартин Лютер. Итогом этой религиозной революции стало возникновение многочисленных протестантских конфессий, к основным из которых относятся: лютеране, англикане, методисты, квакеры, баптисты, адвентисты, пятидесятники, иеговисты; три с половиной века спустя, протестантизм породил идею всемирного христианства – экуменизм. 18 век в Европе принято соотносить с Эпохой просвещения, в основу которого лег рационализм и свободомыслие; это время сопровождалось бурным развитием философской и общественной мысли. Результатом этих споров стало рождение дисциплин, связанных с концепциями и доказательствами существования Бога, возникновением и устройством мира, а также человека [6]. К середине 19 века религиозная философия была выделена, как отдельное научное направление. Последнему обстоятельству способствовали многочисленные археологические открытия на Ближнем Востоке, подтверждавшие события, описанные в Ветхом Завете [7].

Свобода вероисповедания. Очень важной, четвёртой предпосылкой возможности проводить сравнительный анализ религий, является условие свободы вероисповедания исследователя, при котором ни государственная политика, ни общие настроения сограждан не являются угрозой его жизни или свободы. Одним из благоприятнейших в этом отношении было начало 19 века в Европе. Явления веротерпимости возникали и ранее, например, среди народов, живших на территориях, завоёванных Александром Македонским [8], однако, на тот момент не было накоплено достаточно материала для анализа религиозных и иных мировоззрений, не возникла концептуализация природы религии и её функций, не совпали и другие условия, при которых могло появиться сравнительное богословие. В целом же история человечества гораздо более изобилует примерами религиозной нетерпимости, нежели толерантности. Так, взаимоотношения между Римской империей и христианскими общинами на её территории в 1-4 веках являют собой корпус религиозных, юридических и нравственных проблем; христианство официально считалось тогда недозволенной религией, а её последователи оставались вне закона вплоть до 313г. Ярким примером гонимого инакомыслия является ситуация, которая сложилась в Западной Европе в 13 веке, когда специальный судебный-исполнительный аппарат Католической Церкви, под названием инквизиция, использовался вначале для борьбы с альбигойской ересью во Франции, а за тем был направлен на всякого, кто противоречил учению Церкви. До сегодняшнего дня отдельные регионы мира имеют крайние позиции по отношению к инакомыслящим. В частности СМИ всё чаще фиксирует гонения, которые испытывают христиане в Индии [9] или сообщают о действиях исламистов в Ираке, направленные, порой, не только на носителей иного культа, но и на предметы материальной культуры, воспринимаемые как оскорбление мусульманской религиозной традиции [10]. При этом, тот же ислам официально запрещён в Японии, где данная конфессия считается опасной для современного цивилизованного общества [11].

Отстранённый взгляд на религию. Ещё одной причиной, без которой не могли состояться условия для исследования и сравнительного анализа религиозных и иных верований, – это наличие отстранённого взгляда на религию как таковую. Возникновению объективного восприятия чуждого мировоззрения способствовали Великие Географические открытия 15-17 вв., а также контакты европейцев с народами, населяющими Африку, Индию, Америку, Океанию. Движимые интересами меркантильными, европейские торговые и военные компании обогатили Европу не только материально, но и способствовали знакомству с новыми, неизвестными культурами. Кроме того, к середине 19 века, благодаря дешифровке египетских иероглифов и клинописных источников [2], были открыты древние культуры Египта, Шумер, Ассирии, Вавилона и Персии, о которых повествовала Библия [12,13].

Развитие информационных технологий. К предпосылкам, способствующим возникновению сравнительного богословия и класси-

фикаций религий, можно отнести нарастающий темп обмена информации и появление новых типов носителей информации. К началу 19 века изобретены скоропечатные машины, способы воспроизведения иллюстраций – цинкография, автотипия, фототипия, гелиография, что способствовало налаживанию выпуска многотиражных изданий книг, газет, журналов [14]; также нашли своё применение такие изобретения, как телеграф, телефон, фотография. В современном мире – это тихиходы, но в веке 19 – революционный прорыв в информационных технологиях, позволивших быстро распространять известия об открытиях, находках, делиться новыми материалами и впечатлениями об иных, не похожих на европейскую, культурах.

В заключении имеет смысл сказать о том, что выделенные предпосылки, а это: накопление информации, наличие образовательных центров, полемика религиозного характера, свобода вероисповедания исследователя, отстранённый взгляд на религию и развитие информационных технологий, – впервые сошлись в одном месте и в одно время, т.е. в начале 19 века в Европе, набрав критическую массу в последующие 200 лет. Как следствие благоприятно сложившихся обстоятельств, соответственно, возникли и опыты классификации религий, первыми авторами которых стали: Г.В.Ф. Гегель, К.Маркс, Г. Зибек, К.П. Тиле, Э.Г. Гартман, А.В. Смирнов и др.

Литература

1. Аксёнова М. Религии мира, / под общей редакцией Мариам Аксёновой. – Москва: «Издательский центр «Авант+», 1999. – Т.6, ч. №1 – 688 с., ч. №2 – 690 с.
2. Керам К. Боги, гробницы, учёные, /К. Керам. – Санкт-Петербург: «КЭМ», «Нижегородская ярмарка». – 1994. – 362с.
3. Александрийский Музейон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 16.04.15.).
4. Университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 22.04.15.).
5. Давыденков Олег (прот.) Догматическое богословие: учебное пособие. / Олег Давыденков (прот.). – Москва: изд-во Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет. – 2013. – 613 с.
6. Забияко А.П. Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникоа, Е.С. Элбакян. – Москва: «Академический проект», «Гаудемаус». – 2008. – 1519 с.
7. Василиадис Н. Библия и археология / Н. Василиадис. – Москва: Свято-Троицкая Лавр. – 2006. – 410 с.
8. Ладынин И.А. История древнего мира: Восток, Греция, Рим / под ред. И.А. Ладынина и др. – Москва: «Филологическое общество «Слово». – 2010. – 576 с.
9. Индия – страна религиозной нетерпимости и ненависти ко христианству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kistine.ru/india/india_intolerance.htm (дата обращения: 16.04.15.).
10. Атеистический сайт Беларуси. Вандализм во имя Аллаха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: a-theism.com (дата обращения: 16.04.15.).
11. Почему в Японии нет христиан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ronsslav.com/pochemu-v-yaпонии-net-musulman/ (дата обращения: 16.04.15.).

12. Воробьёв С.Ю. Библия и история / С.Ю. Воробьёв. – Москва: Издательство Московской патриархии РПЦ, – 2011. – 312 с.
13. Библия /Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в синодальном переводе с комментариями и приложениями. – Москва: Российское Библейское общество. – 2008. – 2047 с.
14. История книгопечатания в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 16.04.15.).

УДК 291.37
ГРНТИ 21.15.09

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРЯДА ИНИЦИАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

RESEARCH OF THE RITE OF INITIATION: BASIC PROBLEMS

Ольга Анатольевна Райкова

Научный руководитель: Н. И. Сазонова, доктор филос. наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: обряд посвящения, обряд инициации, первобытное общество.

Keywords: initiation ceremony, the rite of initiation, primitive society.

Аннотация. В исследовании обозначены основные проблемы, возникающие в процессе изучения обрядов инициации, а также возможные позиции, ракурсы, с которых можно рассматривать это явление с целью понимания его значения как для первобытного общества, в котором возникают обряды посвящения, так и для последующих эпох.

В жизни первобытных обществ обряд инициации играл важную роль, поскольку обеспечивал непрерывное поступление в род/племя новых членов, их включение в отношения между мирами: сакральным и профанным, поэтому его значение в культуре было велико. Однако постепенно начинали происходить изменения в сознании людей, которые повлекли за собой процесс десакрализации мира, и как следствие, десакрализацию жизни как общества в целом, так и отдельного человека.

При этом нельзя сказать, что инициация полностью исчезает из культуры. Существование посвячительных обрядов в их изначальном варианте уже не является необходимостью, однако механизмы перехода продолжают присутствовать в культуре, в виде фрагментов или как обряды «псевдо-инициации». В связи с этим изучение обрядов инициации представляется актуальным, поскольку дает возможность понять механизмы, обеспечивающие ее устойчивость, длительное существование, и, кроме того, особенности влияния посвячительных обрядов на проходящего их индивида.

Следует отметить, что при сборе этнографического материала исследователи уделяли большое внимание описанию обрядов инициации. В результате деятельности этнографов (особенно в XIX в.) в распоряжении ученых последующих эпох оказалось значительное количество

информации о посвятительных обрядах многих первобытных сообществ, что, казалось бы, должно было способствовать максимально глубокому пониманию происходящего в ходе инициации.

Однако, в силу специфики самого процесса инициации, его многосмысленности и глубины, а также закрытости, табуированности для непосвященных возникает целый ряд проблем, требующих рассмотрения как с целью понимания происходящего в ходе этих обрядов, в том числе и на уровне индивида, так и осмысления значения инициации для культуры в целом. В данной статье предполагается рассмотреть основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь при обращении к обряду инициации.

Первой по значимости является проблема определения самого термина «инициация». В зависимости от ракурса рассмотрения, ее описывают посредством понятий «смерть», «рождение», «переход», «обмен». Так, для И. М. Дьяконова инициация «есть тоже смерть и рождение» [1, с.19.]; о смерти и новом рождении или воскресении писал и В. Я. Пропп [2, 3] Г. А. Левинтон описывает инициацию как «... переход индивида из одного статуса в другой...» [4, с.543]. Ж. Бодрийяр, в свою очередь, делает акцент на обмене, переходе и смерти: «Инициация очевидным образом заключается в том, что на месте голого факта устанавливается обмен: происходит переход от природной, случайной и необратимой смерти к смерти даримой и получаемой, а значит и обратимой...» [5, с.242]. Все эти понятия высвечивают отдельные аспекты обряда инициации, однако, не дают исчерпывающего ответа на вопрос, что она такое. Скорее, они создают некое смысловое поле, в котором исследователь осуществляет процедуру изучения и осмысления. Наличие нескольких понятий, характеризующих процесс инициации, заставляет исследователя принимать одну из позиций, выбирая тот или иной термин, или же предполагает попытку комплексного подхода к обряду инициации, рассмотрению явления в целом.

Далее перед исследователем встает проблема соотношения в инициации социального и религиозного аспектов, поскольку, в зависимости от того, как будет решаться эта проблема, возникает определенная модель инициации: с социальным или религиозным уклоном. Ж. Бодрийяр [5, с.241-247], например, делает акцент на социальном аспекте обряда инициации.

Однако возможно и соединение, а не разделение этих двух аспектов, как это происходит у С. А. Токарева: «... там, где они [посвятительные церемонии] существуют в развитой форме, они представляют собой дело всей общины; в них участвует не только вся орда, деревня, род, но и все племя... Исполняемые более или менее периодически обряды посвящения как бы создают общий ритм религиозной жизни племени [6, с.208]. В этом случае исследователь не только может понять значение обряда инициации в эпоху, когда роль ее была значимой, но и в последующие эпохи, когда инициация в чистом виде в культуре уже не присутствует, а сохраняется в виде отдельных элементов или обрядов «псевдо-инициации».

При обращении к этнографическому материалу, перед исследователем инициации встает еще одна, не менее значимая проблема: соотношение информации, посвященной мужским и женским инициациям. Исторически сложилось, что в большинстве первобытных обществ мужские инициации проводились более «зримо», и, хотя и представляли собой «тайные обряды», однако же, о них охотно рассказывали ученым: «...у многих народов инициации юношей служат средоточием всех наиболее важных и нередко тайных верований, обрядов и обычаев» [6, с.208]. Поэтому объемы материала, касающегося инициаций юношей, довольно обширны.

Что же касается женских инициаций, здесь мы видим обратную ситуацию. Информации по ним крайне мало, она практически лишена столь необходимых исследователям подробностей.

Обычно ученые, обращаясь к вопросу женских инициаций, указывают на их «простоту» по сравнению с мужскими: «... инициации девушек более просты и скромны...» [6, с.209-210], и меньшую значимость для общины. Такое положение дел было, скорее всего, обусловлено тем, что женские инициации не могли быть организованы в виде «массового мероприятия», поскольку приурочивались к наступлению половой зрелости иницируемой девушки [6, с.210], который наступал в определенный (строго не фиксированный) срок.

В связи ограниченным объемом материала по женским инициациям возникает вопрос о возможности привлечения дополнительных, часто косвенных данных, дошедших до исследователей, например, в виде изображений или фольклорных произведений. В этом случае предполагается проведение реконструкции обряда инициации на основании доступных источников.

Следующая проблема, с которой сталкивается исследователь обрядов инициации, лежит в плоскости психологии, и связана с возможностью понимания индивидуальных переживаний проходящего инициацию человека. Возникает она из-за целого ряда причин: во-первых, чаще всего, информация о том, что происходит во время инициации, табуируется, что затрудняет, а часто делает практически невозможным узнать, что переживает человек, проходящий инициацию. Существует два уровня знания об инициации: внутренний – для посвященных и тех, кто проходит посвящение – истинное знание, и внешний – для тех, кто не участвует в обрядах (в случае с мужскими инициациями – женщины, дети). Для непосвященных придумываются ложные смыслы происходящего и ужасные стражи, карающие осмеливающихся нарушить табу – присутствовать на месте проведения обряда.

Во-вторых, на этапе первобытного общества, когда в сознании человека превалирует мифологическая составляющая, отсутствует уровень критической рефлексии, и как следствие, индивид не может передать информацию о своих переживаниях этнографу, который находится на позициях формальной логики.

И, наконец, перед ученым, обращающимся к рассмотрению обрядов инициации возникает проблема «конгениальности»: насколько

полно способен понять происходящее в рамках инициации тот, кто на собственном опыте не пережил подобное, если в культуре, к которой принадлежит исследователь, инициация в чистом виде уже не существует.

Таким образом, как мы видим, исследователь, пытающийся изучать обряд инициации, сталкивается с целым комплексом проблем:

- 1). Проблема определения термина «инициация».
- 2). Проблема соотношения в рамках инициации социального и религиозного аспектов.
- 3). Дисбаланс в объеме материала по мужским и женским инициациям в пользу первых.
- 4). Проблема понимания индивидуальных переживаний иницируемого.
- 5). Проблема «конгениальности» исследующего субъекта.

Все эти проблемы требуют от ученого четкого понимания собственной позиции относительно обряда инициации, поскольку именно она будет определять как подход, посредством которого исследователь сможет получить новое знание или осмыслить опыт предшественников, так и тот «портрет» инициации, который он получит в итоге.

Литература

1. Дьяконов, И. М. Введение [Текст] / И. М. Дьяконов // Мифологии древнего мира. Пер. с англ. Предисл. И. М. Дьяконова. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. – С. 5–54.
2. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп; составление, научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – Москва : Издательство «Лабиринт», 2005. – 332 с.
3. Пропп, В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) [Текст] / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность: Избранные статьи. Сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова; АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука, 1976. – С. 174–204.
4. Левинтон, Г. А. Инициация и мифы [Текст] / Г. А. Левинтон // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 1. А–К. – С. 543–544.
5. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – 3-е изд. – Москва : «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2009. – 387 с.
6. Токарев, С.А. Ранние формы религии [Текст] / С. А. Токарев. – Москва : Политиздат, 1990. – 622 с. : ил. – (Б-ка атеист. лит.).

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ (ВОЗНЕСЕНСКИЙ) И ЕГО БОРЬБА С ЭКУМЕНИЗМОМ И «СОВЕТСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ»

METROPOLITAN PHILARET (VOZNESENSKY) AND HIS STRUGGLE AGAINST ECUMENISM AND THE "SOVIET CHURCH"

Руслан Юрьевич Терек

Научный руководитель: Н. И. Сазонова, доктор филос. наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия.

Ключевые слова: Московская Патриархия, Русская Зарубежная Церковь, экуменизм, модернизм, «советская церковь», митрополит Филарет (Вознесенский).

Keywords: Moscow Patriarchate, the Russian Church Abroad, ecumenism, modernism, the "Soviet Church", Metropolitan Philaret (Voznesensky).

Аннотация. В статье анализируется церковная политика третьего Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Филарета (Вознесенского), его отношение к экуменическому диалогу и попыткам сближения с Московской Патриархией. Делается вывод об обособлении Зарубежной Церкви в пространстве «мирового Православия», а также о возобладании консервативных и традиционалистских тенденций в её жизни в этот период.

После окончания Второй Мировой войны Русская Зарубежная Церковь полностью сформировалась как независимая церковная структура. У Церкви был свой Архиерейский Синод, свой Первоиерарх, свои епархии. Вплоть до 2007 года она сохраняла свою самостоятельность от Московской Патриархии, занимая особую позицию по политическим вопросам и вопросам межрелигиозного диалога. Двадцать один год Русскую Православную Церковь Заграницей возглавлял Митрополит Филарет (Вознесенский). На время его первоиераршества приходится настоящий расцвет русского зарубежья. Установление политической и экономической стабильности в Европе и США после невзгод, разрухи и нищеты послевоенных лет значительно повлияло на укрепление Зарубежной Церкви. 20-летие первоиераршества митрополита Филарета было временем собирания приходов и общин, строительства храмов, церковных школ и приютов, создания новых монашеских общин. При этом на это же время приходятся серьезные испытания для Вселенского Православия в виде экуменизма и модернизма, а непосредственно для Зарубежной Церкви – время пика идеологического противостояния с Московской Патриархией. Сами «зарубежники» видели во Владыке Филарете ревнителя Православия, главного обличителя «церкви лукавствующих» или «советской церкви», как они именовали Московскую Патриархию. Противоборствующая же сторона видела в митрополите лишь лидера «карловацкого раскола».

Митрополит Филарет, в миру Георгий Николаевич Вознесенский, родился в 1903 году в городе Курсе в семье священника. В 1909 году семья Вознесенских переезжает на Дальний Восток, где в городе Благове-

щенск-на-Амуре будущий митрополит окончил восьмиклассную гимназию. В годы Гражданской войны он вместе со своей семьей покидает Россию и переселяется в Манчжурию в город Харбин, где оканчивает Русско-Китайский Политехнический институт. В 1931 году Георгий Вознесенский был пострижен монашеством с именем Филарет и в том же году рукоположен в иеромонаха. В 1933 году возведен в сан игумена, а в 1937 – во архимандрита.

Политическая обстановка в Китае в это время была беспокойной. В 1931 году Манчжурия была оккупирована японскими войсками, а через 14 лет советскими, в Китае установилась коммунистическая власть. Сразу после окончания войны представители дипломатического корпуса СССР в Китае начали вести активную пропагандистскую работу, предлагая русским эмигрантам получить советские паспорта и вернуться на Родину. В эту компанию пытались втянуть и православных священников, в том числе и о. Филарета. Однако он воспротивился этим предложениям и стал с амвона храма обличать советских агитаторов и призывать верующих не верить советской пропаганде, указывая на то, что религиозный климат в СССР не изменился в послевоенное время и репрессии продолжаются. Такие проповеди были осуждены епархиальными властями и не получили поддержки среди священнослужителей Харбинской епархии, которая сразу после окончания войны присоединилась к Московской Патриархии. Отцу Филарету, невольно оказавшемуся в лоне «советской церкви», было запрещено произносить проповеди с церковного амвона. Но молодой и принципиальный священник не собирался сдаваться и продолжал обличать большевизм и лояльную позицию Русской Православной Церкви Московского Патриархата по отношению к коммунистической власти. Непокорного «попа» часто вызывали на допросы, нередко применяя физическую силу, но это не имело никакого результата. Дошло до того, что на него было совершено покушение: неизвестные ночью подожгли его дом, предварительно заколов окна и двери. Отец Филарет чудом спасся, выпрыгнув из окна, в результате чего у него на всю жизнь остался небольшой наклон головы набок и некоторое искривление нижней части лица.

Жить в коммунистическом Китае архимандриту Филарету становилось все труднее. Как рассказывал он позже, «стараясь оберегать свою паству от советской фальши и лжи, сам я чувствовал себя иногда невыразимо тяжело – до того, что несколько раз подходил вплотную к решению вообще уйти – оставить служение. И останавливала меня только мысль о своей пастве ... им придется ходить на советскую «службу» и слышать молитвы о предтечах антихриста ... Это останавливало меня и заставляло нести свой долг до конца» [1]. О. Филарет покинул Китай, только после того, как страну покинула почти вся его паства. Первым делом он направил Первоиерарху РПЦЗ письмо с просьбой принять его снова в лоно Русской Зарубежной Церкви, также им было заполнено покаянное заявление о том, что он сожалеет о своем нахождении в Московской Патриархии. Вскоре Архимандрит Филарет

переезжает в Австралию. Приняли его здесь радушно и даже был поднят вопрос о его хиротонии во епископа, что было полной неожиданностью для будущего Митрополита. В итоге, в 1963 году он был хиротонисан во епископа Брисбенского, викария Австралийской епархии. 14 мая 1964 года Епископ Брисбенский Филарет был избран Архиерейским Синодом Первоиерархом РПЦЗ. Стоит отметить, что за первые десятилетия послевоенных лет в РПЦЗ сформировалось либеральное крыло клириков и мирян, которые были не против диалога с Мировым Православием и в том числе Московской Патриархией. Поэтому после избрания Первоиерархом перед митрополитом Филаретом встала непростая задача – сохранить единство Церкви и при этом не увести её в сторону модернизма, ярким противником которого он был.

На 60-е гг. приходится расцвет экуменического движения. В него были вовлечены не только католическая и протестантские церкви, но и большинство Поместных Православных. РПЦЗ в этот период последовательно выступает против участия Православных Церквей в данном диалоге. Для митрополита Филарета экуменизм был «ересью всех ересей», который «хочет совершенно зачеркнуть понятие о Церкви Православной, как хранительнице Истины...» [2]. Желая вразумить Православные Поместные Церкви, участвующие в экуменическом диалоге, Владыка Филарет направляет так называемые «скорбные послания», адресованные «Святейшим и Блаженнейшим Главам Православных Церквей, Преосвященным Митрополитам, Архиепископам и Епископам». В них он призывает «твердо хранить Веру и правила Святых Отцов» и «незыблемо блюсти Православие от вкрадывающихся искушений и заблуждений» [3].

При этом стоит отметить, что в своих посланиях Митрополит Филарет признает голосом Русской Церкви не позицию Московской Патриархии, а позицию Зарубежной и Катакомбной Церкви. В письме от 15 декабря 1965 года к Константинопольскому Патриарху Афинагору митрополит Филарет пишет: «... мы считаем необходимым заявить, что наша Русская Церковь за границей, как, несомненно, и Русская Церковь, ныне находящаяся в «катакомбах», не согласится ни на какие диалоги о догматах с иными вероисповеданиями и заранее отменяет всякое согласие с ними в этом отношении» [4]. Говоря о делегации Московской Патриархии во главе с митрополитом Никодимом (Ротовым), которая представляла Русскую Православную Церковь во Всемирном Совете Церквей, Владыка Филарет в своем первом «скорбном послании» пишет, что «они не могут быть подлинными представителями Русской Православной Церкви, измученной, бесправной и безгласной, загнанной в темницы и катакомбы» [4].

Стоит отметить, что современные историки РПЦ упрекают Зарубежную Церковь в лицемерии по данному вопросу [5]. Однако это не совсем так. В своем первом «скорбном послании» митрополит указывал причину такого отторжения экуменизма. Он признает факт участие представителей Зарубежной Церкви в работе межхристианских комитетов, но при этом указывает на то, что цели таких собраний до

войны и теперь значительно изменились. Митрополит пишет, что когда «делались первые шаги по организации этого движения, многие из наших стали принимать участие в ... конференциях по инициативе Константинопольского Патриархата. ... Им представлялось, что не может Церковь потерпеть никакого ущерба от того, что её представители явятся в кругу ищущих истины протестантов разных толков с тем, чтобы их разнообразным заблуждениям противопоставить истину Православия. Подобное участие в интерконфессиональных собраниях носило бы миссионерский характер» [3]. Таким образом, митрополит Филарет четко дает понять, что ранее цели и представления об экуменическом диалоге были иными. Каплей, переполнившей чашу, стало взаимное снятие анафем в 1965 году между Православной Церковью (в лице Константинопольского Патриарха Афинагора) и Римско-Католической (в лице Папы Павла VI). Это событие было настоящим шоком для всего православного мира и именно оно послужило поводом для «скорбных посланий» митрополита Филарета и дальнейших его антиэкуменических выступлений. Стоит сказать, что в этом его горячо поддерживало большинство членов Зарубежной Церкви.

В своих проповедях Митрополит Филарет нередко приводил примеры тех «ужасов», которые творились на экуменических встречах. К примеру, в день памяти Святителя Николая Чудотворца он рассказал следующий пример: «Итак – происходила «экуменическая встреча». Был там так называемый православный протоиерей из Парижского Богословского Института, был еврейский раввин, были пастор и католический священник. Там они сначала как-то помолились, а потом стали выступать с речами. И вот еврейский раввин сказал, что Господь Иисус Христос был незаконнорожденный сын особы легкого поведения ... Но главный ужас не в этом ..., но .. в том, что когда он это сказал – все промолчали. «Православного» протоиерея спросил потом человек, слышавший эту страшную хулу: «Как вы могли промолчать? Тот ответил: «Я не хотел обижать этого еврея». Еврея обижать нельзя, а оскорблять Пречистую Деву Марию – можно! Вот до чего мы докатились! Как часто нам всем теперь не хватает ревности встать, когда нужно, на защиту своих святынь» [6]. То есть обвинения некоторых историков в лицемерии здесь абсолютно не уместно. Речь идет об изменении позиции Церкви, вследствие изменения целей и принципов работы экуменического движения.

Первоиерарх Зарубежной Церкви Митрополит Филарет (Вознесенский), будучи человеком, горячо верующим, и готовым на мучения и смерть ради своей веры был слишком идейным человеком и хотел видеть в каждом русском священнике и мирянине воина Христова, готового смело отстаивать правду всеми своими силами и даже ценой своей жизни. Конечно, сам он подавал такой пример, ведь многие знали, что он претерпел в коммунистическом Китае и какое идеологическое влияние не него оказали представители той самой «советской церкви», которые не могли ему простить его упрямства в его отношении к советской власти, да и не только они. Митрополита Филарета не хотели

даже понять главы Поместных Церквей, которые даже не ответили на его «скорбные» послания, обращенные к ним. Практически весь православный мир в это время стремился идти в ногу со временем, присоединяясь к экуменическому движению, модернизируя церковную жизнь и только лишь Зарубежная Церковь, стремилась в этом общем потоке остаться той исконной Православной Церковью, которой она была ранее. Именно к этому призывал Митрополит Филарет и именно в этом суть его борьбы с «советской церковью» и экуменизмом. И, видимо, его борьба не была напрасна. Зарубежная Церковь в меняющемся мире сумела сохранить свое исконное лицо и в период 90-х стала тем складом мудрости из которого получала духовную пищу Новая Россия. А лично митрополит Филарет получил иного рода награду. В 1998 году при перенесении останков почившего первоиерарха в новую усыпальницу его мощи были обнаружены нетленными, а в 2012 году была создана специальная комиссия по канонизации, в задачу которой входит собирание информации и повышение осведомленности о праведной жизни митрополита Филарета.

Литература

1. Митрополит Филарет (Вознесенский). Конспект по закону Божию // Журнал «Русский иконок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian-inok.org/books/konspekt.html> (дата обращения: 20.04.2015).
2. Митрополит Филарет (Вознесенский). Проповеди. // Информационно-аналитический портал Саратовской епархии РПЦ «Православие и современность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/filaret/filaret2/173.html> (дата обращения: 20.04.2015)
3. Митрополит Филарет (Вознесенский). Первое «скорбное послание» // Приход Новомучеников и Исповедников Российских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rpczmoskva.org.ru/oficialnye-dokumenty/mitropolit-filaret-voznescenskij-pervoe-skorbnoe-poslanie.html> (дата обращения: 20.04.2015).
4. Обращение к его Святейшеству Кир Киру Афинагору Константинопольскому Нового Рима и Патриарху Вселенскому // Официальный сайт Архиерейского Синода РПЦЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russianorthodoxchurch.ws/synod/documents/mphilaretpathenagoras.html> (дата обращения: 20.04.2015).
5. Цыпин Владислав (протоиерей). История Русской Церкви 1917-1997гг. // Электронная библиотека Одинцовского благочиния [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/istoriya_rpc/cipin/11.2/ (дата обращения: 20.04.2015).
6. Митрополит Филарет (Вознесенский). Проповеди // Информационно-аналитический портал Саратовской епархии РПЦ «Православие и современность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/filaret/filaret2/173.html> (дата обращения: 20.04.2015).
7. Святитель Филарет (Вознесенский). Письмо о. Виктору Потапову о церкви в России // Приход Новомучеников и Исповедников Российских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rpczmoskva.org.ru/otcheskie-trudy/svyatitel-filaret-voznescenskij-pismo-o-viktoru-potapovu-o-cerkvi-v-rossii.html> (дата обращения: 20.04.2015).
8. Цыпин Владислав (протоиерей). История Русской Церкви 1917 – 1997 гг // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/20/tsypin/tsyp11.html> (дата обращения: 20.04.2015).

9. Заявление Председателя Архиерейского Синода РПЦЗ по поводу обращения Московской Патриархии (1974г) // Русский Обще-Воинский Союз. Русская военная эмиграция. 1920-1940 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?id=218&mode=text&view=publication> (дата обращения: 20.04.2015).
10. Послания к православному русскому народу на Родине // Официальный сайт Архиерейского Синода РПЦЗ (А) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sinod.ruschurchabroad.org/Arh%20Sobor%201974%203%20vsezarub%20posl%20narodu%20na%20rodine.htm> (дата обращения: 20.04.2015).

УДК 281.93

ГРНТИ 03.23.25

СМЕРТНЫЕ КАЗНИ ЗА ВОЛХОВАНИЕ В РОССИИ: РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕЕ ПОЗИЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИБЛИИ

EXECUTIONS FOR WITCHCRAFT IN RUSSIA: THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE INTERPRETATION OF ITS POSITION FROM THE POINT OF VIEW OF THE BIBLE

Вадим Мурадханович Эмирханов

Научный руководитель: Н. И. Сазонова, доктор филос. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Русская православная церковь, волхование, ведовские процессы, Ветхий Завет, Новый Завет.

Keywords: Russian Orthodox Church, witchcraft, hex processes, the old Testament, the New Testament.

Аннотация: В статье рассматриваются процессы против волхования на Руси и в России XI-XVIII вв. и позиция Русской православной церкви в отношении этих процессов. Делается вывод о том, что РПЦ принимала участие в осуждении волхователей и колдунов, обосновывая свою позицию опорой, прежде всего, на тексты прежде всего, Ветхого Завета.

Церковь на протяжении всего своего существования вела борьбу с различного рода колдовством, чародейством, знахарством и прочими проявлениями магии. Много примеров такой борьбы можно увидеть в Ветхом Завете (Лев. 19, 31; Втор 18:20). Подобная тенденция сохранилась и в новозаветное время. Книги Нового Завета однозначно осуждают магические практики и относят их к разряду тяжких грехов (Гал. 5, 19-21; Деян. 8, 9-24). Церковь боролась с этим явлением с помощью уговоров, проповедей, канонических наказаний [1, С.111] Однако, не всегда она ограничивалась лишь этими методами. К великому сожалению, история знает и такое явление, как католическая инквизиция. Десятки тысяч людей пострадали от рук этого беспощадного карательного органа, в том числе по обвинению в колдовстве [2].

В данной статье автор рассмотрит ведовские процессы, имевшие место в России, выявит степень участия Русской православной церкви

в данных процессах и попытается определить обоснованность ее позиции с точки зрения библейского откровения.

Ведовские процессы в России начались еще в XI в., практически сразу после принятия христианства. «Устав князя Владимира о церковных судах» предоставил Церкви право разбирать дела касательно ведовства, чародейства и волхования [3]. Уставы князей Ярослава Владимировича, Всеволода Мстиславича (до 1136 г.), уставная грамота князя Ростислава Мстиславича также подтвердили право Церкви судить тех, кто будет уличен в этих грехах [1, С. 105 -107]. Русские князья, которые уже приняли крещение, были согласны с иерархами в том, что магия является нравственным преступлением и грехом. Некоторые из князей смотрели на волхвов и колдунов с опаской, ведь их обвиняли в разного рода бедствиях, постигавших княжества (засухах, неурожаях, болезнях) [1, С.242]. Поэтому уже с XI в. наблюдается взаимопонимание Церкви и государства в борьбе с магическими практиками.

Репрессии против колдунов откровенно поддерживались некоторыми служителями РПЦ. Киевский митрополит Иоанн (XI в.) считал, что таких людей нужно предавать смерти, чтобы жестокостью наказания отвратить от этого занятия и других людей [3]. Владимирский епископ Серапион (XIII в.) писал в проповеди к князю: «... Очищайте (города) по примеру пророка Давида в Иерусалиме, который искоренял всех людей, творящих беззакония, – иных убийством, иных заточением, а иных заключением в тюрьму» [3]. В 1227 г. в Новгороде судили четырех волхвов. Для этого привели их на архиерейский двор. Там волхвов осудили и сожгли. [4]. Здесь на лицо согласие на смертную казнь со стороны новгородского епископа Антония. Примерно в это же время появилось на свет поучение некоего автора «Како жити христианом». В нем гражданские власти призываются беспощадно преследовать колдунов, чародеев и предавать их «всеконечным мукам». «Нельзя щадить тех, кто творил зло перед Богом», – пишет автор [3]. Судя по названию книги, этот неизвестный автор был явно христианином и настроен был решительно. В 1284 г. в русской «Кормчей книге» (сборник церковных и светских законов) появляется следующее предписание: «кто будет еретическое писание у себя держать, и волхованию его веровать, со всеми еретиками да будет проклят, а книги те на темени его сжечь» [4].

В 1411 г. во Пскове сожгли одиннадцать колдуний. Этих женщин подозревали в том, что они наслали мор на город [5]. В 1444 г. в Можайске был всенародно сожжен боярин Андрей Дмитриевич с женой по обвинению в колдовстве [3]. В августе 1575 г. в Новгороде сожгли пятнадцать ведьм [4]. В 1591 г. в Астрахани сожгли колдунов. В вину им вменялась порча, которую они наслали на крымского царевича Мурат-Гирея. Казнь состоялась при большом стечении народа. Летопись 1591 г. описывает это сожжение следующим образом: «Пытав их, велел государь (Федор Иоаннович) пережечь». Здесь же приводится сообщение патриарха Иова государю: «О великий государь, боговенчаный царь и великий князь Федор Иванович Всея Руси! Воистину еси ты равен яви-

ся православному первому в благочестии просиявшему царю Константину и прародителю своему великому князю Владимиру, просветившему Русскую землю святым крещением: они же убо каждый в свое время идолы поправше и благочестие восприяша; ты же ныне великий самодержец и истинный рачитель благочестия, не единых идолов сокрушая, но и служащих им до конца истребляя»[4]. Эта цитата являет нам откровенную поддержку патриархом Иовом репрессий против чародеев.

В 1647 г. по доносу церковных «доказчиков» обвинили в чародействе некоего крестьянина Терешку и женщину по имени Агафьица. По указу Алексея Михайловича их вывели на площадь, обвинили в колдовстве и сожгли в срубе. После подавления крестьянского восстания 1667-1671 гг. была арестована (по благословению новгородского митрополита Филарета) активная участница бунта старица Алена. Митрополичий суд признал ее виновной в колдовстве и подверг пыткам. Немного погодя, ее сожгли в срубе, как колдунью. Подобные казни имели место в Астрахани (1672 г.), в Тотьме (1674 г.), в Сокольском (1676 г.) [3], в Якутске (1687 г.)[4].

Подобная церковная политика проводилась и в духовных образовательных учреждениях. В славяно-греко-латинской академии строго запрещалось держать разного рода магические книги. В случае обнаружения запрещенных книг, их обладатель подлежал сожжению «без всякого милосердия» [5]. Тем самым, будущие священнослужители и богословы готовились к жестокой борьбе с чародеями и колдунами. Ведовские процессы продолжались даже при прогрессивном императоре Петре I. По петровским военным артикулам 1716 г. приговаривались к сожжению на костре «чернокнижники, ружья заговорители, суеверные и богохульные чародеи»[3].

В 1731 г. вышел царский указ, по которому епархиальные архиереи были обязаны вести бескомпромиссную борьбу с колдовством. Сожжением наказывались не только колдуны, но и люди, обратившиеся к ним за помощью [3]. Вопиющий случай произошел в 1737 г. в Подолии в селе Гуманец. Крестьянина Михаила Матюковского (случайного прохожего) сожгли на поле во время крестного хода по обвинению в порче (в то время в Подолии ходила моровая язва) [4]. Все это происходило без всякого суда, в присутствии священника, который не только не остановил безумие своих прихожан, но и произнес следующие слова: «Мое дело заботиться о душе, а о теле ваше – жгите скорее»[6, С. 99-100].

В конце XVIII Сенат запретил духовенству принимать участие в ведовских процессах. Скорее всего поводом для этого запрета стала слишком активная судебная деятельность некоторых представителей духовенства, в частности, устюжского епископа [3]. Таким образом, почти до XIX в. церковные власти судили людей за ведовство и предавали их для наказания в руки светских властей, прекрасно понимая чем это может закончиться. В XIX в. смертных казней стало значительно меньше. Последнее сожжение за колдовство относится к 1885 г. (Херсонская губерния) [3].

Из вышеизложенного видно, что по крайней мере до XIX в. РПЦ активно участвовала в судебных делах против ведовства. Церковные служители сами инициировали эти процессы, прекрасно понимая, какое наказание ждет людей, обвиняемых в колдовстве. Обречение человека на смертную казнь, по сути на убийство, почему-то не смущало русское духовенство. Достаточно вспомнить Соборное уложение 1649 г., которое предписывает казнить людей, имеющих религиозные взгляды, отличающиеся от взглядов РПЦ. Под эту статью можно было подогнать что угодно, в т.ч. и ведовство. Характерно, что уложение подписали все участники собора – духовенство РПЦ [4]. Тем самым, русские церковные деятели взяли на себя часть ответственности за смертные казни инакомыслящих, в т.ч. и колдунов.

Почему РПЦ заняла такую жесткую позицию по отношению к колдовству? Имеется ли основание в Священном Писании для жестких таких репрессий? Библия является для Церкви непререкаемым авторитетом, а значит к этому законодательному источнику нужно обращаться в первую очередь. Если каноническое церковное право может корректироваться в ответ на вызовы времени, то в Библии изменения невозможны, т.к. данная книга считается сверхъестественным откровением. Итак, нам необходимо проанализировать феномен участия РПЦ в репрессиях против колдунов с точки зрения Священного Писания и узнать оправданы ли такие жесткие меры по его учению. Библия состоит из книг Ветхого и Нового Заветов. Два этих законодательства в чем-то сходятся, а в чем-то имеют принципиальные различия. Следовательно, необходимо отдельно рассматривать книги как Ветхого, так и Нового Завета.

Сначала рассмотрим данную проблему с точки зрения Ветхого Завета. Евреев окружали языческие народы, использовавшие различные магические практики. Из этих государств магия могла проникнуть в среду израильского народа. Об этом евреев предупреждали пророки: «Когда ты войдешь в землю (обетованную)...тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это...» (Втор. 18, 9-12). «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них» (Лев. 19, 31). «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то Я обращу лице Мое на душу ту и истреблю ее из народа ее» (Лев. 20, 6-7). «И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и чародеям, к шептунам и чревовещателям, тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу?» (Ис. 8, 19). «Исторгну чародеяния из руки твоей, и гадающих по облакам не будет у тебя» (Мих.5:12). Как видно из цитат, пророки явно осуждали эти языческие обычаи и строго запрещали евреям практиковать подобные вещи, это считалось греховным делом.

Приведем несколько цитат, сообщающих нам о мерах наказания за подобные грехи. «Мужчина или женщина, если будут они вызывать мертвых или волховать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев. 20, 27). «Ворожеи не оставляй в живых» (Исх.22:18). «Пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти» (Втор 18:20). Таким образом, в Ветхом Завете за магические практики однозначно предписывалась смертная казнь.

Рассмотрим теперь отношение к проблеме в Новом Завете. Апостол Павел в послании к Галатам говорит: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд... идолослужение, волшебство... поступающие так Царства Божия не наследуют» (Гал. 5, 19-21). «А Елима волхв противился им (апостолам Павлу и Варнаве), стараясь отвратить проконсула от веры. Но Савл, он же Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого» (Деян. 13, 8–11). Из этих двух цитат можно увидеть абсолютно негативное отношение апостола Павла к магии. А вот как говорит о колдунах апостол Иоанн Богослов: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и любodeи, и убийцы, и идолослужители...» (Откр. 22, 14–15). «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любodeев и чарodeев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою» (Откр. 21, 8). Из этого можно заключить, что христианская церковь строго осуждала колдовство и считала его тяжким грехом. Однако, есть существенное отличие новозаветного законодательства от ветхозаветного: ни в одной книге Нового Завета не говорится о наказании смертью за ведовство. Да, апостолы осуждали это явление (Деян. 8, 9-24), да изгоняли духов из языческих прорицателей (Деян. 16, 16-18), да, наказывали даже временными болезнями (Деян. 13, 6-11), но нигде ни Христос, ни апостолы не велели казнить людей за чародейство.

Итак, Ветхий Завет предписывает наказывать за колдовство смертью, а Новый ограничивается лишь осуждением этого явления и предупреждением чарodeев о их будущей участи. В христианскую эпоху Бог более снисходителен к грешникам, долготерпит и ожидает их обращения. Подчеркивается необходимость свободного, непринужденного выбора добра. Христос никого не заставляет жить по Евангелию: «Тогда Иисус сказал ученикам своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Ветхозаветного человека Бог пытался удержать в определенных нравственных рамках методом устрашений, наказаний, даже смерти, чтобы подготовить его к принятию благодати. Когда пришла

благодать, принуждение стало неуместным и бесполезным, осталось место только для свободного волеизъявления человека. Христос не насилует волю человека, не угрожает, не мстит за непослушание. Показательный случай описывается в Евангелии от Луки. Христа и его учеников не приняли в самарянском селении. Тогда апостолы Иаков и Иоанн сказали Христу: «Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лк. 9,51-56). Христос желает обращения грешника, а не его смерти. В свете сказанного, кощунственно звучат слова Владимирского епископа Серапиона, приведенные выше. Ветхозаветный период ушел в прошлое, на его место пришел новый закон – закон любви. Ссылаться на ревностных деятелей Ветхого Завета уже нет оснований. Одним словом, нельзя заставить быть верующим угрозами, пытками, казнями. Это свободный выбор каждого человека.

Таким образом, смертные казни, одобряемые РПЦ, в наказание за ведовство, с точки зрения Ветхого Завета являются законными, в силу особых отношений между Богом и человеком. В новозаветное время они уже неприемлемы, безосновательны, напрасны и жестоки. Русская Церковь, существуя в христианскую эпоху, не имела права осуждать колдунов на смертные казни, т.к. новозаветные книги не содержат соответствующих заповедей. Необходимо было реагировать на этот феномен исключительно увещаниями и каноническими прещениями (2 Тим. 4, 2-4), но РПЦ, к сожалению, пошла другим путем.

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что РПЦ участвовала в «охоте на ведьм» с самого начала. Церкви, начиная со времен «устава князя Владимира», было предоставлено право судить колдунов и всех, кто к ним обращался по какой-либо нужде. Церковный суд, начиная с XIII и кончая XIX вв., часто признавал подсудимых достойными смертной казни через сожжение. Далее виновный передавался в руки светской власти, которая и приводила приговор в исполнение. Таким образом, церковные деятели, участвовавшие в церковных судах по данным делам, становились отчасти виновными в человеческих смертях. Исследовав новозаветные книги, мы не нашли ни одного высказывания Иисуса Христа или апостолов одобряющих смертные казни за грех. Более того, Христос прямым текстом призывает любить не только друзей, но и врагов (Мф. 5, 44). Даже, если считать волхвов врагами Церкви, то и в этом случае, христиане должны к ним относиться с любовью, а не карать смертью. Подобная инквизиционная деятельность РПЦ бесспорно является черной страницей в ее истории.

Литература

1. Гальковский Н. М., Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. I / Н. М. Гальковский. – Харьков : Епархиальная типография, 1916 г. – 376 с.
2. Охота на ведьм. Статистика жертв: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ateismy.net/content/spravochnik/statistika/oxota_vedm.html

3. Грекулов Е. Ф., Православная инквизиция в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://grekulov.narod.ru/>
4. Шацкий Е. О. Русская православная церковь и сожжения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/25_sh/sha/shazky.html
5. Новомбергский Н. Врачебное строение в допетровской Руси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/ancient/reader/work_1_03.htm
6. Васильев А. По следам «святых» преступлений / А. Васильев . – Москва : Изд-во «Молодая гвардия», 1988 г. – 160 с.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

УДК 372.83
ГРНТИ 14.25.09

РОЛЬ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ПО ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ «ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА» В 10-М КЛАССЕ СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

ROLE OF THE ELECTIVE COURSE «HUMAN NATURE» IN GRADE 10 OF SPECIALISED CLASS

Владислава Олеговна Кривошеина

Научный руководитель: О. Ю. Морозова, канд. пед. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: элективный курс, обществознание, 10 класс, профильный класс, природа человека

Keywords: elective course, social studies, grade 10, specialised class, human nature

Аннотация: Элективные курсы являются неотъемлемой частью современного профильного обучения в средней общеобразовательной школе, роль которых усиливается в связи с модернизацией российской системы образования. Меняется подход к разработке элективных курсов, отвечающих требованиям современной системы образования. В статье приводятся основы организации элективного курса «Природа человека», предназначенного для 10-х классов социально-гуманитарного профиля средней общеобразовательной школы. Рассмотрены основные нормативные аспекты создания элективных курсов, содержание курса «Природа человека», а также его взаимосвязь с общим курсом обществознания.

Элективный курс «Природа человека» предназначен для изучения в 10-ых классах социально-гуманитарного профиля в рамках учебной дисциплины «Обществознание» и относится к одному из ее разделов «социальная философия». Данный курс предполагает формирование углубленных знаний старших школьников профильного класса в области философской и исторической антропологии.

Важным условием организации современного образования является «возможность выбора профиля» [1, с. 151] каждым учеником старших классов, что законодательно было закреплено в 2013 году в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования». Данное условие продиктовано тем, что современное профильное обра-

зование должно помочь старшим школьникам «не упустить время возможностей и желаний профессионального выбора и осознать свой вектор достижения мастерства в профессиональном выборе» [2, с. 30]. Элективные курсы направлены на максимальное раскрытие задатков, склонностей и интересов, а также на достижение будущих жизненных планов учащимся в сфере образования и профессии.

Среди многообразия элективных курсов, предназначенных для преподавания в социально-гуманитарных классах, «Природа человека» относится к тем элективным курсам, которые «служат для внутри-профильной специализации обучения и для построения индивидуальных образовательных траекторий» [3, с. 13].

Согласно базисному федеральному учебному плану среднего полного общего образования, в котором приведены примерные учебные планы профильных классов, элективный курс «Природа человека» – это учебный предмет, «предлагаемый образовательным учреждением» [4], тесно связанный с общим профильным учебным предметом «Обществознание». При этом данный курс по своему назначению является курсом, который «направлен на интеграцию учебных предметов» [5, с. 176] и «обеспечивает межпредметные связи» [5, с. 176]. Так, процесс изучения данного курса предполагает установление межпредметных связей в области истории, обществознания, биологии, географии, экологии, философии (в случае, если ее изучение предусмотрено учебным планом школы).

Так же к существенной характеристике данного дополнительного курса можно отнести то, что это «элективный курс повышенного уровня, направленный на углубленное изучение предмета» [6, с.3]. Курсы повышенного уровня предполагают «как тематическое, так и временное согласование с профильным учебным предметом» [6, с. 3]. В частности, данный элективный курс подразумевает его параллельное преподавание с разделом «социальная философия» основного курса обществознания. Однако это требование не является обязательным, и данный элективный курс может быть включен в учебный план социально-гуманитарного класса после изучения школьниками в рамках профильного предмета «Обществознание» раздела «социальная философия».

Специфика организации курса «Природа человека» заключается в том, что он состоит из 9 уроков. Тематическое планирование курса составлено с опорой на учебник для общеобразовательных учреждений «Обществознание. 10 класс (профильный уровень)» [7], под редакцией Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой, Н.М. Смирновой. В частности, планирование тем и содержания уроков курса «Природа человека» базируется на второй главе «Общество и человек». Однако темы данного элективного курса не являются абсолютно идентичными с приведенными в учебнике темами главы.

В связи с чем учитель обществознания осуществляя тематическое планирование должен предусмотреть следующие моменты: во-первых, углубленное изучение учениками в составе первых трех тем проблем происхождения человека и общества с точки зрения различных научных

подходов и мировоззренческих традиций; во-вторых, изучение темы «Биосоциальность человека» как систематизация изученного материала в рамках первого блока тем и логический переход ко второму; в-третьих, изучение отдельных аспектов материального и духовного бытия человека и социума с пятой по восьмую темах; в-четвертых, проектная деятельность учеников по теме «Человек в мире глобализации».

В результате тематически содержание курса может быть представлено как совокупность таких тем как: 1) Концепции происхождения человека; 2) Креационизма и эволюционизм; 3) Становление общества; 4) Биосоциальность человека; 5) Человеческое бытие; 6) Духовный мир человека; 7) Деятельность человека; 8) Человек и ноосфера; 9) Человек в мире глобализации.

Непосредственно само содержание курса как совокупность получаемой информации, прежде всего знаний, должно быть составлено с опорой на ФГОС основного общего образования, выдвигающего «требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования» [8, с. 4]. Например, изучение элективного курса «Природа человека» предполагает освоение обучающимися таких межпредметных понятий как «антропогенез», «социогенез», «эволюционизм», «ноосфера», «глобализация» и др., что соответствует метапредметным результатам обучения. В качестве предметных результатов обучения, предполагаемых по итогам изучения данного элективного курса можно привести «формирование научного типа мышления, научных представлений о ключевых теориях... владение научной терминологией, ключевыми понятиями, методами и приемами» [8, с. 6]. Так, например, ученики познакомятся с основными научными концепциями антропогенеза, идейный плюрализм которых предоставит ученикам возможность сравнительного анализа этих концепций, усвоение их ключевых терминов, методов работы с данными концепциями и т.д. Но, безусловно, наиболее важными с точки зрения освоения содержания курса «Природа человека» выступают личностные результаты. Данный элективный курс предоставляет учащимся углубленные знания в области философской и исторической антропологии, что в свою очередь выводит учеников на более высокий уровень «формирования целостного мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики, учитывающего социальное, культурное, языковое, духовное многообразие современного мира» [8, с. 6].

Таким образом, организация элективного курса «Природа человека» отвечает всем нормативным требованиям современного российского законодательства в сфере профильного образования. Данный курс предполагает достижение старшими школьниками метапредметных, предметных и личностных результатов обучения.

Литература

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: минобрнауки.рф/документы

ты/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма Развитие_образования_2013-2020.pdf
(дата обращения: 05.04.2015)

2. Большакова, З. М. Проблемы и предназначение профильного образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2013. – Т.5. – № 4. – С. 29-33.
3. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования (министерство образования российской федерации и российская академия образования) // Интеграция образования. – 2002. – № 2 – 3. – С. 9-21.
4. Приказ «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования (с изменениями на 1 февраля 2012 года)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901895864> (дата обращения: 01.04.2015)
5. Егорова, А.М. Профильное обучение и элективные курсы в средней школе // Теория и практика образования в современном мире: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.) / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Санкт-Петербург: Реноме, 2012. – 244 с.
6. Письмо от 4 марта 2010 г. N 03-413 «О методических рекомендациях по реализации элективных курсов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=505578 (дата обращения: 10.03.2015)
7. Обществознание (Профильный уровень): Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / Л.Н. Боголюбов, А.Ю. Лазебникова, Н.М. Смирнова и др.; под ред. Л.Н.Боголюбова и др. Москва: Просвещение, 2013.
8. Приказ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: минобрнауки.рф/документы/938/файл/749/10.12.17-Приказ_1897.pdf (дата обращения: 25.03.2015)

УДК 03.01.45

ГРНИ 14.07.05

НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

NORMATIVE ASPECTS OF TEACHING OF ELECTIVE COURSES IN MODERN SCHOOL

Анастасия Александровна Сячина

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, канд. педагогич. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: элективный курс, профильное обучение, предпрофильное обучение, нормативные документы.

Keywords: elective course, specialised class, pre-specialised class, normative documents.

Аннотация. В данной статье рассматриваются элективные курсы, являющиеся обязательным элементом школьного образования. Особенностью является то, что они выбираются обучающимися. Для преподавания элективного курса разрабатывается рабочая программа. В связи с этим, появляется необходимость рассмотрения понятия «элективный курс» и особенности его преподавания путем анализа нормативных документов об образовании.

Современное образование постоянно совершенствуется, вносит различные коррективы в учебный процесс. Такое усовершенствование произошло в декабре 2010 года, когда появился новый Федеральный государственный образовательный стандарт.

Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования был утвержден 17 декабря 2010г. ФГОС представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы основного общего образования образовательными учреждениями, имеющими государственную аккредитацию [1]. Он определяет нормы и требования содержания элективных курсов. Образовательный стандарт является основой для разработки учебного плана и примерных программ по предметам для реализации элективных курсов.

Новый образовательный стандарт среднего общего образования учитывает региональные, национальные и этнокультурные потребности народов Российской Федерации. Эти потребности являются фактором, определяющим необходимость подробного изучения их на базе школьного образования, по причине того, что познавательные интересы школьников выходят за рамки предложенной образовательной программы. Например, можно разработать элективные курсы, посвященные истории родного края, т.к. для многих школьников может оказаться интересным, подробнее узнать о месте, где они живут, о своей национальности, об этнической культуре. Потому что не всегда имеется возможность рассмотреть подробно эти темы во время учебного занятия.

В связи с тем, что элективные курсы набирают популярность среди преподавателей, актуальным становится вопрос о необходимости определить нормативные документы, которые дают представления об элективных курсах.

В рамках исследования принято следующее определение понятия «Элективный курс». Элективный от латинского слова *electus* – избранный. Элективные курсы – обязательные для посещения курсы по выбору учащихся, входящие в состав профиля обучения на старшей ступени школы [2]. Такое определение данному понятию дается в «Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования».

Естественно, элективные курсы близки к хорошо знакомой форме обучения – факультативу, потому что ориентированы на старшеклассников. Их целью является ориентация на индивидуализацию обучения и социализацию учащихся, на подготовку к осознанному и ответственному выбору сферы будущей профессиональной деятельности.

В другом нормативном документе «Положение об элективных курсах предпрофильной подготовки обучающихся IX классов и профильного обучения обучающихся X-XI классов» определяется то, что «Элективные курсы (курсы по выбору, обязательные для посещения обучающимися) составляют компонент образовательной организации базисного учебного плана и являются важной содержательной частью предпрофильной подготовки и профильного обучения» [3]. При этом, профильное обучение, согласно «Закону об образовании», представля-

ет собой ориентацию образовательной программы на конкретные области знания и (или) виды деятельности [4].

Таким образом, элективные курсы являются обязательными курсами по выбору для обучающихся 9-11 классов, которые должны удовлетворять их образовательные интересы и потребности, подготавливать для сдачи ЕГЭ и поступления в следующее образовательное учреждение.

Нормативные основы позволяют согласовать организацию элективных курсов. Для этого необходимо: во-первых, узнать познавательные интересы каждого обучающегося 9-11 классов, т.к. эти интересы уже могут быть связаны с будущей профессией, и уточнить, готовы ли обучающиеся осваивать предмет на повышенном уровне. Во-вторых, разработать рабочую программу курса, в которой будут прописаны цели, задачи и результаты обучения по предполагаемому курсу. И в-третьих, обсудить вопрос о введении нового элективного курса с администрацией школы.

В современной школе, которая перешла или еще переходит на новый образовательный стандарт, должен иметься не один элективный курс, а значит, существует «Положение о курсах по выбору». В этом документе прописываются общие положения, цели, задачи курсов, а также организация работы элективных курсов, требования к содержанию и методике элективных курсов, требование к разработке рабочей программы и правила ее оформления. Опираясь на данное «Положение» и на ФГОС, преподаватель разрабатывает свой авторский элективный курс. Авторский курс зависит от возможностей педагогического коллектива, материально-технической оснащенности школы. Поэтому каждый курс в своем роде уникален. Но педагог имеет право воспользоваться программой разработанной другим педагогом, если эта программа идентичная его курсу.

Согласно «Концепции профильного обучения», элективные курсы выполняют две функции. Одна из них это «поддержание» изучения профильного предмета на заданном профильном стандарте уровне [2]. Например, элективный курс «Социально-экономическое положение томского студенчества на рубеже XIX – XX вв.» поддерживает изучение на профильном уровне такого предмета, как краеведение. Другая функция элективных курсов обеспечивает внутрiproфильную специализацию обучения. Таким образом, элективные курсы подразделяются на два типа: предметно-ориентированные и межпредметные (или ориентационные) [5].

В результате преподавания элективных курсов можно выявить новые интересы учащихся, способствовать дальнейшему развитию их способностей и выбору профессии. Но это будет возможно только при правильной организации работы.

Реализация элективных курсов осуществляется в случае, когда на элективный курс записано достаточное количество человек. Для каждой школы это количество разное.

По времени преподавания элективные курсы бывают краткосрочными или долгосрочными. Краткосрочные курсы обычно занимают от

12 до 17 часов, а долгосрочные – не менее 34 часов, но могут составлять и до 100 часов. Все это зависит от тематики элективного курса.

Особенностью элективного курса является то, что их содержание не должно дублировать содержание обязательных базовых предметов. Главная их функция – поддержание и специализация.

Преподавание элективного курса может осуществляться с использованием форм обучения, которые ориентированы на инновационные педагогические технологии [3]. Например, игровые технологии, проектная и исследовательская форма обучения. Изучение элективного курса завершается проектной работой или любой другой, которая демонстрирует результаты усвоения материала курса.

Таким образом, в ряде нормативных документах, регламентирующих правоотношения в сфере образования, содержится подробная информация об элективном курсе, о месте его преподавания в современной школе.

Литература

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Минобрнауки России от 17 декабря 2010 года № 1897 [Электронный ресурс] URL: <http://минобрнауки.рф/документы/938> (дата обращения 15.04.2015)
2. Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования: Приказ Минобрнауки РФ от 18.07.2002 N 2783 [Электронный ресурс] URL: http://olimpiatit.ucoz.ru/DswMedia/doc_098.pdf (дата обращения 14.04.2015)
3. Положение об элективных курсах предпрофильной подготовки обучающихся IX классов и профильного обучения обучающихся X-XI классов. МБОУ «СОШ №32 от 13.01.2014 г.
4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 06.04.2015) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173649/ (дата обращения 15.04.2015)
5. Алейникова И. Элективное море // Управление школой. Москва. Выпуск: 2006. № 13. [Электронный ресурс] URL: <http://upr.1september.ru/article.php?ID=200601302> (дата обращения 15.04.2015).

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 32.019.51
ГРНТИ 10.07.23

РОССИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ RUSSIA IN INFORMATION WAR

Дарья Александровна Аббасова

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, кандидат исторических наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: информационная война, информационные атаки, информация, общественное сознание, средства массовой информации.

Key words: information war, information attacks, information, public consciousness, media.

Аннотация. В данной работе представлены и проанализированы различные мнения историков, социологов и политологов о явлении информационной войны и об участии России в информационных войнах в прошлом и в современности. Цель работы – исследовать историю информационных войн с участием России, показать их влияние на исход международных конфликтов и рассмотреть некоторые способы защиты от воздействия информационных атак.

Под информационной войной понимается комплексное внедрение информации и использование средств воздействия на людей с целью изменения в желаемом направлении их мнений, взглядов, настроений, ценностных ориентаций, а также массовых настроений и общественного сознания в целом. Главным отличием инф.войны от пропаганды или рекламы является навязывание чуждых целей и взглядов, способных нанести вред той группе людей, против которой ведутся действия [1].

Самый распространённый метод «превращения информации в оружие» – искажение реальных фактов, преувеличение и акцентирование внимания на негативных сторонах явления или объекта с целью вызвать неприязненное отношение к нему. Иногда за основу берутся не реальные события, а целиком выдуманные истории, мистификации. В таком случае используется «метод абсолютной лжи» – если данную информацию невозможно сопоставить ни с одним реальным фактом, человек склонен воспринимать её как истинную. «Чем чудовищнее ложь, тем легче в неё верят» – Йозеф Геббельс. Эффект усиливается воздействием на психику человека с помощью методов манипуляции

сознанием, таких, как внушение, создание общей картины из частных фактов, в речи – частое использование эмоционально окрашенных слов, многократные повторы ключевых слов и фраз (так называемый «метод Геббельса»), парцелляция [2].

Актуальность данной темы обосновывается активно возрастающим количеством информации, получаемой человеком ежедневно, и стремительной эволюцией средств и способов её передачи, в связи с чем увеличивается эффект информационных атак и расширяется их применение; нельзя исключать, что вскоре информационные войны смогут заменить физические военные действия. Несмотря на это, большая часть населения не осведомлена об этом явлении, в связи с чем легко подвергается его воздействию. Отсюда следует необходимость доказать значимость этой проблемы и заняться поиском методов противостояния, чему и посвящена данная работа.

Впервые вопрос об использовании информации в качестве оружия был поставлен американским экспертом Томасом Рона в его работе «Системы оружия и информационная война» в 1976 году, где и был введён термин «информационная война». Работой заинтересовались американские военные, и вскоре началось активное обсуждение и разработка методов применения информационных технологий в военных действиях [3].

Однако из вышеприведённого определения можно заключить, что ведение информационной войны не требует особых технологий. Единственное условие – возможность передавать информацию за пределы границ государства. Таким образом, можно предположить, что информационные войны возникли задолго до появления данного термина, а именно – когда распространение средств массовой информации достигло международного уровня.

По мнению известного современного историка А.А. Данилова, первые информационные атаки против России, хоть ещё и не имевшие направленной цели, начались в XVI веке [4].

В то время в Германии начинают создавать так называемые «летучие листки» – информационные листки о последних новостях, прообраз газет. Изначально были рукописными и создавались в 1-2 экземплярах, но после изобретения печати их популярность резко возросла и листки стали распространяться среди всех слоев населения.

В 1561, в третий год Ливонской войны в Нюрнберге вышел проиллюстрированный летучий листок следующего содержания: «Весьма мерзкие, ужасные, доселе неслыханные, истинные новые известия, какие зверства совершают московиты с пленными христианами из Лифляндии, и какой вред ежедневно причиняют им в их стране». Для большей части немецкого народа это было первое заочное знакомство с русскими, и именно с этого момента началось формирование образа России как жестокой варварской страны под предводительством тиранов.

Из переписки Ивана IV с королевой Елизаветой I: «Захватили многие грамоты, в которых для унижения нашего государева достоинства и нашего государства написаны ложные вести, будто в нашем царстве якобы творятся недостойные дела» [5].

Около 1578 года, по поручению графа-палатина Вельденцкого, Генрих фон Штаден (немецкий путешественник, несколько лет прослуживший опричником) составляет описание Московии – труд под названием «Страна и правление московитов». Этот труд можно считать одной из первых книг антироссийской направленности. Автор напрямую называет московитов нехристями, царя – сумасшедшим тираном. Большинство историков отрицают достоверность его сочинений и даже того факта, что он действительно состоял в опричнине.

В качестве дополнения к своим запискам Генрих фон Штаден предлагал план военной оккупации Московии. Русских предполагалось сделать пленными, запереть в собственных крепостях и выводить оттуда только на работы – обслуживать потребности немецкой армии. Также Штаден предложил концепцию безболезненной смены религии путём строительства в стране каменных католических храмов и деревянных православных, которые через некоторое время сгниют или сгорят, не оставив русскому народу альтернативы [4].

Известны также многие другие подобные сочинения того времени, а «летучих листков», описывающих Россию в самых мрачных красках, всего было обнаружено 62 за столетие. Всё это поспособствовало формированию максимально негативного образа Ивана IV, суть которого можно передать через одно лишь имя царя. В нашей истории он известен как Иван Грозный. По толковому словарю Ожегова «грозный» – суровый, жесткий, величественный и страшный. В английском языке же он – Ivan the Terrible, что переводится как «ужасный, чудовищный, отвратительный». Сравнив эмоциональный окрас этих слов, можно получить чёткое представление об образе царя в нашей стране и западных странах, сохранившееся по сей день.

Таким образом, именно в XVI веке начали зарождаться информационные войны, подобные современным.

Многие исследователи считают первой войной с целенаправленным применением информационных атак Крымскую войну (1853-1856 гг). Незадолго до её начала западные СМИ в статьях часто упоминали о военном могуществе и непобедимости русской армии, открыто льстили Николаю I. В какой-то мере это были остаточные явления от впечатления, произведённого Россией в 1812 году. Однако эти настроения начали использовать для усыпления бдительности российского правительства и убеждения в отсутствии необходимости преобразований, что в реальности было совсем не так – как известно, одной из главных причин поражения в Крымской войне явилась отсталость вооружения.

Уже в ходе войны европейская пресса освещала события, максимально очерняя Россию. Писалось, что Российская империя без причин и без предупреждения напала на беззащитную Турцию с целью захватить Константинополь. Военные успехи и победы русской армии и флота не освещались или преуменьшались. Например, сообщая о Синопской битве, французские журналисты вместо слова «une bataille» со значением «битва, крупное сражение» употребляли «un combat», что

может означать любой бой или стычку. Известная британская газета «The Times» в статьях про эту же битву писала, что русские добивали раненых турок, плавающих в море, и описывала другие зверства, вряд ли имевшие место в реальности.

Участие Англии и Франции преподносилось как крестовый поход католиков против православных еретиков. «Россия в Константинополе – это смерть для католицизма, смерть для западной цивилизации. И, однако, именно такая катастрофа висит над нашей головой. Право против насилия, католицизм против православной ереси, султан против царя, Франция, Англия, Европа – против России»[6].

В ходе этой информационной войны зарубежные СМИ так же впервые стали обсуждать внутренние российские проблемы – коррупцию, хищения, низкий процент образованности и т.д. с целью показать не состоятельность правительства Николая I, тем самым объясняя общественности активное вмешательство Европы в действия России на Ближнем Востоке: мол, нельзя допустить туда российских варваров, которые даже со своей собственной страной справиться не в состоянии.

В целом эта антироссийская кампания оказалась довольно успешна, а пропагандируемые взгляды затронули умы русских либералов и значительно повлияли на западническое течение.

В настоящее время многообразие средств массовой информации позволяет вести информационные войны как никогда просто и эффективно. С помощью графических редакторов и программ для видеомонтажа можно не просто правдоподобно исказить факты, а даже создавать их с нуля.

Например, в ходе грузинско-осетинского конфликта в 2008 году СМИ уже уверенно использовались в качестве оружия. Грузию пытались представить всему миру как жертву беспричинной агрессии России, главным образом с помощью фальсификации фактов. К примеру, в репортаже международного новостного канала «Euronews» показывали город Цхинвали, столицу Южной Осетии, разрушенный бомбардировкой грузинской авиации, и сообщали зрителям, что на кадрах – город Гори, подвергшийся обстрелу со стороны России. Можно было бы списать это на ошибку работников канала, но это был далеко не единственный случай подобной подмены фактов [7].

В последние несколько лет Интернет занял главенствующую роль среди средств массовой информации. В связи с этим прямо на наших глазах основная часть информационных атак перетекает именно в сеть, и информационные войны приобретают новый вид. Теперь создавать и в огромных масштабах распространять информацию может каждый пользователь Интернета; и если раньше ведение информационной войны было задачей исключительно элиты, контролирующей СМИ, то теперь, в практически бесконтрольной среде, ответственность постепенно сползает на плечи простых обывателей.

Ещё одна опаснейшая тенденция развития информационных войн заключается в том, что современные условия позволяют информационным атакам воздействовать не только на сознание, но и на подсозна-

ние людей напрямую. Для этого используется так называемая стратегия «информационного шума».

Казалось бы, современный человек не отличается наивностью и доверчивостью, повсеместная реклама и аферы научили его скептицизму – почему же он так легко подвергается влиянию СМИ? В этом виновато явление информационного шума. В наши дни мозг каждого человека получает в течение дня огромное количество информации, которую он не способен игнорировать. Он лишь фильтрует её, задерживая в памяти только нужную и полезную, но принимает и сохраняет абсолютно всю. Поэтому, когда в сознании человека вдруг всплывает некогда прочтённая или услышанная информация, сформулированная по схемам манипуляции сознанием, он воспринимает её как собственные мысли. Обычно стратегией информационного шума пользуется реклама, но точно так же можно менять взгляды, мнения, стереотипы и мировоззрения целых масс [2].

Рассмотрев историю информационных войн, можно обнаружить закономерность их проведения: русофобия в западных странах начинает распространяться именно в те времена, когда Россия усиливает свои политические, геополитические и экономические позиции в мире. Эта взаимосвязь неоднократно подтверждалась исторически, и может служить своеобразным индикатором, признаком того, что государство развивается в верном направлении. Однако самая большая опасность кроется в том, что русский народ зачастую оказывается уязвим к антироссийской пропаганде и сам верит в продвигаемые идеи – даже в собственную неполноценность.

Современный историк и социолог А.И. Фурсов убеждён, что Россия проигрывает информационные войны потому, что её население не имеет собственной картины мира и «смотрит на себя глазами Запада» ещё со времён Петровских реформ. Элита, которая является главной действующей силой информационной войны, действует в чужих интересах не по своей воле, а потому, что не имеет собственных; и от информационных атак Россия всегда была вынуждена лишь обороняться, никогда не являясь их инициатором. «Не надо оправдываться, надо атаковать» [8].

Проанализировав представленные источники, можно увидеть, что чаще всего основные усилия во время информационных войн направлены на формирование в среде противника искажённого мнения о собственном народе, о политических лидерах и об определённых исторических событиях. Отсюда следует, что наиболее подвержены воздействию информационных атак те, кто не имеют чёткого представления об этих объектах и явлениях и особенно – своего собственного мнения о них. Такие люди проще всего принимают за истину любую информацию, распространяемую противником, и передают её дальше как собственное мнение, невольно становясь орудием инф.атаки.

Таким образом, можно заключить, что первое и самое главное средство защиты – осведомление, а именно – изучение фактов из независимых и достоверных источников; второе – воздержание от распростра-

нения информации, истинность которой нельзя проверить; и третье – выработка «иммунитета» к провокациям, развитие умения выявлять информацию, направленную на создание в массах определённого настроения, и противиться этому. Только в этом случае возможно оказать сопротивление информационным войнам против России, и не позволить им повернуть ход истории в пользу противника.

Литература

1. Крысько, В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Г. Крысько. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 230 с.
2. Information Theory Research [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.csse.monash.edu.au> (дата обращения: 2.04.2015)
3. Гриняев С. Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспектив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infwar.ru> (дата обращения: 4.04.2015)
4. Данилов, А. А. Информационные войны против России: от Ивана Грозного до Владимира Путина / А. А. Данилов. // Служу Отечеству, 2013. – №6.
5. Иван IV Грозный. Сочинения. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 245 с.
6. Тарле, Е.В. Крымская война / Тарле Е.В. – Москва: АСТ, 2005.
7. Информационное освещение вооружённого конфликта в Южной Осетии (2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Информационное_освещение_вооружённого_конфликта_в_Южной_Осетии_\(2008\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Информационное_освещение_вооружённого_конфликта_в_Южной_Осетии_(2008)) (дата обращения: 18.04.2015)
8. Интервью Фурсова А.И. об участии России в информационных войнах [Видео]. – Режим доступа: <http://tv.russia.ru> (дата обращения: 18.04.2015).

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ

THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN RUSSIA

*Карина Артуровна Джакишева,
Вера Юрьевна Вамбольдт*

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, Россия, Папский Престол, христианство, латинский обряд, византийский обряд.

Keywords: The Roman Catholic Church, Russia, Papacy, christianity, Latin rite, The Byzantine rite.

Аннотация. В наши непростые времена стремительного роста численности населения планеты, усиливается противостояние между различными государствами, народами, цивилизациями. Борьба за расширение сферы своего влияния происходит на разных уровнях: идеологическом, экономическом, политическом и военном. Такое противостояние имеет давнюю историю. Один из аспектов борьбы за умы российского населения можно рассмотреть через изучение истории взаимоотношений Римско-католической церкви и Православной.

Христианство в Русских землях стало распространяться еще задолго до образования Киевской Руси. Процесс христианизации Руси был длительным. Проповедники Евангелия шли на Русь как с Запада, так и с Византии. До середины IX века господствующей религией оставалось язычество. Миссионерская деятельность Папского Престола была тесно связана с торговыми связями, дипломатическими отношениями и с военными союзами Руси и Европы. Иностранцы наемные дружины норманнов-варягов, обосновавшиеся на Руси, зачастую пропагандировали свои, западно-христианские традиции, культуру и религию. Князья, правившие в русских землях, благосклонно относились к латинству, так как среди их дружинников было немало варягов римского вероисповедания. Внимание Римской церкви более всего привлекали новопросвещаемые славянские страны: Болгария, Моравия, Богемия, Польша, наконец, Россия.

В Россию Рим засылал миссионеров еще при великой княгине Ольге. О самой Ольге доподлинно известно, что она была христианкой. Она сама крестилась в Византии, но принять церковную иерархию из Константинополя отказалась. В 959 г. Ольга посылает к немецкому королю, будущему императору Священной Римской империи Оттону I послов, прося прислать епископа и священников для крещения Руси в латинском обряде. Немецкая миссия медлила с отправлением два года и прибыла в Киев только в 961 г. Но застав на Киевском престоле вместо Ольги ее сына Святослава – язычника, ничего не совершив, вынуждена была вернуться на родину. Попытка перетянуть Ольгу в католичество не имела успеха[1].

В «Повести временных лет» под 986 годом помещена дидактическая новелла о выборе веры князем Владимиром. По ее свидетельству, с католиками Владимир вообще отказался беседовать, сославшись на то, что прежние контакты не дали результатов. Владимир хотел приобщить свой народ к высшей культуре, носительницей которой тогда представлялась всему миру Византия, а не отсталый, обветшавший Рим[2].

После принятия крещения князем Владимиром из рук византийских миссионеров в 988 г. контакты с Римской Церковью не прекратились. Следы присутствия западного, латинского христианства отчетливо прослеживаются в истоках древнерусской церковной жизни.[1] Мало того, целый ряд самых простых слов церковно-религиозного обихода – например, церковь (шведск. «черка»), поп (герм. «пфаффе»), пост, мних, алтарь, коляда («calendae») и пр. – явились в Россию с шведско-немецко-латинского запада, а не из Византии [3].

В последующие годы своего правления Владимир поддерживал постоянный контакт с Западной Церковью неоднократно принимая посольства от Апостольской столицы (из Рима) в 988, 991, 1000гг. и посылая послов из Киева в Рим в 994, 1001 гг.[4] Очевидно, что принятие русским князем христианства из Константинополя, нисколько не мешало установлению затем наилучших отношений и к папе, как первому епископу и патриарху христианского мира [3].

Итак, Киевская Русь в 988-990-х гг. приняла христианство в византийско-славянском обряде, который называют еще греческим или восточным. В то время еще не было разделения христианства на православие и католичество и термины православная (ортодоксальная) и католическая (вселенская) принадлежали как восточной части христианства (будущей православной Церкви), так и западной части христианства (будущей католической Церкви). Вся христианская Церковь того времени представляла собою единое целое. Русская Церковь в доктринальном отношении, т.е. в самом главном, была зависима от видимого главы христианской Церкви, от ее вселенского патриарха – римского папы, и, вероятно, можно сказать, что в известной степени подчинена ему через посредство Константинопольского патриарха. В 1054 г. произошел Церковный раскол, при котором единая христианская Церковь раскололась на православную во главе с константинопольским патриархом и на католическую во главе с папой [4].

В домонгольский период развития между Русским государством и латинским Западом существовали благожелательные отношения. И лишь с течением времени вследствие политического и церковного соперничества между Западом и Востоком за укрепление своего влияния на Руси у русского народа выработалось негативное отношение к латинской Церкви и ее последователям [5]. Такое негативное отношение объясняется событиями, происходившими в течении XIII века, представляющие собой поистине трагический перелом в политической, экономической, общекультурной и религиозной истории русского народа. Перелом этот совершился не только в силу монгольского нашествия, политически разорвавшего Россию на три части и оборвавшего значительную часть ее старых связей с Западом, но и вследствие одновременного натиска на нее со стороны этого самого католическо-германского мира. Никакой «западник» не может и не должен забыть того величайшего греха перед общей христианской культурой, который западный мир взял на себя в первую половину этого трагического для России XIII века. Ибо в то время, когда восточное христианство взывало о помощи к Западу против наседавших на нее азиатских варваров, «франкские» крестоносцы на юге, подстрекаемые жадностью Венецианцев (несмотря на запрещение Папы), грабили Константинополь, а на севере – шведы, датчане и немцы тремя грозными параллельными течениями вторгались в Россию, уже обессиленную от монгольских ударов. И не даром эта эпоха умирающей «западной ориентации» и нарождающейся «восточной» дала нам два ярких типа святых русской Церкви: тип стойкого исповедника веры Христовой – как древние христианские мученики, не преклонившего колен ни перед великим ханом, ни перед его идолами, и тип стойкого борца-рыцаря, св. Александра Невского, борца с нападавшими с Запада пришельцами, ради родной земли снесшего все унижения в той же ханской ставке [6].

После ликвидации монголо-татарского ига и объединения Северо-Восточной Руси вокруг Великого княжества Московского контакты русских царей и духовенства с Католической церковью шли главным

образом через попытки объединения Церквей и визиты папских представителей в Москву. Однако разрешения на свободную деятельность Католической церкви в Русском царстве получено не было – главным образом ввиду нарастающей враждебности к католицизму, связанной с войнами с католическими Ливонским орденом и Речью Посполитой. Еще больше усилилось неприязненное отношение к католицизму после вмешательства польских магнатов в период Смуты в начале XVII века и недолгого воцарения Владислава IV на русском престоле. Несмотря на неприязненное в целом отношение к католикам, в XV-XVI веках широкую практику получило приглашение в Москву западных мастеров, и, в первую очередь, архитекторов. Утверждение Реформации в XVI веке в северной Европе повлияло и на положение католиков на Руси.

В XVII веке в Москву приезжал хорватский католический священник Юрий Крижанич, мечтавший об объединении Католической и Православной церкви и о единстве славян. Он был принят на службу, однако затем впал в немилость и был сослан в Сибирь. В конце XVII века возникла русская католическая община.

Волны воздействия католицизма при Романовых

Изменение политики России по отношению к лицам католического вероисповедания произошло при Петре I. Общее прозападное направление политики страны, а также большое число иностранцев, в том числе и католиков, привлеченных царем в Россию, привело к тому, что в стране впервые появились католические церкви и монастыри.

В царствование Екатерины II, вследствие разделов Речи Посполитой, в состав Российской империи вошли территории со значительным католическим населением. Отношение к католикам латинского обряда на территории Царства Польского было в целом терпимым, однако католики византийского обряда («униаты») подвергались репрессиям с целью заставить их перейти в православие. В 1773 году для католиков латинского обряда была создана Могилевская епархия, в 1782 году преобразованная в архиепархию.

Павел I учредил в России отдельную Могилевскую митрополию, а также предоставил убежище разорившимся рыцарям католического Мальтийского ордена.

Александр I расширил представительство в России различных католических орденов. В 1801 году император утвердил создание Римско-католической духовной коллегии в Санкт-Петербурге с целью снизить влияние римских пап на католиков России.

В правление Николая I отношение к католикам ухудшилось из-за польского восстания 1830 года. По его подавлению российским правительством был принят ряд репрессивных мер против Католической церкви в западных регионах империи. По подавлению восстаний в Царстве Польском, многие поляки, литовцы и белорусы были высланы в Сибирь и другие удаленные регионы России.

Образовавшиеся католические диаспоры в русских городах получали право на возведение католических храмов. Именно во второй половине XIX – начале XX века было построено большинство католических

церквей на территории России. В 1879 году была официально открыта Санкт-Петербургская римско-католическая духовная семинария, подготовившая в период 1879-1917 годов 997 священников.

В 1905 году Николай II издал Манифест об укреплении начал веротерпимости, что вызвало новую волну переходов в католицизм. В 1911 году в Москве было закончено строительство Собора Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, ставшего крупнейшим католическим собором страны [7].

Рассматривая историю распространения католицизма в России с времен правления княгини Ольги до последнего правителя династии Романовых, необходимо отметить, что отношения России с Католическим миром были разными, подчас трагическими. Несмотря на то, что Католическая Церковь не обрела статуса государственной религии России, тем не менее она внесла свой вклад в создание нашей многообразной российской культуры.

Литература

1. В. Л. Задворный, А. Юдин, История Католической Церкви в России, краткий очерк – М.: Издание колледжа католической теологии имени св. Фомы Аквинского, 1995.
2. makekaresus.narod.ru
3. М. А. Таубе, Рим и Русь в домонгольский период.
4. Данилов В. П. История распространения католичества в русских землях до 1917 года, 2003.
5. О. А. Лиценбергер, Римско-католическая Церковь в России, история и правовое положение. Издательство: Поволжская академия государственной службы, 2001
6. crimeacatholic.info
7. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>

УДК 32.019.51

ГРНТИ 10.07.23

ЦЕНА ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Наталья Сергеевна Казанцева

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Вторая Мировая война; Великая Отечественная война; Победа; политика.

Keywords: The Second World War; Eastern Front; the Victory, politics

Аннотация. Семьдесят лет прошло с окончания Второй мировой войны и Великой Отечественной, но до сих пор споры о вкладе разных государств в разгром фашистской Германии не утихают, мало того, в настоящее время, они приобрели особую остроту. В чем причина? Почему эти события оказывают влияние и на нашу сегодняшнюю жизнь?

Любое крупное событие в истории несет за собой ряд последствий во всех сферах жизни общества, и за каждое из них человечество пла-

тит свою цену. Вторая мировая война является не только самым масштабным вооруженным конфликтом, но и самой большой трагедией в истории человечества. До наших дней итоги войны являются предметом споров и дискуссий, активно обсуждаются, а в последнее время наблюдаются активные попытки их пересмотра. В связи с событиями на территории Украины и позицией ряда европейских стран и США, а так же с ростом напряженности на мировой политической арене, мир охватила новая волна усиленного интереса ко Второй Мировой войне. Этот интерес носит политический характер и сводится к попытке пересмотра её итогов, сомнению подвергается ключевая роль СССР в победе над гитлеровской Германией.

Попытки переписать историю и обесценить огромные жертвы объясняются борьбой стран за первенство на политической арене, а так же рядом других причин.

Во-первых, “оживший” вопрос о репарациях времен второй мировой войны. Основные принципы и условия выплат Германией и ее союзниками были определены на Ялтинской и Потсдамской конференции 1945 года. В силу разделения Германии и по ряду других причин не был налажен учет покрытия Германией ее репарационных обязательств. Одной из первых тем “недоплаченных репараций” подняла Польша в 2004 году. Затем Италия в 2008 году. Последней страной, поднявшей тему послевоенных выплат, стала Греция в 2011 и 2014, 2015 годах. Эти иски и требования Германия удовлетворять отказалась. Следует отметить, что греческая инициатива не прошла незамеченной в других странах Европы. По словам Дмитрия Верхотурова, если развитие событий пойдет по “греческому варианту”, то за считанные годы от Евросоюза могут остаться одни воспоминания. [1] С зачислением Советского Союза в главного инициатора Второй мировой войны возможным становится предъявление Российской Федерации репарационных претензий. Необходимо отметить, что репарационные платежи и поставки Германии СССР в лучшем случае покрыли лишь 3-4% ущерба, который был определен Чрезвычайной Государственной комиссией. [2]

Во-вторых, территориальные претензии. Принадлежность Курильских островов России (по результатам Ялтинской конференции) может быть оспорена в случае причисления СССР к инициаторам Второй мировой войны.

В-третьих, в действие вступает идеологический фактор. США получают особое место на мировой политической арене, приобретая статус главного победителя Второй Мировой войны. Для историографии и престижа стран, несущих ответственность за возникновение Восточноевропейского фронта, и стран, с чьего молчаливого согласия Гитлер активно вел боевые действия в Европе, набирая силу, выгодно переложить эту ответственность на чужие плечи.

Тем временем, споры не утихают. Помимо общепринятой, существуют различные маргинальные точки зрения историков-ревизионистов на ход и результаты Второй мировой войны. Среди них можно

выделить концепцию Виктора Суворова, тезис о превентивной войне Германии против СССР. Данные теории объявляют агрессором СССР, а Германию – обороняющейся стороной. Перечисленные теории обвиняются рядом критиков в фальсификации, произвольной трактовке событий, в рассмотрении исторически неподтвержденных фактов. Ознакомившись с этими теориями, а так же их критикой и мнением сторонников, можно прийти к выводу, что за отсутствием прямых доказательств и недостатком поддержки серьезных исследователей, эти теории не могут рассматриваться как в полном смысле научные. Даже в немецкой литературе возможно встретить противоположные утверждения: немецкий генерал Курт фон Типпельскирх в капитальном труде по Второй мировой войне отмечал, что нападение на Германию со стороны СССР во время начала ВОВ представлялось невероятным с военной и политической точки зрения [3] .

В США фигурирует собственный взгляд на Вторую мировую войну. США позиционируют себя как главного победителя Второй мировой войны, которая изображается как «праведная война», оправданная с моральной точки зрения борьба Добра со Злом [4]. Дуайт Эйзенхауэр, Верховный главнокомандующий экспедиционными силами США в Европе, а позже президент Соединённых Штатов в течение восьми лет, называл борьбу с нацистской Германией «Великим Крестовым походом» [5]. Президент Билл Клинтон говорил, что во время Второй мировой войны США «спасли мир от тирании» [6].

Иоахим фон Риббентроп назвал три основные причины поражения Германии:

- оказавшееся неожиданно упорным советское сопротивление;
- масштабные поставки вооружений и техники из США;
- успехи западных союзников в борьбе за господство в воздухе.

Американский политолог и социолог Збигнев Бжезинский придерживается другой точки зрения: “Парадоксально, что разгром нацистской Германии повысил международный статус Америки, хотя она и не сыграла решающей роли в военной победе над гитлеризмом. Заслуга достижения этой победы должна быть признана за сталинским Советским Союзом, одиозным соперником Гитлера” [7].

Для того, чтобы сделать выводы, необходимо обратиться к истории Второй мировой войны. Её боевые действия разворачивались в пяти направлениях: Западноевропейском, Восточноевропейском, Средиземноморском, Африканском и Тихоокеанском. В ней участвовало 62 государства из 73 существовавших на тот момент. Основная и решающая часть Второй мировой войны проходила на Восточноевропейском театре военных действий (22 июня 1941 – 9 мая 1945). Эта война получила название Великой Отечественной войны в СССР, в англоязычных странах – Eastern Front, в немецкой историографии – Deutsch-Sowjetischer Krieg. Более 400 военных формирований Красной и немецкой армии на протяжении четырех лет вели бои на фронте, протяженность которого оказалась более чем 1600 км. Масштаб военных действий на восточноевропейском фронте был огромен: битва под

Сталинградом, длившаяся почти год и положившая начало поражениям Гитлера, где погибло около полутора миллиона человек. Курская битва, крупнейшее танковое сражение в истории; наиболее длительная осада города – 872 дней блокады Ленинграда, политика выжженной земли, полное уничтожение тысяч деревень, массовые расстрелы.

Первая оценка потерь за этот период была оглашена Сталиным в 1946 г. (7 млн. чел.), вторая – Хрущевым в 1961 г. (более 20 млн.). Только в 1989 – 90 гг. специально созданная государственная комиссия смогла на основе огромного количества данных вывести близкий к реальности результат – 26,6 млн. погибших, в том числе 18 млн. мирных жителей[8].

Соединённые Штаты вступили во Вторую Мировую войну 7 декабря 1941 года, с нападения Японии на американскую военную базу Перл-Харбор, но западный (второй) фронт, который открыла Нормандская операция, появился лишь 6 июня 1944 года.

Свою ключевую роль в исходе Второй Мировой войны Америка аргументирует, прежде всего, следующим образом:

1. Без поставок военных материалов по Ленд-лизу невозможна была победа СССР.

2. США в одиночку разбили Японию и Германию с запада.

Ленд-лиз – особая программа кредитования Соединёнными Штатами Америки союзников посредством поставок оборудования, техники, сырья и материалов, продуктов питания. Согласно закону о ленд-лизе (11 марта 1941 года), странам, чья оборона представляет важность для интересов США, предоставлялись льготные кредиты на закупку военных материалов.

Долг за материалы, которые были бы израсходованы или уничтожены в ходе войны, объявлялся списанным. Имущество, оставшееся после окончания войны, оплачивалось полностью или частично на основе предоставленных Соединёнными Штатами долгосрочных кредитов.

Союзнические поставки в целом не превышали 4% от советского промышленного производства. Всего было оказано помощи на общую сумму 11 миллиардов долларов, в то время как, к примеру, помощь Англии по ленд-лизу составила 31 миллиард долларов[9]. Потери СССР в войне (610 млрд. долларов), почти в два раза превышают расходы США (330 млрд. долларов)[9].

Среди множества точек зрения на роль этих поставок в Великой Отечественной войне, можно встретить и довольно радикальные. Например, Б.В Соколов в своей книге “Правда о Великой Отечественной войне” утверждает, что без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже не был в состоянии противостоять германскому вторжению. СССР, по его мнению, не был в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники, обеспечить ее горючим и боеприпасами.

Эта точка зрения весьма спорная. В целом, к середине 1944 года поставки значительно превысили даже суммарный привоз продовольствия за период действия Первого и Второго Протоколов [10], то есть они развернулись в полном объеме только к 1944 году.

Исходя из этого, было бы ошибочно делать вывод, что СССР без американской помощи не был в состоянии противостоять германскому вторжению, или что без этой помощи победа не наступила бы вообще. Американская экономическая помощь советским вооружённым силам ускорила окончательный разгром немецко-фашистских войск на Восточном фронте, но не была решающей.

Отношение же СССР и его политиков к поставкам было неопределённым и менялось с внешней политикой государства.

Ленд-лиз был крайне выгоден США. Накануне Второй Мировой войны Америка переживала самый тяжёлый экономический кризис в истории страны, который получил название “Великая депрессия”. Но благодаря участию во Второй Мировой войне, США стали сверхдержавой, имеющей значительное влияние на большей части земного шара. Достигнуто это было ценой сравнительно небольших потерь: на войне погибло 322 200 граждан, подавляющее большинство из которых – военнослужащие, так как военные действия почти не затронули территорию США [11]. При этом падения жизненного уровня своего населения удалось успешно избежать. Наоборот, американская экономика все годы войны испытывала интенсивный подъём.

В конгрессе США в конце октября 1941 года сложилось убеждение, что переданные денежные средства (даже если адресатом этой помощи является Советская Россия) являлись гораздо более благоприятным вкладом, чем отправка американской армии на фронт [12], что объясняет небольшие, по сравнению с другими странами-участниками, людские потери. Поставки товаров способствовали расширению производства и получению больших прибылей. Таким образом, расчётливость, положенная в основу ленд-лиза и всей внешней политики США, являлась характерным признаком всех видов помощи США в войне.

Важно отметить, что страны, заключавшие соглашения с США, в свою очередь принимали на себя обязательства содействовать защите Соединённых Штатов и оказывать им помощь материалами, которые имелись у них [13]. США, таким образом, получали обратный ленд-лиз: драгоценные металлы, станки, оборудование для военных заводов, а также различные услуги, военную и стратегическую информацию. К слову, Россия, взявшая на себя долг бывшего СССР по ленд-лизу, до сих пор находится в процессе его выплаты.

Национальный доход США к концу войны в полтора раза превысил довоенный. Общая мощность промышленного производства по сравнению с 1939 годом увеличилась на 40 %. Потери СССР в войне достигли 610 млрд. долларов, в то время как военные расходы США составили примерно 330 млрд. долларов. Государственная комиссия установила, что материальный ущерб составлял около 30 процентов национального богатства Советского Союза [14].

Что важно отметить, в канун и даже после вступления США во Вторую мировую войну, корпорации и банки Америки продолжали сотрудничать со странами тройственного союза. Во времена Перл-Харбор Америкой было инвестировано 475 миллионов долларов в

экономику нацистской Германии. Часть из них была инвестирована такими корпорациями как Standard Oil (\$120 млн), General Motors (\$35 млн), ITT Corporation (\$30 млн), Ford (\$17.5 млн), Coca Cola. Они продолжали активно выполнять заказы фирм вражеских стран, поддерживали деятельность своих филиалов в Германии, Италии и Японии. Мощь военной промышленности Германии поддерживалась экономической деятельностью США, чьи компании получали огромную прибыль за свои сделки с противником[15].

Со второй половины 1930х годов существовала опасность войны Советского Союза с Японией: в 1938 году случились столкновения на озере Хасан, в 1939 сражение на Халхин-Голе. В 1940 был создан советский Дальневосточный фронт, что указывало на то, что реальный риск начала войны существовал.

Нападение фашистской Германии на СССР в 1941 году предоставило Японии выбор: реализовать свои агрессивные планы в отношении Советского Союза или начать войну против США. Японцы, посчитав, что им удастся позднее одержать победу над СССР с минимальными потерями, а так же желая поживиться стратегическим сырьём за счет Соединённых штатов, приняли решение начать войну против США, и 13 апреля 1941 был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией.

Утром 7 декабря 1941 года Япония напала на США. Операция получила название “Атака на Пёрл-Харбор”, Америка была застигнута врасплох. В ходе нападения были выведены из строя или полностью уничтожены восемь линейных кораблей ВМС США, три крейсера, минный заградитель, три эсминца, 188 самолетов уничтожено, 159 повреждено; 2403 убитых и 1178 раненых. В то же время Япония потеряла 29 самолетов, 5 малогабаритных подводных лодок; человеческие жертвы – 64 погибших военнослужащих.

Япония добилась важных военных успехов. Западные колониальные страны были вытеснены из Юго-Восточной Азии, их военно-воздушные силы на этих территориях были практически уничтожены, а Япония, в свою очередь, получила территории, богатые нефтью, каучуком, и другими природными ресурсами. Но волна её побед закончилась в мае 1942 года, когда Англия и США оправались от потерь и перешли в наступление, произошел перелом в войне, американский флот и армия совершили ряд стратегических побед, но, несмотря на поражения и потери со стороны Японии, её капитуляция была еще далека. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус утверждал, что накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта: капитуляция Японии наступит не раньше 1947 года, а может быть и позже, в то время как её разгром может стоить США миллионов солдат[16].

Правительства Америки и Англии понимали, что вступление СССР в войну на Дальнем Востоке ускорит капитуляцию Японии, в ином случае соглашения на Ялтинской конференции не было бы заключено. Советский Союз был тоже заинтересован в ликвидации опасности на своих дальневосточных границах.

В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции глав трех держав – СССР, США и Англии – было заключено отдельное соглашение, касающееся Дальнего Востока: СССР вступал в войну с Японией через 2–3 месяца после окончания войны в Европе. В обмен СССР получал Курильские острова и Южный Сахалин, были обещаны в аренду Порт-Артур и Китайско-Восточная железная дорога.

Роль Советского Союза в разгроме Японии нельзя недооценивать.

9 августа на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной японский премьер-министр Судзуки заявил: “Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны” [17]

Цуеси Хасегава, японский историк, придерживается следующей точки зрения: “Вступление Советского Союза в войну внесло намного больший вклад в капитуляцию Японии, чем атомные бомбы. Оно лишило Японию надежды на выход из войны при посредничестве Москвы” [18].

Несмотря на огромное число погибших в результате атомных бомбардировок, командование верило, что Япония сможет сопротивляться вторжению, если сохранит контроль над Маньчжурией и Кореей, снабжавшими Японию ресурсами, утверждают Хасегава и историк Второй мировой из лондонского Имперского военного музея Терри Чарман. «Удар, который нанес СССР, все изменил, правительство в Токио осознало, что надежды не осталось, и в этом смысле «Августовская буря» сильнее подтолкнула Японию к капитуляции, чем атомные бомбы».

Время идет стремительно, и многие вещи безвозвратно уходят в прошлое. Становится всё меньше людей, участвовавших в военных действиях или трудившихся в тылу, тех людей, которые могут поделиться своими воспоминаниями и опытом с подрастающим поколением. Так или иначе, Великая Отечественная война затронула каждую семью. Нельзя допустить обесценивания огромных человеческих жертв и героических подвигов защитников Родины.

Литература

1. Верхотуров Д. Греческий прецедент. // Столетие. 19.03.2014.
2. Валентин Катаонов, профессор, доктор экономических наук, председатель Русского экономического общества им. С.Ф.Шарапова
3. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – Москва: АСТ, 2003. – с.239.
4. Studs Terkel, «The Good War» (New York: Pantheon, 1984), p. vi.
5. Eisenhower declaration of June 6, 1944, issued in connection with the D-Day invasion.
6. Clinton's second inaugural address, Jan. 20, 1997. See: M. Weber, «The Danger of Historical Lies: President Clinton's
7. Бжезинский, З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. Ю. В. Фирсова.– М. : Международные отношения, 2007.
8. Всероссийская книга памяти. Обзорный том. М. 1995. С. 396.
9. Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века : учеб. пособие / Р.А. Арсланов [и др.]; под ред. В.В. Керова. – Москва : АСТ : Артель, 2014. – 846, [2] с.

10. РГАЭ, ф.413, оп.9, д.438, л.1,15,21; АВПР, ф.06, оп.6, д.177, л.26-29.
11. У. Черчилль. Вторая мировая война. В 6 т. Т.2. – М., 1997.– С.9.
12. Dawson R. H. The Decision to Aid Russia 1941. – Chapel Hill, 1959. – p. 287.
13. Leighton R. M. and Coakley R. W. Global Logistics and Strategy. 1940-1943. – Washington, 1955. – p. 259.
14. Из директивы Геринга об экономическом ограблении намеченной к оккупации территории СССР
15. <https://libcom.org/library/allied-multinationals-supply-nazi-germany-world-war-2>
16. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_japan/311/%D0%9A%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F
17. Шишов А. В. «Россия и Япония. История военных конфликтов» – М.: Вече, 2001
18. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. The Belnap Press of Harvard University Press, 2006. ISBN 978-0-674-01693-4.

УДК 7.036

ГРНТИ 18.11

ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ?

IS THERE LIMIT OF THE CULTURAL DEVELOPMENT?

Александра Константиновна Новохрестова

Научный руководитель: Т. И. Дунбинская, кандидат исторических наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Культура, культурные ресурсы, развитие культуры, искусство, стрит-арт, фотоискусство, современная скульптура.

Keywords: Culture, cultural resources, development of the culture, art, street art, photo art, modern sculpture.

Аннотация. В статье представлены размышления на тему развития культуры, пишется о возможности или невозможности развития общества в духовной сфере и приводятся примеры из живописи, скульптуры и фотоискусства. Откуда человек черпает вдохновение, и являются ли результаты его творческой деятельности чем-то новым?

В истории каждый культурный подъем был в той или иной мере связан с обращением к прошлому.

Дмитрий Лихачёв

Человек немислим вне культуры. Культура – это все, что нас окружает. На протяжении всей истории человек творит, воплощает свои идеи, представления в жизнь. Архитектура, скульптура, живопись, литература, музыка, театр – все это создает человек, делая духовный мир богаче и разнообразней. Каждая временная эпоха характеризуется своими особенностями в том или ином направлении, появляются все новые и новые стили, жанры. Но неужели это может продолжаться вечно? На дворе уже 21 век, но мир не перестает удивлять различными

новшествами в сфере музыки, живописи, танцев и прочего. Так все же культурные ресурсы не исчерпаны? Или мир наблюдает всего лишь представленные в другом виде пережитки прошлого?

Как уже было отмечено, культура – это огромная сфера деятельности, и в каждой сфере наблюдаются свои тенденции изменений. Мир находится в постоянном движении, соответственно, сами условия, в которых человек ведет свою творческую деятельность, непрерывно меняются. Каждый день человека насыщен множеством информации, которая отображает культурную жизнь общества. Радиовещание, новостные телепередачи, интернет – еще никогда в истории культура так не пронизывала повседневную жизнь человека, не оказывала такого влияния на его быденное сознание и психологическое состояние [1].

Рассматривая культурные новшества, стоит обратить внимание на популярное направление в современном изобразительном искусстве – Стрит-арт (англ. Street art – уличное искусство). Стрит-арт художники используют в качестве своих полотен стены зданий, заборы, асфальт, также к их творчеству относятся различные скульптурные инсталляции, которые они размещают на участках городского ландшафта. Бурная фантазия стрит-арт художников, их необычное видение реальности, стремление открыть миру что-то новое – вот что всегда поражает окружающих [2].

Александр Монтейро (Alex Monteiro) – один из талантливых парижских мастеров, работающих в этом жанре. Его экспрессивные и выразительные работы являются поистине изображениями удивительной красоты.

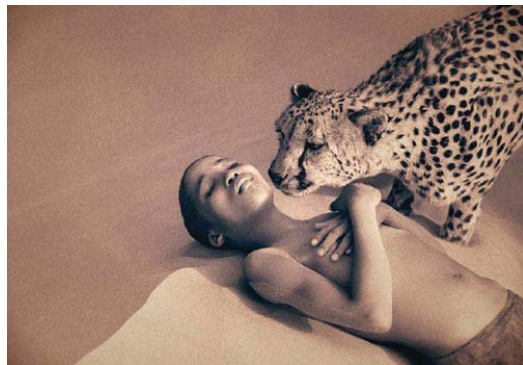

Джо Хилл и Макс Лоури (Joe & Max) – дуэт американских уличных художников, работы которых не оставят равнодушными никого. Они создают невероятные 3D-рисунки, которые поражают своей реалистичностью.

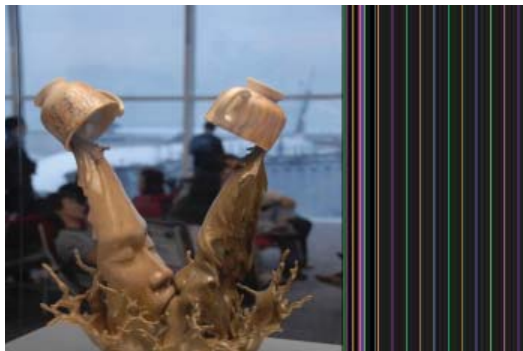

Еще одной новинкой в сфере культуры является фотоискусство. Фотографы через снимки показывают свое видение мира и иной раз запечатляют самые обыкновенные вещи с небывало удивительных сторон.

Грегори Кольбер (Gregory Colbert) – канадский фотограф, наибольшую известность приобрел после своего проекта «Пепел и снег», на создание которого у него ушло 13 лет. Все эти годы он путешествовал по разным уголкам планеты, собирая кадры взаимодействия человека и природы. Этот проект является поистине великим произведением.

Тайлер Стейблфорд (Tyler StableFord) – американский фотограф, поражающих своими работами, сделанными в экстремальных условиях.

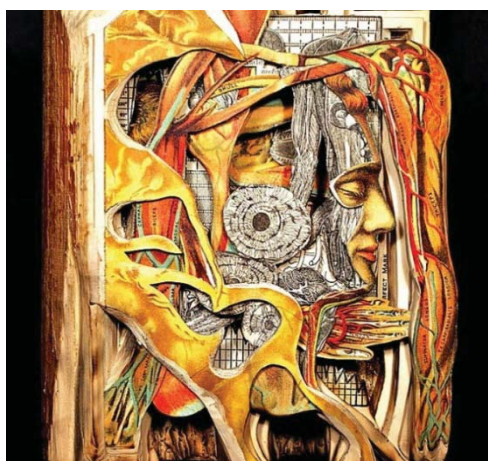
Не менее удивителен и мир современной скульптуры, в котором стали использовать самые необычные материалы и способы. Одни скульпторы поражают тончайшей, проработанной до малейших деталей, почти ювелирной работой. Среди таких представителей – Джонсон Цанг (Johnson Tsang) со своими невероятно живыми скульптурами.

Сью Блеквелл (Su Blackwell), оживляющая трехмерный миниатюрный мир, основой которого являются книги.

Использует книги в своем творчестве также Брайан Деттмер (Brian Dettmer).

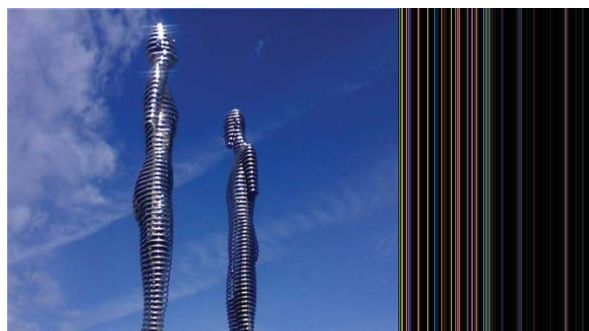

Дерек Кинзетт (Derek Kinzet) выполняет свои шедевральные работы из обычной стальной проволоки.

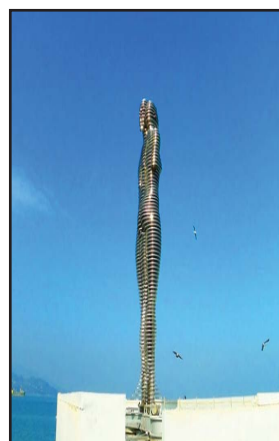

Работы других скульпторов покоряют зрителя своей масштабностью и доступностью, так как находятся прямо на улицах больших городов, привлекая тем самым общественность к культуре.

Кристиан Чаплички (Krystian Czaplicki) работает в таком популярном на сегодняшний день направлении, как минимализм, основными отличиями которого являются простота и монохромность работ. Порой очень сложно или даже невозможно понять смысл, идеи, которые заложены в этих объектах культуры.

Тамара Квеситадзе (Tamara Kvesitadze) – знаменитой ее скульптурой является фигура пары, мужчины и женщины, которая находится в Батуми в Грузии. Поистине великолепная скульптура, положение которой меняется каждые 8-10 минут, стала настоящим олицетворением любви.

Таким образом, рассмотрев примеры из современного искусства и убедившись в том, что оно действительно представляет из себя большое разнообразие новых необычных течений, можно смело сделать вывод: в наше время культура развивается и вносит в жизнь различные новшества, пополняющие духовный мир. Происходит поиск новых материалов и форм, творцы пытаются создать что-то уникальное, смотрят на существующие вещи с новой стороны, воплощают свои идеи в произведения искусства и предоставляют окружающим возможность посмотреть на мир иначе [3].

Тема развития культуры является довольно актуальной. Существует наука под названием культурология, объектом изучения которой является культура, а именно ее происхождение, функционирование и развитие. Культурологи изучают генезис культуры в целом, а также отдельных ее проявлений. Культура разных временных эпох и разных стран характеризуется своими тенденциями. Окружающая среда постоянно меняется, а вдохновение лежит именно в ней. Прогресс не стоит на месте и, таким образом, порождает все новые объекты творения.

Литература

1. Комментарий к дискуссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cult-cult.ru/comment-to-the-discussion/> (дата обращения: 22.03.2015)
2. Дерзость мысли, запечатленная на стенах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artifex.ru/стрит-арт/> (дата обращения: 29.03.2014)
3. Филлипс, С. ...Измы. Как понимать современное искусство / С. Филлипс; пер. с англ. М. Визель, Н. Чамина. – Изд-во «Ад Маргинем». ISBN 978-5-91103-190-9, 2014. – 112 с.

УДК 61(091);61(092)
ГРНТИ 76.01.09

ВКЛАД ТОМСКИХ МЕДИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

CONTRIBUTION OF TOMSK DOCTORS IN NATIV`S MEDICINE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

***Носкова Татьяна Владимировна,
Сергеев Андрей Владимирович, доцент***

Ключевые слова: эпидемия сыпного тифа, сотрудничество, производство противостолбнячная сыворотка, С.П. Карпов, радиощуп, А. Г. Савиных, Б. П. Кашкин, П. П. Одинцев, пенициллин-крустозин, дефицит лекарственного сырья, Академия медицинских наук СССР.

Key words: epidemic typhus, cooperation, production of tetanus toxoid, SP Karpov, radioschup, AG Savinykh, BP Kashkin, PP Odintsev, Penicillin-krustozin, shortage of medicinal plants, Academy of Medical Sciences of the USSR.

Аннотация. Статья посвящена проблеме Вклада томских медиков в отечественное здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. Проблема реше-

ния различных эпидемических заболеваний в военное время. Деятельности Томского и Омского институтов эпидемиологии и микробиологии для обеспечения населения и Красной Армии, бакерийными препаратами. В статье рассматривается проблема подготовки санитарных и медицинских кадров для нужд действующих частей Красной Армии и госпиталей в тылу. Автор статьи уделяет внимание проблеме импортозамещения и разработке лекарственных препаратов на основе отечественного сырья, и разработке новых физиотерапевтических методов лечения. По мимо этого в статье присутствует материал об участии томских медиков в боевых действиях.

Кто скажет: врач не воевал,
Что кровь свою не проливал,
Что ночи спал он напролёт,
Иль то, что прятался, как крот.
Коль кто-то скажет эту весть,
Хочу я их всех перенести,
Туда, стонала, где земля,
Туда, горели, где поля,
Людская, где лилась там кровь,
Где разносился страшный стон.
На всё смотреть было невмочь,
Им только медик мог помочь.

Анна Присяжная

Первая военная осень была отмечена в Томске эпидемией сыпного тифа, в результате создана Чрезвычайная комиссия по ее ликвидации. Итогом лечебно-профилактической деятельности этой комиссии стало предотвращение массового заболевания сыпным тифом уже к январю 1942 года. Особенно положительную роль сыграло творческое сотрудничество научных работников Томского института эпидемиологии и микробиологии и ВИЭМ (Б.П. Лаврентьев, А.А. Заварзин, А.А. Смородинцев, Е.Н. Левкович, К.Т. Халяпина, А.П. Конилов).[1] С помощью научных сотрудников этого института удалось организовать производство противостолбнячной сыворотки, лучшей по качеству в СССР, наладить выпуск анаэробных сывороток (К.Т. Халяпина). Была создана лаборатория по производству сыпнотифозной вакцины и налажено производство вакцины по Дюран-Коксу (Е.Н. Левкович, К.Т. Халяпина), разработан метод ранней диагностики тифов (А.А. Смородинцев), получен ряд препаратов-инсектицидов, эффективных в борьбе против вшивости. Совместно были подготовлены, изданы и распространены инструкции и наставления по профилактике и борьбе со вшивостью. Коллектив научных сотрудников продемонстрировал высокую эффективность брюшнотифозного бактериофага для санации очагов брюшного тифа, получил дизентерийную вакцину.[2]

В приказе народного комиссара здравоохранения РСФСР от 21 октября 1944 г. указывалось, что сотрудники института во главе с профессором С.П. Карповым использовали брюшнотифозный бактериофаг для санации очагов сыпного тифа и получили подтверждение его высокой эффективности.[3] Этим же приказом предлагалось ряду

институтов освоить его массовое производство. Большой вклад внесли научные сотрудники Томского и Омского институтов эпидемиологии и микробиологии внесли в изучение инфекций с природной очаговостью. Они выявили закономерности, влияющие на широкое распространение туляремии, лептоспирозов, клещевого энцефалита. Несомненный приоритет в изучении туляремии принадлежит С.П. Карпову, который доказал роль водного фактора естественных водоемов в распространении данной инфекции, установил, что дикие млекопитающие и клещи – это резервуар и источник инфекции, а ряд членистоногих – переносчики ее, предложил классификацию природных очагов и разработал методы профилактики туляремии; опубликовал «Справочник по вопросам туляремии» и написал ряд работ по туляремии в годы войны.[4]

За годы войны в Томском институте эпидемиологии и микробиологии было выполнено 120 тем, защищена 1 докторская и 4 кандидатских диссертации. Производственная деятельность Томского и Омского институтов эпидемиологии и микробиологии была также перестроена по мобилизационному плану – выпуск бактериальных препаратов для нужд Красной Армии увеличен более чем в 2 раза. Так, Томский институт в 1944 г. выпустил продукции на 375,3% больше, чем ее было произведено в 1940 г. Институты смогли наряду с увеличением выпускаемых прежних препаратов наладить выпуск ряда новых. Омский институт освоил выпуск 5 новых препаратов, в Томском номенклатура выпускаемых препаратов в 1944 году достигла 33 против 21 в 1940 году.[5]

Для поиска и извлечения металлических инородных тел был изобретен принципиально новый прибор – радиощуп. Заслуга его создания принадлежит профессор А. Г. Савиных и сотрудникам СФТИ Б. П. Кашкину и П. П. Одинцеву.

Народный комиссар здравоохранения СССР Г.А. Митерев отмечал, что успешная деятельность эвакуогоспиталей стала возможна при постоянном участии в этой работе всех медиков и научных работников. [6] Он назвал в числе самых выдающихся деятелей медицины того времени, трудившихся в эвакуогоспиталях, профессора Томского медицинского института (будущего академика АМН СССР) А.Г. Савиных. Разработанный под руководством А.Г. Савиных еще до войны метод чрездиафрагмального хирургического вмешательства на средостении позволил успешно осуществлять удаление инородных тел, лежащих в нижних отделах средостения и легких.

Под его руководством были получены заменители перевязочных материалов, сконструирован ящик-амортизатор для перевозки крови и т.д. В 1942 г. профессор А.Г. Савиных выполнил 2 операции, удалив из сердца инородное тело. Для работы в госпиталях были привлечены ученые ТГМИ: А.Г. Савиных, Д.Д. Яблоков, К.Н. Зиверт, А.Г. Сватикова, М.Г. Сергиева, В.Г. Вогралик, П.Б. Баяндуров, И.А. Клыков, С.А. Адамов, К.Н. Черепнин, А.Г. Фетисов, Н.В. Шубин, А.А. Перельман и др. Профессора ТГМИ С.П. Ходкевич, М.Т. Бриль, В.Т. Серебров, В.Г. Вогралик;

Профессор Б. А. Альбицкий успешно применил оригинальный метод лечения огнестрельных ран. Доцент И. В. Торопцев создал не имеющий аналогов в мире прибор детерминатор для локализации воспалительных очагов. [7] Профессор Н. В. Вершинин в содружестве с профессором-химиком В. А. Измаильским открыл способ замены импортной базиликовой камфары ее левовращающим изомером, полученным из местного сырья – пихтового масла. Результаты научной и лечебной деятельности томских медиков: более 38% всех раненых вернулись в строй, умерло лишь 0.6%, что является показателем высокой эффективности лечебной работы, учитывая тяжелое состояние пациентов, доставляемых в Томск. За годы войны в Томске было зафиксировано только пять случаев смерти от газовой гангрены и один – от столбняка.

В связи с получением в 1942 г. в ВИЭМ З.В. Ермольевой советского пенициллина-крустозина началась разработка данной проблемы в сибирских институтах. С 1944 г. Томский институт организовал массовое изготовление нативного пенициллина, грамицидина, которые применяли в госпиталях и клиниках Томска, Омска и других городов Сибири при лечении многих заболеваний и осложнений огнестрельных ран. Было установлено бактерицидное действие фитонцидов на различные бактерии раневой инфекции, туберкулеза, холеры, дизентерии, сыпного и др.

Кроме наиболее развитой в Сибири довоенной научной и медицинской базы она приросла в годы войны за счет эвакуированных лечебных и медицинских научных учреждений. Академик АМН СССР Д.Д. Яблоков вспоминал: «Многие медики ушли на фронт, те, что остались, трудились с огромным напряжением. Откуда брались силы – не знаю... Сравнивая то время с нынешним, думаешь: конечно, такой нагрузки, которую выдерживали в экстремальных ситуациях военного времени, сейчас не выдержать». Профессор С.П. Ходкевич разработал ряд новых методик оперативных вмешательств, применил метод позднего вытяжения при огнестрельных переломах бедра; предложил метод регенерации перевязочного материала. Совместно с А.Г. Савиных им усовершенствована методика протезирования раненых с ампутированными конечностями; разработан способ получения аммиака в местных условиях. Доцент Б.А. Альбицкий успешно применил разработанный им метод лечения огнестрельных ран, осложненных остеомиелитом. Профессор К.Н. Черепнин разработал модификации конструкций протезов для инвалидов и шин для лечения переломов.[8]

Но несмотря на военное время сотрудники томских университетов не забывали и о научной деятельности. Большинство докладов было посвящено военным травмам (особенно с поражением центральной и периферической нервной системы), их диагностике и лечению, профилактике инфекционных заболеваний и борьбе с ними. Особый интерес представляли конференции, проводимые в эвакогоспиталях, межгоспитальные конференции. Наиболее представительная конференция, посвященная 25-летию советской медицины, состоялась в Новосибир-

ске в 1942 г. В Омске прошло 2 конференции, а в Бийске, Барнауле и Томске – по 3. Эвакуированные ученые совместно с командованием санитарного отдела Сибирского военного округа, органами здравоохранения и учеными Западной Сибири приняли участие в издании нескольких сборников: в 1942 г. вышли «Сборник научных работ эвакогоспиталей СибВО» и «Военно-полевая хирургия», в 1943 г. – «Сборник работ санитарной службы СибВО» и «Вопросы военной терапии», в 1944 г. – «Труды окружной хирургической конференции госпиталей СибВО».

Более 1/3 работ, опубликованных в этих изданиях, написано учеными, прибывшими из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Большое научное и практическое значение имели опубликованные в них работы Д.И. Гольдберга, Д.Д. Яблокова, А.Д. Очкина, С.А. Смирнова, С.П. Ходкевича, В.Г. Вогралика, Н.В. Вершинина, А.А. Перельмана, Е. М. Думеновой и др.

Наряду с научной работой была развита подготовка врачебных кадров в Сибири. На протяжении всей войны, шла подготовка средних медицинских работников. Медицинские школы готовили кадры фельдшеров, медицинских сестер, санитаров, сандружинников. Важную роль играла подготовка квалифицированных кадров для работы на фронте: по ускоренной программе институт выпустил более 2,000 врачей в годы Великой Отечественной Войны. Бывший ординатор хирургической клиники Михаил Герасимович Ананьев, окончивший медицинский факультет Томского университета в 1926 г., ученик проф. В.М. Мыша, начал войну хирургом госпиталя и закончил ее армейским хирургом. 22 июня 1941 г. он организовал хирургическую помощь прямо на поле боя под непрерывным обстрелом врага. Оперируя в госпитальной палатке, он был накрыт ею вместе с раненым, находившемся на операционном столе и медперсоналом. Несмотря на то, что рядом с палаткой рвались бомбы, хирург продолжал работу в течение целого дня. Тут же, на поле, командующий армией вручил М.Г. Ананьеву медаль «За отвагу». В письме к А.М. Шварц он вспоминает: «... Навсегда останется в памяти переломный момент под Москвой – в декабре 1942 года. С 6.12. 42 г. по 12.12.42. г. через 101 ХППГ(госпиталь полевой подвижной хирургической) 30-й армии, где я тогда работал, прошло 6 тысяч раненых и отмороженных. День и ночь, не смыкая глаз, работали медики».

За время войны им было выполнено более 8 тыс. операций, в том числе и уникальная операция по удалению неразорвавшейся мины из тела раненого. За свои заслуги М.Г. Ананьев награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени и многими медалями. После войны был заместителем министра здравоохранения СССР.

В годы Великой Отечественной войны в Красной Армии действовало 200 тыс. врачей и почти 500 тыс. средних медицинских работников. Лучшие медицинские силы страны, в том числе 4 академика, 22 заслуженных деятеля науки РСФСР, 275 профессоров, 558 доцентов, 306 до-

кторов и 1199 кандидатов медицинских наук участвовали в лечении раненых, возвращая их в строй и к мирному труду. Особенно большую работу провели организации Красного Креста. В медицинских институтах Сибири для студенток 2-го курса были организованы 5месячные курсы медсестер запаса. Широко проводилась военно-санитарная подготовка в школах и на предприятиях Сибири. Главным медицинским центром Сибири в годы войны стал Томск, он превратился в город-госпиталь.[9]

С первых дней Великой Отечественной войны в связи с прекращением ввоза лекарственных препаратов и оккупацией ряда районов, где выращивали культуры лекарственных растений, в стране стал остро ощущаться дефицит лекарственного сырья. В Томске была сформирована инициативная группа под руководством профессора ТГУ В.В. Ревердатто. В нее вошли профессор К.Т. Сухоруков (ТГУ), ученый хранитель гербария, Л.П. Сергиевская (ТГУ), академики АМН СССР Н.В. Вершинин и Д.Д. Яблоков (ТГМИ). В первую очередь были изучены растения, обладающие отхаркивающим действием – синюха и чина луговая; растения, обладающие седативным действием и применяемые в народной медицине для лечения гипертонии применяемые в народной медицине для лечения гипертонии (пустырник, панцерия, шлемник байкальский). В конце 1941 года по предложению военного ведомства кафедра фармакологии ТГМИ совместно с кафедрами ботаники и органической химии ТГУ приступила к изучению растений, содержащих сердечные гликозиды типа строфанта (были исследованы 3 вида желтушника, разработан способ получения из желтушника препарата эризид; сирени стручковой и разработан препарат сиренид). Были также изучены кровохлебка, бадан, калган и змеевик, обладающие противовоспалительным действием; ревеня, содержащий дубильные вещества; ряд растений, обладающих желчегонным действием, – бессмертник песчаный, володушка; слабительным действием – стеллера, инсектицидным – акониты, пижма, зизифора. Академикам Н.В. Вершинину, Д.Д. Яблокову, профессору В.В. Ревердатто была присуждена Государственная премия. Учитывая все возрастающую роль медицинской науки, проявившуюся на войне и в тылу, Совнарком СССР постановлением от 30 июня 1944 года учредил Академию медицинских наук СССР. От томских ученых действительными членами АМН СССР были избраны А.Г. Савиных, Н.В. Вершинин. В Томск было эвакуировано наибольшее количество подразделений Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) – 27 лабораторий.

Многие выпускники Томского медицинского института в годы войны стали врачами полков, медсанбатов, полевых госпиталей; с достоинством пронесли они славу своего родного института, внесли заметный вклад в успехи, достигнутые советской медициной в деле лечения раненых и больных. После войны вернулись и работали в родном институте фронтовики: доц. Н.В. Беляев – дерматолог, проф. В.П. Десятое – зав. кафедрой судебной медицины, Д.А. Грацианов – доц. кафедры патологической анатомии и др.

После окончания Великой Отечественной войны много фронтовиков и ветеранов Великой Отечественной войны работало в Томском медицинском институте. Среди них профессора Е.Д. Красик, Ю.Н. Штейнгардт, А.Я. Шияневский, Г.Х. Рипп, В.Д. Суходоло, В.В. Кунцевич, доценты П.А. Бова, М.И. Рудич, И.И. Желнов, В.О. Локотко, Н.И. Ломов, М.М. Соловьев, преподаватели К.И. и В.А. Гуляевы, Л.Ф. Буряченко, И.С. Пономарев, и др.

Литература

1. Н.П. Думчева, М.Н. Гринева. Устный журнал «Томск и томичи в годы Великой Отечественной войны»
2. К. А. Пашкова /МГМСУ Кафедра истории медицины исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы VII Всероссийской конференции (с международным участием) (Москва 2013 12-15 апреля)
3. 4.Официальный Сайт Центр Документации Новейшей Истории Томской Области(ОГКУ ЦДНИ ТО) [Электронный ресурс] <http://cdnito.tomsk.ru/v-pamyat-o-velikoj-vojne-vklad-tomskoj-meditsiny.htm> (дата обращения:06.04.2015)
4. В. П. Спичев, О. А. Жаткин, А. А. Будко и др / Первые среди равных [Текст] : исторический очерк Томский военно-медицинский институт (Томск). //Томск : STT, 2005. – 228 с
5. Поклонимся великим тем годам [электронный ресурс] <http://gimn56.tsu.ru/project/ramat/m2.html> (дата обращения: 06.04.2015)
6. Г.С. Якобсон/ Подвиг медиков-томичей в годы Великой Отечественной войны: 60 лет Победы : ветеранам медикам посвящается.// – Томск : б. и., 2005. – 57 с.

УДК 13.09
ГРНИ 008(091)

КУЛЬТУРА РУСИ РУБЕЖА XV–XVI В. НА ОСНОВЕ ФИЛЬМА ТАРКОВСКОГО «АНДРЕЙ РУБЛЕВ»

CULTURE OF RUSSIA FOREIGN XV–XVI B. BASED TARKOVSKY'S FILM «ANDREI RUBLEV»

Очкарева Анастасия Сергеевна

Научный руководитель: А. В.Бернатоните, канд. искусствоведения, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: культура, Русь, Андрей Рублев, Тарковский.

Keywords: Culture, Russia, Andrei Rublev, Tarkovsky.

Аннотация. В статье рассматривается связь фильма Тарковского «Андрей Рублев» с историей Руси XV–XVI. Раскрываются такие проблемы как взаимоотношения между религиозной (монашеской) культурой и светской, проблема междоусобных войн, проблема восприятия таланта, как божьего дара, проблема нравственного выбора. В статье предпринята попытка рассмотреть кинофильм с точки зрения историчности и ответить на вопрос: является ли фильм Тарковского отражением религиозной жизни древней Руси.

«Андрей Рублёв» – историческая кинодрама Андрея Тарковского, снятая в 1966 году на киностудии «Мосфильм». Первоначально картина предполагалась дать название «Страсти по Андрею». [1] Фильм разделен на 8 эпизодов, повествующих о событиях на Руси XVв., основываясь на жизни таких исторических личностей, как Андрей Рублев, Феофан Грек и Даниила Черного.

Первые кадры начинаются с полета монаха на воздушном шаре. Малоизвестный факт, но этот монах действительно погиб во время съёмок этого эпизода. Далее мы видим трех монахов, попавших по дождю. Они укрылись от него под крышей одного из сараев, где дурачится скоморох. Которого в последствии избивают и увозят. И вот одно из явлений имевших свое место на Руси, а именно борьба церкви со скоморошеством. [2] Как только герои появляются рядом со скоморохом, то становятся центром его насмешек. Позднее в сюжете фильма мы вновь встретим скомороха и он будет считать что именно монахи «сдали» его.

Сюжет фильма развивается и показывает зрителю еще один исторический факт: борьба церкви с язычеством. христианское богослужение, таинства, церковные обряды, христианское вероучение, распространяемое и внедряемое устно и письменно, – надежнейшим способом служили к искоренению язычества и способствовали его забвению [3]. Мы видим ночь перед Иваном Купала – праздник греховной плоти. Утром посланники князя разгоняют язычников. Это пример того, что язычники были не угодны не только церкви, но и государству.

Тарковский так же в своем творении затрагивает и такой исторический факт, как ослепление резчиков по камню. Они только закончили работу у князя Василия и отправились к его брату – Василию Звенигородскому. Этот кадр раскрывает зрителю обстановку на Руси, затрагивает главную проблему: княжеские междоусобицы, показывает что раньше стоила человеческая жизнь, собственное превосходство, достигаемое любыми путями, да и сама обстановка на Руси. Не важно сколько людей пострадает, главное, что мой храм будет лучше. Да и само это событие припугнет других мастров, дабы не пытались превзойти сие творение.

Междоусобицы между князьями приводят к ослаблению границ, что позволяет свершаться набегам татарской орды. Кадры киноленты открывают нам разграбление города, разрушение икон, храма. У нас на глазах рушится хрупкий материальный и духовный мир людей. Один из захватчиков тащит юрловую девушку, и Андрей идет на преступление, он разбивает голову насильника топором и тем самым спасает девушку. Далее Рублев чувствует за нее ответственность и вместе с ней возвращается в свой монастырь. Все заканчивается там же где и началось.

Андрей потерял свою веру, он мысленно продолжает спорить с Феофаном о том, что есть вера. Сомнения захватили его душу. Рублев считает что иконы не нужны, что это бессмысленно. Он покорно несет обет молчания, искупая вину за убиение человека. Казалась, что вот

конец истории, человеческая душа раздавлена, будущего нет, но появляется монах Кирилл. Этот героя мы видели в самом начале фильма, он покинул монастырь вместе с Андреем. Это второй факт, подтверждающий круговую композицию сюжета. Монах просит Рублева снова творить, кается за свою зависть.

И вот наконец последняя часть фильма: Колокол. Это рассказ о юноше, который притворился, что знает секрет литья колокола, что его поведал ему отец перед смертью. И князь нанял его для этой работы. Рублев лишь наблюдал за всей работой. Он видел знак, некое искупление, шанс в строительстве нового храма. Бориска не знал секрета, и в момент когда колокол должен был зазвонить, то он прощался с жизнью. Но колокол запел. Он очистил все, а дождь смыл оставшуюся грязь. В финале мы видим рыдающего Бориску на руках Андрея. Монах все понял с самого начала, он знал, что мальчик не знает секрета. Дабы успокоить юношу он произносит: «мы оба с тобой пойдем, ты колокола лить, я иконы писать». Эта фраза раскрывает всю философию этого фильма: не важно что было, важно то, кем ты являешься сейчас, то чем ты хочешь и можешь заниматься, то чем ты можешь служить людям, миру.

Далее режиссер пускает ленту с изображением работ Андрея Рублева и его современников, тем самым задевая так же и другой культурный пласт истории. Но эти кадры являются единственной цветной частью этого фильма, тем самым усиливая эффект восприятия.

Таким образом, можно сделать вывод, что фильм Тарковского «Андрей Рублев» полноценно раскрывает историю Руси. В фильме сделаны акценты на не больших, но значимых событиях, на маленьких нюансах повседневной жизни людей, помогающих представить, как это было в действительности. Это не просто сухое перечисление фактов, а жизнь. Мы видим как мирное существование людей, так и в тяжелые периоды: татарское нашествие, голод, то на что идут люди чтобы выжить: юродивая девушка поехала кататься с татаринном за кусок мяса, борьбу с язычеством, шутовством, междоусобных войнах князей, цене жизни, человеческого труда, цене искусства. Это не простая историческая экранизация, а попытка интерпретации своего взгляда. Но тем не менее мнение автора не навязчиво, зрителю дается возможность воспринимать сие творение так, как ему захочется. На мой взгляд, Тарковскому удалось достаточно объективно пересказать историю Руси, удачно подобрать кадры, правильно расставить акценты. Когда смотришь фильм, то он тебя затягивает в свою реальность. Прием с использованием черно-белых кадров, а в конце взрыв красок, возвращающих тебе к реальности, и все это в сопровождении ударов колокола и тихой, ненавязчивой музыки. Приятно, что исторические факты не скрыты, не приукрашены, а показаны так, как есть, и именно это и оставляет приятное впечатление от просмотренного фильма.

В фильме представлен целый спектр проблем связанных с культурой Руси XI века, такие как: 1. Взаимоотношения между религиозной (монашеской) культурой и светской (в данном случае скоморошьей),

2. Проблема христианизации Руси (язычество, праздник на ночь Ивана Купала), 3 Проблема междоусобных войн (лишение зрения камнерезов), 3. Взаимодействия государства с обществом, 4. Проблема восприятия таланта, как божьего дара, 5. Проблема нравственного выбора (убить для того чтобы спасти, или бездействовать и позволить свершиться злу), 6. Проблема учителя и ученика (на примере взаимоотношений Андрея Рублева с Феофаном Греком и Даниилом Черным). Это одни из основных линий в сюжете данной картины, но микро-проблем намного больше. На основе этого, работу Тарковского «Андрей Рублев» можно назвать отражением религиозной жизни древней Руси.

Литература

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%>
2. <http://waking-up.org/religii-mira/skoromohi-vs-pravoslavnaya-tserkov/>
3. Н.М. Гальковский, Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Том второй, Москва 1913-1916гг, 700.
4. <http://andrey-rublev.ru/>
5. <http://www.kinopoisk.ru/film/8385/>

УДК 13.09
ГРНИ 008(091)

ОНТОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ: ПРИРОДНЫЕ ЧАКРЫ КАК ФУНДАМЕНТ ЖЕНСКОЙ ЭНЕРГИИ

Ошлакова Алина Викторовна

Научный руководитель: С. А. Селиванов, канд. философ. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: онтология телесности, чакры, женская энергия, тело.

Key words: ontology of corporeality, chakra, female energy, body.

Аннотация. «Энергия есть вечное блаженство», – сказал Уильям Блейк. Для того чтобы разобраться в этом высказывании, и ответить на ряд вопросов о своем теле и протекающих в нем энергий, стоит обратиться к такому понятию, как «чакра». В статье рассматривается, в частности, вопросы женского тела и процессов протекания в нем жизненной энергии, ее взаимодействие с мыслями и чувствами человека, влияющие на разные аспекты и стороны его жизни.

«Энергия есть вечное блаженство», – сказал Уильям Блейк, английский романтический поэт и мистик.

Действительно, что мы знаем об энергии, которая протекает в нашем теле? Но еще интересней, догадываемся ли мы, что в нас есть колоссальный заряд энергии и что в наших силах ее управление? Насколько верно мы распоряжаемся этим волшебным кладом?

Чтобы ответить на эти непростые, а может и нестандартные вопросы, нам предстоит обратиться к таким трудам, как Ошо «От медицины к медитации», «Семь Центров жизненной энергии. Наука чакр», Смир-

нова Любовь «Книга чакр», Диллон Аниша «Тантрические пульсации. От животных корней к духовному цветению». Список используемой литературы, показывает, что тема чакр, широко изучается за рубежом, но только начинается раскрываться в нашей стране.

Чакра – это энергетический центр, расположенный по вертикальной оси позвоночника и вдоль энергетического канала Сушимна, этот конусообразный поток энергии, как вихрь вытекающий из точки, который отвечает за то или иное физическое, а так же психологическое состояние человека [1]. В индуизме считается, что чакрам соответствуют различные железы и нервные сплетения в теле человека. Правильная работа чакр обеспечивает здоровье души и тела. Плохая работа или закрытие энергетических центров способствует негативным реакциям, как на уровне физиологии – болезни, так и психологические расстройства, стрессы и негативное мышление. В духовных практиках индуизма чакры это точки пересечения нади, по которым протекает жизненная энергия или прана. Понятие энергетических центров используется не только в индуизме, но и в некоторых практиках буддизма и в современных оккультных системах, Аюреведе, альтернативной медицине. С точки зрения традиционной медицины в теле человека нет физических или физиологических структур, которые можно было бы отождествить с чакрами.

По преобладающей версии у человека, семь основных энергетических центров. Которые в свою очередь, делятся на три природных или животных, а так же существует три высших или небесных центров, и одна связующая чакра – сердечная или человеческая. Эти центры заложены в организме человека и работают одновременно и влияют на жизнь человека, конечно, их работа напрямую зависит от состояния, в котором находится каждая чакра. Она может быть закрыта или мало развита, а вот сам поток энергии постоянно находится в движении, круговороте. В данной статье рассматриваются первые три чакры и их влияние на женский организм.

Первая чакра – муладхара. Находится в основании позвоночника или промежностей, ее цвет – красный, а символ – круг, окруженный четырьмя лепестками лотоса, с вписанным в него квадратом. Иногда он окрашивается в желтоватый цвет, что символизирует материальный мир, а из квадрата выходит стебель, что и символизирует связь чакры с центральной нитью, Сушимной. Гармоничная работа чакры характеризуется с непосредственной связью с землей и живой природой. Человек чувствует себя плотно стоящим на ногах, а так же он наполнен интересом к жизни. Такой человек энергичен, активен, напорист, может отважно преодолевать конфликтные и кризисные ситуации, ощущение стабильности, чувства внутренней силы не покидают его. При дисгармонии чакры, все мысли и интересы человека сосредоточены на физических потребностях, таких как еда, питье, секс и деньги. Характерны эгоцентризм, агрессивность, вспыльчивость, такой человек стремится удовлетворить только свои желания, игнорируя потребности и чувства других людей. Болезни, возникающие при

дисгармонии, связаны в первую очередь с «твердыми» органами тела – позвоночный столб, скелет, кости, зубы и ногти, а так же с кровью, детородными и репродуктивными органами. Признаками заблокированного энергетического центра является ощущение себя жертвой обстоятельств, страхи, чувство опасности, нервозность, чрезмерное напряжение в теле и уход от физической реальности.

Следующий энергетический центр, который особенно важен для женского организма – Свадхистана. Эта чакра сексуальной энергии, именно она позволяет женщине раскрыть свой творческий потенциал. Цвет центра – оранжевый, обозначение – круг, окруженный пятью или шестью лепестками лотоса, в центре полумесяц. Чакра находится в области таза, ниже от пупка на два пальца, ее стебель связан с областью крестца и его нервного сплетения. Этот центр отвечает за исходные эмоции, сексуальные энергии и способности к творчеству, рождению, созданию чего-то нового, в нем коренятся перемены, сопряженные с любопытством, авантюризмом и новаторством [6]. Чакра, позволяет нашим внутренним способностям выйти наружу, активизируя нашу внутреннюю силу, выражать нашу уникальность, реализовывать потенциал, не боясь реакции людей, что и означает превращение идей в реальность. При гармоничной работе Свадхистаны, человек ощущает свою индивидуальность, но открыт для чувств других людей и принимает их, легко налаживает контакт с противоположным полом и у такого человека здоровое, логическое отношение к половой близости. Когда чакра в дисгармонии, человеку трудно выражать себя в сексуальной сфере, чувственности, творчестве, из-за неумения направлять эти энергии, вред через различные нездоровые представления, которые заставляют человека стыдиться своих чувств. У подростков это побуждает считать их неестественными и вредными, разрушая тем самым самовосприятие и самооценку. Конфликт между желаниями: сексуальными, самореализации или творчества, подавление или неспособность выразить его может спровоцировать ощущение постоянной неудовлетворенности и опустошенности, и человек будет пытаться компенсировать эту пустоту различными вредными пристрастиями – к деньгам, еде, алкоголю. Органы тела, связанные с чакрой – это таз, лимфатическая система, желчный пузырь, половые органы и все жидкости организма, соответственно заболевания, возникающие из-за дисбаланса: спазмы, аллергии, физическая хрупкость, запоры, сексуальная неуравновешенность, бесплодие, отсутствие творческого начала.

Третий, завершающий природные чакры, энергетический центр – Манипура. Расположен между пупком и солнечным сплетением. Центр обозначается желтым цветом и символизирует наше солнце, стимулирует нас и представляет собой наши цели и задачи, отвечает за индивидуальное Я, силу воли, влияние на мир, власть, уверенность в себе, оптимизм. Стремление проявиться в этом мире, стремление к деятельности, к творчеству, к организации жизни, успешность, социальный статус, харизма, карьера, финансовая сфера, четкое представление своих целей, упорство в их непосредственном достижении всё это сви-

детельствует о гармоничности чакры. А вот признаки заблокированной чакры будет считаться трудности с деньгами, конфликты с деловыми партнерами, повышенная агрессивность, злоупотребление властью, трудоголизм, критичность, большая требовательность, чрезмерный контроль. Что способствует развитию таких заболеваний, как нарушение желудочно-кишечного тракта, головокружение, тошнота, уместенное и нервное истощение, замкнутость, диабет, аллергии.

Для гармонизации чакр представлены рекомендации в виде аффирмации, т.е. краткая подтверждающая формула, при повторении, способствующая улучшению психоэмоционального фона и стимулируя положительные перемены в жизни.

Для Муладхары характерно такое яркое выражение, как «я живу», что дает стабильность вашему телу, дает жизненную силу Земли, чакра функционирует должным образом и появляется больше жизненной силы, смелости, уверенности в себе. Так же полезными будут такие утверждения, как «я излучаю успех и процветание на каждом шагу», «я люблю жизнь», «я всегда в безопасности», «я всегда в отличной форме, активен и молод», «у меня достаточно энергии для всех свершений».

Выражение «Я чувствую» открывает нам чакру Свадхистану, ведь это место нашего физического и эмоционального я, осознавая выражение такие, как «я поддерживаю в себе ощущения благополучия», «я наслаждаюсь изобилием жизни и ценю то, что имею», «я говорю своим мечтам и желаниям – да», «я доверяю жизни и себе, я в гармонии с этим миром, я иду по жизни легко и радостно», вы возвращаете свою личную силу, участь излучать радость, процветание, оставлять все старые самоограничивающие стереотипы мышления, заменяя уверенностью в себе и эмоциональной устойчивостью.

Для гармоничной активации вашего солнечного центра – Манипуры, стоит обратить внимание на аффирмацию «я буду», это позволяет вернуть ваше самообладание, превратить знание в мудрость и ясность мысли, восстановить самоконтроль и овладеть своими желаниями, уважать границы других людей, но и устанавливать свои, фразы «я всю смогу», «я мыслю и действую как свободный и уверенный в себе человек», «я осознаю свою целостность и ценность, и ценю других людей», «все мои действия направлены мне на благо. Я люблю и принимаю себя» помогут глубже раскрыть свой потенциал.

Знания о природных чакрах важны в повседневной жизни, в первую очередь они помогают нам понять себя, осознать свою природу чувств, а главное научиться продуктивно ее использовать. Ведь, огромное значение для насыщенной и плодотворной жизни, является умение принять себя таким, какой ты есть, почувствовать себя творцом своей жизни, осознать, что вы имеете право на реализацию своих желаний и творчества, но при этом позитивно принимать интересы других людей. Так же важно чтобы эти три чакры были в гармонии, ведь это фундамент для всей составляющей жизни, будь это сам человек, его творчество, его взаимоотношения с людьми, его эмоциональная жизнь, его карьера и реализация планов или любая другая деятель-

ность. Для плодотворной жизни, необходимо много энергии, но куда важнее научиться этой энергией целенаправленно управлять и направлять на важные в жизни человека области. Ведь от ваших мыслей и действий, от вашего личного ежедневного выбора зависит именно ваша жизнь, и в ваших силах, прожить ее счастливо и в своё подлинное удовольствие. Открывайте свои сердца, наполняйте любовью сердце, тело разум, свою жизнь и людей и целый мир!

Литература

1. Чакра. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%d0%a7%d0%b0%d0%ba%d1%80%d0%b0> (дата обращения : 5.04.2015).
2. Смирнова, Любовь. Книга чакр / Л. Смирнова. – Минск : Современный литератор, 2007. 64 с.
3. Ошо. Семь Центров в жизненной энергии. Наука чакр / Ошо. – Москва : ИД «Гелиос», 2001. 288 с.
4. Ошо Раджниш. От медицины к медитации / Ошо. Киев : «София», 1999. 480 с.
5. Диллон Аниша «Тантрические пульсации. От животных корней к духовному цветению» / Д. Аниша. Санкт- Петербург : ИГ «Весь», 2006. 320 с.
6. Свадхистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podelise.ru/docs/69717/index-1373.html> (дата обращения : 5.04.2015).

УДК 298.9

ГРНТИ 21.41.63

НЕОЯЗЫЧЕСТВО. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

NEOPAGANISM. PROMOTION AND FALSIFICATIONS

Паульс Кирилл Константинович

Научный руководитель: Дунбинская Т.И., кандидат исторических наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: неоязычество, религия, культура, славяне

Keywords: neopaganism, religion, culture, slav

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению проблемы в области религиоведения – начавшемуся неожиданному росту все больше возрастающего интереса к течению славянского язычества, искаженному его восприятию и его деятельности в общественной среде. Цель работы состоит в исследовании фальсификатов, приписываемых славянской религии, а также ознакомиться с самыми известными представителями неоязычества на территории России и стран СНГ.

В России буквально сразу после исчезновения тоталитарного режима на свет начинают появляться, помимо восстанавливающегося православия, и другие разнообразные религиозные и философские учения, в том числе и языческой направленности. В поисках жизненных вех многие стали обращаться к вере, определенного рода обычаям, преданиям предков, изменяя, либо категорически не признавая авраамических религий.

Процесс становления неоязычества, начавшийся в последние десятилетия существования Советского Союза, с самого начала отличался чрезвычайной хаотичностью, неуправляемостью. Молодежь, потерявшая ориентиры и идеологическое направление, вслед за более опытными людьми ощутила полную бесцельность в отношении духовности и разочарование в начавших проявляться «ценностях запада». Теперь она, эта самая молодежь, изъясняет попытки найти и вернуть некое национальное самосознание, для осознания собственной Родины – не какого-то советского государства, а своей истинной земли. И здесь вместо лозунгов марксизма-ленинизма звучат уже былинные призывы. Молодые начинают ощущать себя частью своей земли – и начали искать свои корни, вспоминать древних героев. Язычество было выдвинуто в первые ряды. Былинный эпос стал новой идеологией отчасти националистично настроенной молодежи. Новоиспеченные язычники, отвергая якобы навязываемые западные ценности, отвергая советский атеизм, отвергая чужеродное христианство, с фантазией, которая свойственна молодым людям, не будучи особо просвещенными в исторических науках и теологии, в процессе создания того самого Родноверия – стали подхватывать мифы и исторические сводки, не особенно заботясь об их достоверности.

В современном российском историковедении и религиоведении почти не поднимался вопрос о комплексном изучении такого явления как неоязычество. Полноценное изучение религиозных представлений в России проводилось в достаточно малом объеме, хотя к началу 21 века на территории государства появилось множество общественных организаций, политических партий и движений, идеологическую основу которых составляют языческие и, в особенности, неоязыческие представления. Представители неоязычества чаще регистрируются как общественные объединения, либо не регистрируются вовсе. В них существует различные отношение к богам и праздникам, сложные иерархии. Ими дополняется мифология. На их основе образуются сектантские сообщества.

Говоря об языческих организациях, в первую очередь стоит отметить так называемых инглингов – самых, возможно, известных адептов Родноверия, идущих за идеологией неоязыческого активиста Александра Хиневича более известного, как Патер Дий. Их представление о мире строится на вере в то, что первые люди Белой Расы переселились на Землю, так называемый Мидгард, из созвездия Большой Медведицы в период якобы Третьей Небесной Войны, когда в Солнечной системе насчитывалось аж 27 планет, а у Земли-Мидгарда было три Луны. Первоначально они жили в стране Даарии, расположенной на приполярном материке Арктиде. Различия цвета кожи у различных рас объяснялось тем, что предки разных рас прибыли на Землю с разных звездных систем. Так, евреев последователи идеологии Хиневича называют иноземцами, прибывшими из Пекельного Мира с целью научить людей перестать чтить Небесные Законы. Очевидно, что в таких аспектах религии Александра Хиневича проявляется недвусмысленное указание на «безбожие христианства» [1].

Внутреннее устройство и бытность организации инглиистов можно узнать из речей очевидцев и участников мероприятий данного общества. Так, одна из его участниц рассказывала о том, что внешне инглиисты представляют из себя группу людей, ведущих с первого взгляда смиренный образ жизни, обладают большим гостеприимством. У них проходят обряды венчания по своему образу похожие на христианские и православные, что, впрочем, не мешает адептам инглиизма утверждать, что это так называемые «жиды» украли их обычаи, а не наоборот.

Распространение идеологии и обрядов выглядит совершенно неорганизованным, а со стороны Хиневича – неразумным, ибо в секту его вполне принимались не только взрослые, но и подростки с еще совершенно не сформированным общественным мнением и критическим мышлением. Время от времени это приводило к неприятным последствиям. Так, например, во время одного из походов подростков-адептов в баню, одна из девочек упала в обморок, в тот же момент попав под горячую воду из крана. Никто в это в той ситуации так и не вмешался, едва ли не оставив девочку в Капище.

Помимо инглиистов существует множество других неоязыческих образований, которые, нельзя не добавить, вполне успевают враждовать и между собой. Отчасти из-за споров об «истинности» своего верования, отчасти из-за амбиций главных адептов и жрецов сект и обществ. Именно вследствие подобных причин существует открытая неприязнь между вышеупомянутым Александром Хиневичем и представителем родноверского объединения «Схорон еж словен» Владимиром Голяковым, более известным как Богумил Голяк II, называющим себя истинным царем и излагающим идеи, недалекие от нацизма. Богумилу принадлежат слова «На славянской земле только один народ – славяне, остальные – нами не убитые, будь то союзники или враги» [2].

Так или иначе, В.Голяков и А.Хиневич – далеко не единственные представители своей направленности. Кроме них есть и другие адепты неоязычества и учений ему подобным в лице Николая Левашова, Владимира Январского и прочих.

Впрочем, фальсификации и ложные утверждения встречаются не только в индивидуальных особенностях верований различных родноверских обществ. За все время своей деятельности неоязычники и близкие к ним по идеологии создали множество фальсификатов в среде литературы и даже символики славян. Так, отличным примером искажения исторических сведений о религиозности славян является современное представление о символике язычества. Опрос показал, что подавляющее число российского населения разных возрастных категорий воспринимают так называемый Коловрат, как подлинный и главенствующий символ славянской политеистической религии. Более того, большинство свастичных символов так или иначе имеет некую ассоциативную связь с символикой и бытностью славян [3].

Но все ли свастичные символы имели связь со славянской культурой? И имел ли в ней место быть Коловрат?

Об этом в одном из своих интервью говорил историк и религиовед Роман Багдасаров. По его утверждениям, подобия свастичной символики были достаточно распространены в быту славян. И действительно, если ознакомиться с предметами быта дохристианской Руси, с предметами одежды, то на какой-нибудь рубашке вполне можно найти узоры и изображения, названные исследователем славянской истории и культуры Б. Рыбаковым полотняным фольклором, среди которых будет и свастичный символ, коих было великое множество. Но что касается именно Коловрата, здесь Роман Багдасаров говорит отрицательно. Что же из себя представляет данный символ? Внешне Коловрат – это восемь лучей, загнутых на концах. Неоязычники характеризуют его, как солярный символ, который неизменно сопровождал славян, как в быту, так и в ратных делах. Однако, не найдено пока ни одного артефакта тех времен, так или иначе отображающего Коловрат. И уж тем более не имеет смысла вести речь о его главенствующей роли в жизни славян. Более того, сам Роман Багдасаров говорит, что даже название Коловрат не было применимо к подобной символике. По его словам свастичные символы обычно назывались гораздо проще: паучками, зайчиками или коняшками, вследствие своей формы. Таким образом, Коловратом символ был назван именно неоязычниками. Что же касается самого изображения данного символа, то его можно встретить лишь на одном предмете искусства: гравюре польского художника Станислава Якубовского, которая, однако, была написана лишь в XX веке [4].

Таким образом, Коловрат почти никакого отношения к язычеству славян не имеет, а уж тем более не является главенствующим символом язычества, однако это не мешает ему считаться исконно славянским даже среди тех, кто язычеством никогда не интересовался. Более того, многие находят в этом естественный способ собственного обогащения, занимаясь продажей различных товаров с псевдославянской символикой. При такой ситуации стоит вспомнить фразу писателя Рона Хаббарда «Если хочешь разбогатеть, нужно основать собственную религию, потому что настоящее состояние можно сделать только в этой сфере». Более того. В данном контексте ее можно дополнить: «Основал религию – создай для нее символику, дабы увеличить свое состояние в несколько раз».

Представителем фальсификации славянской литературы в неоязычестве является так называемая «Велесова книга», изучением и критикой которой занимались многие ученые и научные сотрудники, в число которых входит доктор исторических наук и член-корреспондент РАН Виталий Петрович Козлов [5].

История книги, по словам Козлова, такова. В начале XX века, во время наступления, полковником белогвардейской армии Ф. Изенбеком были найдены деревянные дощечки с начертаниями и письменами. Он наказал своему спутнику дощечки собрать и увезти в Брюссель, где сам Изенбек познакомился с Ю. П. Миролубовым. По большей части Миролубов занимался поэзией, писательским искусством. Увлекался он и исторической наукой, в частности историей древних славян,

их жизнью, бытом и религией. В этом стезе он также писал книги, однако их признавали профанскими.

Изенбек рассказал Миролюбову о том, что имеет «дощечки», которые, наверняка, являются историческим артефактом. Миролюбов, разумеется, заинтересовался этим, и, так как Изенбек запретил их выносить из своего дома, начинает переписывать, копировать их прямо в доме Изенбека. Изенбек погиб в 1941 в Бельгии, а дощечки после этого исчезли. И только часть текста с этих дощечек, которую успел переписать Миролюбов, сохранилась. Осенью 1953 года, в журнале «Жар-птица», издававшемся русскими эмигрантами, публикуется заметка, в которой говорится о «Велесовой книге». С января в «Жар-Птице» регулярно начинают публиковаться отрывки из этой книги. Так было до 1959 года, когда журнал закрылся. Публикации в журнале осуществлял ученый-этимолог, специалист по ассирийской истории А. А. Кур (Куренков) по тем материалам, что присылал ему Ю. П. Миролюбов. Так «Велесова книга» была популяризирована, а уже спустя пару десятков лет распространена среди новых родноверов.

Но что же, все таки, представляет из себя «Велесова книга»? Название это было дано произведению доктором биологических наук его изучавшим, С.Лесным. Как считают сторонники подлинности «Велесовой книги», она была написана в IX веке новгородскими волхвами. Книга была написана на деревянных дощечках, которые неким образом смогли сохраниться до наших дней. По содержанию «Велесова книга» состоит из двух частей: гимнов богам и истории восточного славянства. В ней повествуется о хозяйственных занятиях восточных славян, их верованиях, повествуется о столкновениях с соседями.

Так или иначе, в результате ознакомления с «Велесовой книгой», у ученых возникли сомнения в подлинности данного произведения. Эти сомнения нашли свое отражение во множестве статей, которые, в свою очередь, подверглись критике со стороны защитников подлинности «Велесовой книги».

В частности, все тот же Лесной, являющийся сторонником подлинности книги, заявлял: «Это совершенно не изученный и лишь на 3/4 недавно опубликованный источник – по всей видимости, летопись языческих русских жрецов, начинающаяся событиями задолго до нашей эры и доведённая до Аскольда и Дира, но не захватившая вовсе Олега. Это, по-видимому, древнейший русский оригинальный источник, которым мы располагаем. Написан он, в сущности, на неизвестном славянском языке, представляющем огромные трудности для нашего нынешнего понимания. Излагает он как события уже упоминавшиеся в истории, так и, в большинстве случаев, зафиксированные впервые, ибо касается эпохи, вовсе не затронутой летописью Нестора. Имеется много данных о религии древних руссов, которая по сущности своей была монотеистической. Руссы веровали в Троицу, бессмертие души, рай и т. д. Приводится много обычаев, связанных с религией, несколько изумительно красивых поэтических образов и т. д. Но весь этот источник – груда совершенно хаотического материала без начала и

конца, с огромным количеством испорченных и утерянных мест. Объём предстоящей работы просто неопишем, ибо касается материала, занимающего до 3 печатных листов. Когда и кто это сделал – неизвестно. Одно можно сказать: открытие выдающееся, переворачивающее все наши представления о прошлом» [5].

Впрочем, многие ученые относятся с достаточной долей скептицизма и критицизма к «Велесовой книге». В качестве доказательств фальсификации книги противники ее подлинности приводят аргументы об ошибках в якобы славянской письменности, используемой в написании «книги». Множество орфографических, морфологических, синтаксических ошибок были весомым аргументом против сего произведения. Отчасти это пытался оспорить украинский славист Яценко. Он утверждал: «Каждый лингвист, который серьёзно занимается рукописными древнерусскими памятниками, знает, что большая их часть дошла до нас в более поздних копиях и содержит языковые явления более поздних времен. Почему в таком случае «Велесову книгу» следует оценивать в языковом контексте IX века? Просто так было решено ещё до анализа лексики и орфографии «Велесовой книги». И далее все орфографические признаки были преподнесены разочарованному читателю, как доказательства фальсификата». Но и к этому многие отнеслись с изрядной долей скептицизма, ведь если такие аргументы со стороны Яценко и могли оправдать некие орфографические и фонетические оплошности, то едва ли это могло объяснить множественные недочеты в морфологии и синтаксисе. Одним из противников такой теории выступал известный лингвист А.Зализняк [6].

Впрочем, если забыть о частностях и вернуться к основной теме – к распространению язычества, родноверия и лжи, с ними связанной, то нельзя не отметить в заключении тот факт, что проблема эта становится все шире. Приходится осознавать, что при всей светскости Российского государства, подобные организации, как и, возможно, само явление неоязычества и Родноверия должны хотя бы в меньшей мере контролироваться государством, иначе сложно предугадать к чему приведут такие массовые образования и религиозные сообщества. Ведь посредством интернета множество фальсификаций приобретает усиленное распространение, множество разнообразных выдумок и мнений приводит к путанице в истинных версиях, а любая ложь, поданная достаточно авторитетно, опасна при распространении в среде молодого поколения, которое всегда готово принять что-то новое для себя, но якобы старое и исконно принадлежащее русскому человеку и русской земле.

Литература

1. Славяно-арийские веды. Книга Света. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://energodar.net/vedy/kniga-sveta.html> (дата обращения: 5.04.2015)
2. Интервью с лидером организации «Схорон еж словен» Богумилом II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/43907> (дата обращения: 5.04.2015)

3. Статья «Коловрат». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://traditio-ru.org/wiki/Славянский_коловрат (Дата обращения 10.04.2015)
4. Интервью с историком и религиоведом Романом Багдасаровым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/559590-echo> (дата обращения: 3.04.2015)
5. Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио: подлоги письменных источников по российской истории в XX веке / Козлов В.П. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 215 – 217 с.
6. Велесова книга. За и против. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religiopolis.org/publications/7201-velesova-kniga-za-i-protiv.html> (дата обращения: 14.04.2015)

УДК 177.61

ГРНТИ 02.51.00

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЛЮБВИ И СЕКСА

RESEARCH OF QUESTIONS OF LOVE AND SEX

Александра Игоревна Пупышева

Научный руководитель: С.А. Селиванов, канд. филос. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: любовь, секс, человек;

Key words: love, sex, human.

Аннотация. Любовь и секс являются неотъемлемыми частями жизни современного человека. В исследовании были проанализированные различные подходы к пониманию процессов любви и секса. На основании изученного материала были рассмотрены отношения выдающихся представителей Серебряного века в литературе З. Гиппиус и Д. Мережковского.

Испокон веков человечество стремилось проникнуть в великое таинство любви. Уже в Античной Греции существовало несколько трактовок слова «любить». В первую очередь это греческий «eros», обладающий смыслом «желание». Также в употреблении древних греков присутствовало прилагательное «philos», которое означало «быть близким», «дорогим», «милым» и термин «agare», означающий быть довольным, удовлетворенным. Позже средневековые авторы стали использовать «agaran» в противоположность «эросу» для обозначения любви, которая не включает в себя никакого сексуального элемента. [1].

Как мы можем заметить, еще с античных времен понимание любви и секса было неоднозначным. Практически каждый философ стремился к выведению своего понимания этих процессов. Платон в «Пире» рассматривал два типа любви: истинную и грубо-чувственную [2]. Аристотель же отрицал чувственное влечение, полагая, что истинная цель и смысл любви в дружбе. Лукреций Кар вообще осуждал любовь, считая ее следствием «физиологических процессов, происходящих в организме, связанных с накоплением соков, которые требуют выхода». Так какая же трактовка верна? В каком соотношении находится любовь и секс?

Новую веху в исследовании вопросов любви и секса проложил родоначальник психоаналитики Зигмунд Фрейд. В основе его работ лежит связь между любовью и сексуальностью. Любовь, по Фрейду, – иррациональное понятие, из которого исключено духовное начало. Она низводится к первобытному инстинкту, являющемуся одним из основных стимулов развития человека. З. Фрейд признавал эрос как удовольствие, отказывая ему в каком-либо духовном содержании и, по сути дела, биологизировал любовь, сводя ее к физиологическим процессам [3].

На почве фрейдизма выросло огромное количество теорий, стремящихся к пониманию роли сексуальности в любовной и жизненной сферах человека. Необычный подход к пониманию этих процессов предложила одна из самых противоречивых женщин XX века Карен Хорни.

Карен Хорни известна не только как яркая представительница неофрейдизма, но и как автор собственной оригинальной теории, а также одна из ключевых фигур в области женской психологии [4].

К. Хорни посветила изучению проблемы любви и сексуальности около десятка научных работ. В книге «Невротическая личность нашего времени» она посвятила целую главу – «Невротическая потребность в любви» исследованию вопроса, что есть истинная любовь и какова в ней роль сексуальности. К. Хорни полагала, что жажда любви и привязанности чаще происходит из неврозов, нежели из потребности любить. Она разделяла любовь на две категории: псевдолюбовь и истинная любовь. По ее мнению, псевдолюбовь включает в себя невыносимое требование совершенства. Также она считает несовместимым с понятием любви использование другого человека только в качестве средства достижения некоторой цели, то есть в качестве средства удовлетворения определенных потребностей. Различие между любовью и невротической потребностью в любви К. Хорни видела в том, что главным для любви является чувство привязанности, в то время как у невротика первичное чувство – потребность в обретении уверенности и спокойствия. [5]. Про секс К. Хорни писала в «Женской психологии», что секс – очень важный, может быть даже самый мощный источник удовлетворения, но все же не единственный и не самый надежный. В сексуальных взаимоотношениях К. Хорни видела проявление внутренней противоречивости людей и способ борьбы с тревогой [6].

Еще один психологом-теоретиком, активно изучающим вопросы любви, был Эрих Фромм. Свои взгляды в отношении любви и секса он представил в книге «Искусство любить». В этой работе самым низким проявлением любви он представил эротическую любовь, которая жаждет полного слияния с одним-единственным человеком. Такая любовь не предполагает, чтобы восприятие другого человека шло вглубь, она характеризуется излишней поспешностью. Для такой любви близость утверждается прежде всего через половой контакт. Поскольку отчужденность другого человека ощущается прежде всего, как физическая отчужденность, то физическое единство принимается за достижение близости. При такой форме любви физическое влечение основывается только на желании избавления от болезненного напряжения. В противо-

вес животному инстинкту Э. Фромм ставит любовь, как постоянный риск, напряжение, состояние не расслабления, а движения, роста, сотрудничества. В любви главное – это единство – два человека чувствуют полноту своего существования, и в единстве друг с другом каждый из них обретает себя, а не теряет. В «Искусстве любить» Э. Фромм даже предлагает свое понятие любви, как активной заинтересованности в жизни и развитии того, к кому человек испытывает это чувство [7].

Рассмотрев некоторые концепции европейского понимания процессов любви и секса, мы не увидели единой точки зрения. Ни направление фрейдизма, ни направление неопрейдизма не в состоянии дать исчерпывающий ответ о роли секса в любви и наоборот. Для дальнейшего поиска ответов мы отправимся в страну, являющуюся центром высокой культуры – Индию.

Предлагаем обратиться к Просветленному Мастеру из Индии Бхагвану Шри Раджнишу, больше известному под именем Ошо. Он уделил вопросам взаимоотношений мужчин и женщин огромное количество работ. В сочинении «О любви и сексе» Ошо максимально раскрыл свое видение одноименных процессов. В своей книге он пишет: «Секс – это естественное, биологическое течение энергии, и самое низшее ее проявление. Секс естественен, потому что жизнь не может существовать без него, а низший потому, что это основание, а не вершина». Для Ошо секс не является конечной целью, это всего лишь средство для выхода жизненной энергии. Он призывает: «Не делайте ничего ни в пользу секса, ни против него. Пусть он будет таким, какой он есть, примите его как нечто нормальное. Не становитесь по отношению к нему в неестественную позу». Половой акт воспринимается им как соединение двух частиц в единое целое. По поводу любви же он выдвигает достаточно смелое суждение: «Любовь приходит только тогда, когда уходит секс. До этого любовь – всего лишь завлечение, предварительная игра и ничто иное». Идя в разрез со всей европейской культурой, пропагандирующей секс, он выводит свою формулу, которая гласит: чем больше между людьми секса, тем меньше любви [8].

Можно до бесконечности рассматривать различные концепции в понимании любви и секса в различные эпохи, в разных уголках света, обращаться к тем или иным мыслителям, но все это не даст исчерпывающего ответа. Ответы нужно искать в жизни.

Для нас неоспоримым примером любви и преданности являются отношения двух великих мыслителей и литераторов Серебряного века – Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. Они заштампованы определениями: “духовный брак”, “плодотворный творческий союз”. Познакомившись, будучи еще совсем юными, они предопределили свою судьбу на следующие 52 года. З. Гиппиус так описывала их встречу с Д. Мережковским: «Мы встретились и оба вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся, и что это будет хорошо». Эта пара стояла у истоков символизма, оказывая огромное влияние на развитие отечественной литературы XX века. Недоброжелатели называли Гиппиус мужем, а Мережковского – женой, которого она оплодотворяет своими идеями. Чета Мережковских

называли свой союз духовным, полностью отрицая наличие каких-либо интимных отношений [9]. Может именно такую любовь имел ввиду Ошо? Любовь, как объединение энергий двух людей для создания чего-то на высших, духовных и нравственных основаниях?

Закончить хотелось бы строками Дмитрия Мережковского: «Когда другой сойдет в могилу, тогда поймет один из нас любви безжалостную силу – в тот страшный час, последний час!» [10].

Литература

1. Шестаков, В.П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство/ М.: Республика; ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. – 464 с.; 48 с. ил.
2. Платон. Пир/ Книга по требованию, 2011. – 76 с.
3. <http://www.lyubi.ru/psy60.2.php>
4. http://studopedia.ru/3_145959_neofreydizm-karen-horni.html
5. Хорни, Карен. Невротическая личность нашего времени/ Академический проект, 2009. – 208 с.
6. Хорни, Карен. Женская психология/ Астер-Х, 2013. – 128 с.
7. Фромм, Эрих. Искусство любить/ Азбука-классика, 2004. – 224 с.
8. Ошо, Раджниш. Серия “Уроки жизни” (комплект из 8 книг)/ ИГ «Весь», 2011. – 1024 с.
9. <http://www.lyubi.ru/phil14.php>
10. <http://poem4you.ru/classic/merejkovskiy/lyubov-vrajda.html>

УДК 13.09

ГРНИ 008(091)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

DAILY AS A SOURCE OF INSPIRATION

Соснина Евгения Викторовна

Научный руководитель: А. В. Бернатоните, канд. искусствоведения, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: повседневность, вдохновение, творчество, искусство.

Keywords: daily, inspiration, creation, art.

Аннотация. В статье рассматривается связь окружающей действительности и творчества. Особое внимание уделяется внутреннему миру личности и запуску механизма вдохновения. Выявлены основные аспекты обыденности, дающие толчок к творчеству. Ставится задача определить структуру идеи, стимулирующее вдохновение.

Жизнь вокруг нас богата, она дает нам множество тем для творчества. Окружающий мир сам осуществляет толчок в потребности выражения своих чувств человеку. Все, что мы видим, чувствуем, о чем читаем, слышим, входит в наше сознание и остается там.

Понятие личности свободы и таланта синонимичны. Робость и неумелость создают преграды для творческой деятельности. Художник обязан быть искренним. Он должен сам испытывать то чувство, кото-

рое хочет передать другим. Чем чувство его будет сильнее, тем легче его будет понять зрителю. Так импрессионисты стремились передать в своих работах живость красок, запечатлеть в холсте мгновение, кусочек сиюминутной жизни [2].

Как только зритель, слушатель, читатель почувствует, что художник с искренним удовольствием создавал произведение, то и ему самому перейдет та часть наслаждения, что испытывал художник в процессе создания. Искусство есть душа творца, состояние души художника. Бате так излагал свои мысли: «Искусство состоит в подражании красоте природы и цель его есть наслаждение» [1].

Художник может полюбить любой предмет и передать свое видение этого предмета в свое произведение, передать его исключительность. Например, Клод Моне очень любил в своих работах использовать один и тот же предмет в разных состояниях [3]. Такие как, стога сена в разные времена года, собор парижской богородицы в разное время дня. А Жан Поль Сезанн очень любил писать яблоки [4]. Кажется, обычные яблоки, но именно в них черпал свое вдохновение художник, они были частью его повседневности. По мнению итальянского эстетика Пагано, искусство есть соединение в одно красот, рассеянных в природе [1]. Именно этим и занимались импрессионисты в своем творчестве.

Вдохновение рождается только тогда, когда перед творческим процессом художник будет жить всеми сторонами естественной, свойственной всем людям жизнью. Он будет черпать из окружающего свои образы, запоминая яркие события, запоминая людей, оставившие какой либо интерес для него самого. Мимолетная улыбка проходящего мимо человека может вызвать самые искренние чувства, способствующие созданию произведения. Так многими признанный шедевр Леонардо да Винчи портрет «Моны Лизы» таит в себе загадочную улыбку, пронизанную таинственностью.

Мир необъятен, мир в движении, неповторим. Так и неповторимы идеи и образы. У каждого творческого человека своя судьба, своя жизнь, свое видение жизни. Так и его видение окружающих предметов, окружающих людей, красот природы неповторимы в творениях. «Болезнь, безумие и смерть – черные ангелы, которые стояли на страже моей колыбели и сопровождали меня всю жизнь» – так отзывался художник Эдвард Мунк о своей жизни [5]. Все произведения его пронизаны страхом, болью и отчаянием. Художник сумел в своих работах передать зрителю те чувства, которые человек старается избегать, так как они вызывают у него дискомфорт. Но и подобные явления жизни могут стать источником вдохновения.

Шлегель считал, что красота в искусстве понимается слишком неполно, односторонне и оторвано. Красота находится не только в искусстве, но и в природе, в любви, так что истинное прекрасное выражается в соединении искусства, природы и любви [6].

Красота для людей кажется чем-то характерным и гармоничным. Чувство тишины, чувство покоя, чувство любви – все это искусство. Вызванное в себе испытанное чувство и переданное с помощью зву-

ков, линий, слов, движений – это и есть деятельность искусства.

Можно по-разному смотреть на окружающий мир: смотреть с вниманием, анализируя и запоминая увиденное, а можно смотреть не проявляя интереса к тому, что ты видишь. Для создания произведения нужно глубоко понимать изображаемое, чувствовать интуитивно и со знаниями проникать в сущность. Поэтому для каждого автора нужны и научные знания. Леонардо да Винчи в своем «трактате о живописи» говорит именно о таком глубочайшем проникновении в суть жизненных явлений, о постоянном общении с действительностью [7].

В природе каждый предмет имеет цвет и форму. Но цвет предметов в разных условиях подвергается изменению. Такие явления в природе проявляются постоянно, иногда они еле уловимы глазом. Это и дает художнику большие возможности для создания своих работ. Так импрессионисты использовали в своих работах «чистые» цвета, клали на холст рядом друг с другом контрастные мазки и цвета смешивались не на холсте, а в глазах у зрителя [2].

Заглянув в чулан и увидев в нем старые, потрепанные вещи, взглянув на них по-новому, увидев их неповторимость, можно создать гениальное произведение. Автор захочет показать зрителю, что красоту можно разглядеть в любом месте, в любом предмете, в любом состоянии. Настоящий художник увидит прекраснейший образ в самом простом предмете. Обычная железная кружка наполнена бликами, наполнена целым миром в отражении. Какое разнообразие материала, формы, размеров, какое богатство цветов может предоставить один простой кухонный натюрморт, составленный мастером. Современный художник Карен Онил черпает свое вдохновение в простых бытовых натюрмортах.

Благодаря искусству могут быть переданы самые добрые, самые чистые, самые дурные и низкие чувства. Из самого безобразного предмета художник может сотворить неповторимый образ. Например, Энди Уорхол создал культ из банки Coca Cola, а Марсель Дюшан купил унитаз, написал на нем три вопросительных знака, назвал фонтан и выставил в качестве экспоната [9]. Эти художники являются примером того, что из самых обычных предметов быта человека можно сделать культовый предмет искусства.

Видеть, знать и уметь – это три ступени познания внешнего мира.

Для плодотворной работы творцу необходимы такие навыки, как сосредоточенность, ясность ума, увлеченность. В процессе творческому человеку не должны мешать бытовые действия, он должен полностью с головой уйти в работу, раствориться в своем произведении.

Вдохновение приходит внезапно, даже во сне. Стоит только отбросить все обыденные заботы и погрузиться в желаемый объект, погрузиться мыслями в процесс создания произведения. Мысленно представить конечный вариант творения, представить завершённую работу – и вот художник уже работает не покладая рук. Полнота сил, свежесть идей и переполненность чувств, процесс переживания этих чувств и есть вдохновение. Часто оно сопровождается какими – то неблагопри-

ятными моментами в жизни. Преодалев и забыв о них, художник как бы возрождается, воскрешается как птица Феникс, получает умиротворение, чувствует полноту сил, полноту жизни. Это приводит к активной творческой деятельности. Пережив яркие, приятные моменты жизни художник стремится как можно быстрее запечатлеть их, передать ощущение радости другим людям через свои произведения, оставляя в материальной осязаемой форме, как бы пытаясь дать им новую, долгую жизнь.

Таким образом, можно утверждать, что повседневность является источником вдохновения для художника, в широком смысле этого слова. Он получает силы, энергию из всего, что его окружает: предметы быта, природа, люди, животные, негативные и позитивные эмоции, сама жизнь.

Литература

1. Толстой, Л. Статьи об искусстве и литературе. – Москва: “Художественная литература”, 1983. 431 с.
2. Импрессионизм. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 3. 04. 2015).
3. МОНЕ. Биография и картины Клода Моне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/Kmone> (дата обращения 3. 04. 2015).
4. Поль Сезанн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sezann.ru/> (дата обращения 5. 04. 2015).
5. Мунк Эдвард. Картины и биография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smallbay.ru/munch.html> (дата обращения 7. 04. 2015).
6. Шлегель, Карл Вильгельм Фридрих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SHLEGEL_KARL_VILGELM_FRIDRIH.html (дата обращения 8. 04. 2015).
7. Губер, А. Предисловие к русскому переводу./ Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи живописца и скульптора флорентийского. – Москва.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934., с. 46-54
8. Арт и искусство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zoomo.ru/karen-oneil/> (дата обращения: 8. 04. 2015).
9. Марсель Дюшан. Гамбит для мирового искусства. – Режим доступа: <http://adindex.ru/publication/gallery/2013/05/17/99003.phtml> (дата обращения: 8. 04. 2015).

ИСКУССТВО. НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

УДК 745

ГРНТИ 18.71.91

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КАЗАХСКИХ НАРОДНЫХ
ТРАДИЦИЙ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ НА ТВОРЧЕСТВО
СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСКИХ МАСТЕРОВ-ЮВЕЛИРОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТОВ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОГО
ОБЛАСТНОГО АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

**ON THE EFFECT OF KAZAKH FOLK TRADITION IN THE
JEWELRY ART ON CREATIVITY MODERN KAZAKH JEWELERS
(ON THE EXAMPLE OF EXHIBITS EAST KAZAKHSTAN
REGIONAL ARCHITECTURAL-ETHNOGRAPHIC AND NATURAL
LANDSCAPE MUSEUM-RESERVE)**

Асыл Адина Адилбекқызы

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия,
Восточно-Казахстанский архитектурно-этнографический и природно-ландшафт-
ный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

Ключевые слова: ювелирное искусство, ювелир, Казахстан, традиция, современность.

Key words: jeweler's art, jeweler, Kazakhstan, tradition, modernity.

Аннотация. На сегодняшний день мало изучена тема современного казахского ювелирного искусства в сопоставлении с народным казахским ювелирным искусством. В статье была поднята проблема изучения казахских ювелирных украшений в свете влияния традиций на современное ювелирное искусство на основе фондовых коллекций Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника.

Для казахского народа ювелирное искусство является очень значимым видом народного творчества. Создание ювелирных изделий в Казахстане было издревле развито. В предметах искусства отражались мысли народа о прекрасном, возвышенном. Наследие предков имеет огромное значение для эволюции искусства. Археологические раскопки прошлых цивилизаций с эпохи бронзы до эпохи средних веков рас-

крыли множество произведений искусства, в том числе ювелирного. Доказательство этому – данные с захоронений на казахстанской земле. Например, неповторимая археологическая находка «Золотой человек» (VI – V вв. до н. э.) из города Иссык недалеко от города Алматы. «Золотой человек» стал историческим символом независимого Казахстана.

Одежда «Золотого человека» (воина) декорирована пластинками из золота в зверином стиле. Знаменитые изделия из захоронения в селе Чиликты (VII – V вв. до н. э.) из Восточного Казахстана показывают прекрасное умение древних ювелиров. Высоким профессионализмом удивляют художники прошлого из села Берель (IV в. до н. э.) из Восточного Казахстана, которые продемонстрировали выдающиеся экземпляры в скифо-сибирском зверином стиле [1, с. 15].

Мастерство казахских ювелиров современности берет начало из лучших примеров прошлого. Задача «преемственности» в социуме всегда актуальна. В мире всеобщей интернационализации повышается значимость осмысления своего происхождения.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной освещенностью темы сопоставления народного и современного казахского ювелирного искусства, что определяет проблему дальнейшего исследования, заключающуюся в выявлении влияния традиций изготовления старинных казахских ювелирных украшений на изготовление современных казахских ювелирных украшений.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые будет произведен сопоставительный анализ старинных казахских ювелирных украшений с казахскими украшениями современности в свете влияния традиций на современное ювелирное искусство на основе фондовых коллекций Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника. Также надо отметить отсутствие научных работ по тематике современного казахского ювелирного искусства и его связи с традициями изготовления казахских ювелирных украшений.

Нужно подчеркнуть, что систематический сбор и научные публикации сведений по ювелирному искусству казахов имели место еще в советскую эпоху. Первоначальные научные сведения о казахской культуре появились в трудах этнографов в 30-е годы XX века, еще больше исследований были опубликованы в 50-70-е годы XX века. В трудах по материальной культуре Казахстана имели место данные о территориальных особенностях предметов ювелирного искусства, технологии создания изделий при помощи определенных инструментов, также были опубликованы сведения о декоративных особенностях и исторических корнях народного художественного искусства.

На данный момент можно выделить ряд исследований общего характера, которые раскрывают и описывают историю казахского народа и его культуру. Авторами этих исследований являются: Е. М. Абе-нов, Е. М. Арынов, С. К. Акатаев, Х. А. Аргынбаев, Т. Х. Габитов, Б. Ибраев, Ж. К. Каракузова, М. Ш. Козыбаев, Н. Э. Масанов, А. Р. Масалимова, Г. А. Нарбекова и др.

Работы, связанные непосредственно с изучением истории и современного развития декоративно-прикладного искусства Казахстана, составили отдельную группу. Эта группа включает таких авторов, как, К. А. Акишев, Х. А. Аргынбаев, М. И. Артамонов, Е. М. Горожанкина, У. Д. Джанибеков, О. Ю. Занегина, Н. А. Оразбаева, Е. М. Арынов, С. Е. Аджигалиев, С. К. Акатаев, Б. Ибраев, М. К. Козыбаев.

Впервые этнографом Ш. Ж. Тохтабаевой было представлено исследование общего характера, раскрывающее основы народного казахского ювелирного искусства. В ее работе «Казахские народные женские ювелирные украшения XVIII-XX вв.» были рассмотрены разные стилистические направления, были системно изучены традиции изготовления и семантика ювелирных украшений.

Искусство ювелирного мастерства имело свое определенное место среди остальных промыслов казахов. Не все могли стать ювелирами, а только люди, наделенные особым талантом.

Казахских ювелиров именуют «зергерами» от слова «зер» – золото, золотое украшение в переводе с персидского языка. Обычно казахские зергеры трудились в одиночку, и, как правило, своему умению обучали своих детей или родственников [2, с. 27-28].

Казахские ювелиры изготавливали разные предметы: украшения для женщин, аксессуары для одежды, предметы гигиены, кухонную утварь, пластины для украшения деревянной основы юрты, мебели, музыкальных инструментов, оружия, конского убранства. Для создания предметов применяли серебро, золото, драгоценные и полудрагоценные камни, жемчуг, коралл, цветные стекла [3, с. 57-59].

Ювелирные украшения для женского пола были основными изделиями казахских ювелиров. Женщины всех слоев населения не обходились без украшений. Это факт объясняется не только декоративной стороной украшений, но и факторами, обусловленными обычаями и традициями.

Ювелирные украшения казахов имеют свои отличительные черты. основополагающими характеристиками этих изделий считаются симметричное распределение орнамента, равномерное периодическое повторение орнамента и фона, монументальность и в миниатюрных фигурах. Зергеры искусно выявляли декоративную особенность металла [4, с. 4].

С XIX века золото, серебро и металл зергеры приобретали на базарах Средней Азии, Восточного Туркестана. Кроме этого материал, необходимый для изготовления предметов покупали или обменивали у татарских купцов. На этот период мера веса серебра, которая называлась «мыскал», приравнивалась четырем граммам и стояла двадцать «тиын». Серебро продавали определенными кусками: серебро с копытце жеребенка равнялось восьмидесяти мыскалам; серебро с копытце барана – сорока пяти мыскалам; серебро с глаз коровы – тридцати мыскалам [1, с. 26].

Для того времени серебро считалось дорогим металлом, но серебряные предметы среди населения имели большое распространение. Встречались изделия из серебра, опыленные золотом.

Нередко для предметов ювелирного искусства зергеры использовали монеты России, Китая и Польши. В качестве разнообразных подвесок для украшений часто использовали монеты. Но, главным образом, монеты переплавляли для изготовления разнообразных изделий [1, с. 27].

Современное ювелирное искусство Казахстана неотъемлемо связано с прошлым. Традиции и новаторство в современном казахском декоративно-прикладном искусстве predetermined исторической связью с установленным миропониманием казахского этноса.

Исследователь и философ Х. Г. Гадамер определял традицию как диалог между прошлым и настоящим, постоянным на протяжении всей истории. Современное казахское декоративно-прикладное искусство впитало в себя национальные и инациональные характеристики, определенный культурный опыт, разнообразные направления и заняло свое место в интернациональном культурном пространстве [5, с. 2].

На данном этапе, кроме народных ювелиров, в современном декоративно-прикладном искусстве создают свои творения профессиональные ювелиры, наследники традиций казахского ювелирного искусства. Исследовать и постичь, сохранить и развить далее народное наследие ювелирного искусства помогает профессиональное обучение, постижение ремесла.

В фондовых коллекциях Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника находятся изделия современных казахских ювелиров Сержана Баширова и Берика Алибая.

Изделия Сержана Баширова выполнены как в традиционном казахском стиле, так и в стиле этноавангард. Всего в фондах Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника пятнадцать изделий данного автора.

На первый взгляд, все украшения пропитаны традиционным духом, но особенные вставки камней, различные авторские решения придают традиционному украшению, например серьгам «жебе» (стрелы), совершенно современный вид. Традиционные казахские серьги из серебра, в зависимости от местности, могли различаться по форме. Автор использует традиционный материал для казахских ювелирных изделий, однако, форма и вставки в серьгах имеют совершенно современный вид. В первую очередь, вставки камней в серьгах разные, что совершенно нехарактерно традиционным казахским серьгам.

Как подчеркивает исследователь К. С. Калиева, в произведениях Сержана Баширова обозначены символизм и абстракционизм. Сам Баширов считает себя мастером этностиля. Образами древних символов он транслирует свое миропонимание в пространстве и времени нашей эпохи. Это возможно определить как зов своей истории, как сакральный голос предков. Творения мастера наполнены этнической символикой и в то же время насыщены элементами нового времени. Они вызывают разнообразные эмоции, связанные с обрядами, уходящими вглубь веков. Ювелирные изделия Сержана Баширова имеют замечательную особенность. Они ощущаются как старинные, архаичные

предметы. Через них передается дыхание времени, жизнь Великой Степи [6].

В то же время некоторые работы автора отступают от традиционных канонов казахского традиционного ювелирного искусства, таких как, например, симметрия.

Творения Сержана Баширова отличаются своеобразным почерком: ювелир создает необычные формы изделий, насыщенные национальной символикой, при этом соответствующие образцам авангардного дизайна.

В итоге нужно отметить, что действительно традиции изготовления старинных казахских ювелирных украшений влияют на изготовление современных казахских ювелирных украшений. Но это влияние относительное, потому, что за последнее время выросла плеяда современных мастеров, которые отличаются не только приверженностью казахским традициям изготовления ювелирных украшений, но и творчески их совмещают со своим художественным видением, тем самым придавая своим изделиям неповторимый колорит. Выявить подобные тенденции позволит полноценное исследование на примере экспонатов Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, где хранятся изделия как традиционных казахских мастеров-ювелиров XIX века, так и современных казахских ювелиров.

Литература

1. Тохтабаева, Ш. Ж. Серебряный путь казахских мастеров: монография / Ш. Ж. Тохтабаева. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 474 с.
2. Козыбаев М. К., Аргынбаев Х. А., Муқанов М. С. Казахи / М. К. Козыбаев и др. / Под ред. Г. Е. Тайжановой. – Алматы : Казахстан, 1995. С. 27-28.
3. Тохтабаева Ш. Ж. Казахские ювелирные украшения / Ш. Ж. Тохтабаева. – Алматы : Өнер, 1985. – С.57-59.
4. Асыллова Л. М. Казахские ювелирные украшения II половины XVIII века – середина XX века (из фондов музея-заповедника). Каталог / Л. М. Асыллова. – Восточно-Казахстанский архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, 2007. – 4 с.
5. Бектемирова Г. Инновационные веяния в национальном казахском декоративно-прикладном искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aspirans.com/innovatsionnye-veyaniya-v-natsionalnom-kazakhskom-dekorativno-prikladnom-iskusstve> (Дата обращения: 14.03.2015).
6. Калиева К. С. Современные тенденции в казахском ювелирном искусстве в творчестве Сержана Баширова, Серика Рысбекова и Амана Мукажанова // Единое культурное пространство Большого Алтая: Материалы международной конференции [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigilib.net/book/205-edinoe-kulturnoe-prostranstvo-bolshogo-altaya-materialy-mezhdunarodnoj-konferencii/27-sovremennye-tendencii-v-kazaxskom-yuvelirnom-iskusstve-v-tvorchestve-serzhana-bashirova-serika-rysbekova-i-amana-mukazhanova.html> (Дата обращения: 13.02.2015).

УДК 7.02
ГРНТИ 18.31

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГОБЕЛЕНА MODERN EQUIPMENT MANUFACTURING TAPESTRY

Анжелика Альфритовна Булатова

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, гобелен, искусство, художник, ручное ткачество, интерьер, ковер, композиция, виды гобелена, современные техники гобелена, актуальность.

Key words: arts and crafts, tapestry, art, artist, hand weaving, interior, carpet, composition, types of tapestry, modern art tapestry, relevance.

Аннотация: в статье описываются современные виды и техники гобелена. Изучение видов, техник, этапов выполнения гобелена, поможет разобраться в технологии изготовления и упростит задачу начинающим художникам гобелена. Цель статьи – описание современных техник гобелена и технологии плетения.

Современный мир становится все разнообразнее и сложнее, и жить в нем интереснее с каждым днем. Но жизнь в таком мире требует от нас не шаблонных идей и действий, а подвижности, гибкости, неординарного мышления, творческого подхода к решению разных задач. Чтобы быть востребованным в современном обществе, необходимо уметь творчески применять свои знания и навыки.

В последние 5-6 лет на всероссийских выставках декоративно-прикладного искусства все активнее стали заявлять о себе мастера гобелена, это заметно по количеству авторов и представляемых ими работ, а также по географическому проживанию художников. Наиболее интересной была Всероссийская выставка «Россия XI» в Центральном Доме Художника в 2009 году, организованная Всероссийской творческой общественной организацией «Союз художников России». На ней было представлено более 50 гобеленов, созданных как молодыми, так и уже известными художниками со всех концов страны. Вот только некоторые из авторов: Г. В. Кузнецова (Московская область), Н. И. Зинченко (Новосибирск), Е. Э. Гонтаренко (Рязань), В. П. Мухин (Иваново), Л. С. Хозящева (Владимирская область), А. Б. Шабаева (Вологда) и другие.

Не угасающий интерес к гобелену говорит о том, что древнейшее искусство не потеряло значение и в наши дни. Возможно, интерес к гобелену вызывается желанием человека украсить свой дом или офис, привести в него частичку тепла, исходящую от ручного ткачества.

К сожалению очень мало фундаментальных трудов, описывающих техники, виды, этапы подготовки и выполнения гобелена. Для написания данной статьи, использовались следующие источники: В. Власов, «Новая таписсерия» [1]; И. Дворкина, «Гобелен за десять вечеров» [2]; Н. Никоненко, «Декоративно-прикладное творчество. Художественное

оформление интерьера: Практическое руководство для взрослых и детей» [3]; В. Савицкая, «Превращения шпалеры» [4].

Целью данной работы является описание современных техник гобелена. Изучение видов, техник, этапов выполнения гобелена, поможет разобраться в технологии изготовления и упростит задачу начинающим художникам гобелена.

Техника гобелена практически не изменилась с древних времен, все делается вручную, без особых приспособлений. Гобелен, или шпалера – один из видов декоративно-прикладного искусства, стенной одно-сторонний безворсовый ковёр с сюжетной или орнаментальной композицией, вытканый вручную перекрёстным переплетением нитей. Ткач пропускает уточную нить через нити основы, создавая одновременно и изображение, и саму ткань. Авторские гобелены имеют две расходящиеся тенденции. Одна из них следует за основными направлениями современного искусства, становясь полноценными инсталляциями. Вторая – возвращается к традиционному шпалерному ткачеству, сводя к минимуму технологические эксперименты. Некоторые мастера этой группы делают упор на общую декоративность произведения, их гобелены схожи с произведениями театрального искусства – занавесями, декорациями и т. д. Другие – используют в гобелене эстетические приемы, свойственные графике или живописи. Здесь особое внимание уделяется философскому содержанию композиции.

Существуют несколько видов гобелена ручной работы: петельный, тканый, круговой, объемный.

1) Петельный гобелен проще в исполнении. Суть техники такова: на плотный кусок ткани наносится эскиз, затем «пробивается» специальной иглой и прошивается шерстяными нитками.

2) Тканый гобелен – более сложное искусство. Вначале на подрамник натягивается основа из хлопковых или шерстяных ниток. Далее приступают к главному процессу – проведению уточной нити сквозь основу.

3) Круговой гобелен. Нитки основы можно заключить в круге, а плетение вести от центра по спирали. Получится гобелен круглой формы. В качестве рамы можно использовать обычный гимнастический обруч или пяльца для вышивки. Работа может быть тонкой, а можно сделать все грубыми нитками или веревками – получится более текстурированное полотно, больше подходящее для коврика.

4) Объемный гобелен. Если нити не просто протягивать сквозь нити основы, а делать вокруг некоторых нитей оборот или узел, то будет получаться объемный гобелен, с рельефными элементами. Для создания рельефа мастера используют и некоторые приемы – например, расчесывают некоторые участки гобелена, применяют вышивку или аппликацию.

Также существуют современные техники гобелена: техника соединения цветов, техника ткачества округлых элементов, вертикальных и наклонных линий, круговая техника, контурная техника, техника плетения декоративных элементов жгутов, техника декорирования гобе-

лена перьями, бусами, сухими травами и другими элементами.

1) Техника соединения цветов. Для того, чтобы соединить два разных цвета в работе, используются два способа:

- Первый способ – соединение цветов через одну нитку основы (нить одного цвета заканчивается на нити основы, с которой начинается плетение нитями другого цвета). В результате получается гладкое полотно, в котором один цвет переходит в другой.
- Второй способ – ткачество фрагментов разных цветов встык (фрагмент одного цвета на одной нити основы, а фрагмент другого цвета начинается на соседней нити основы). Этот способ более распространен, так как помимо перехода цвета он дает некоторую рельефность и прозрачность контуров, что очень украшает гобелен.

2) Техника ткачества округлых элементов, вертикальных и наклонных линий. В ткачестве гобелена можно выполнить любую линию прямую, вертикальную, горизонтальную или наклонную, а также можно сделать элемент любой изогнутой или округлой формы. С помощью такого разнообразия на гобелене можно изобразить сложные детальные объекты, пейзажи, людей или животных. Для этого следует в точности по заданному контуру выполнять соединение и переход ниток двух цветов. Простым переплетением нитей двух цветов можно сделать вертикальные линии. Для наклонных линий более характерна техника соединения двух цветов соединением нитей в отдельных местах. Также такая техника подходит для округлых элементов или элементов с изогнутыми формами. Места стыков двух цветов, которые не соединяются, образуют контур и небольшой просвет между элементами, который придает дополнительный рельеф и объем деталям.

3) Круговая техника не так широко распространена, однако заслуживает особого внимания. Ткачество гобелена в этой технике предполагает расположение цветных нитей утка в круговом направлении. Выполненный в этой технике гобелен будет больше похож на картину, сделанную крупными мазками кисти. Для работы в этой технике лучше использовать более толстые нити, так как они лучше подчеркнут текстуру вашего гобелена.

4) Контурная техника. Для того чтобы подчеркнуть контур объекта можно использовать контурную технику. Для этого вам потребуется обвить рабочей нитью сразу две нити основы (переднюю и заднюю). Обычно для придания контура используются более толстые нити.

5) Техника плетения декоративных элементов жгутов. Декоративные жгуты, вплетенные в узор гобелена, придадут работе интересный вид. Поэтому техника декоративных жгутов комбинируется с обычным тканым полотном гобелена. Обвивать декоративными жгутами можно как одну нить основы, так и несколько. Жгуты, выполненные в этой технике, можно использовать для окантовки фрагментов гобелена и как самостоятельные декоративные единицы, соединяя разные фактуры и цвета нитей.

б) Техника декорирования гобелена перьями, бусами, сухими травами и другими элементами. В процессе ткачества гобелена можно использовать не только разные нити, но и другие декоративные элементы: например, интересные стебли трав или кубинское волокно сизаль. Также в полотно гобелена можно вплести перья птиц или стебли соломы или злаков и даже тонких бамбуковых палочек. Прекрасно смотрится на гобелене вплетенные бусины и бисер.

Заниматься сегодня искусством гобелена не значит ткать то же и так же, как раньше. Использование гобелена сегодня также актуально: он помогает избежать одинаковости интерьера, усложняет среду, делает её уютнее, мягче, «теплее». Необходимо постоянно экспериментировать в начинаниях с гобеленом, темами для сюжета, с цветовой гаммой, постоянно искать новые материалы, не бояться воплощать идеи в жизнь. В современном мире гобелен может служить не только ковром для украшения стены, но и применяться в обиходе. Это может быть: модный чехол на мобильный телефон, стильная сумка, не имеющая аналогов в магазине, яркое, красочное покрывало, декоративная наволочка для подушки, и многое другое.

Литература

1. Власов, В. «Новая таписсерия» / В. Власов. – СПб. : «Азбука-классика», 2007. – 591 с.
2. Дворкина, И. «Гобелен за десять вечеров» / И. Дворкина. – М. : «Культура и традиции», 1998. – 184 с.
3. Никоненко, Н. М. «Декоративно-прикладное творчество. Художественное оформление интерьера: Практическое руководство для взрослых и детей» / Н. М. Никоненко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 127 с.
4. Савицкая, В. «Превращения шпалеры» / В. Савицкая. – М. : «Галарт», 1995. – 136 с.

УДК 7.74.746

ГРНТИ 13.11.47

ЛОСКУТНАЯ МОЗАИКА: ЦВЕТА, МОТИВЫ, РИТМЫ

THE PATCHWORK MOSAIC: COLOURS, MOTIFS, RHYTHMS

Ирина Геннадьевна Бурцева, ст. преподаватель кафедры *МиХО ТГПУ*,

Елена Евгеньевна Ланкина, доцент кафедры *МиХО ТГПУ*,

Светлана Ивановна Ларионова, педагог *ФГБУН
Томский НИИ курортологии и физиотерапии*

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: рукоделие, лоскутное шитье, орнамент, цвет, лоскутное одеяло, ручная работа, выставка.

Keywords: handiwork, patchwork, ornament, color, crazy quilt, handmade, exhibition.

Аннотация. В статье раскрываются истоки и лоскутного шитья на Руси. Дается характеристика основных элементов лоскутного шитья. Ручная работа рассматривается как многовековой источник эмоциональной духовности. Рассматрива-

ется гармония художественной композиции. Дается сравнение с музыкальным ритмом элементов готового изделия. Характеризуются факторы подъема искусства лоскутного шитья. Цель статьи – показать важность возрождения старинного вида рукоделия – лоскутного шитья – в настоящее время.

К одному из старейших видов рукоделия относится шитье из лоскута. В связи с тем, что данный вид искусства недолговечен, до нас мало дошло сохранившихся изделий с прошлого.

Расцвет лоскутного шитья приходится на период возникновения машинного производства ткани. До того времени господствующий традиционный домотканый крой не имел отходов ткани. Изменение ширины ткани рождало замыслы об использовании ее остатков после раскроя одежды.

На Руси лоскутное одеяло становится своеобразным символом – оно шьется матерью для новорожденного и становится оберегом для него, а сшитое девушкой лоскутное одеяло из лоскутов – часть ее приданого. Сшитое к свадьбе одеяло из лоскутов, полученное со стороны родни жениха и невесты, залог счастливого брака, семейная реликвия.

В основе искусства «шитье из лоскута» лежит продуманное соединение обыкновенных заплат, разнообразных по форме, цвету, фактуре. Русские мастерицы всегда отличались художественным вкусом. Одеяла, сшитые ими, характеризуются цельностью композиции, декоративностью.

Лоскутки выкраивают в виде геометрических фигур: полос, квадратов, треугольников, шестиугольников, ромбов. Изделия из лоскутов можно также выполнить в технике «соты», «четверть квадрата», «паутина», «звезда».

Древнейшим видом лоскутной техники, получившим широкое распространение на Руси, является шитье из прямоугольных треугольников. Наиболее распространенный мотив – «домик» – изображает бревна деревянной избы с очагом в центре. Поэтому середину почти всегда делали из красного материала [1, с. 2].

Шитью предшествуют подготовительные этапы, к которым относится «сортировка лоскутов, подготовка трафарета» [1, с.10]. После чего лоскуты раскладываются и сшиваются с учетом ритма орнамента в виде «лоскутной мозаики». Все известные наработки в орнаменте, мозаике находят новое применение в материале – ткань.

В лоскутной мозаике используют геометрический орнамент, который может располагаться в виде полосы или каймы, быть сетчатым или композиционно замкнутым [1, с.12]. Элементы древнейшего геометрического орнамента могут создавать круг.

Орнаментика лоскутного одеяла является одной из составляющих этого изделия. Второй весомой составляющей является цветовое решение одеяла.

Цвет глубочайшим образом включен в культурные традиции и биологически связан с психогенетическим кодом каждого человека. Цвет синонимичен душевным состояниям, близок самому важному. Самому

глубокому, наиболее истинному в наших душах [2, с.9]. Гете писал: «Цвета действуют на нашу душу: они могут пробуждать чувства, пробуждать эмоции и мысли, которые нас успокаивают, нас волнуют, они печалят или радуют».

Цветом можно вылечить, цветом можно привести в угнетенное состояние. Цвет может гармонизировать человека, он способен мобилизовать его ресурсы, а может успокоить и расслабить. Организм немедленно отзывается на цветовой поток.

Считается, что цвет заключает в себе, как бы «звуковой смысл», он может казаться «мелодичным», «шумным», «хаотичным». В свою очередь контрастные цветовые сочетания могут активизировать звуковое восприятие [3, с. 46].

Для лоскутных изделий в русском стиле характерно созвучие различных тканей по фактуре, цвету. Можно строить композицию из сочетания сближенных тонов или контрастных, темных и светлых одного тона, хорошо сочетаются ткани с набивным рисунком и гладкоокрашенные в тон фона [1, с. 5]. «Веселье» красок эмоциональным видением мастерицы, передавалось родным людям. Сама ручная работа во все века была источником эмоциональной духовности.

В настоящее время лоскутное шитье переживает подъем. Это и новые технологии текстильной промышленности, и обогащение ассортимента аксессуаров, а так же доступность широким слоям населения (благодаря журналам и интернету) бережно хранимых секретов. Исторически ценные знания лоскутного шитья передаются юным мастерицам.

Большое распространение получила лоскутная техника в оформлении современного интерьера. Изделия из лоскутов вносят неповторимость в интерьер наших домов, наполненных современной техникой. Подушки, салфетки, панно несут тепло рук мастериц, создают уют и гармонию жилища.

Цвета, мотивы, ритмы мозаичного творчества можно сравнить с фольклорными интонациями русской народной музыки. Треугольные формы – элементы лоскутных ковриков напоминают цветастые косянки и сарафаны девушек, ведущих хоровод. Сочетание набивных тканей в горошек и лоскутов, содержащих радужные узоры, воспринимаются нами как озорные частушки. Цветы, листья, стебельки, расположенные мозаикой, напоминают плясовые наигрыши на пестром лугу. Мастерицы варьируют один и тот же мотив схожий с вариациями народных наигрышей. Цветовое решение создает приподнятое настроение, подобное музыкальному звучанию.

Во всем этом отражается оптимистичный жизнелюбивый характер русского народа.

Интерес к «лоскутной мозаике» не угасает на Томской земле. В Центральной городской библиотеке г. Северска (март – апрель 2012 года) проходила Первая городская выставка «лоскутной мозаики» – «Души прекрасные порывы». Экспозиция «лоскутной мозаики» была создана увлеченными людьми, для которых шитье из лоскутов – особая радость. Сама выставка для мастериц – счастье общения друг с другом,

понимание быть полезными обществу, дому в котором живём, родному городу.

В Первой городской выставке принимало участие более двадцати мастериц, работающих в технике «лоскутной мозаики». Появились и новые для горожан имена мастеров-детей. Девочки не только участвовали в выставке, но и проводили мастер-классы по работе с тканью. Во время работы выставки было много творческих встреч, например, с ещё пока малоизвестным коллективом музыкантов-ложкарей.

Вторая городская выставка в технике «лоскутного шитья», проходившая там же 6 марта 2013 года, называлась «Любви незримые черты», основной акцент которой – знакомство с книгой протоиерея Андрея Ткачёва «Лоскутное одеяло».

Как символ нашей жизни – лоскутное одеяло – состоит из лоскутов-мыслей, сшитых в одну книгу; из событий, происходящих с нами, встреч, которые согревают душу искренностью, доверием и теплом.

Литература

1. Купченко, Л. А. Лоскутная техника. Методические рекомендации для студентов художественно-графического факультета / Л. А. Купченко. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1997. – 40 с.
2. Драгуновский, В. В. Цветовой личностный тест: Практическое пособие / В. В. Драгуновский. – Москва : АСТ, Минск : Харвест, 2007. – 448 с.
3. Рунге, В. Ф., Матусевич, Ю. П. Эргономика в дизайне среды: Учеб. пособие / В. Ф. Рунге, Ю. П. Матусевич. – Москва : Архитектура, 2005. – 328 с.

УДК 37.034

ГРНТИ 14.27.09

РАБОТА НАД ТЕМАТИЧЕСКИМ РИСУНКОМ «ВОЙНА. ТОМСК. ДЕТИ» В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

WORK ON THEMATIC PAINTING «WAR. TOMSK. CHILDREN» IN THE CONDITIONS OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN

Ирина Геннадьевна Бурицева

Научный руководитель: Т. А. Тужикова, канд. пед. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: воспитание, патриотизм, изобразительное искусство, дополнительное образование, младший школьный возраст, изостудия, практическое занятие, тематическое рисование, Великая отечественная война, связь поколений.

Keywords: promoting patriotism by means of fine art, additional education, primary school age, art studio, workshops, thematic drawing, material of the book «Tomsk 1941-1945. Provincial Chronicles, devoted to the 60th Anniversary of Victory», the link between generations.

Аннотация. Год семидесятилетия победы над фашистской Германией – знаменательная дата в жизни нашей страны, ее граждан. Сегодня возрастает роль гражданского и патриотического образования и воспитания, в том числе в системе дополнительного образования детей. В статье рассматривается организация занятия по изобразительному искусству для младших школьников.

Проведение практического занятия по материалам книги «Томск 1941-1945 годов. Провинциальные хроники. 60-тилетию Победы посвящается» [1] способствует воспитанию патриотических чувств обучающихся. Результатом занятия является выполнение рисунка на тему «Война. Томск. Дети».

Патриотизм, по определению Датского В. А., сложная черта морали, комплексно проявляющаяся в любви к Родине, в гордости за свой народ, его труд, ненависти к врагам Родины, активной борьбе за процветание своего Отечества [2, с. 3]. Воспитание патриотизма – важнейшая задача, стоящая перед обществом, ведь «патриотическое чувство рождается и развивается в течение всей жизни» [3, с. 4].

Однако, нужно помнить о том, что чувство кровной связи с Родиной может «возникнуть лишь на основе любви к родному краю, хорошего знания его прошлого и настоящего, глубокого осмысления своего города в жизни своей страны [4, с. 35]. Формирующийся ребенок представляет собой наиболее благоприятную почву для воспитания.

По мнению Буйловой Л.Н., *патриотическое воспитание* – это управляемый скоординированный совместный процесс деятельности государственных и общественных организаций по формированию у детей и молодежи высокого патриотического долга, сознания, готовности к выполнению задач по обеспечению защиты Отечества и его национальных интересов [5, с. 10].

По мнению педагогов, изобразительное искусство является одним из важнейших и доступных источников воспитания патриотических качеств учащихся, так как находится в тесной связи с нравственным, политическим и эстетическим воспитанием [6, с. 16; 7, с. 10].

Известно, что у младших школьников прослеживается наивысшая динамика изобразительной деятельности. Рисунки все больше обретают законченность цветового решения вместе с совершенствованием техники исполнения.

Важным педагогическим средством патриотического воспитания являются «*средства искусства*», к одному из них можно отнести «творческие приемы воссоздания действительности» [8, с. 10].

Наиболее полно патриотизм, любовь к Отечеству, раскрываются во время сложнейших испытаний. Одним из тяжелейших периодов жизни нашей Отчизны является время Великой Отечественной войны. Газеты военных лет относятся к источникам летописи боевого и трудового подвига граждан нашей страны.

В 1905 году Издательством «ООО Курсив» выпущена книга «Томск 1941-1945 годов. Провинциальные хроники. 60-тилетию Победы посвящается», материал которой основан на подшивках газет «Красное

знамя», выходявшей в годы войны». Из репортажей, плакатов, рисунков, фотографий военной поры можно многое узнать о нашем городе, его жителях в то тяжелое время. Сделать это можно на занятиях изобразительного искусства для детей младшего школьного возраста (8-12 лет) в условиях дополнительного образования.

Целью занятия является развитие чувства патриотизма, гордости за вклад юных жителей города Томска в Победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны.

На данном занятии решаются задачи:

Задачи образовательные: познакомить младших школьников с буднями юных Томичей в годы Великой Отечественной войны;

Задачи развивающие: выработать умение работать над тематическим рисунком; развивать сознание необходимости приносить пользу на благо Родины средствами изобразительного искусства;

Задачи воспитательные: воспитывать чувства сострадания и сопереживания, патриотизма, гордости, любви к малой Родине; формировать потребность в самостоятельной практической творческой деятельности.

В практической части занятия младшим школьникам предстоит на основе восприятия слайдов презентации, плакатов, рисунков, картин, фотографий выполнить тематический рисунок на тему «Война. Томск. Дети». Также для данного урока педагогом разрабатывается презентация, основанная на материале вышеназванной книги.

На занятии в процессе актуализации знаний дети отвечают на вопросы педагога, например: Что означают слова «Великая Отечественная война»? Была ли в Томске война? 9 мая – это праздник для каждого человека в нашей стране?

Благодаря рисункам художников военной поры, пояснениям к слайдам, раскрывается трудовая жизнь тылового города Томска. Так, в процессе изложения нового материала ребята знакомятся с рисунком К. Рудакова «От немцев» – это открытка, изданная в Ленинграде (1944 г.), на которой изображена женщина с ребенком, убегающая от взрывов войны.

По слайду с изображением фотографии последних минут жизни десятиклассницы, юной партизанки Зои Космодемьянской, ее подвигом – приоткрывается страшная страница войны. При выполнении задания «в тылу вражеских войск немцы обнаружили и захватили Зою. Она выдержала нечеловеческие пытки, но никого не предала.

В Томск в 1941 году были эвакуированы десятки предприятий, учреждений, учебных заведений, детские дома, госпитали, благодаря чему он стал тыловым городом. Детям рассказывается о том, что многие мужчины-томичи ушли в ряды Красной Армии, чтобы с оружием в руках громить врага, женщины и дети встали у станков. «Трудовые резервы для горячих цехов (литейных, кузнечных) готовили из подростков 14-15 лет, причем принимали и девушек. Это было надежнее, так как парней вскоре забирали в армию, а девушки оставались на производстве» [1, с. 60].

Фотография (из архива «История ВОВ») – «Девочка у станка» не может оставить никого равнодушным. Стоя на высоком ящике, придвинутом к станку, работает девочка, а на соседнем ящике – сидит ее кукла [1, с. 63]. Война требовала применения трудовых навыков. По чертежам из газет взрослые и дети выполняли макеты гранат и винтовок, столь необходимых при подготовке к боевым сражениям. Об этом – слайд «Макет оружия», фотография и чертеж. Трудности военной поры раскрываются на слайде с фотографией «Валка леса», на которой с пилами женщины и дети.

К зимней военной кампании «Томские школьники заготавливали лыжные палки, сами делали кольца для них. Более сложная столярная работа распределялась по предприятиям города. Также дети собирали полынь, листья подсолнуха, кору калины», намного перевыполняя норму высушенного лекарственного сырья.

И снова плакаты: «Ребята, заменим отцов и братьев, ушедших на фронт», «Поможем собрать урожай». Трогателен рисунок «Уборка картофеля» с изображением младших школьников, складывающих картофель в огромный мешок. «Это два юных Томича Боря и Алик Чучкаловы, которые «привезли в школу мешок картофеля (8-9 ведер) – подарок голодающим «детям – ленинградцам» [1, с. 52].

Необходимо рассказать, что взрослые сделали все возможное, чтобы, несмотря на военное время, не прервался учебный процесс, и привести пример объявления: «В младших классах – с 1-го по 4-й – занятия начнутся с 1 сентября, в старших – с 5-го по 10-й – с 1 октября», то есть еще один месяц «трудового семестра» ложился на неокрепшие плечи подростков. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» не был пустым звуком. Также дети участвовали в организованных массовых сборах бутылок для противотанковой обороны, особенно в первые годы войны, так как в борьбе с танками противника применялись бутылки с зажигательной смесью, которая готовилась на нашей спичечной фабрике «Сибирь». Школьниками» [1, с. 24].

Также для восстанавливающих в госпиталях здоровье воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота старшеклассниками был организован сбор художественной литературы. В многочисленных госпиталях Томска школьники читали стихи, показывали концерты. На фотографии слайда «Посещение госпиталя» – мы видим, как школьники играют в шахматы с ранеными бойцами.

Необходимо также сказать о том, что юные томичи познавали на себе тяготы войны, недоедания, стояния в огромных очередях за пайкой хлеба по карточкам.

И все время взрослые заботились о детях. Так в 1943 году началась организация художественной школы. Взрослые и дети посещали музеи, ходили на концерты, сами участвовали в них. Об этом слайд «Смотр художественной самодеятельности в интернате» (фотография).

Завершающий слайд презентации – изображение плаката, посвященного 9 мая «С великим праздником, товарищи». Завершающий слайд презентации – изображение плаката «9 мая». На нем – счастли-

вые лица взрослых и детей. Только перед нами взрослые дети.

В заключительном слове педагога – слова благодарности всем томичам, взрослым и детям, а еще – репортерам, фотографам, художникам, оставившим нам память о тех непростых днях. Преисполненные эмоциями, дети встают с мест и дополняют педагога.

Таким образом, урок изобразительного искусства – дает возможность языком изобразительного искусства (линией, пятном цветом) передать следующему поколению то, что взволновало душу, оставило в ней неизгладимый след. Каждая созданная работа ребенка несет в себе очень многое: и сострадание тяжелым будням войны и счастье великой Победы. Будем же благодарны тем взрослым и детям, кто ценой нечеловеческих усилий, позволил нам сегодня жить под мирным небом. Чувство благодарности не должно угаснуть.

Урок 1.

Ход урока. Рассказ и презентация педагога.

Выполнение *практической работы*.

I. Выбор сюжета.

II. Формирование замысла композиции.

III. Выполнение эскиза: Решение композиционных задач (выбор формата листа). Создание нескольких фор-эскизов с выявлением характерных особенностей формы и строения людей, предметов.

IV. После выбора педагогом наиболее удачного эскиза, перенесение эскиза на большой формат.

Урок 2.

Ход урока.

V. Выполнение рисунка композиции: Доработка элементов рисунка, решение его образной выразительности. Обобщение, проработка переднего плана.

VI. Колористическое решение композиции, проработка переднего плана. Завершение работы, подготовка к просмотру.

Критерии оценок выполненного задания: читаемость сюжета выдержанность законов композиции.

Методические указания педагогу: Необходимо учитывать, что беседа эмоционально настраивает детей на работу. Речь младшего школьника – важное средство, которое организует мышление. Активное отношение мышления младшего школьника к характеристике предмета позволяет достичь большей образности изображения [9, с. 318]. В конце первого занятия – беглый обзор. При оценке результатов следует отметить успехи и недостатки каждой работы обучающихся, так и коллектива в целом, задать эталон.

Методические указания обучающимся: для выполнения первого этапа задания применяются простыми карандаши, ластик. Второй этап задания выполняется цветными масляными мелками, для фона используются акварельные краски. Графические ошибки окончательно устраняются перед выполнением задания в цвете.

Литература

1. Провинциальные хроники. Томск 1941-1945 годов: 60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / [идея, текст, подбор ил. Э. Майданюк ; лит. Ред. М. Паутова]. – Томск : Курсив, 2005. – 141 с.
2. Датский, В. А. Патриотическое воспитание старшеклассников в учебно-воспитательном процессе общеобразовательной школы: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01г. / В. А. Датский. – Москва, 2006. – 153 с.
3. Савинова, Л. Ю. Педагогические условия воспитания у младших школьников ценностного отношения к Родине : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Л. Ю. Савинова. – Санкт-Петербург, 2003. – 198 с.
4. Горбова, М. А. Воспитание патриотизма у старшеклассников игровыми формами туристско-краеведческой деятельности : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / М. А. Горбова. – Москва, 1999. – 194 с.
5. Буйлова, Л. Н. Актуальные проблемы организации патриотического воспитания в системе дополнительного образования детей / Л. Н. Буйлова // Молодой ученый. – 2012. – №5. – С. 405-412.
6. Дубровин, В. М. Патриотическое воспитание школьников на занятиях по тематической композиции (в системе дополнительного образования) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / В. М. Дубровин. – Омск, 2009. – 24 с.
7. Пекшин, В. А. Патриотическое воспитание пограничников средствами искусства : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / В. А. Пекшин. – Калининград, 1998. – 211 с.
8. Ряхов, Д. Г. Патриотическое воспитание учащихся средствами изобразительного искусства в современной общеобразовательной школе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Д. Г. Ряхов. – Нижневартовск, 2008. – 208 с. ил.
9. Сокольникова, Н. М. Изобразительное искусство и методика его преподавания в начальной школе. Рисунок. Живопись. Народное искусство. Дизайн: учебн. Пособие для студ. Высш. Пед. Учебн. Заведений / Н. М. Сокольникова. – 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008.- 368 с.

УДК 316.752

ГРНИ 13.01.11

РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ШКОЛА ИКОНОПИСИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

RUSSIAN TRADITIONAL SCHOOL OF ICON PAINTING AS A WAY OF PRESERVING NATIONAL IDENTITY: BY THE STATEMENT OF THE PROBLEM

Екатерина Олеговна Быдзина

Научный руководитель: Л. Г. Тимошенко, канд. пед. наук

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: икона, иконопись, религия, текст иконы, национальное самосознание, национальная идентификация, традиционная культура, искусство

Keywords: icon, icon painting, religion, icon as a text, national identity, traditional culture, art

Аннотация: Данная статья посвящена обоснованию необходимости изучения способов сохранения национального самосознания посредством школы русской иконописи. Произведен историографический анализ по теме и выявлена проблематика и перспективы ее исследования.

В современном быстро развивающемся глобализационном мире сохранение национального самосознания играет первоочередную роль, так как осознание нацией, проживающей на единой территории, себя как целостной, обладающей одинаковыми ценностями и нравственными идеалами, способствует сохранению государства в условиях сложной межполитической ситуации на международной арене.

Согласно определению, данному в философском энциклопедическом словаре, самосознание – это осознание, оценка человеком своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя как чувствующего и мыслящего существа, как деятеля. Самосознание свойственно не только индивиду, но и обществу, классу, социальной группе, когда они поднимаются до понимания своего положения в системе производственных отношений, своих общих интересов и идеалов [1, с. 550].

Проблема зарождения и становления, основных составляющих русского национального самосознания неоднократно становилась объектом исследования философов, историков, литераторов и политологов. Наличие самосознания характеризуется уже первыми историческими текстами носителей культуры, которые подразумевают рефлексию культуры самой себя. Так, первые упоминания о Руси, как о народе, объединенном территорией и религией, о «земле Руськой» можно найти в древнерусских источниках – «Повести временных лет» и «Слове о полку Игореве» [2].

В период возвышения Московского княжества старцем Филофеем была озвучена теория «Москва – третий Рим», проникнутая глубоким религиозным и националистическим пафосом о богоизбранности русского народа. В дальнейшем, особое внимание к национальной самобытности оказывала полемика славянофилов и западников (И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ф. В. Чижов, П. Я. Чаадаев). Особой важностью отличаются исследования, в которых описываются уникальные свойства национального русского характера, что подтверждает его своеобразие и самобытность.

Так, например, С. М. Соловьев в многотомном труде «История России с древнейших времен» представляет нам не только фактическую информацию об образовании, географических особенностях русского государства, но и подвергает анализу специфические политические и природные факторы, повлиявшие на формирование русского менталитета [4].

Н. О. Лосский в монографии «Характер русского народа» описывает основные свойства русского характера, такие как религиозность, свободолюбие, соборность и др. и каждому приводит достойные примеры [5].

В работе Н. А. Бердяева «Судьба России», проникнутой глубоким националистическим пафосом, повествуется: «Русское национальное самосознание должно полностью вместить в себя эту антиномию: русский народ по духу своему и по призванию своему сверхгосударственный и сверхнациональный народ, по идее своей не любящий «мира» и того, что в «мире», но ему дано могущественнейшее национальное государство для того, чтобы жертва его и отречение были вольными, были от силы, а не от бессилия» [6].

Возникает вопрос, какие факторы способствуют формированию и сохранению национального самосознания? Какие компоненты в жизни общества способны оказать влияние на осознание нацией, себя как целостной, обладающей одинаковыми ценностями и нравственными идеалами?

Как известно, религия является аксиологической парадигмой культуры, определяющей основные ее аспекты. В России практически в течение одиннадцати веков государственной религией является христианство, характерная черта которого – почитание икон.

Иконопись всегда выступала как материальный объект выражения религиозной идеи. Содержательное начало иконы имело огромную ценность потому, что люди, причислявшиеся к лику святых и запечатленные на иконах, являлись как бы прообразом культурного героя, человека, вобравшего в себе все основные ценности народа.

Именно эти ценности, моральные устои, выраженные в изобразительном творчестве русского народа, имеют сегодня огромную важность для ученого сообщества, занимающегося изучением русской традиционной культуры. Итак, данная статья ставит своей целью обоснование важности изучения русской иконописи как способа сохранения национального самосознания.

Современная точка зрения на национальное русское самосознание не обладает однозначностью, но является предметом интереса многих исследователей. Так, например, структурированным осмыслением и обширной теоретической базой обладает диссертация О. В. Ладыгиной «Самоорганизация национального самосознания» [7]. Ценностно-смысловые аспекты национального самосознания отражены в работе А. Ф. Пестрецова «Генезис русского национального самосознания в духовной культуре России» [8]. В работе О. В. Парилова «Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития», автор производит глубокий анализ исторического развития идеи о русском национальном самосознании [9].

Анализ литературы по теме исследования позволяет сделать вывод о том, что взгляды на русское национальное самосознание менялись на протяжении всей истории государства Российского. Это было связано с историческими и политическими факторами развития страны и развитием культурно-философских идей. Однако все исследователи сходятся в одном – русское национальное самосознание обладает своей уникальной спецификой.

Рассмотрим, в чем заключается специфика русского самосознания, и какое место в нем занимает иконопись. Как известно, основной государственной религией, объединившей славянские племена в 988 г. стало православие. Христианские ценности, такие как человеколюбие, жертвенность, аскетизм, покорность стали основополагающими в формировании русской ментальности. Традиция поклонения иконам пришла в Россию из Византии, но глубоко прижилась и приобрела свою неповторимую специфичность. Так И. Н. Беляевская в работе «Иконопись и ее особенности. Иконописные школы Древней Руси» пишет: «Именно России дано было явить то совершенство художественного языка иконы, которое с наибольшей силой открыло глубину содержания литургического образа, его духовность. Можно сказать, что если Византия дала миру по преимуществу богословие в слове, то богословие в образе дано было Россией» [10].

Икона занимала в православной обрядности особенную роль. Она не просто являлась объектом поклонения, напоминанием нравственных основ христианства, местом встречи сакрального и профанного миров, икона являлась носителем традиций. Именно в иконе визуализировался аксиологический опыт народа.

Изучением русской школы иконописи занималось много ученых. Огромное значение имеет работа П. А. Флоренского «Иконостас», посвященная описанию не только методов и стилистических особенностей иконописи, но и ее глубинному смыслу: что значит цвет в иконе, что значит композиция, каким должен быть иконописец, какие чувства икона должна будить в человеке [11].

Л. А. Успенский в работе «Богословие иконы православной церкви» рассматривает историю иконописи, но при этом, будучи сам богословом, не может не коснуться таинства и трепета, которым икона может воодушевлять [12].

С. М. Прохоров в исследовании «Об иконописи и ее технике» описывает непосредственный способ создания иконы [13], а М. В. Алпатов в работе «Древнерусская иконопись» приводит необходимую для ознакомления классификацию иконографических сюжетов [14].

Огромной ценностью обладают материалы монографий В. Н. Лазарева по анализу и характеристике иконописных школ, а также работы Е. Н. Трубецкого «Умозрение в красках» и «Три очерка о русской иконе» [15, 16].

В целом, большинство работ о русской школе иконописи – это монографии и статьи по стилистическим особенностям и работы о смысловом содержании иконографического образа. Однако серьезных исследований, посвященных выявлению влияния иконописи на формирование национального самосознания, пока нет.

Русская школа иконописи – это огромный пласт для изучения национального самосознания, потому что в иконах содержатся те необходимые сведения о мироощущении русского народа, которые так необходимы сейчас для поднятия народного духа и здорового патриотизма. Поэтому нельзя отрицать тот факт, что науке необходим

комплексный труд, с помощью которого современное общество осознает свою самобытность посредством иконографического образа.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Повесть временных лет [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt> (дата обращения: 26.03.2015)
3. Слово о полку Игореве. – Москва : Художественная литература, 1983. – 222 с.
4. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён: в 6 кн. / С. М. Соловьёв. – Санкт-Петербург : Товарищество «Общественная польза», 1851–1879.
5. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Москва : Ключ, 1990. – 96 с.
6. Бердяев, Н. А. Судьба России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_0.html (дата обращения 24.03.2015)
7. Ладыгина, О. В. Самоорганизация национального самосознания: дисс. ... док. фил. наук: 09.00.11 / О. В. Ладыгина. – Душамбе, 2011. – 295 с.
8. Пестрецов, А. Ф. Генезис русского национального самосознания в духовной культуре России: дис. ... кан. фил. наук : 24.00.01 / А. Ф. Пестрецов. – Нижний Новгород, 2009.- 201 с.
9. Парилов, О. В. Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития: дисс. ... док. фил. наук : 09.00.13 / О. В. Парилов. – Нижний Новгород, 2006. – 366 с.
10. Беляевская, И. Н. Иконопись и ее особенности. Иконописные школы Древней Руси [Электронный ресурс]. – URL: <http://nesusvet.narod.ru/ico/ref/belyaevskaya.htm> (дата обращения 26.03.2015)
11. Флоренский, П.А. Иконостас. Санкт-Петербург : Азбука, 2014. – 224 с.
12. Успенский, Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. / Л. А. Успенский. – Переяславль: Издательство братства во имя святого князя Александра Невского. – 1997. – 656 с.
13. Прохоров, С. М. Об иконописи и ее технике. / С. М. Прохоров // Свечильник. – 1913. – №1. – С. 82-94.
14. Алпатов, М. В. Древнерусская иконопись / М. В. Алпатов. – Москва : Искусство. – 1978. – 330 с.
15. Трубецкой, Е. Н. Умозрение в красках [Электронный ресурс]. – URL: <http://vehi.net/etrubeckoi/umozrenie.html> (дата обращения: 24.03.2015)
16. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе . Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра. – 2011. – 176 с.

ФЕНОМЕН ГЕНИАЛЬНОСТИ ФРЕДЕРИКА ШОПЕНА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

THE PHENOMENON OF GENIUS OF FREDERIC CHOPIN IN PSYCHOLOGICAL ASPECT

Войцеховская Вероника Юрьевна

Научный руководитель: Е. Е. Ланкина, доцент ТГПУ

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Фредерик Шопен, творчество, феномен гениальности, характер музыки, психологические черты характера, жизнь композитора, своеобразие произведений Ф. Шопена.

Key words: Frederic Chopin, creativity, the phenomenon of genius, the nature of music, psychological traits, the composer's life, the originality of the compositions of F. Chopin.

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен гениальности на примере личности великого музыканта Фредерика Франсуа Шопена. Освещены основные события жизни композитора, повлиявшие на его музыкальное творчество. Дается краткий анализ характера музыканта, а также его отражение в музыке. Описываются основные характерные черты, которые делают музыку Шопена уникальной и возвышенной.

Феномен гениальности на протяжении всей истории занимает умы человечества. В мировой истории было немало великих, гениальных людей. Именно гениальные произведения оставляют свой отпечаток в развитии человечества и двигают его вперед. Каждый гений уникален по-своему, но вместе с тем можно выделить общие черты, присущие гениям. Несомненно, Фредерик Шопен был одним из них. Его жизнь не была легкой и простой, ему пришлось многое пережить. Он был вынужден покинуть родную Польшу, но образ Родины навечно запечатлелся в его музыке. В основу его дальнейшего творчества легли народные польские мотивы. Он придал им возвышенный романтический облик и тонкую классическую отточенность. Но при этом в творчестве композитора есть нечто необъяснимое в терминах высшего мастерства – именно то, что характеризуется понятием гениальность. С. Е. и М. Галле справедливо оценивали гениальность Шопена: «Изумительное очарование, поэзия и новизна, прекрасная свобода и абсолютная ясность игры Шопена не могут быть описаны. Это – совершенство во всех смыслах» [1].

В этой статье предпринимается попытка показать, что вся жизнь композитора оказала огромное влияние на эту особенность его творчества – музыкальная гениальность была не просто врожденным качеством, она развилась как результат творческой судьбы.

Сегодня феномен гениальности является достаточно изученным явлением, но все еще остается много актуальных вопросов. Среди

многочисленных определений гениальности наиболее точно отражает его суть следующее: «Гениальность (от латинского *genius* – «дух») – это высший уровень интеллектуального или творческого функционирования личности, который проявляется в выдающихся научных открытиях, философских концепциях, технических или технологических изобретениях, социальных преобразованиях, создании художественных произведений, имеющих определенные последствия во многих областях культуры» [2]. Интересен тот факт, что в римской мифологии гениями назывались личные духи человека.

Первоначально рассмотрим понятия «гениальность», «одаренность», «посредственность» в рамках различных модусов человеческой жизни.

Гениальность, как определяет профессор О. В. Лукьянов, – это близость к своим основаниям, первичность, целостность (проявляется в инициативе).

Одаренность, талантливость – это чувствительность человека к миру (проявляется как призвание, тождественность с миром, особая сверхмотивация).

Посредственность – это владение средой, средством, инструментом (проявляется в технической эффективности). Все эти три модуса экзистенции объединяются особой продуктивной активностью, которую и называют творчеством [3].

Рассмотрим феномен гениальности великого композитора Фредерика Шопена. С раннего возраста Шопен был необычайно развит. Свое первое музыкальное произведение «Польский танец» он написал в возрасте восьми лет. Мальчик легко играл пьесы большой сложности, изумляя этим знатоков классической музыки. Еще в детстве Войцех Живный (учитель Шопена) заметил незаурядные способности гениального мальчика.

В июле 1826 года Шопен поступил в Варшавскую Высшую школу музыки, где его педагогом стал знаменитый музыкант Иосиф Эльснер. Позже он напишет о своем подопечном: «Изумительные способности. Музыкальный гений». Высшая школа музыки, в которой учился молодой Шопен позже была названа в его честь в 1979. Сегодня она называется «Музыкальный университет имени Фредерика Шопена».

Проанализируем психологический аспект характера Ф. Шопена и связь с феноменом гениальности. С самого раннего детства Фредерик проявлял упорство и целеустремленность в музыке. Именно самоотдача, упорство и целеустремленность являлись чертами характера многих гениев на протяжении всей мировой истории. Обладать способностями, талантом это лишь малая часть, надо еще уметь управлять ими, прикладывать всевозможные усилия для достижения цели. Многие гении отличались «одержимостью идеями» и это помогало им в достижении большого успеха. Шопен проявлял большую силу воли и неудержимое стремление добиваться поставленных целей.

В характере Шопена сочетались разные и даже противоречивые черты, но объединяясь в единое целое, они создавали своеобразный, притягательный образ. Музыкант отличался врожденной воспитанно-

стью и деликатностью. С детства мальчик был достаточно веселым и общительным, но жизненные обстоятельства вынудили его сдерживать, прятать свои чувства. Он поневоле стал замкнутым, но все происходящее в его душе он выражал в своем творчестве. Его характер и музыка отличаются следующими чертами: романтичность, утонченность, изысканность, одухотворенность. Еще с детства Шопен блистал удивительной остротой ума, большой наблюдательностью и любознательностью [4, с. 392].

Современники Шопена отмечали следующие черты его характера: доброжелательность, дипломатичность, выдержку и спокойствие. Ференц Лист, близкий друг Шопена, описывал Шопена как спокойного, гармоничного человека; обладал изысканными манерами, глаза блистали умом [5].

Тоска по родной земле, потеря друзей и близких, несчастная любовь, тяжелая болезнь легких, мучавшая его многие годы – все это отложило свой отпечаток на характер и творчество композитора и погрузило его в глубокую печаль и меланхолию, которая осталась с ним до конца его жизни. Это настроение станет главным во всех его последующих произведениях. Таким образом, мы можем отметить, что все события жизни Шопена отражаются в его музыке. С годами она становится все более грустной и меланхолической.

Рассмотрим основные события биографии, повлиявшие на характер и музыку Фредерика Шопена. Переломным событием в судьбе и творчестве Фредерика Шопена стало восстание в Польше 1830-1831 годов. Он находился в Вене, когда узнал о падении Варшавы. Для Фредерика Шопена это событие стало большим ударом. Ему пришлось покинуть Польшу навсегда. Он лишился общения и поддержки своих родственников и друзей. Но преданность композитора Польше одухотворили и возвысили творчество Шопена. Основой его дальнейшего творчества стала именно традиционная польская музыка. В Вене и Штутгарте были созданы многие произведения: 1-е скерцо, 1-я баллада, знаменитый «Революционный этюд», в честь которого даже названа одна из улиц Варшавы. Также он внес изменения в уже существовавшую музыку. Торжественный полонез приобрел более демократичные черты; мазурка отличалась глубиной, романтичностью, поэтичностью; вальсы стали носить черты славянской народнотанцевальной музыки; этюд стал романтической миниатюрой; ноктюрны отличались мечтательностью и грациозностью. Баллады пронизаны лучезарностью, таинственностью и нежностью. Великолепные пассажи, напоминающие колоратурные рулады, мелизмы, форшлаги, обороты каденций – все это дает музыке Шопена особую грациозность, которая является яркой отличительной чертой его музыки. С одной стороны его произведения пронизаны глубоким драматизмом, с другой стороны они полны лиризма.

Связь с национальной музыкальной традицией в творчестве Шопена несомненна, и в то же время результат его творчества явно выходит за рамки национальной музыкальной культуры. Мы сегодня воспри-

нимаем Ф. Шопена как музыкального гения человечества. Сам он писал: «Музыка не имеет отечества; отечество ее – вся вселенная».

Шопен выделил свою оригинальную систему интонирования, которая и определила своеобразие его музыки. Уникальная «шопеновская интонация» пронизывает все произведения знаменитого польского композитора. Именно этот факт позволяет быстро узнать автора, независимо от периода, когда они создавались (в юношеские годы или в конце творческого пути). Фредерика Шопена называли «поэтом звуков». Его произведения уникальны, они не похожи на музыку какого-либо другого композитора. Его музыка отличалась смесью романтических и классических традиций, особенностью интонаций (фактура, тембры, колористика), народными интонациями, изображением народного оркестра. Важная черта мелодий польского композитора – это их элегический характер [6, с. 534].

Западноевропейская критика часто воспринимала Шопена как грустного композитора, вся музыка которого пропитана одним и тем же эмоциональным колоритом скорби в его разнообразных оттенках, от легкой грусти до трагического пафоса. Несмотря на это, музыка Ф. Шопена не характеризуется только меланхолическими тонами, среди его произведений можно услышать и торжественные, героические интонации (полонез As-dur) и величаво-размеренные (фантазия f-moll).

Любовь также оказала влияние на творчество Фредерика Шопена. Свое чувство к К. Гладковской, которую он любил, но скрывал это, он выразил в одной из своих лучших песен «Желание». Влияние его последней возлюбленной Жорж Санд было неоднозначным, многие исследователи сходятся во мнении, что она сыграла далеко не лучшую роль в жизни композитора.

В творчестве Ф. Шопена можно выделить несколько этапов развития. Путь между его первым опусом «Рондо» в 1825 и «Баркаролой» в 1846 открывает целую эпоху: от романтических фортепианных сочинений начала XIX века до более поздних изысканных звучаний. В творчестве Шопена выделяют следующие периоды: а) варшавский период; б) рубеж 1829–1831 годов; в) парижский период до «Прелюдий»; г) 40-е годы, (тяготение к крупномасштабным формам); д) самые последние годы: печальные, грустные произведения.

В последние годы жизни Шопен все чаще писал трагические и драматические произведения. В качестве примера можно взять «Вторую Сонату», знаменитую входящим в ее состав общеизвестным похоронным маршем, принадлежащим к числу высших достижений композитора, всей польской музыки, а также романтического искусства в целом. Великий гениальный композитор как будто готовился к своей смерти заблаговременно. Его музыка наполнена щемящей тоской и грустью.

Шопен умер в Париже, где его и похоронили. В своей предсмертной воле он завещал свое сердце Варшаве, куда оно и было доставлено его сестрой и замуровано в одной из колонн в Костёле Святого креста.

В честь Фредерика Шопена открыто множество школ, проводятся различные конкурсы. В городе Томске ежегодно проходит Открытый

областной конкурс-фестиваль польской музыки имени Ф. Шопена. Большое участие и помощь предоставляет Томский центр польской культуры «Дом польский» [7, с. 125].

Литература

1. Афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aphorism-citation.ru/index/0-543> (дата обращения 18.04.15)
2. Гениальность // Свободная энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/гениальность> (дата обращения 15.04.15)
3. О психологии творческой жизни // Онлайн журнал «Персона» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://persona-tomsk.ru/nauka/611-o-psikhologii-tvorcheskoj-zhizni.html> (дата обращения 19.04.15)
4. Шопен Ф. Письма. Том 1. / Ф. Шопен. – Москва : Музыка. Издание второе, доп. – 392 с.
5. Классическая музыка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classic-music.ru/zm124.html> (дата обращения 15.04.15)
6. Конен, В. История зарубежной музыки / В. Конен. – Вып. 3. С 1789 года до середины XIX века. – Издание пятое. – Москва : Музыка, 1981. – 534 с.
7. Суздальская, Л. В. История создания и развития конкурса-фестиваля польской музыки им. Фредерика Шопена «Прелюдия» / Л. В. Суздальская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013.- Выпуск 4 (12) – С. 125-127.

УДК: 7.031.2

ГРНТИ: 18.49.09

ФЕНОМЕН СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА КАК СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

THE PHENOMENON OF THE FORMATION OF RUSSIAN FOLK DANCE AS A PERFORMING ARTS

Арина Александровна Диденко

Научный руководитель: Л.Г. Тимошенко, канд. пед. наук, доцент кафедры хореографии

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: народное творчество, зрелищный танец, период скоморошества, европеизация, сценическое искусство.

Key words: folk art, spectacular dance, buffoonery period, europeanization, theatrics.

Аннотация. На основании обзора исторических сведений, была отмечена трансформация русского танца, зависящая от влияния социально-экономических условий и религиозного воздействия. Данная трансформация привела к становлению русского танца как сценического искусства через эволюцию архаических форм танцевальных элементов, несущих утилитарные функции, до определенных форм танцевальной деятельности в рамках народного танца.

Народное творчество, являясь уникальным художественным явлением, содержит в себе многообразные сценические виды искусства: театральные, музыкальные, песенные и танцевальные [1]. Рассмотрим подробнее танцевальное искусство, издавна сопровождающее челове-

чество и ставшее впоследствии одним из зрелищных видов сценического искусства.

Понятие «Танец» понимается и как театральное, хореографическое явление, и как вид творческой деятельности человека, который не ограничивается эстетическими рамками искусства [3, с. 166]. Роль танца и его значение достоверно отражены и показаны на протяжении нескольких тысячелетий истории человечества. При этом «средствами танца решались многочисленные проблемы человека – от общения с окружающим миром, до формирования социальных отношений, от развития физических качеств до воспитания художественно-эстетического вкуса» [3, с. 23].

С древнего времени люди выражали свои чувства радости и страсти в массовых играх, песнях и плясках, которые имели ритуальную форму воплощения. Поведение исполнителей выражалось через единство песен, драматической игры и телодвижений. Функциональность танцевальных элементов имела цель – повлиять на плодородие и на здоровье в семье. В танце, выражая свои чувства при помощи эмоций и пластики тела, очень активно проявлялись эстетическая и гедонистическая функции. Вследствие воздействия этих функций, лучшие исполнители русского танца стали популярными у зрителей. Когда эстетический аспект русского танца начал преобладать над остальными, русский танец стал зрелищем, пройдя длинный путь развития от первобытного обрядового до сценического. Рассмотрим его подробнее.

Итак, основным типом танца в первобытных культурах являлся обрядовый танец, отличительной чертой которого был синкретизм. С развитием первобытного общества в многофункциональной природе танца дифференцировались телесные и духовные социальные ориентации [3, с. 175].

Несколько позднее появился зрелищный танец, являясь уникальным видом творческой деятельности. Он начал развиваться на закате первобытнообщинного строя, а в период рабовладения играл важную роль в жизни привилегированного общества. Невольники, обращенные в собственность, создавали дополнительный продукт, способствующий развитию образования, общественной жизни, искусства [3, с. 206].

Для русского танца этот этап наступил, когда из ритуального и бытового он перерос в плясовые наброски скоморохов и у него появился зритель [1]. Скоморохи, как первые исполнители русского народно-сценического танца занимались увеселением людей, сочиняя новые танцевальные движения, комбинации, трюки. Танец стал средством развлечения, где «профессиональные танцовщики» выступали не только на важных церемониях и празднествах, но и на народных гуляниях. Не всем удавалось удивить публику, уходило немало времени на разработку танцевальных сочинений, поэтому хорошие скоморохи ценились и старались усовершенствовать свое исполнительское мастерство.

Таким образом, зрелищный танец начал формироваться стихийно при изменении обрядового типа танца. Этот период был длительным и

привел к появлению лидеров, впоследствии получивших статус организаторов зрелища, постановщиков, режиссеров, танцмейстеров и хореографов [3, с. 217].

Анализ литературных источников позволяет сделать вывод о том, что в истории развития сценического танца элементы народного танца являются одним из первоисточников формирования бесконечного разнообразия движений [2, с. 9]. Этот путь начали когда-то скоморохи и продолжили профессиональные исполнители на сценических площадках.

Художественная и зрелищная сторона танцев скоморохов, найденная в течение воплощения придуманных комбинаций, проявлялась при помощи танцевальных элементов, трюкообразных движений, присядок, хлопучек. Русский танец, овладевая элементами бытовых и ритуальных действий от выступлений скоморохов, пополнил свой комплекс новыми движениями. Запросы зрителей формировали танцевальные средства исполнения.

Время возникновения народно-сценического танца совпадает со временем возникновения скоморохов на Руси – VIII-IX вв. Об этом говорят былины X в. и росписи соборов в Киеве, где скоморохи изображены в различных характерных движениях («присядка») и манере народного танца (русская народная одежда).

С начала XVIII в., во время правления Петра I, Российское государство начало устанавливать отношения с Европой. В область танцевального творчества вошел бальный танец, а в область сценического танца вошел такой жанр хореографии, как классический танец, существовавшие уже тогда в Европейских странах.

Овладев движениями и позами европейских танцев, как бального, так и классического, русские начали придавать им национальный колорит, заимствуя иностранные движения. Европейские танцы перерабатывались и исполнялись в русской манере. Появление на сцене русских танцев – в большей степени являлось следствием крестьянского происхождения учеников школ [1].

К примеру, сказать, хорошо известная всем кадрили, несмотря на французское происхождение (она была одним из видов европейских бальных танцев, исполнявшихся на ассамблеях), стала любимым танцем у городских и сельских жителей России и прочно вошла в ряд известных русских народных танцев. Изначально французская кадрили входила.

В среде всеобщей европеизации жизнь русского танца, как искусства зрелищного, продолжала бытовать и была востребована народом. Так при дворах устраивались веселья с русскими танцами, а народная пляска вводилась в народную комедию XVIII в.

Тем временем, развивалась высокопрофессиональная школа классического танца в России. Интересно, что вместе с появлением иностранцев в придворном театре, классический балет стал включать отдельные номера с некоторыми элементами русского народного танца. Воспитанники первых русских учебных танцевальных профессиональных

заведений ярко проявляли свой талант на театральных подмостках Санкт-Петербурга.

Крестьяне, в силу низкого экономического положения, не имели доступа к европейской культуре, но Петр I внес своеобразный колорит, привезя из Европы бальный танец, который оказал воздействие на русский народный танец своей манерностью и чувством эстетики, сформировав небывалое направление в сценическом танце.

Танцевальная лексика постепенно становилась более разнообразной, где доминирующее место отводилось жесту и мимике. Пространственные па (фр. Pas – «шаг») формировались на основе разнообразных форм движений человека – ходьбы, бега, прыжков. В композиционном плане были задействованы основные направления движения: вперед – назад, вправо – влево, вверх – вниз, вращения вокруг себя. Устойчивые ритмы 2/4 и 4/4 способствовали созданию определенных форм движений.

В семантическом плане они составили основной репертуар движений народного танца. Ритм был главным хронометром исполнения движений. Скорость исполнения движений была важной характеристикой танца [3, с. 207]. Ведущее положение в этом историческом процессе всегда занимала сцена, которая являлась центром хореографического театра.

«Истинный» русский народный танец был впервые воплощен на балетной сцене первыми русскими профессиональными танцорами и балетмейстерами – учениками хореографических школ. Обучившись у иностранных педагогов методике исполнения, они переносили на подмостки исконно русский танец.

Итак, русский танец прошел длинный путь становления от первобытного обрядового до зрелищного сценического. Важную роль на трансформацию русского танца оказали социальные, экономические и исторические факторы. В обществе произошли перемены, связанные с усилением межклассовых различий, роли христианства на организацию жизни людей. Данная трансформация привела к становлению русского танца как сценического искусства через эволюцию архаических форм танцевальных элементов, несущих утилитарные функции, до определенных форм танцевальной деятельности в рамках народного танца.

Литература

1. Русский танец как искусство сценическое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-tanets-kak-iskusstvo-stsenicheskoe-ot-skomoroshstva-do-nachala-hh-v> (Дата обращения: 18 ноября 2014).
2. Лопухов, А. В. Основы характерного танца 3-е изд. / А. В. Лопухов, А. В. Ширяев, А. И. Бочаров / Москва : Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2007. – 344 с.
3. Фомин, А. С. Танец в системе воспитания и образования. Т. I: Природа, теория и функции танца: Учебное пособие / А. С. Фомин. – Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2005. – 624 с.

УДК 746.6.
ГРНТИ 18.71.09

**ФОНДЫ МУЗЕЯ – ЗОЛОТАЯ КЛАДОВАЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ.
КОЛЛЕКЦИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ БЕРЕСТЫ**

**FUNDS OF MUSEUM – GOLD PANTRU SCIENTIFICALLY
RESEARCH WORK. COLLECTION OF WAKES FROM BIRCH
BARKS**

Елена Анатольевна Лабецкая

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия
Восточно-Казахстанский архитектурно-этнографический и природно-ландшафт-
ный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

Ключевые слова: береста, коллекция, народное искусство, фонды, музей, культура, творчество, современное искусство, проблемы.

Key words: birch bark, collection, folk art, funds, museum, culture, creativity, contemporaru art, problems.

Аннотация. Статья посвящена одному из направлений деятельности Восточно-Казахстанского музея-заповедника – выявлению и собиранию музейных предметов и музейных коллекций. Это важная социальная функция музея. Комплектование коллекций является краеугольным камнем музейной деятельности, т.к. посредством сбора экспонатов не только закладывается основа музея, но и выделяется та часть культуры, сохранение которой является одной из основных задач современного общества. Цель статьи – комплектование музейных фондов предметами народного искусства.

Тема комплектования музейных фондов предметами народного искусства в определенном регионе их бытования всегда была актуальной и малоизученной вследствие специфики вопроса. Существует ряд мнений в определении задач составления коллекций декоративно-прикладного искусства определенных народностей с учётом региональной принадлежности. Некоторые исследователи полагают основной целью составления коллекций предметов народного искусства системное собирательство, где учитывается наименование, виды предметов, легенды их бытования. Такой вид музейного коллекционирования может быть основой обширного реестра для последовательного изучения. Другие развивают тенденции сопоставительного характера, где собирательство музейных предметов совершается с упором на регион бытования предметов с возможностью выявления культурного взаимовлияния. Данный вид пополнения коллекций имеет расширительный характер поиска и вместе с тем имеет узконаправленный сопоставительный подход.

Такие взгляды на коллекционную деятельность определяют соответственно следующие методы составления музейных коллекций народного быта:

Описательный метод – вид научного метода, представляющий со-

бой систему процедур сбора, первичного анализа и изложения данных и их характеристик. Описательный метод имеет применение во всех дисциплинах социально-гуманитарного и естественнонаучного циклов. Предельно широкая употребительность описательного метода в границах научного поиска обуславливается многоступенчатостью методологии современного научного познания, в иерархии которой описательный метод занимает первичные позиции (после наблюдения).

Сравнительный метод – при помощи сравнения устанавливаются и специфические черты сходных явлений с целью классификации и типологии. Поэтому сравнение как общенаучная операция мышления присутствует во всех методах культурологического анализа.

Сопоставительный метод – это система приемов и методики анализа, используемая для выявления общего и особенного в сравниваемых разнородных предметах и явлениях с целью выявления свойств и особенностей.

Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить своё место в мире, человек, лишённый исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем [1, с. 2].

Эти замечательные слова великого советского писателя Чингиза Айтматова могут служить визитной карточкой для каждого музея, так как музей – это исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы природных и культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащих изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов [2, с. 43].

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник недавно отметил своё 46-летие. Особенность музея заключается в том, что на обширной территории объединены общей концепцией традиционный музей (три здания – памятники истории и архитектуры конца XIX – нач. XX века), музей под открытым небом в этнопарке «Жастар» (14 памятников народного зодчества), детский парк, а также парк досуга и отдыха им. Жамбыла [3].

На левом берегу Иртыша на территории свыше 120 га раскинулся Левобережный комплекс, который включает в себя 17 усадеб этносов, проживающих в Восточно-Казахстанской области, военный комплекс, зоопарк, ботанический парк, город мастеров, зону семейного отдыха «Голубые озера», экспозицию «Шелковый путь», которая включает в себя четыре архитектурных сооружения: «Дворец казахского хана», «Дворец индийского раджи», «Дворец китайского императора» и «Дворец бухарского эмира». В 2012 году в состав музея-заповедника вошел историко-археологический комплекс «Ақ бауыр» площадью 81 га.

Основателем музея и его бессменным руководителем является заслуженный работник культуры Республики Казахстан Н. А. Зайцев.

Если для посетителей музея музей начинается с экспозиционных залов, с их особой атмосферы, то для любого сотрудника музея – с основы основ, сердца музея – его фондов. Комплектование, научное описание музейного предмета, его маркировка, организация мест хранения, инвентаризация – вот основные направления фондовой работы.

Что же из себя представляют фонды Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника? В отделе работает 10 человек. Сам отдел состоит из 2-х секторов: сектор учета и сектор хранения. На 1 января 2015 года фонды музея насчитывали 62950 музейных предметов. Цифра, может быть, не столь впечатляющая, как например, количество предметов, в фондах большинства историко-краеведческих музеев, где в основном самыми значительными являются археологические коллекции. Наш музей – этнографический. Основные коллекции – это предметы материальной культуры народов, населяющих нашу область. Поэтому фонды музея – это довольно большое, сложное хозяйство. Предметы делятся на коллекции по материально-предметному принципу, т.е. в зависимости от материала музейных предметов и их смыслового назначения. Всего в фондах 22 коллекции.

Одна из самых значительных – коллекция «Дерево». На 1 января 2015 года она насчитывала 6125 предметов. Как и всякая другая коллекция «Дерево» делится на подколлекции. В одну из таких подколлекций, в которую входят предметы из бересты.

Учёт коллекции ведется с помощью лицензионных версий офисных программ фирмы «Microsoft», в частности приложение «Excel». С 2007 года в музее – заповеднике была внедрена база данных по музейным артефактам «Музеолог», разработанная под эгидой Юнеско. Электронный учет позволяет выделить любую подколлекцию по любым параметрам. В фондовой коллекции нашего музея это берестяные изделия второй половины XIX в. – начала XXI в. Насчитывает коллекция 321 предмет [3].

Утварь из бересты отличалась большим разнообразием: это солонки, туеса, туесочки для меда, ягод, молока, сметаны, заплечные корзинки – паевки для сбора ягод. Сделанные без клея они служили десятки лет. Береста, верхний слой коры березы, является прочным, эластичным, химически устойчивым не поддающимся гниению материалом, поэтому в берестяных туесах ягоды долго не портятся, молоко не скисает, вода остается прохладной и свежей. Зная это, крестьяне широко использовали бересту для домашних нужд. Из бересты плели и обувь – лапти, которые надевали во время ловли рыбы, чтобы было удобнее передвигаться по дну реки [3, с. 59].

В экспедиции 1981 года в селе Новокрестьянка Зырянского района заведующий отделом русской этнографии А. А. Яковлев записал рассказ мастера Ивана Максимовича Ануфриева, который занимался изготовлением туесов. Вот что рассказал мастер: «Выбираешь ровное место, свалишь березу, отпиливаешь чурку и снимаешь бересту. Подсовываешь под неё черемуховый прут. Бересту выворачиваешь наизнанку, обдираешь лишнюю кору и надеваешь на вторую заготовку.

Нижняя половина туеска оборачивается ещё одним слоем бересты» [4]. Свои изделия, по информации А. А. Яковлева, мастер украшал цветочками, которые выбивал при помощи молотка и черемухового прута.

Согласно музейным книгам учета, первым поступившим в фонды (тогда ещё школьного музея) изделием из бересты был туес берестяной ГИК IV – 930.

ТУЕС. Вторая половина XIX века.

Филимонов С. Г.

Береста, дерево, воск, дратва.

Крой, сборка, пиление, вошение, сшивание вручную. h -29, d- 21

Акт приема- № 10, 1977 г. ГИК-IV-930.

Цилиндрической формы, плоскодонный, трехслойный, жёлтого цвета, с коричневыми горизонтальными штрихами. Внутренний слой цельный – склотень. Верхние края склотня завернуты наружу на второй слой, скрепленный двойным дратвенным швом. Третий слой закрывает две трети тулова туеса и скреплен остроугольным замком. Верхняя кромка туеса обшита дратвой. Дно деревянное, вошеное. Крышка и дужка деревянные.

Сдатчик: Картышева Анна Александровна, 1922 года рождения, русская, уроженка села Орловка Глубоковского района ВКО. Туес изготовлен ее дедом, Филимоновым Сидором Гурьяновичем, 1852 года рождения, уроженцем села Быструха Глубоковского района ВКО.

Также одним из первых изделий стал еще один берестяной туес ГИК-XXVIII-10726.

Туес. Конец XIX – начало XX вв.

Колесников Ф. П.

Береста, дерево, воск, краска.

Крой, сборка, пиление, вошение, окрашивание. h-20, d-11

Акт приема- № 43, 1982 г.

Цилиндрической формы, плоскодонный, трехслойный. Внутренний слой цельный – склотень. Верхние края склотня завернуты наружу на второй слой, скрепленный остроугольным замком. Третий слой закрывает одну треть тулова туеса и также скреплен замковым соединением. Ту-

ес был первоначально окрашен в коричневый цвет, затем в синий. Дно деревянное, вощенное.

Сдатчик: Колесникова Агафья Григорьевна, 1905 года рождения, русская, уроженка и жительница села Черемшанка Глубоковского района ВКО. Туес был изготовлен ее свекром, Колесниковым Фомой Панкратьевичем. Он был пасечником, пасека у него была под горой Синюха, туеса в то время изготавливались под мед.

В 1977 году когда был принят первый берестяной туес, Музей был школьным и находился в школе с. Бутаково, где была выделена отдельная классная комната, в которой школьные музейщики открыли экспозицию по русскому костюму и народному искусству. Сбор велся не только в с.Бутаково. Первые экспедиции состоялись в ближайшие старообрядческие села Черемшанка, Поперечное, Топиха, Тарханка, Орловка, Быструха, Александровка, Малоубинка [3].

За годы существования музея коллекция изделий из бересты значительно выросла. Древние ремесла не забыты. Появились в фондах музея современные изделия из бересты. Лучшие традиции народного творчества продолжили такие мастера как Никулин П. А., Кричевский В. Б., Варавин А. П. И у каждого мастера свои излюбленные мотивы, композиционные приемы, цвет, своя манера исполнения. Руку мастера всегда узнаешь среди других мастеров этого промысла.

На изделиях из бересты, на резьбе или росписи и старых и современных мастеров жили и живут образы родного края, всего того, что было дорого и любимо.

О мастерах Восточно-Казахстанской области написаны популярные очерки. Но до сих пор не издан каталог, который бы раскрыл всю имеющуюся коллекцию изделий из бересты, в науке нет исследований, посвященных анализу данной коллекции. Поэтому было принято решение исследовать имеющуюся в фондах музея коллекцию берестяных изделий.

Народное искусство – не отдельные предметы. Это целый мир. Произведения народного искусства замечательно воспринимаются в естественной среде крестьянской избы – музее.

Среди научных трудов, посвященных проблемам сохранения и развития народного искусства, в первую очередь, следует выделить работы М. А. Некрасовой, особенно монографию «Народное искусство как часть культуры» [5]. Книга стала итогом многолетних исследований автора, проводимых в ходе многочисленных экспедиционных выездов, и базируется на обширном материале по народному творчеству и потому является хорошей основой для исследования берестяного искусства. Некрасова говорит о необходимости понимания народного искусства как самостоятельного типа творчества, прослеживает его связи с профессиональным, рассматривает взаимосвязь канона и новизны, анализирует понятия индивидуального и коллективного, и другие актуальные вопросы теории и практики современного народного искусства. Автор связывает возросший интерес у современных людей к своим исконным традициям с критическим состоянием экологии, с

возрастающей урбанизацией и техническим прогрессом, что привело в итоге к всё большей отдаленности человека от природы. Она отмечает, что «если еще недавно художники и поэты стремились ввести мир техники в мир человека и даже техницизировать его образ, то сегодня, что показательно, приходит иное стремление – найти в самом человеке человеческое и через него влиять на техницизированный мир» [5, с. 12]. Некрасова называет народное искусство культурой «постоянно создающей, отдающий духовный опыт, мудрость культуре профессиональных художников» [5, с. 27].

Русское народное искусство – это, прежде всего, мир особого отношения человека к своему труду, к своей деятельности вообще и жизни в целом. Мировоззрением народа является и его трудовая деятельность, быт, его обряды. И предметы народного искусства – все без исключения.

Литература

1. Айтматов, Ч. И дольше века длится день / Ч. И. Айтматов // Роман-газета. – 1982. – № 3.- С. 2. -69.
2. Хадсон, К. Музеи не стоят на месте / К. Хадсон // Museum. – 1998.- № 197. – С. 43-48.
3. Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://yandex.kz/vkoe.m.kz> (дата обращения 5.01.2015).
4. Материалы полевых этнографических экспедиций / А. А. Яковлев // Архив музея. – Папка № 64.-1981. – С. 59.
5. Некрасова, М. А. Народное искусство как часть культуры: теория и практика / М. А. Некрасова. – Москва : Изобразительное искусство, 1983. – 346 с.

УДК 392

ГРНТИ 13.11.47

ВЛИЯНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НА САМОИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАРОДА

THE INFLUENCE OF SLAVIC PAGAN VALUES ON THE SELF-IDENTITY OF MODERN RUSSIAN PEOPLE

Ольга Владимировна Лутовинова

Научный руководитель: Л. Г. Тимошенко, канд. пед. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: язычество, суеверия, природа, базовые ценности, русский дух, русская душа, вера, предрассудки, истоки, культура, предки.

Key words: paganism, superstition, nature, core values, Russian spirit, the Russian soul, faith, prejudices, origins, culture, ancestors

Аннотация. В русской культуре феномен двоеверия позволял уживаться в народе христианским и языческим традициям. С течением времени православие и язычество стирают непримиримые противоречия, благодаря чему сформировался

единый мировоззренческий культурный синтез. Необходимо понять и принять как неотъемлемую часть нашей жизни сохранившиеся до сих пор приметы, суеверия и предрассудки в среде русских людей. В статье рассматриваются базовые суеверия и предрассудки, являющиеся неотъемлемым компонентом общественного сознания и культуры славянских народов.

Как свидетельствуют многие летописные источники, славянские племена заселяли территории от западных до восточных, и от южных до северных границ Европы [1]. Вся история жизни славян – это летописные предания тех, кто уже имел письменность, но не самих славян о себе. А потому уместно предположить, что далеко не все, что дошло до наших дней о предках наших, есть истинная правда, и на нее следует опираться, рассматривая вопросы современной самоидентичности русского народа.

Признание язычества чем-то враждебным по отношению к христианской религии выводит его в категорию уничижительную, и, следовательно, принижает и роль наших предков в становлении древней и последующей культурной жизни русского общества.

Многие ученые сегодня все чаще обращаются к изучению особенностей славянского язычества с целью воссоединения корней и эволюции развития нашего общества. Разумеется, признавать язычество чем-то греховным, грязным, «скотским» было принято христианами церковнослужителями, с целью возвеличивания религии, и отвращения народа от его истоков. Нет необходимости сегодня говорить о том, что это было в корне неверно. Не могло быть по-другому в условиях развития общества, главной целью которого было упрочение княжеской власти, возвеличивание роли церковнослужителей и увеличения доходов от приношений и податей.

И поэтому, в настоящее время взгляд на истоки русского жизненного устоя невозможно изучать без учета основных культурных тенденций и ценностей древних славян.

По мнению К. М. Гальковского, до нас многие сведения дошли только от христианских служителей [2, 3], и, следовательно, только с позиции христианства судились языческие каноны мирозерцания наших предков: «В большинстве случаев наши писатели и общественные деятели, заботясь о чистоте народной жизни и обличая пороки, не замечали, что в основе обличаемого ими нестроения лежат древнеязыческие верования. Создав огромную учительную (в основе переводную) литературу, древняя Русь оставила незначительное количество произведений направленных против древнего язычества» [2, с. 8].

Исторические и летописные данные свидетельствуют о том, что христианство на Руси повсеместным стало лишь к концу восемнадцатого века. Активно оно исповедовалось лишь в больших городах, а в глубинке жили практически по устоявшимся патриархальным, языческим устоям. Известно, что трансформации в общественной жизни возможны только при наличии каких-либо революционных изменений. На Руси долгое время существовало практически законсервированное

общество, и только со времен Петра I стали возможны технические, политические и социальные перемены.

Таким образом, в русском народе довольно благополучно, продолжительное время уживалось двоеверие. Следовательно, возникает вопрос, всегда ли были объективны в своих оценках летописцы, составляющие хронику жизни Руси?

Для русского народа, для так называемых «язычников», всегда были значимы в основном, морально-нравственные ценности. Ведь цивилизации, которые исповедуют только завоевательные войны, такие как древний Рим, древний Шумер, или народы доколумбовой Мезоамерики, практически были обречены на гибель. В отличие от них, Русь, исповедуя принципы продолжения и сохранения рода, продолжения и передачи культурного наследия, обусловленного патриархальным укладом жизни, не только не исчезла в сражениях за независимость, но и выстояла в самых сложных исторических перипетиях.

Так что же является важным, краеугольным камнем любой культурной жизни? Это главные ценности – создание семьи, воспитание нового поколения и почитание предков. Эти ценности являлись базовыми всегда и у всех народов. Если обратиться к исследованиям по этим вопросам, то окажется, что у наших предков эти ценности были также базовыми, культуuroобразующими, и определяющими весь быт и уклад их жизни [4].

Во что же верили на самом деле славяне, которых так настойчиво называли язычниками? Сегодня эти верования, еще по старой привычке, связанной с тем, что к язычеству еще пока не относятся как к первооснове, как к традиционной культуре, называются суевериями, предрассудками. В то же время изучению суеверий и предрассудков особое внимание уделяли русские ученые. Так, В. Даль писал: «...если и смотреть на поверья народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои, человек надел на себя – по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, – но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, – этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа» [5, с. 5].

Где искать хотя бы упоминания этих суеверий? Что такое «русские суеверия», которые так часто приписываются сознанию людей недалеких? По сути своей это наша жизнь, с ее ежедневными «сюрпризами», нарушающими стабильность существования каждого отдельного человека. Суеверия и предрассудки в огромном количестве описаны в привычных нам поговорках, присловьях, приметах, действиях. Как часто, столкнувшись с чем то, нарушающим течение жизни, можно услышать: «Не было печали, да черти накачали», а сказав что-то, о чем сразу пожалели, говорят: «Черт попутал!»

Помимо этого, существует огромное количество примет, которые, совершенно бессознательно осуществляются почти ежедневно. Например, переходящая дорогу черная кошка, рассыпанная соль, женщина с пустым ведром, в связи с чем тут же обязательно совершаются какие-либо действия, чтобы «снять» возможную неудачу.

Одним из важных моментов в жизни русского человека является поминание умерших. Когда в семье умирает кто-то из близких, на поминальный стол помещают прибор и рюмку для покойного; часть еды, питья оставляют и на кладбище в поминальные дни, разбрасывают на могилах зерна, крошат на Пасху яйца. В большинстве случаев, о которых сказано выше, подобные действия характерны только для славянских народов. Разумеется, что у каждого народа, у каждой нации есть свои приметы и суеверия, но в России они соблюдаются с каким-то особым почитанием [6].

Можно предположить, что обычаи, приметы, присловья, иногда, по видимости, необъяснимые, связаны с областью народных верований – существенной области народного мировоззрения, складывавшегося на протяжении тысячелетий.

С другой стороны, под суевериями нередко понимаются рассказы о покойниках, домовых, леших, о сверхъестественных существах и необъяснимых явлениях. Некоторые из таких повествований считают «бабушкиными сказками» (и действительно, часть из них унаследована из прежнего, крестьянского быта).

Поразительна живучесть таких рассказов и соответствующих им суеверных представлений в современной (даже городской) среде, их приспособляемость к, казалось бы, стремительно меняющемуся миру. Особенно устойчивы представления, связанные с покойниками, домовыми, колдунами, колдуньями, знахарями, повествования о которых широким потоком хлынули на страницы газет. Это и не удивительно, потому что, по мнению социологов, всплеск «суеверного сознания» обычно характеризует кризисные эпохи в жизни общества и свидетельствует об известном неблагополучии, шаткости человека в мире, где он ощущает себя окруженным невидимыми, неведомыми, зачастую представляющимися враждебными силами и существами.

Исследуя проблему сохранения в народе суеверий, В. Даль писал: «У нас есть поверья – остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества» [5, с. 7].

Как было сказано выше, главным для славянских народов были ключевые ценности. По мнению многих христианских летописцев, в языческом обществе было принято многоженство. Однако, исторические данные утверждают, что условия жизни славян не были комфортными, не изобиловали пропитанием, изысканностью быта [7; 8]. Поэтому следует очень осторожно относиться к подобного рода утверждениям. Содержать не одну жену, а с ней вместе и потомство, было

делом не то что не простым, а подчас даже опасным. Ведь славяне не были уверены в стабильности своего местонахождения и часто меняли его, в силу разных обстоятельств. Это были внешние враги, или переставшие устраивать их природные условия данной местности. И при этом взваливать, а скорее подвергать опасности зависимых от мужских обязанностей домочадцев наши предки просто не могли себе позволить.

Следовательно, возможно это был миф, который был сознательно создан для подкрепления необходимости принятия повсеместно христианства. Так, по мнению Л. Недирле, славяне достаточно продолжительное время отбирали для себя многое из окружающей их жизни [6]. Они с глубоким почтением относились к природе. Это был один из основных культов у славян. Еще одним важным для них был культ предков. Не отделяя себя от природы, ища в ней объяснения многих непонятных им вещей, предки стремились не «гневить» Матушку-природу. Такое трепетное отношение к ней сохранялось достаточно продолжительное время.

Таким образом, сосуществование в народе и почитание двух вер, каждая из которых несет свой потенциал – это способ не просто выживания в современных условиях, но и возрождения самого высоко смысла жизни, который был утрачен. В настоящее время, признание многих суеверных понятий как основы миропонимания и традиционной культурной составляющей жизни славян позволит по-новому взглянуть, а может и принять новые принципы воспитания подрастающего поколения на знаниях наших предков, А знания эти имеют удивительную силу. Они всегда в трудную минуту спасали и сохраняли их носителей. И название им – Русский дух.

Литература

1. Классен, Е. И. Древнейшая история славян и славяно-русов до рюриковского времени / Е. И. Классен. – Москва : Изд-во «Белые альвы», 2008. – 320 с.
2. Гальковский, К. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Том 1 / К. М. Гальковский. – Москва : Печатня А. Снегиревой, 1913. – 309 с.
3. Гальковский, К. М., Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Том 2 / К. М. Гальковский. – Харьков : Епархиальная Типография, 1916. – 461 с.
4. Власова, М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий / М. Власова. – Санкт-Петербург : Изд-во. «Северо-Запад», 1995. – 383 с.
5. Даль, В. И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – Москва : Изд-во Ардис, 2008. – 72 с.
6. Любор Нидерле. Быт и культура древних славян / Нидерле Любор. – Москва : Изд-во «Вече», 2013. – 288 с.
7. Рыбаков, Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья / Б. А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С.4-16.
8. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – Москва : Изд-во «Гелиос», 2002. – Изд-е второе, исправленное. – 592 с.

**НАРОДНО-ПЕСЕННЫЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА
В.А. ГАВРИЛИНА**

FOLK SINGING ORIGINS OF V. A. GAVRILIN'S CREATION

Ирина Юрьевна Некристова

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: музыкальная культура, фольклор, творчество В. А. Гаврилина

Key words: musical culture, folklore, creative work of V. A. Gavrilin

Аннотация: Фольклор всегда был и остаётся для композиторов источником высоких нравственных идеалов, что особенно актуально в современном российском обществе, в котором наметилась тенденция отчуждения образования от духовности личности. В статье отмечаются жанровые и стилистические особенности творчества В. А. Гаврилина, имеющего прочные корни в национальном фольклоре.

Музыка – это необходимый дар, без которого нормальный человек жить не может. Он дан нам так же, как умение мыслить, как потребность работать, творить...

Валерий Гаврилин

Период конца XX – начала XXI столетия в России отмечен бурными политическими, экономическими, социальными, культурными изменениями. Они затронули все слои общества и имели такие негативные последствия, как утрата понятия об истинных человеческих идеалах, семейных ценностях, морально-нравственных устоях, исчезнувшее чувство патриотизма и национального самосознания.

В настоящее время проблемы падения уровня духовности в обществе приобретают глобальные масштабы. Не последнюю роль в этом играет изменившаяся структура и само содержание культурного пространства. В период, когда у молодого человека формируется мировоззрение, отношение к жизни, к себе самому и к другим людям, многое зависит от того, что его окружает. Молодое поколение находится под постоянным агрессивным воздействием массовой культуры, коммерциализированной и навязывающей низкопробные потребительские стандарты. Засилье масс-медиа пошлостью и примитивом, старательное и бездумное копирование западных образцов в отсутствии критического осмысления воспринимается молодёжью как образец для подражания. Между тем, именно молодое поколение является самой восприимчивой, а потому и самой уязвимой частью общества. С одной стороны, это наиболее активные, энергичные люди, но их энергия зачастую лишена вектора. С другой стороны, они наиболее восприимчивы, гибки, легко поддаются влияниям. Молодому поколению необхо-

димо дать нравственные ориентиры, напомнить о таких ценностях, как добро, правда, совесть.

Особенно остро эти проблемы воспринимают представители педагогического сообщества сферы культуры и искусства, работающие с детьми и молодёжью [1]. Ряд педагогов отмечает, что в современном российском обществе наметилась тенденция отчуждения образования от духовности личности [2, 3, 4]. Этому в немалой степени способствуют изменившиеся культурно-нравственные ориентиры, в частности, постепенная утрата «корневых основ культуры своего народа» [5, с. 487].

То, что в культуре выкристаллизовывалось веками и бережно передавалось от поколения к поколению как некий свод норм поведения, общения, взаимодействия с миром, природой и людьми, в настоящее время стремительно исчезает. А ведь именно в народной культуре, в фольклоре, «концентрируются общечеловеческие нравственные устои, выступая в качестве критерия, образца. Переживание добра, справедливости, красоты, мира, любви вело к созданию основополагающих принципов человеческой личности» [5, с. 488]. Фольклор, понимаемый здесь в узком смысле как народная музыка и поэзия, имеющие, преимущественно, устную традицию [6] и творчески переосмысленный в профессиональной музыке, является той базовой основой, на которой может быть сформировано мировоззрение и национальное самосознание подрастающего поколения.

Отмечая, что культура является способом духовно-практического познания мира, педагоги выявляют существующее противоречие между имеющимися потенциальными возможностями национальных традиций в воспитании молодого поколения и недостаточным их использованием в сфере профессионального образования и воспитания [5; 7].

Именно с приобщением молодёжи к ценностям народной художественной культуры в разных её проявлениях педагоги связывают возможность духовного подъёма в обществе: «Как разумные, нравственно ответственные существа, мы не можем познать себя, развить свои духовные силы без осознания своей глубинной причастности к национальной истории и культуре» [8, с. 23].

Музыка – как самое мощное по силе воздействия на человека искусство, вызывает в слушателях интенсивное сопереживание, открывает творческую энергию и художественное мышление. Именно посредством музыки можно не только культивировать в человеке чувство прекрасного, но и воспитывать в нём нравственные, волевые качества, способствовать формированию мировоззрения.

На протяжении всего периода развития русского музыкального искусства композиторы, начиная с М. И. Глинки, обращались к национальным народным истокам. Иногда они использовали прямое заимствование музыкального материала (цитирование), но чаще создавали свой авторский текст в духе народного мелоса.

XX век ознаменовался бурными поисками новых средств музыкальной выразительности. Это проявилось, прежде всего, в возникновении целого ряда композиторских техник с их новым тематизмом,

стремлением к радикальному переосмыслению классических принципов музыкальной композиции.

Как реакция на подобные эксперименты в области музыкального языка возникают фольклорные направления, целью которых является возвращение музыки «...от чистого манипулирования звуками ... к осмысленному звуковому общению» [9, с. 16]. Одно из таких направлений в отечественной музыке в 60-е годы XX века получило название «новой фольклорной волны». Такие композиторы как Р. Щедрин, В. Гаврилин, С. Слонимский и другие, были объединены общими устремлениями отразить современную жизнь в понятных и доступных широкому слушателю образах.

Творчество В. А. Гаврилина (17.08.1939 – 27.01.1999), составляет одну из самых ярких и самобытных страниц в истории российской музыки XX столетия. Его композиторская индивидуальность имеет прочные корни в национальной традиции. Своё детство он провёл на Вологодчине. Самые глубокие впечатления деревенского быта, народных обычаев, детских забав, сказок и песен крёстной остались в памяти композитора и определили круг его музыкальных интересов и тем творчества. «Город дал мне образование, но в музыке я остался деревенским. Моя любовь к пению – из деревни. Все, что касалось глубоких и серьезных чувств – в деревне изливалось в пении» [10].

Композитор трепетно относился к русскому фольклору. Известны его фольклорные экспедиции по Псковщине, Тверской, Вологодской и Ленинградской областям, в которых он собирал и нотировал народные песни. «... Именно включенность композитора в собирательский процесс, вживание в интонационную стихию народной музыки, общение с хранителями русской старины, народными певцами и музыкантами, повлияли на формирование качеств творческой личности и сыграли определенную роль в воспитании его композиторского слуха» [11]. В творчестве В. Гаврилина глубинная связь с народными корнями очевидна. Сама природа его музыкального мышления такова, что в ней очень естественно сочетаются фольклорные черты и особенности профессионального композиторского языка. Опираясь на фольклорные жанры – наигрыш, прибаутка, лирическая песня, частушка, причитания – композитор стремился передать не только их характерные интонационные черты, но и разнообразную певческую манеру исполнения. В. Гаврилин внимательно вслушивался и в песенную, и в речевую народную интонацию. Для него было важным не только ЧТО сказать, но и КАК это сделать. Слово для него – не просто носитель определённого смыслового значения, а возможность передать его эмоциональную окраску, тончайшие оттенки чувства, настроения через музыку. Видимо, этим объясняется и тот факт, что поэтические тексты для некоторых своих вокальных произведений В. Гаврилин сочинял сам, опираясь на народную поэзию.

Сравнивая особенности восприятия музыки академической и народной, композитор чётко их противопоставлял. «Любопытно, что понимание искусства требует знаний, эрудиции, соблюдения правил

традиции и т. д. и т.п. Народные творения понятны сразу – без объяснений, без литературы, без наговоров, без знания и исторических условий того или иного времени – они сразу говорят сами за себя и про себя» [10].

Работая в таких сложных жанрах, как балет, симфония-действие, оратория-действие, В. Гаврилин всегда стремился, чтобы его музыкальный язык был понятным для всех. Композитор не раз выражал беспокойство в связи с тем, что академическая музыка теряет своего слушателя, она ему неинтересна и непонятна. И дело не только в отсутствии музыкального образования публики, но и в том, что композиторы в значительной степени оторваны от жизни, их музыкальный язык не может выразить то, что волнует человека сегодня. При этом сам В. Гаврилин не стремился упрощать свой музыкальный язык, но всегда хотел быть искренним со своим слушателем: «Музыка может быть как угодно сложна, но – искренна. Тогда её поймет (пусть не до конца) и непременно заинтересуется даже не вполне подготовленная публика» [10].

При этом самому В. Гаврилину всегда были чужды формальные искания. Он не стремился «быть современным» за счёт использования новейших композиторских техник с их абсолютизацией рационального начала. «Преимущественный перевес в сторону отвлеченного, почти математического мышления, присущий додекафонии, эстетизация сугубо аналитических принципов конструирования звукового пространства произведения объясняет весьма прохладное отношение к ней композитора...» [12, с. 240]. Использование В. Гаврилиным элементов современных техник письма всегда подчиняется художественному образу, основной музыкальной идее.

Изучая творчество В. Гаврилина, мы приобщаемся к чистому источнику подлинных национальных идеалов, нравственной красоты, к богатству фольклорных традиций. С сожалением приходится констатировать, что настоящие образовательные программы для ССУЗов направления культуры и искусства предусматривают недостаточное количество часов для изучения творчества современных отечественных композиторов. В сложные, переломные для общества периоды более глубокое постижение творчества В. Гаврилина может помочь определить нравственные координаты жизненной траектории молодого поколения. «Духовная сила творческого наследия Валерия Гаврилина, – писал Станислав Говорухин, – неизменно будет вовлекать молодежь в мир прекрасного, формируя высокие чувства и идеалы. А от того, каким вырастет новое поколение, зависит будущее нашей Родины» [Цит. по: 13].

Литература

1. Миргалимов, И. М. Социально-педагогическое моделирование профессиональной направленности в вузах культуры: дис. ... докт. пед. наук: 13.00.01. – Казанский пед. университет. Казань, 2000. 300 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.disscat.com/.../sotsialno-pedagogicheskoe-modelirovanie-professionalnoi-napravlenosti-v-vuzakh-kultury-tsen> (дата обращения: 28.03.2015).

2. Бейсенбина, Т. А. Актуальные проблемы развития музыкальной культуры молодежи в условиях современной России [Электронный ресурс] // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции с международным участием, 8 февраля 2013 г. / СГИИ. Смоленск : 2013. – URL: http://sgii-smol.ru/assets/files/science/2013/kult_isk_2013.pdf (дата обращения: 21.02.2015).
3. Леоненко, Н. А. Модель социокультурного образования как потребность в гармоничном развитии [Электронный ресурс] // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции с международным участием, 8 февраля 2013 г. / СГИИ. Смоленск : 2013. – URL: http://sgii-smol.ru/assets/files/science/2013/kult_isk_2013.pdf (дата обращения 27.02.2015).
4. Комарова, М. А. Особенности современного детства. Роль искусства в формировании гармонично развитой личности [Электронный ресурс]. // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции с международным участием, 8 февраля 2013 г. / СГИИ. Смоленск : 2013. – URL: http://sgii-smol.ru/assets/files/science/2013/kult_isk_2013.pdf (дата обращения 04.03.2015).
5. Громыкина, Т. С. Влияние народной художественной культуры на формирование духовно-нравственных качеств личности ребенка в современной России [Электронный ресурс] // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции с международным участием, 8 февраля 2013 г. / СГИИ. Смоленск : 2013. – URL: http://sgii-smol.ru/assets/files/science/2013/kult_isk_2013.pdf (дата обращения: 26.02.2015).
6. Фольклор // Словари и энциклопедии на Академикe [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/721/ (дата обращения: 08.04.2015).
7. Жаровцева, Т. Г. Национальные традиции в ракурсе социальных проблем воспитания детей в семье [Электронный ресурс] // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции с международным участием, 8 февраля 2013 г. / СГИИ. Смоленск : 2013. – URL: http://sgii-smol.ru/assets/files/science/2013/kult_isk_2013.pdf (дата обращения 16.03.2015).
8. Королева, Н. И. Духовные основы российской культуры [Электронный ресурс]. // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции с международным участием, 8 февраля 2013 г. / СГИИ. Смоленск : 2013. – URL: http://sgii-smol.ru/assets/files/science/2013/kult_isk_2013.pdf (дата обращения: 26.02.2015).
9. Земцовский, И. И. Фольклор и композитор: теоретические этюды. – Москва: Музыка, 1978. – 172 с.
10. Гаврилин, В. А. О музыке и не только... Записи разных лет / Сост. Н. Е. Гаврилина и В. Г. Максимов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.booksite.ru/gavrilin/publication.htm> (дата обращения: 16.03.2015).
11. Демидова, И. А. Фольклорные материалы в творческом наследии В. А. Гаврилина: дисс. ...канд. искусствоведения: 17.00.02 / И. А. Демидова. – СПб. гос. консерватория (академия) им. Н. А. Римского-Корсакова. – СПб., 2011. – 264 с.
12. Иванилова, Т. В. Некоторые особенности художественно-творческого мышления В. А. Гаврилина // Известия Российского гос. пед. университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 237-243.
13. Ефимова, Г. А. Для меня Гаврилин был и остается высоконравственным стержнем [Электронный ресурс] // Этот удивительный Гаврилин... – Санкт-Петербург : 2008. URL: <http://www.booksite.ru/gavrilin/publication.htm> (дата обращения 16.03.2015).

УДК 7.74.745
ГРНТИ 13.11.47

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ АЛТАЙСКОЙ РОСПИСИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ МАСТЕРОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

REVIVAL OF TRADITIONS ALTAI PAINTING IN CREATIVITY MODERN MASTERS OF EAST KAZAKHSTAN. ON THE PROBLEM

Елена Анатольевна Романова

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия,
Восточно-Казахстанский архитектурно-этнографический и природно-ландшафт-
ный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

Ключевые слова: алтайская роспись, народные традиции, народное искусство, культура, творчество, возрождение, профессиональные художники, индивидуальность, современное искусство, проблемы.

Key words: Altai painting, folk traditions, folk art, culture, creativity, regeneration, professional artists, identity, contemporary art, problems.

Аннотация. В статье раскрываются особенности традиций алтайской росписи, бытовавшей в старообрядческих сёлах на территории Восточного Казахстана. Вышедшее из обихода крестьян, это уникальное искусство на долгие годы было предано забвению. Возрождение традиций алтайской росписи началось в конце XX-го века благодаря профессиональным художникам. Цель статьи – показать важность исследования развития алтайской росписи на современном этапе.

Обращение к своим национальным истокам, традициям – одна из актуальных задач культурного развития современного общества. Технический прогресс, стремительно ворвавшийся в нашу жизнь, при всех своих достоинствах нанёс огромный ущерб не только экологии, но и духовному, нравственному состоянию людей. Развитие промышленности и урбанизация привели к тому, что современный человек всё больше отдаляется от природы, от своих исторических корней. Забывая народную культуру, традиции, мы утрачиваем своё национальное самосознание, духовность и историческую связь поколений. «Поиски связей с народной традицией неотделимы от интереса к национальным искусствам и в целом к культуре прошлого» [1, с. 18]. Поэтому сегодня важно обратить серьёзное внимание на сохранение и возрождение народных традиций, которыми так богата наша отечественная культура.

К таким незаслуженно забытым и вышедшим из крестьянской жизни традициям относится уникальное искусство алтайской домовой росписи. Она является частью урало-сибирской росписи, которая входит в группу крестьянской живописи Северо-Западного края и Верхнего Поволжья. Этот тип росписи встречается на обширной территории от Крайнего Севера до Сибири [2, с. 222] и представляет собой интереснейшую разновидность свободной кистевой росписи масляными красками [3, с. 99]. Одной из главных её отличительных особенностей яв-

ляется то, что она произошла от древнего русского обычая украшать дома росписью, как снаружи, так и внутренние помещения. Живописное украшение крестьянской избы часто представляло собой декоративное ансамблевое решение, включающее роспись наружных частей дома и всего интерьера вместе с мебелью и другими предметами быта.

Первые сведения об алтайской росписи поступали ещё в конце XIX века из публикаций Н. М. Ядринцева, С. Л. Чудновского, Г. Д. Гребенщикова и др. в виде фрагментарных, но, тем не менее, ценных сообщений [4, с. 270]. Более подробное и красочное описание интерьера жилища старообрядцев Алтая оставила М. Швецова [5, с. 26-27]. Обстоятельные наблюдения, самые ранние публикации фотографий и зарисовок росписи появились у Е. Э. Бломквист в 1930 году [4]. Фундаментальное изучение алтайской росписи началось сравнительно недавно – в 50-60-е годы прошлого века. Самыми значительными исследованиями в этой области являются труды Е. А. Ащепкова [6] и Н. И. Каплан [7], в которых даётся полный и тщательный анализ домовой крестьянской живописи. Среди специальных работ последних лет следует отметить монографию Л. М. Русаковой, основанную на систематизации и обобщении имеющихся источников и новых дополнительных сведений [8].

На основании проведенных исследований мы можем составить достаточно полную характеристику алтайской росписи, бытовавшей на территории Восточного Казахстана (юго-западная часть Алтая). Происхождение её в этих местах связана с профессиональными «малярами», приезжавшими на заработки из Тюменского округа. Впоследствии это ремесло освоили, и стали им заниматься местные крестьяне. Вначале роспись получила распространение в старообрядческих сёлах «поляков», проживающих в районах рек Убы и Ульбы, а позже – кержаков, населяющих территорию бухтарминской долины. Расцвет этого искусства приходится на конец XIX – начало XX веков.

Алтайская роспись, как любая область народного творчества, имеет свои определённые традиции. Орнамент её, как правило, имеет геометрический и стилизованный растительный характер. Сюжетные композиции, изображения людей и животных встречаются редко. Большинство элементов и мотивов росписи ведут своё начало со времён язычества, поэтому изначально они имели определённое магическое значение, которое со временем утратилось, сохранив лишь свою эстетическую сторону. Наиболее древними и распространёнными были изображения круга, розетки. Цветочные и центрические круги, венки и гирлянды из круглых цветов, маленьких ягодок рисовали обычно на потолках. Другим не менее распространённым мотивом в алтайской росписи являлся куст с большими цветами, растущий из вазона. Этот мотив использовался в росписи дверей и простенков окон. Часто на верху куста с обеих сторон изображались птицы. На опечках, полках, шкафчиках и филёнках двустворчатых дверей изображали гирлянды и букеты из цветов и листьев [9, с.4].

«Характерной особенностью этих росписей являлся свободный кистевой приём исполнения. Все росписи исполнялись «с маху», то есть

быстрыми, выработанными маховыми движениями кисти» [7, с. 25] без предварительного рисунка, но с применением подмалёвка, выполняемым основным цветом с помощью пальца. Использовалась «особая техника мазка, так называемый разбел, когда белильная оживка, моделирующая форму изображения, выполняется одновременно с цветной прокладкой, за один приём» [3, с. 99]. Кроме белых «оживок» характерно применение чёрных «штрихов» или «разживок», как называли их на Алтае [8, с. 60], а также «сложных графических элементов – приписок» [3, с. 102]. Отличительной чертой «приписок» в алтайской росписи является то, что «у них один кончик округлён, а другой вытянут». Часто их соединяют по три, заполняя такими группами пространство между элементами композиции [3, с. 102].

Цвета красок для росписи могли быть самыми разными, но их количество обычно ограничивалось тремя-четырьмя. Большая роль отводилась фону, излюбленным цветом для которого обычно был красный и различные его оттенки. Звучности колорита способствовал особый композиционный приём, когда живописное поле обрамлялось другим, контрастным цветом [3, с. 99]. Цветовое соотношение фона и элементов росписи чаще всего также было контрастным [9, с. 6].

К сожалению, до нашего времени домовая роспись в старообрядческих сёлах области практически не сохранилась. Во второй половине XX-го века с развитием промышленного производства, ростом уровня жизни и всё большей ориентацией сельских жителей на городской быт это самобытное народное искусство на долгие годы было предано забвению. В ходе научных экспедиций, проводимых Восточно-Казахстанским этнографическим музеем в 1970-80 – годы, её можно было обнаружить лишь на фрагментах и отдельных деталях интерьера (дверях, потолке), а также на оставшейся мебели. Из предметов домашнего обихода лучше всего и в большом количестве сохранились прялки, живописное украшение которых создаёт наиболее полное представление о своеобразии алтайской росписи.

В период упадка народного искусства, происходящего, как правило, на фоне социальных и экономических изменений в государстве, именно профессиональные художники и творческая интеллигенция, понимающие как никто другой всю важность этой проблемы, брали на себя миссию по возрождению и развитию народных традиций. Примером тому может служить активная деятельность прогрессивных художников, работавших в конце XIX – начале XX веков, таких как В. Васнецов, Е. Поленова, М. Врубель. Обращение к народному искусству, к изучению его художественных принципов и традиций необходимо для развития современного искусства в целом, для поиска стиля нового времени.

Возрождение традиций алтайской росписи началось в 1990-е годы благодаря энтузиазму и увлечённости усть-каменогорского художника Владимира Ивановича Ляпунова. Он настолько глубоко заинтересовался и проникся симпатией к этому старинному искусству, что оно стала главной темой его творчества. Кроме В. И. Ляпунова к традици-

ям алтайской росписи обращаются и другие талантливые мастера Восточно-Казахстанской области: А. И. Коробков, М. М. Белова, Е. Д. Явонова, Ю. С. Ляпунова и другие. Все они являются профессиональными художниками, у каждого из них есть свой индивидуальный почерк, своё виденье и понимание народного искусства.

В настоящее время в Восточном Казахстане сложились две основные тенденции современного развития алтайской росписи. Первое направление – новаторское, в основе которого лежит принцип синтеза канона и новизны. Отталкиваясь от традиционных форм и мотивов, мастера привносят в роспись новые идеи, индивидуальные черты, создавая тем самым свой авторский стиль. Этот путь в творчестве избрали для себя художники В. И. и Ю. С. Ляпуновы, А. И. Коробков. Второе направление – традиционное, для него характерна преемственность традиции народного искусства. Максимально сохраняя характер алтайской росписи с её традиционным набором элементов и цвета, особенностями технических приёмов, мастера, тем не менее, разнообразно варьируют композиции, но в рамках подлинной традиции. Этой линии в своём творчестве придерживаются такие профессиональные мастера как М. М. Белова и её ученики. Таким образом, в обоих направлениях в разной степени проявляется индивидуальное начало, что придаёт произведениям яркое современное звучание и определяет художественный почерк мастера.

На данный момент необходимы серьёзные исследования творчества современных мастеров, работающих в народных традициях, в частности алтайской росписи. В местной прессе периодически появляются отдельные публикации, но большинство из них носит обзорный характер. Вместе с тем необходимо отметить статью В. А. Лазаревой, посвященную Владимиру и Юлии Ляпуновым, в которой автор соединяет в единое целое факты из биографии и творчества с рассказом об истории и особенностях алтайской росписи [10, с. 24-25]. В том же ключе подана информация о творчестве мастера А. И. Коробкова [11, с. 46-47]. Более глубокий искусствоведческий анализ его произведений содержится в статье Т. М. Орловой, а также в нескольких работах Е. А. Романовой. Но, к сожалению, очень мало публикаций, в которых затрагиваются проблемы, встречающиеся на пути мастеров декоративно-прикладного искусства. Наиболее отчётливо они прозвучали лишь в статье Н. Тишкова о творчестве М. М. Беловой [12, с. 9].

У художников, занимающихся возрождением народных традиций, накопилось множество проблем, которые предстоит решить. Особенно остро проблема развития народных ремёсел стоит в небольших «туристических» городах. Там, как правило, не развита система туризма, отсутствуют художественные предприятия и мастерские, не хватает постоянного рынка сбыта ремесленной продукции и рекламы её среди населения. Как следствие – изделия, выполненные в традициях народного искусства, становятся мало востребованными. Необходимы активная популяризация традиций местной народной росписи среди населения, особенно детей и подростков, разработка учебно-методической

литературы и создание условий для обучения основам этого ремесла всех желающих.

Из всех видов декоративно-прикладного искусства роспись является одним из самых ярких, эмоциональных, дающих «огромный заряд живой творческой силы» [13, с.7]. В суровых условиях сибирской природы, где так не хватает солнечного тепла и света, наши предки создавали живописный сказочный мир внутри своего жилища. Этот мир радовал их, согревал душу и оберегал от всего нечистого своими яркими красками и добрыми символами. Спустя столетие современный человек испытывает ту же потребность в непреходящих вечных ценностях, которые хранит в себе народное искусство. Его идеалы и художественные принципы всегда современны. Поэтому сегодня, когда заново открывается художественная ценность народного искусства, «поиск утраченных традиций, возрождение особенностей народного мастерства, декоративной специфики в искусстве промыслов» [13, с.7] приобретают особую актуальность. Второе рождение забытого ремесла представляется возможным только в тесном взаимодействии народного искусства с искусством профессиональных художников, в процессе которого проявляется культурная уникальность разных типов творчества [13, с.7].

Таким образом, становится неоспоримым то, что для дальнейшего благополучного развития современной культуры необходимо глубокое, всестороннее изучение, систематизация и поддержка творчества мастеров-профессионалов, возрождающих традиции народного искусства.

Литература

1. Некрасова, М. А. Народное искусство как часть культуры / М. А. Некрасова. – Москва : Изд-во «Изобразительное искусство», 1983. – 344 с.
2. Василенко, В. М., Жегалова, С. К. Роспись по дереву / И. М. Бибикина [и др.] // Русское декоративное искусство XIX – начало XX века / под ред. А. И. Леонова. Том 3. – Москва : Изд-во «Искусство», 1965. – С. 215-237.
3. Барадудин, В. А. Роспись по дереву / В. А. Барадудин [и др.] // Основы художественного ремесла: практ. пособие для руководителей школ. кружков / Под ред. В. А. Барадудина. – Москва : Изд-во «Просвещение», 1979. – С.79-99.
4. Бломквист, Е. Э. Постройки бухтарминских старообрядцев / Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова // Материалы комиссии экспедиционных исследований: Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1930. – Вып.17. – С. 193-313.
5. Швецова, М. «Поляки» Змеиногорского округа / М. Швецова // Записки Зап.-Сиб. отдела Императ. Рус. Геогр. об-ва. Кн. XXVI. – Омск : Тип. Окружн. Штабл., 1899. – 92 с.
6. Ащепков, Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири / Е. А. Ащепков. – Москва : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 140 с.
7. Каплан, Н. И. Очерки по народному искусству Алтая / Н. И. Каплан. – Москва : Государственное издательство местной промышленности художественных промыслов РСФСР, 1961. – 66 с.
8. Русакова, Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири / Л. М. Русакова. – Новосибирск : Изд-во «Наука. Сиб. отд-ние», 1989. – 176 с.
9. Живова, Л. В. Домовая и прялочная роспись русских Алтая (по материалам экспедиций ОРПТРК) / Л. В. Живова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 1999. – 10 с.

10. Лазарева, В. А. Алтайская роспись / В. А. Лазарева // Деловой Усть-Каменогорск. – 2002. – № 7. – С. 24-25.
11. Лазарева, В. А. Реализация души художника Александра Коробкова / В. А. Лазарева // Деловой Усть-Каменогорск. – 2005. – № 5. – С. 46-47.
12. Тишковец, Н. Марина-искусница из Усть-Каменогорска / Н. Тишковец // Устинка. – 29. 10. 2009. – № 44 (537). – С. 9.
13. Некрасова, М. А. Актуальные проблемы теории и практики народного искусства / М. А. Некрасова // Проблемы народного искусства: Сб. статей / Науч.- исслед. ин-т теории и истории изобраз. искусств Акад. Художеств СССР / Под ред. М. А. Некрасовой, К. А. Макарова. – Москва : Изд-во «Изобразительное искусство», 1982. – С.7-16.

УДК 392.51

ГРНТИ 13.11.47

**«ПЕРЕХОД» ИЗ НЕВЕСТЫ В ЖЕНЫ
В БРАЧНОМ ОБРЯДЕ «ПОЛЯКОВ» НА ВОСТОКЕ КАЗАХСТАНА
«TRANSITION» FROM THE BRIDE TO WIFE IN THE MARRIAGE
CEREMONY OF THE «POLES» IN EASTERN KAZAKHSTAN**

Свахина Татьяна Евгеньевна

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

*Томский государственный педагогический университет, г.Томск, Россия,
Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

Ключевые слова: старообрядцы, «поляки», семья, свадьба, невеста, традиция, обряд, ритуал.

Key words: old believers, «Poles», family, wedding, bride, tradition, rite, ceremony.

Аннотация. В современной науке большое внимание уделяется вопросам сохранения и возрождения культурного наследия русского народа. Большой интерес для исследователя представляют старообрядческие общины, сумевшие на протяжении многих столетий сохранить свою веру, язык, традиции, обряды. Главную роль в жизни старообрядческой общины выполняют традиционные обряды: родильный, свадебный и похоронный. В статье рассматривается положение невесты, при проведении «поляцкого» свадебного обряда, основанного на языческих верованиях древних славян.

В XVIII веке на территории современного Восточного Казахстана появились поселения русских крестьян переселенцев-староверов, выделившихся из общества в результате церковного раскола XVII века. Спасаясь от преследований церкви, староверы расселились фактически по всей России, но особенно велика их роль в освоении Сибири. Так, на территории Южной Сибири, на Алтае, в верхнем и среднем течении реки Бухтармы старообрядцами были основаны деревни и скиты. Называлась эта группа населения «каменщиками» (от местного «камень» – каменные скалистые горы) [1, с. 3]. В бассейне рек Убы и Ульбы, появились «поляки» (самоназвание, связанное с Польшей – местом, откуда они были высланы в 1764 г. в Сибирь). Жизнь в Польше

не могла не сказаться на их культуре, и, прежде всего, на языке [2, с. 170].

Церковные гонения и нетерпимость светской власти привели к обособленности, а для того чтобы сохранить веру «поляки» были вынуждены замкнуться, обособиться. Вынужденные уйти с родных, насиженных мест, старообрядцы сталкивались с огромными трудностями. Необходимо было начинать жить с нуля: строить дома, обзаводиться хозяйством, обживаться. Истоиво оберегали они прадедовский уклад жизни, растили детей в страхе перед Богом. «Но дети и внуки снова и снова устремлялись на поиски новизны, мечтали о прекрасном и таинственном Беловодье (...в легендарную страну свободы)... По их мнению, она находилась где-то на Востоке» [3]. Прообразом Беловодья, отвечающим всем мечтам и требованиям, стала территория Бухтарминского края (Алтай), куда продолжали переселяться староверы. Так возникли старообрядческие деревни и поселения – Печи, Коробиха, Снегирево, Поперечное, Верх-Уба, Бобровка и мн. др. Несмотря на значительные миграционные процессы, переселенцы сохранили свои традиционные этнографические особенности, что проявилось в их образе жизни, жилище, одежде, кухне, обычаях, обрядах, традициях, фольклоре.

В своей работе мы рассмотрим наиболее древний и интересный обряд, сохранившийся у старообрядцев-«поляков» – свадебный ритуал.

Данная исследовательская тема актуальна, в первую очередь, тем, что на современном этапе развития общества и культуры происходит переосмысление, переоценка института семьи и брака под влиянием западных веяний: активно зарождаются и формируются новые, нехарактерные для русского народа символы, обряды, ритуалы, перестраивается система празднования важнейших дат и событий в жизни человека и общества и мн. др. Каждая культура представляет собой уникальное явление, в котором органично сочетаются традиционность и новизна, благодаря чему обеспечивается развитие общества в целом. Яркий пример – свадебный обряд, который за последнее столетие, утратив свое главное обрядовое действие, приобрел новые, несвойственные ему ранее «внешние», показательные элементы. Изучение эволюции свадебного обряда в разные исторические периоды, позволяет отследить процесс формирования духовных ценностей в обществе, об отношении к семье и браку, в частности, о взаимодействии свадебных обрядов и ритуалов с общественным опытом, этническими особенностями и религиозными воззрениями народа.

Семья – одна из древнейших форм общности людей. Семейные праздники, ритуалы и обряды – одни из самых консервативных явлений в традиционной культуре. Из поколения в поколение, от отца к сыну передавались таинства обрядовых действий и словесных формул. Ритуальные и обрядовые действия, несущие в себе магическую функцию, проверялись временем, и поэтому точность, скрупулезность обрядовых действий служила залогом счастливой, благополучной жизни. Со свадьбой у всех народов связано множество поверий, примет, рели-

гиозных и бытовых обрядов. Свадьба – наиболее яркий семейный праздник, объединяющий поколения и семьи. «Красочный образ народной культуры можно увидеть во время важных жизненных событий, поэтому, свадьбу, можно без преувеличения назвать народной опереттой» [4, с. 302].

Свадьба в староверческой среде была особо важным событием не только для брачующихся, но и для всей семьи, рода, общины. Чтобы сохранить чистоту крови, а, следовательно, и веру, невест и женихов брали только «из своих», своей веры, своего «толка». Именно «поляки» при сватовстве были более лояльны к выбору молодежи. Молодые люди познакомились и договаривались о свадьбе на традиционных праздничных гуляниях. Знаком согласия девушки на брак, была лента, украшение, пояс или платок, который она дарит своему избраннику. Первенство в выборе пары оставалось у девушки.

По традиции, самым подходящим временем для вступления в брак для девушки считался возраст от 16 до 18 лет, а для парней – от 18 до 19 лет. К девушкам, перешагнувшим 23-25 летний рубеж, относились пренебрежительно, называли их перестарками, вековухами. Таких девушек парни обходили стороной, считая, что те «с пороками». Так же пренебрежительно относились и к парням, засидевшимся в холостяках. Им тоже давались, соответствующие их положению имена: бобыли, перестарки.

При организации старообрядческой свадьбы, в первую очередь, учитывалась конфессиональная принадлежность брачующихся. Если один из них (неважно кто – жених или невеста) был православного новообрядческого вероисповедания, то их семьи договаривались о том, какой будет свадьба: «на венец» или «сводом» (в беспоповщине). Этот был существенный момент, от которого зависела дальнейшая последовательность действий: определялись религиозные воззрения и конфессиональная принадлежность будущих супругов. Обсудив этот вопрос, обсуждали взаимные затраты: о приданом, о размере подъемных.

В деревнях Секисовка, Шемонаиха, Бутаково обряд, при котором заключался договор между родителями брачующихся назывался «рукобитьем», в Екатерининской, Лопатинке, Саввушке – «заливание». Для «поляков» характерны и севернорусские («рукобитье», «бранье»), южнорусские («запой», «заливание») названия. В «поляцком» свадебном обряде объединились северные и южные традиции – сказалась особенность формирования этой группы. «Поляки» признавали церковный брак, поэтому обряд венчания совершал священник или духовный отец [5, с. 213-214].

Одна из особенностей «поляцкого» обряда – обычай выводить невесту на зарю в дни, когда заключался договор между родителями. Утром на рассвете подруги выводили засватанную девушку на улицу, где она там голосила, причитала об утраченной жизни девичьей.

Основу традиционных русских свадебных обрядов составляют древнеславянские языческие верования. Главную особенность мировоззрения древнего человека составляла уверенность в существовании

иною мира и о том, что родители, деда и прадеды, попадая в него после смерти, могли влиять на жизнь родных оставшихся в этом мире, они становились хранителями своего рода. Таким образом, благополучие и жизнь людей в целом зависели от и покровительства умерших предков. Рождение и смерть – это не только начало или завершение жизнедеятельности. Это изменение социального статуса человека через обрядовое перерождение (символическая смерть в одном образе и возрождение в другом). Одну из возможностей духовного перерождения давал брачный обряд. Именно поэтому свадебные, родильные и похоронные обряды выстраивались по одним и тем же этапам. А особо опасным было «переходное состояние» вступающей в брак девушки – невесты.

«Невеста» значит «неизвестная», «неведомая», «непознанная». Ведь для семьи жениха она была незнакомым сторонним человеком. Девушка становилась невестой после просватанья. Теперь уже в своем родном доме она становилась «неведомой»: девушка должна была уйти в чужую семью, стать чужой для родных, она уже не принадлежала себе. То есть свободная девушка исчезала (символическая смерть), поэтому ей нельзя было общаться, играть со сверстниками, она исключалась из молодежного коллектива. Но это было только началом процесса ее перерождения, превращения замужнюю женщину. Она была «неведомой» для окружения, т.к. находилась в опасном «переходном состоянии», и этим объясняется особое отношение, уделяемое ей в родном доме (ведь для родных она почти умерла): ее не огорчали, не ругали, оберегали от невзгод, случайностей, следили за тем, чтобы никто и ничто не нанесло вред ей самой и ее окружению. Пока девушка считалась невестой, она не выполняла никакой, даже самой легкой, работы по дому, хозяйству, не участвовала в праздничных гуляниях и играх: она постоянно причитала, оплакивала свою утраченную девичью жизнь, и свободу, что для нее было подобно смерти. Девушка вела себя так, будто она и действительно умерла. Родные к ней относились почтительно, с опаской, как к «живой покойнице» – не касаясь рук, водили за платочки; закрывали, прятали лицо, и постоянно оплакивали неизбежную разлуку.

Плач невесты – это обязательный ритуал, и даже если ее брак был по сердцу, желанным: она должна была оплакивать расставание с родным домом, девичьей свободой, волей и волноваться перед встречей с новой жизнью. В старину плач невесты был искренним, так как засватанная девушка уходила от опеки предков-покровителей своего рода, и переходила к чужим, неизвестным.

«Переходное состояние» невесты отражалось и в её costume: голова накрыта покрывалом, убраны волосы, скрыто лицо. Считалось, что это необходимо, чтобы не допустить нежелательного взаимодействия между живыми родными и мёртвыми предками – хранителями рода, с которыми будет контактировать девушка, став новым членом семьи. Эта опасность будет грозить невесте до тех пор, пока не будут завершены все магические ритуалы, и не будет полностью завершён свадебный

обряд. Исследователи обуславливают взаимосвязь между свадебным нарядом невесты (сокрытием головы, волос, лица под покрывалом) и маской покойного. Маски широко распространены у многих этносов и народов, а слово «маска» зачастую означает саму смерть или «предка».

Защитным смыслом наделен запрет молодоженам прикасаться друг к другу или чему-нибудь голой рукой. Поэтому широкое распространение получил обычай, при котором невесту водят за платочек, а свадебные костюмы жениха и дружки «скреплялись» особо повязанными через грудь ритуальными полотенцами, т.к. в соответствии с обрядом именно жених и дружка соприкасались с невестой, а сакральные узоры полотенца выступали мощным оберегом.

После «временной смерти» невесты «воскресала», но уже в новом качестве – она становилась молодухой. Внешне этот новый образ выражался в изменении причёски, смене головного убора: перед семьей жениха предстала новая женщина. Теперь, опасность, исходящая от «неведомой» невесты, была позади, и уже можно было рассмотреть ее лицо. Во время свадебного пиршества молодые не прикасались к пище вообще. С изменением свадебного обряда, в более близкие нам времена, молодые получили право участвовать в свадебной трапезе, но при этом молодуху должен был кормить жених, а она сама не должна была есть. Отголоски этой древнейшей традиции отразились и в старообрядческих обрядах: молодая жена воспринималась как «новорожденная», как маленький ребёнок, который сам ничего не умеет. После свадьбы у неё появлялись новые права и обязанности, она меняла причёску, одежду и головной убор, и даже свое имя (замужних женщин было принято называть по имен их мужей): таким образом происходило перерождение, перевоплощение молодой женщины в другого человека.

Но даже обряд окучивания не избавлял невесту от тех опасностей, которые она в себе таила, именно поэтому первое «брачное ложе» для молодоженов было принято устраивать в нежилом помещении. Так была интерпретирована более древняя «свадебная хижина», которую специально устраивали для новобрачных многие народы [6, с. 86-88].

Традиционное битье посуды после первой брачной ночи (выпив из стакана пиво, жених разбивал его об пол в знак добропорядочности невесты) стало символом изменения жизненного статуса невесты. В древнейшие времена этот ритуал исполнялся как на свадьбах, так и на похоронах, т.е. при всех обрядах, связанных с «переходным состоянием». Невесту была причастной к потусторонним силам, и поэтому ее считали «нечистой», и этим объясняется наличие в брачном обряде очистительных обрядов: баня, ритуальные омовения. Ритуальному очищению (водой или огнем) подвергались все участники свадьбы, ведь они как или иначе взаимодействовали с «нечистой» невестой.

Все семейные обряды, независимо от того, связаны ли они с рождением или смертью человека, едины в своей мифологической основе и взаимосвязаны. Они основаны на вере в то, что вступить в новую жизнь человек может только после смерти: временной (как при

вступлении в брак) или реальной. Все это сводится к «обрядам перехода». Невеста, находящаяся в «переходном состоянии», должна была пройти путь к дому жениха, подобный тому, который проходит мёртвый в иное царство. Погребальные костры, устраиваемые в древности, зажигались для имитации подобного обряда, когда на берегу невесты действительно разводили огонь [7].

Старообрядцы явились собирателями, хранителями и пропагандистами традиционной русской культуры. Выдержав испытание временем, старообрядчество развивается, несмотря на все потрясения, которые пришлось вынести ему на протяжении столетий. На современном этапе, когда сохранение народной культуры становится главенствующей задачей для всего русского общества, историческая роль старообрядчества находит достойное переосмысление и видится в истинном свете [8, с. 721].

Литература

1. Алексеенко, Н. В. Бухтарминские были / Н. В. Алексеенко. – Алма-Ата : Изд-во «Казахстан», 1981. – 128 с.
2. Шарабарина, Т. Г. Традиционные головные уборы русских крестьянок-староверок Южного и Юго-Западного Алтая в первой половине XX века / Т. Г. Шарабарина // Проблемы изучения и сохранения культурного и природного наследия Евразии: материалы Международной научно-практической конференции (Павлодар, 2010). – Павлодар, 2010. – 318 с.
3. Голованов, А. Т. Бытовой уклад старообрядцев – «поляков» / А. Т. Голованов // Деловой Усть-Каменогорск. – 2007. – № 5. – С. 49-51.
4. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – Москва : Изд-во «Наука», 1991. – 507 с.
5. Липинская, В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века / В. А. Липинская. – Москва : Изд-во «Наука», 1996. – 269 с.
6. Еремина, В. И. Ритуал и фольклор / В. И. Еремина. – Л. : изд-во «Наука», 1991. – 206 с.
7. Шарабарина, Т. Г. Мотивы воды и огня в традиционных русских свадебных песнях / Т. Г. Шарабарина // Культура и время. – 2008. № 1. – С. 41-44.
8. Кремлева, И. Старообрядчество / И. Кремлева // Русские – Москва : Изд-во инст-та этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. – 857 с.

УДК 379.82
ГРНТИ 13.11.44

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ КАК СОВРЕМЕННЫЙ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И СРЕДСТВО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

**NATIONAL VILLAGE AS A MODERN SOCIAL AND CULTURAL
PHENOMENON AND MEANS OF ETHNOCULTURAL
INTERACTION. ON THE PROBLEM**

Марина Андреевна Солонец

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия
Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический
и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие, этнокультурное взаимодействие, национальная политика, этнокультурная политика, национальная деревня.

Keywords: inter-ethnic relations, ethnic and cultural interaction, national policy, ethnic and cultural policy, national village.

Аннотация. Проблема взаимодействия между народами является актуальной для всего постсоветского пространства. Межэтнические отношения обусловлены историческими, политическими, культурными, социальными, психологическими факторами. Для их регулирования, для обеспечения необходимых условий свободного развития всех народов государственными органами разрабатываются концепции по совершенствованию межнациональных отношений, в которых одним из основных направлений является организация этнокультурного взаимодействия. Одной из форм такого взаимодействия, содействующей укреплению дружбы между народами, является т.н. «национальная деревня». Национальная деревня (парк) – это культурно-образовательный объект, миниатюрная модель мира и согласия, объединенная рамками своеобразного музея под открытым небом, туристическая достопримечательность.

Не секрет, что после распада Советского Союза на постсоветском пространстве не раз осложнялись межнациональные отношения внутри новообразованных государств. Социально-экономическая напряженность способствует возникновению конфликтов индивидуального и группового характера. И одно из первых мест в них занимают межэтнические конфликты.

«Политическая демократизация и экономическая либерализация создают новые мотивы поведения людей и новые отношения между ними. Новые исторические условия предъявляют и новые требования к процессам, происходящим в сфере этнокультурных отношений» [1, с. 305]. Идеи межнационального согласия, укрепления межнационального единства являются гарантом стабильного социально-экономического развития общества. В связи с этим во всем мире возрастает интерес к понятиям «межкультурное взаимодействие», «этнокультурное взаимодействие», уделяется огромное внимание проблемам этноде-

мографического развития, разрабатываются концепции этнокультурной политики.

Президент Казахстана Н. А. Назарбаев отметил: «Ядро любой национальной культуры, сердцевина национального духа – это традиции народа. Сохранение национального – это проблема всех национальных групп, населяющих полиэтничное государство». Поэтому, результатом эффективной этнополитики государства должно быть не только сохранение мира между народами, но и сохранение, развитие самих национальных культур [1, с. 355].

Межэтническое взаимодействие является частью межкультурной коммуникации, которую следует рассматривать как совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам [2]. Культурная коммуникация только тогда проявляет устойчивый характер, когда в обществе сохраняются этнические ценности. Цель межкультурной коммуникации – обогащение национальных культур при условии сохранения их неповторимого облика.

«Межкультурное взаимодействие – сложный социокультурный механизм, обеспечивающий, с одной стороны, взаимопонимание и взаимообогащение разных народов, с другой стороны, активизирующий их стремление к сохранению самобытности и уникальности национальной культуры» [3, с. 11].

Благодаря межэтническому взаимодействию, с одной стороны, как средству осознания человеком своей причастности к своему этносу, а с другой, как форме этнокультурного обмена, индивид ощущает себя частью не только своего народа, но и всего человечества в целом. Межэтническое общение позволяет приобщиться к культурным традициям и историческому прошлому других народов, что формирует широкий взгляд на окружающий мир, влияет на этноязыковые процессы, на человеческое и национальное достоинство [2].

Однако, в процессе межэтнического общения не только происходит взаимообмен культурно-историческим опытом, но и переживаниями, чувствами, мыслями, проявляются не только индивидуальные психологические качества, но и особенности этнопсихологии, культурных традиций народов, которые представляют собой общающиеся этносы.

Межэтнические отношения изучаются различными областями научного знания: социологией, этнологией, кросс-культурной психологией, этнографией, историей, политологией и другими общественными дисциплинами.

Так, общетеоретические вопросы межкультурной коммуникации разработаны в трудах таких авторов, как Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин, Н. С. Журавель, Х. Б. Золотова, Т. В. Юрченко.

Проблемы теории, методологии этнографических, этносоциологических, этнополитических исследований, направленных на изучение отдельных сторон жизнедеятельности этноса, отражены в публикациях российских ученых: С. А. Арутюнова, Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, З. В. Сижевич, Т. Г. Стефаненко, Е. Ю. Красовой, Т. С. Сарсенбаева, А. Б. Сорокиной, С. Д. Гуриевой, А. Н. Халтурина.

Вопросы межэтнических контактов, взаимодействий и конфликтов достаточно широко изучаются в работах Р. Г. Абдулатипова, Л. М. Дробижевой, В. А. Тишкова. В частности, в них раскрываются такие аспекты, как роль межэтнических взаимодействий в развитии этнической культуры, а также влияние на их динамику отдельных социальных факторов.

Появляется все больше научных исследований, посвященных изучению опыта государственного регулирования национальных отношений. Проблемы российской государственной национальной политики рассматриваются Р. Г. Абдулатиповым, А. И. Дороченковым, Л. М. Дробижевой, В. Ю. Зориным, В. А. Тишковым и др. Глубока степень изученности проблематики этнонациональной политики в становлении казахстанской государственности в работах известных казахстанских ученых, политологов, социологов, этнологов – Н. А. Назарбаева, А. Н. Алексеенко, Р. К. Кадыржанова, Г. А. Нарбековой, Г. Шалабаева, С. М. Туменова и др.

Сегодня один из главных принципов межэтнической политики государства – равенство прав и свобод всех граждан независимо от их этнической или религиозной принадлежности. Деятельность государственных органов и общественных организаций должна быть направлена на развитие взаимодействия народов, их духовное единение для достижения поставленных целей. «Главная задача этнокультурной политики – превратить полиэтничность общества в устойчивый консолидирующий фактор» [1, с. 23].

Одним из важных инструментов современной этнокультурной политики в Казахстане стало создание в 1995 году консультативно-совещательного органа при президенте Республики Казахстан – Ассамблеи народа, являющейся полноправным субъектом политической системы страны. За годы своей работы, Ассамблея народа Казахстана превратилась в уникальный институт интеграции народонаселения и сохранения внутривнутриполитической стабильности общества. Именно Казахстан стал первой страной на постсоветском пространстве, сумевшей предложить обществу принципиально новую модель обеспечения этнического и конфессионального согласия в лице Ассамблеи народа.

Ассамблея вносит большой вклад в сохранение и укрепление межнационального единства и согласия. В круг ее полномочий входит участие в общественной экспертизе новых законопроектов в области национальной политики, масштабная работа с этнокультурными центрами, как главными рычагами возрождения национального языка, культуры, традиций и обычаев, проведение съездов, фестивалей этносов, организация национальных средств массовой информации, выпуск литературы на языках народонаселения, а также работа по укреплению связей диаспор с исторической родиной [1, с. 329].

В условиях возрастающей социально-культурной значимости межкультурной коммуникации, появляются ее новые функциональные сферы. В осуществлении целей национальной политики, наряду с традиционными институтами, такими, как система образования, семья,

трудовой коллектив, этнокультурные центры важную роль сегодня играет **национальная деревня** (*национальный парк*), как новая форма взаимодействия и взаимного проникновения национальных культур. Деятельность *национальных деревень* ориентирована на ознакомление населения с элементами материальной и духовной культуры различных этносов.

В настоящее время во многих российских регионах насчитывается около десятка национальных деревень, среди которых наиболее известны и развиты в городах Саратове, Оренбурге, Калуге и др. [4, с. 7]. Существует национальная деревня и в многонациональном Казахстане – это Этническая деревня Восточно-Казахстанского архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея заповедника, расположенная на левом берегу р. Иртыш в г. Усть-Каменогорске.

Кроме того, не прекращается работа по созданию новых национальных деревень, что говорит об их актуальности, обусловленной требованиями времени в связи с происходящими глобальными процессами в мире, а также об особом статусе государственной этнокультурной политики.

С позиции этнографии, национальная деревня представляется в качестве реального или искусственно созданного поселения, сохранившего свой этнический дух, с системой признаков, характеризующих традиционную культуру этноса. На базе национальных деревень воссоздаются материальные компоненты традиционной культуры народа, архитектура, планировочные и пространственно-организационные этнические традиции, элементы традиционной хозяйственной деятельности, сельскохозяйственных и промысловых особенностей этноса. Помимо этого, важной деятельностью подобных объектов является моделирование духовной культуры. На базе национальных деревень проводятся фольклорные фестивали, традиционные народные праздники, обрядовые действия, справляются свадьбы по этническим образцам и т.д. [4, с. 10]. Таким образом, происходит активное приобщение населения к образцам культурно-исторической среды того или иного этноса.

С точки зрения политики, национальные деревни можно рассматривать как элемент этнокультурной политики в многонациональном регионе. Наряду с сохранением разнообразных этнокультурных традиций, национальные деревни способствуют повышению этнического самосознания, а также, что особенно важно в условиях многонационального государства, способствуют формированию и воспитанию толерантного, поликультурного гражданина, уважительно относящегося к другой культуре.

Этничность в национальных деревнях может быть представлена с разных позиций, это могут быть музейные экспонаты, или живая культурная традиция в различных ее проявлениях, таких как фольклор, традиционные ремесла, национальная кухня и др. [4, с. 13].

Наряду с государственными институтами, национальные деревни способны многое сделать для развития культурных связей между

народами, обеспечить культурный плюрализм, совместимость культур при свободном развитии каждой из них. Они способствуют осознанию ценностей и образцов культурно-исторической жизни этносов, на воссоздание которых и направлена деятельность таких объектов.

Национальная деревня, представляя собой один из новых типов этнокультурного взаимодействия XXI века, является быстро развивающимся явлением в современном социокультурном пространстве. В настоящее время существует достаточно широкий диапазон научных исследований, посвященных вопросам межкультурного взаимодействия, огромная работа проделана государственными органами по разработке и принятию различных постановлений по урегулированию межнациональных отношений. Однако, *национальная деревня*, как уже состоявшийся социокультурный феномен, не имеет под собой теоретической базы и нуждается в серьезной научной поддержке – т.е. в разработке методологического обоснования, теоретического обобщения и осмысления уже имеющегося опыта.

В этом аспекте, на наш взгляд, наиболее актуальным является изучение опыта существующих в России и Казахстане национальных деревень (с учетом особенностей, достоинств и недостатков) как объекта социокультурного анализа в сфере межэтнических отношений. При исследовании феномена национальной деревни следует учесть, что межэтнические взаимодействия наиболее наглядно проявляются в сфере культуры и быта, что позволяет определить содержание ее социально-культурной деятельности с учетом национальных традиций.

Литература

1. Назарбаев, Н. А. Сборник докладов на 1-10 Ассамблеи народов Казахстана / Н. А. Назарбаев. – Астана : Елорда, 2005. – 440 с.
2. Золотова, Б. Х. Культура межэтнического общения: сущность и содержание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.superinf.ru (дата обращения 11.03.2015).
3. Юрченко Т. В. Взаимодействие национальных культур как фактор консолидации народов России: автореф. ... дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Т. В. Юрченко. – Москва, 2004. – 28 с.
4. Калуцков, В. Н. «Этническая деревня» – новый тип культурного ландшафта / Н. В. Калуцков, А. Ю. Латышева // Теория и практика планирования культурного ландшафта: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Саранск, ноябрь 2010 г.). – Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2010, С. 7-15.

**ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПОЯСА: К ПРОБЛЕМЕ ПРОЧТЕНИЯ**
**MULTIVALUED STRUCTURE BELT OF OLD BELIEVERS:
TO THE PROBLEM OF PERUSAL**

Наталья Николаевна Честнейшина

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия
Восточно-Казахстанский архитектурно-этнографический
и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

Ключевые слова: история культуры; этнография; русская культура; семантика в культуре; русский народный костюм; детали русского костюма; пояс; обряд; заговор.

Key words: History of Culture; ethnography; Russian culture; semantics in culture; Russian folk costume; Russian costume details; a belt; a rite; a spell

Аннотация. Статья посвящена проблеме неоднозначности семантики универсальной детали русского костюма – пояса, связанной с существованием в одном предмете языческой функции оберега и православного охранительного креста. Обращается внимание на многоаспектность использования пояса в обрядовой магии, в заговорах. Проведены сравнения функции узлов и петель в сети как оберегов с петлями в декоре пояса и узлами при его завязывании. Проблема исследования обусловлена разрозненностью, неполнотой сведений и требует более глубокого изучения.

Начиная с последнего десятилетия XX века, в науке наблюдается поворот от изучения сугубо утилитарной сферы применения элементов материальной культуры к изучению глубинных аспектов функционирования вещей. Все большее внимание привлекает проблема знаковости вещи, ее информативной нагрузки (в ритуале, этикете, мифологии и т.д.), и в целом – проблема символического «языка вещей» в традиционной народной культуре. В результате становится все более очевидной определенная условность разделения культуры народа на материальную и духовную. Отсюда – настоятельная необходимость их изучения в неразрывном единстве, в контексте целостной картины мира того или иного народа [1].

Глубинное значение вещей можно выявить только при обращении к внешним по отношению к ним «источникам» (ритуал, фольклор, мифология, язык, этикет), при «вхождении» в которые предмет и обретает (актуализирует) знаковые свойства [1].

Интересующей нас теме, касающейся многоплановости семантики пояса, как универсальной детали костюма многих народов, уделяют внимание практически все современные исследователи. Вслед за описанием разновидностей техник, цветовой гаммы, длины и ширины, в первую очередь, указываются функции поясов как оберегов и их отношение к христианской вере (приравнивание к кресту). Данные аспекты отражены в трудах западно-сибирских исследователей Шелегиной О. Н.,

Шитовой Н. И., Фурсовой Л. М., Щербик Г. М. и др. Этноконфессиональная составляющая старообрядческого пояса также исследована Приль Л. Н. Другие функции пояса, а именно, магические (заговоры, гадания), обрядовые (свадьба, рождение, похороны), прослеживает этнограф Алтайского края Астафьева Т. П. В книге о культуре крестьян Архангельской области Дурасова Г. П. «Запечатленная радуга», пояс также представлен не только как деталь костюма, но и как предмет заговорной и обрядовой магии. Символику пояса в славянских свадебных обрядах подробно рассматривает Сумцов Н. Ф. Исследования Орлова П. А. в области материальной культуры удмуртов открывают новые грани в изучении семантики народной одежды.

Таким образом, мы видим некоторую недосказанность в трудах исследователей. Если подробно говорится об одной функции, то другие лишь упоминаются. Анализ литературы выявил недостаток информации, отсутствие полноты сведений, бедность доказательной базы по семантической структуре пояса.

Эмпирической основой исследования является коллекция старообрядческих поясов Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, в которой представлено порядка шестисот единиц хранения, выполненных в разных техниках. Коллекция была собрана на территории Юго-Западного Алтая, явившейся очагом старообрядчества на протяжении трех столетий.

Здесь, с XVIII века проживали две этногруппы переселенцев, так называемые «каменщики» и «поляки». «Каменщики» обосновались по р. Бухтарме. Их предки, беглые горнозаводские рабочие, вследствие религиозных преследований и непосильного труда «забежали» в наиболее недоступные горные места, то есть «в камень», откуда и идет их название. Предки «поляков» поселились в долинах рек Ульбы и Убы, а также у правых притоков Иртыша в ходе правительственных переселений в Сибирь из Польши, точнее с Ветки и Стародубья, где они локально жили долгое время.

Изучение старообрядческого населения в любом районе представляет большой этнографический интерес ввиду того, что население это, в силу своих религиозных убеждений является приверженцем всего старого и хранителем древних традиций [2, с. 9].

Л. М. Русакова и Е. Ф. Фурсова, изучая одежду и вышивку, выполненную женщинами-бухтарминками и «полячками», показывает, что они несут в себе информацию еще с языческих времен. Изобразительные мотивы в искусстве алтайского староверческого населения ориентируют относительно мест выхода двух групп рудно-алтайского старообрядчества [3].

Достаточно изученная многими этнографами материальная и духовная культура «каменщиков», их сдержанность, по мнению исследователей, указывают на преобладание у них северно-русских традиций. Наблюдения за бытом, изучение фольклора, богатого украшениями народного костюма «поляков» говорят о преобладании южнорусских традиций в этой группе старообрядцев.

Кроме утилитарной роли, – придать удобство и сохранить тепло, пояс играл весьма важную роль в системе традиций. Мифологию пояса во многом определяет его связь с центром тела человека, его серединой – поясницей, талией. В представлениях о пространстве в большинстве мифологических систем середина рассматривается как источник космической гармонии, порядка [1].

Н. И. Толстой на примере славянской традиции приходит к выводу, что «глубинная семантика пояса заключается в силе, прежде всего, в силе рождающей, детородной» [1]. Усиливают эту функцию набор архаичных геометрических знаков-символов на поясах, например, вертикальные линии, обрамляющие квадраты, которые могли символизировать воду и землю. А вместе с ними – плодородие, рождение нового.

В древности, как считают ученые, пояс служил символом связи (связанности), установления взаимоотношений между людьми, что отразилось в обычае его разрывания в случае конфликта, например, у татарского народа [1].

Проведенная автором систематизация коллекции старообрядческих поясов, тканых на дощечках, в количестве 129 предметов из фондов Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника показала некоторые другие вторичные функции пояса. Дело в том, что только данная техника позволяет выполнять рисунок на поясе в виде букв, слов, фраз. Если истинная архаичная семантика орнаментов может быть частично утрачена, то запечатленный на старинном предмете знаковый текст может рассказать о новой роли этой универсальной детали одежды [4].

В среде старообрядцев Юго-Западного Алтая известны традиции дарения пояса. Эта традиция прослеживается по архивным записям, воспоминаниям старожилов. Довольно часто при изготовлении пояса девушки, женщины как узоры ткали на нем дарственные «слова». Тем самым фиксируя связанность с будущим владельцем. Здесь можно говорить о коммуникативной функции пояса.

По мнению исследователей, в мире, где отождествлялись объект и субъект, вещь была неотделима от человека. Одежда представлялась не только внешним покровом тела, но и его продолжением. С передачей одежды другому человеку ему как бы передается часть личности ее владельца [1]. Это могло иметь место среди членов одной семьи нескольких поколений.

При изучении коллекции мы убедились в том, что с поясом его автор мог передать будущему владельцу и часть души. Условно это определено нами как функция письма, сердечного послания. При этом адресат остается «incognito»: «Кого люблю, тому дарю…» или «…сей пояс, ткан на имя тому, кто мил сердцу моему. Носить, не терять, меня не забывать…» или «Сизенький мой голубочек, отнеси сей пояс тому, кто мил сердцу моему. Лети, завивайся никому в руки не довайся». Это также коммуникация, но немного другого рода – лирического. При дарении такого пояса делалось некое признание в особом отношении к человеку.

Семантика магической направленности пояса, как оберега также требует уточнений. Как и от чего он оберегает?

Мы знаем, что пояс может быть силой, противостоящей нечистой силе и болезням, он наделен охранительными, апотропейными (внепространственными) свойствами.

Опоясанность является универсальным оберегом, постоянным магическим кругом, «внутри» которого человек чувствовал себя в безопасности, также иногда говорится о функции привязывания чего-либо (кого-либо) к определенным пределам.

Так, по записям краеведа Алтая Абрамовой О. А., известно, что пояс снимали, когда шли гадать [5, с. 39]. Но при этом могли очерчивать условный круг вокруг себя.

В заговорной магии славян известны мотивы подпоясывания, причем в качестве предмета этого действия выступают чаще всего заря или месяц. Для примера приведем заговоры из собрания Майкова: «Подпояшусь красною зорею, взойду на небо светлым месяцем и обтычусь частыми звездами» (на власть) [6, с. 104], «подпояшуся светлым месяцем, отычуся мелкими частыми звездами, покроюся меденным небом» (оберег) [6, с. 112].

Крестьянки Архангельской губернии верили, что особый пояс – «плетешок» не только охранит их Зорюшек да Пеструнюшек от беды, но заставит исправно приходить с поскотины домой. Оттого за день до общего сгона брала хозяйка льняные нитки, садилась за работу... [7, с. 23].

Подобное использование пояса в заговоре (или заговора в поясе?) «при выгоне весной на пастбище коров» мы находим в издании «Сибирские заговоры» Я. О. Бирюкова. Сложный обрядово-заговорный процесс завершался таким образом: «Затем нужно протянуть поясок в воротах и сказать: «Как поясок вьется-увивается вкруг хозяйюшки, так и коровушки вились и увивались вкруг своей хозяйюшки»» [8, с. 15].

Здесь завивание или увивание пояса следует рассматривать уже не как замыкание круга и ограждение, а как ту самую незримую привязку своего скота к пределам своего дома.

У некоторых северных народов, в частности, у коми, чтобы избежать порчи, жених и невеста обязательно подпоясывались: часто куском сети или же на поясе завязывали узлы (узел = оберег). Узлы и петли использовались в качестве оберегов [1].

Жениха или невесту в Орловской, Виленской, Саратовской губерниях обертывают по голому телу сетью, обыкновенно той, что рыбу ловят, – обыкновение, встречающееся у некоторых диких народов, например у камчадалов [9, с. 150-151].

Обратим внимание на то, что тканые пояса старообрядцев Юго-Западного Алтая, особенно «поляков», всегда обильно декорировались всевозможными петельчатыми намотками, валиками иногда в несколько рядов, как по самому поясу, так и по кистям. Видимо, даже не завязанный пояс мог служить оберегом хозяину, дому, поскольку имел все необходимые оберегающие знаки.

Опоясывание и завязывание узлов на поясе происходило по определенным правилам. Функция оберегающей магии здесь также присутствует. Краевед Щербик Г. А. записала, как это делали женщины: «Один раз вокруг талии завернешь, а сбоку бантом завяжешь, кисти ниже колен, *петельку* большую сделаешь» [10, с. 218].

Интересное явление – совмещение магической функции пояса, как оберега и функции принадлежности к православной вере, также направленной на защиту, охрану от нечистой силы. Это не механическое соединение двух воззрений, хотя элементы одного и другого четко просматриваются. Это скорее слияние, выгодное взаимное поглощение. Как и во многом другом (например, в земледельческом календаре) здесь наблюдается перетолковывание церковных учений в желательном для народного знания и веры смысле. По словам М. М. Бахтина, тема жизни и смерти, постоянный переход из одного состояния в другое, возрождение и воскресение через смерть, гибель, сожжение, зарывание – главенствующие темы церковной и народной культуры [11, с. 7, 8].

Сфера материального бытия (своего рода «овеществленное мировоззрение») является богатейшим источником информации, с помощью которого представляется возможным достаточно полно восстановить в том числе и религиозно-мифологическую картину мира того или иного этноса [1]. Старообрядческий пояс – часть материального и духовного бытия в древней русской традиции, сложная семантическая структура позволяющая раскрыть некоторые ранее не учтенные знаковые элементы в воссоздании облика народной культуры в целом.

Литература

1. Орлов, П. А. Вещный мир удмуртов – к семантике материальной культуры. Диссертация. Удмуртский государственный университет (На правах рукописи). – Ижевск, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://superinf.ru> (дата обращения: 20.01.2015).
2. Бломквист, Е. Э. Гринкова, Н. П. Кто такие бухтарминские старообрядцы // Материалы комиссии экспедиционных исследований: Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1930. – Вып.17. – С.1 – 49.
3. Романова, Н. И. Верхнеубинское старообрядчество Рудного Алтая: историко-культурологический аспект: Дисс. ... канд. культурологии / Н. И. Романова. – Кемеровская государственная академия культуры и искусств (на правах рукописи). – Кемерово, 2000. – 214 с.
4. Шарабарина, Т. Е. Честнейшина, Н. Н. Каталог. Традиционная одежда русских крестьян. Пояса. Конец XIX – начало XX века. Часть I. Пояса тканые на «кружочках». (На правах рукописи). – Усть-Каменогорск, 2014. – 8 с.
5. Абрамова, О. А. Традиционная народная культура «поляков» – староверов села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края: материалы фольклорных экспедиций. Выпуск 1 / О. А. Абрамова. – Барнаул : ДЮФЦ Песнохорки, 1999. – 125 с.
6. Прозоров, Л. Р., Калинкина, Е. А. Вещая Русь. Языческие заговоры и арийский обряд / Л. Р. Прозоров, Е. А. Калинкина. – Москва : Язуз: Эксмо, 2012. – 320 с.
7. Дурасов, Г. П. Запечатленная радуга / Г. П. Дурасов. – Москва : Молодая гвардия, 1985. – 77 с.

8. Бирюков, Я. О. Сибирские заговоры (записаны в разных местах Томской губернии и Семипалатинской обл.) / Я. О. Бирюков // Алтайский сборник. – Т. II. – 1911. – С. 48-56.
9. Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды / Н. Ф. Сумцов. – Москва : Восточная литература, РАН, 1996. – 298 с.
10. Щербик, Г. А. Очерки народного искусства Восточного Казахстана (XIX – начало XX в.) / Г. А. Щербик. – Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2008. – 288 с.
11. Некрылова, А. Ф. Русский земледельческий календарь / А. Ф. Некрылова // Круглый год. Русский земледельческий календарь. – Москва : Правда, 1991. – С. 5 – 22.

УДК 323. 213

ГРНТИ 13.11.44

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ROLE OF ETHNO-CULTURAL ASSOCIATIONS EAST KAZAKHSTAN TO PRESERVE THE NATIONAL CULTURE

Ирина Сергеевна Шувалова

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия
КГУ «Центр Молодежи» управления по делам внутренней политики
Восточно-Казахстанской области, г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

Ключевые слова: межэтническое согласие, Ассамблея народа Казахстана, национальная политика, этнокультурные объединения, этнокультурные образования, Дом Дружбы.

Keywords: Inter-ethnic harmony, the Assembly of People of Kazakhstan, the national policy, ethnic and cultural associations, ethnic and cultural education, the House of Friendship.

Аннотация. Стремление понять культуру других народов, а также разобраться в ее различиях и сходствах является наиболее актуальным в настоящее время, поскольку межэтническое согласие является определяющим фактором успешности развития казахстанской государственности. Для этого необходимо сберечь существующий баланс интересов тех этнических групп, которые населяют Казахстан, не допускающего прерогативного положения одних и ущемления прав других. Наиболее эффективным способом координировать межнациональные взаимоотношения является создание этнокультурных общественных объединений, деятельность которых вносит значительный вклад в гармоничное развитие социокультурной среды. В данной статье речь пойдет о деятельности этнокультурных объединений Восточно-Казахстанской области.

Казахстан за время своего независимого развития не раз доказывал, что он является исключительным регионом межнациональной стабильности и полиэтнического, социокультурного многообразия. Представители всех национальностей, проживающих в Казахстане, – русские, казахи, татары, поляки, уйгуры, украинцы и др. – имеют одинаковые права и обязанности. В Республике Казахстан отсутствует какой-либо закон, ущемляющий права граждан [1].

За все время независимости Казахстан сохранил межнациональную стабильность, сплотил и объединил общество, не допустил разногласий между народами и этносами, живущими на территории страны, которые могли бы разделить их. Каждый казахстанец знает мудрые слова своего президента: «Ссорятся супруги – рушится семья, ссорятся менеджеры – распадается компания, ссорятся этносы – гибнет государство». Именно в таком духе уважения друг к другу развивается полиэтнический Казахстан [2, с. 5].

Подобный выбор доброжелательных взаимоотношений всех проживающих в Казахстане этносов обеспечивается всесторонней поддержкой государства, и особенно Президента страны Н. А. Назарбаева. «Еще на заре своей независимости наша республика стала проводить взвешенную и далеко продуманную политику в области межэтнических отношений. Этому способствовали разные причины: исторические, политические, социальные. На почве розни и конфликтов между представителями разных национальных меньшинств, которые в конце XXвеков, в прямом смысле, раздирали многие постсоветские республики, Казахстан оставался единственным островком мира и согласия, подтверждая свою приверженность соблюдению международных стандартов в области прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека» [3, с. 60].

Таким образом, на современном этапе крайне важным является акцентировать внимание всего населения Республики на проблемы ее формирования как многонационального, а также на изменение этнодемографической ситуации. Непосредственное начало изучения такого существенного вопроса, как роль и место народов, этнических групп в системе межнациональных отношений в разные периоды складывания, развития и совершенствования государства начало формироваться еще в 1990-е гг.

В 1992 году состоялся Первый Форум народов Казахстана, который по инициативе президента решено было проводить на постоянной основе. Деятельность Форума вызвала к жизни созданию в 1995 году Ассамблеи народов Казахстана с целью сохранения мира и согласия всех народов и этносов, которые проживают на территории страны, поскольку главным достоянием всех казахстанцев является Дружба народов. Так, в Казахстане появился первый институт в области национальной политики [4, с. 39].

Ассамблея народов Казахстана – консультативно-совещательный орган при Президенте, поэтому она не имеет юридического лица и способствует проведению государственной национальной политики, направленной на поддержание дружбы между этносами, на сохранение родной культуры и языка. В государственном законе «Об Ассамблее народа Казахстана» [5] черным по белому написано о главной цели данного уникального института, а именно – гарантирование межэтнического согласия в Республике, который основывается на патриотизме народов, проживающих на территории Казахстана, а также гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа.

В 2007 году Н. А. Назарбаев в своем послании «Новый Казахстан в новом мире» озвучил конкретные задачи, стоящие перед Ассамблеей народа Казахстана, одной из которых явилась задача повышение роли Ассамблеи для укрепления общественного согласия и стабильности [2, с. 12]. Большое значение здесь приобретает общегражданская принадлежность, политическое самоопределение людей с судьбами казахстанской государственности. Таким образом, формирование в Казахстане единого народа становится ядром и главной целью государственной национальной политики [3, с. 9]. Главным принципом этой политики является то, что каждый народ равен другому всем объемом своих прав и возможностей [6, с. 358].

Главную роль в поддержании и консолидации межэтнического согласия, без сомнения, играло и будет играть государство. Но для положительного результата нужны еще и дополнительные общественные механизмы, рычагами которых стали национальные культурные центры, их основой является восстановление национального языка, традиций и обычаев народов Казахстана, регулирования межнациональных отношений [6, с. 431]. Для этой цели и были созданы Национальные культурные центры в начале девяностых годов. Сегодня они активно участвуют в жизни общества, в создании атмосферы полного доверия между людьми, развитии национальных культур и языков. Каждый из них вносит свой вклад в сокровищницу мировой цивилизации [6, с. 263]. Все общественные объединения и национально-культурные центры являются основой мира и согласия между этносами, гарантом его сохранения и играют в казахстанском обществе исключительно позитивную роль [6, с. 313].

Все национальные объединения выражают интересы людей различных национальностей и обеспечивают конструктивный диалог власти и этносов, тем самым укрепляя фундамент общественной консолидации, дружбы и доверия друг к другу [6, с. 384]. Таким образом, работа всех национальных центров имеет общекультурный и общенациональный характер.

Национально-культурные центры открылись во всех областях республики. Они являются чуть ли не первыми самостоятельно сформировавшимися институтами гражданского общества. Особенно активно их деятельность осуществляется в Восточно-Казахстанской области, где на данный момент проживают представители 105 этносов, действует более 110 этнокультурных объединений. Государство несомненно содействует этим процессам [6, с. 428]. На территории области при национально-культурных объединениях возникает сеть этнокультурных образований: разнообразные творческие объединения – казахские, русские, уйгурские, немецкие, корейские и узбекские театральные и творческие коллективы, негосударственные образовательные учреждения – воскресные школы и языковые курсы. В таких школах обучают всех желающих практически любому языку тех этносов, которые проживают в Республике Казахстан, например, даже такого редкого, как ассирийский [6, с. 401]. Также при объединениях издаются на на-

циональных языках свои СМИ. Ежегодной традицией стало проведение в Восточно-Казахстанской области фестиваля языков народов Казахстана. Это доказывает, что лингвистическое богатство области обогащает культуру и выступает важным фактором укрепления единства многонационального народа.

Все существующие национальные формирования объединяют огромное количество людей, желающих знать, как живет и чем дышит тот или иной народ, заинтересованных в сохранении и развитии родного языка, культуры и традиций своего этноса.

Без сомнения, важную роль в достижении целей этнокультурной политики играют так называемые Дома Дружбы, деятельность которых направлена на сохранение стабильности и гармонии в межэтнических отношениях, развитии языков и культур народов Казахстана, укреплении мира и общественного согласия. Любой человек, не взирая на национальность и пол, вошедший в Дом Дружбы, имеет возможность заниматься общественной работой и спокойно жить в полиэтнической стране. Подобное отношение доброжелательности друг к другу помогает казахстанцам взаимодействовать в профессиональной и общественной деятельности, в бизнесе, а тем же продолжать традиции своего народа и изучать родной язык. Таким образом, Дом Дружбы предназначен для объединения усилий этнокультурных объединений в достижении целей и задач, стоящих перед Ассамблеей народа Казахстана.

Дома Дружбы Восточно-Казахстанской области официально являются коммунальными государственными учреждениями аппарата Акимата Восточно-Казахстанской области. На сегодняшний день в области открыто и функционирует 10 Домов Дружбы. Самым первым в 1992 году начал свою работу Областной Дом Дружбы в городе Усть-Каменогорске. Все Дома Дружбы работают с этнокультурными объединениями. Целью их совместной деятельности является укрепление национального единства. Таким образом, Восточный Казахстан – наглядный пример того, как этническое разнообразие стало фактом дружбы и добрососедства [7].

Возрождение культуры – это общее дело всех казахстанцев. Культурное наследие включает не только казахскую культуру, но и культуры каждого этноса, живущего в нашей области. Поэтому национально-культурные центры принимают активное участие в сохранении собственной культуры [6, с. 344]. Внимание к интересам любой, даже самой малой национальной группы, искреннее уважение к национальным традициям и обычаям – это основа справедливого межнационального мира [6, с. 437].

Литература

1. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XVI сессии Ассамблеи народа Казахстана // Казахстанская правда. – 2010. – № 278(21 окт.). – 1 с.
2. Пути и механизмы воздействия на этнополитические процессы в полиэтническом Казахстане (Опыт Ассамблеи народа Казахстана) / «Дни Казахстана» в Московском

- государственном университете. Курс лекций: Казахская модель межэтнической толерантности. (Выходные данные отсутствуют)
3. Ибраев, С. Сборник лекций и материалов семинара-тренинга // Реализация государственной этнополитики и регулирования этноконфессиональных отношений в Казахстане. – Астана, 2012. – 60 с.
 4. Нурадил, Г. Н. Строительство новой модели управления для создания прочного мира / Г. Н. Нурадил // Казахстан-Спектр. – 2006. – № 2 (36). – С. 39-43.
 5. Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» от 20 октября 2008 года № 70-IV. Электронный ресурс. – Режим доступа: [<http://www.zakon.kz/123687-zakon-respubliki-kazakhstan-ot-20.html>] (дата обращения 24.04.2015)
 6. Назарбаев, Н. А. Сборник докладов на 1-10 Ассамблеи народов Казахстана / Н. А. Назарбаев. – Астана :Елорда, 2005. – 440 с.
 7. Антонов, С. Создание Домов Дружбы признано удачным проектом по сохранению мира и межэтнического согласия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://mail.k-news.kz/society/5871-sozdanie-domov-druzhby-priznano-udachnym-proektom-po-sokhraneniyu-mira-i-mezhetnicheskogo-soglasiya> (дата обращения 24.04.2015)

УДК 7. 036

ГРНТИ 13. 09

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СИБИРИ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

SILVER AGE IN THE ART OF SIBERIA. ON THE PROBLEM

Александра Михайловна Юдинцева

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: изобразительное искусство, живопись, русская культура, серебряный век, Сибирь.

Key words: art, painting, Russian culture, silver age, Siberia.

Аннотация. В статье говорится об удивительной эпохе в культуре России – Серебряном веке, его отличительных чертах, символизме. Русский Серебряный век и его представители хорошо изучены, однако Серебряный век в искусстве Сибири и его специфика требуют специального исследования. Цель статьи – показать важность изучения изобразительного искусства Серебряного века Сибири и его особенностей.

Существуют некоторые темы, значение и интерес к которым не ослабевает со временем. К ним всегда хочется вернуться, переосмыслить их с высоты прошедшего времени. Одной из них является тема Серебряного века в искусстве России.

Время рубежа эпох стало временем исторического выбора, ставшего перед страной на рубеже XIX – XX веков и определившего весь дальнейший путь развития страны. Переломные процессы в жизни общества не исчерпываются переменами в экономике и политике, -меняются нравственно целевые установки, мировоззрение и характер сознания части русской интеллигенции [1, с. 5].

Это интереснейший период русской истории и культуры, представленный ярчайшими фигурами художников, поэтов, писателей, музыкантов, театральных деятелей. И общим, объединяющим этих людей ощущением, было ощущение переломности и исключительности эпохи, в которой они живут и творят, ощущение несостоятельности духовных ценностей европейской цивилизации и ощущение разлада телесного и духовного внутри самой личности [2, с. 7].

Если принять теорию цикличности истории, то пристальный интерес к рубежу XIX – XX веков становится еще более актуальным, поскольку мы сами живем на рубеже веков.

Осмыслению феномена Серебряного века в культуре России было посвящено много работ его современников, например, А. Бенуа, Н. Гумилева, Вс. Иванова, Д. Мережковского, А. Белого, Ф. Сологуба и др. В дальнейшем в отечественной науке и общественном сознании в советский период и постсоветский эта тема являлась объектом пристального внимания исследователей и мыслителей, хотя акценты и отношение к теме, а также толкование событий могли быть неоднозначными. Что же касается изучения проявлений Серебряного века и его представителей в Сибири, прежде всего, в изобразительном искусстве, то здесь, к сожалению, исследований недостаточно. Имеющиеся публикации представлены несколькими небольшими статьями, отмечается отсутствие серьезных монографических исследований. Таким образом, назрела серьезная проблема изучения культуры Сибири в период русского Серебряного века, обнаружение на основе сопоставления общего и специфичного в искусстве европейской и сибирской России.

Приступая к исследованию культурных процессов в Сибири, происходящих в период Серебряного века, необходимо исходить из понимания единства процессов, происходящих внутри страны, то есть начинать с выявления особенностей искусства Серебряного века в центральной России, прежде всего, в Москве и Санкт-Петербурге, художественная жизнь которых оказывала влияние на культуру страны в целом и сибирского региона, в частности.

Итак, Серебряный век – это не хронологическое обозначение конкретного времени, хотя и принято относить его к периоду последних десяти лет XIX века и первых двадцати лет XX века. И художниками «Серебряного века» нельзя назвать всех его современников, к примеру, Сурикова и Кандинского, Толстого и Белого, Римского-Корсакова и Стравинского. Они – люди разных поколений и эпох [3, с. 11]. Серебряный век объединяет своих представителей не по хронологическому признаку, политическому или эстетическим предпочтениям, неоромантизм – вот тот общий объединяющий тип мировосприятия [1, с. 94-100].

Серебряный век – это метафора, социокультурный образ, «культура в культуре». Авторство термина приписывается то Н. Бердяеву, то С. Маковскому, то Н. Оцупу [1, с. 75].

Несмотря на кратковременность и параллельное сосуществование с другими культурными тенденциями, Серебряный век воспринимает-

ся как целая эпоха, превратившая художника в пророка, а искусство не только в само ценность, но и средство спасения.

Отличительной чертой художника Серебряного века стала тяга к универсализму, выход за узкопрофессиональные рамки, серьезное увлечение философией, чему способствовала и блестящая образованность представителей серебряного века. Искусство, по выражению Д. В. Сарабьянова, «стремилось познать такие закономерности жизни, которые составляли некую параллель законам бытия, ставшим предметом науки и философии XX века» [4, с. 6].

Художники отходят от событийности и типизации, творя свой миф, становятся персонажами своего творчества. Отсюда театрализация и эстетизация действительности, богемный дух, кабаре, эпатаж, псевдонимы и мистификации.

Искусство обращается к истории, к культурному наследию, открывая его не этнографически, а скорее поэтически. Вспомним живописные образы в картинах М. Нестерова, Н. Рериха, М. Врубеля, Васнецовых, музыку И. Стравинского и С. Рахманинова. Качество произведения искусства оценивается с точки зрения его одухотворенности и музыкальности, глубины выражения сущности, духа, непостижимого.

В этот период на смену позитивизму и материализму приходит интерес к иррациональному, к духовно-нравственному, философичности. Вместо копирования действительности возникает обобщенный образ, символ, знак.

Символизм становится доминирующим в искусстве серебряного века. Выросший из романтизма, сложившегося как антитеза Просвещению, испытавший влияние Запада, он не стал их эпигоном. Русский символизм сделал искусство средством духовного пересоздания жизни, перерос границы литературно-художественного направления. Хотя, конечно, литераторы были самыми многочисленными представителями символизма (Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов и др.), однако, таковые были и в музыке (А. Скрябин), и в театре (Вс. Мейерхольд), также существовали многочисленные, объединявшие в себе поэтов, живописцев, музыкантов, философов, ученых, общественных деятелей, символистские кружки, например, «Башня», «аргонавты» и др.

Язык символизма расширил возможности изобразительного искусства (А. Голубкина, М. Врубель, В. Борисов-Мусатов, Н. Рерих и др.). Изображение природы в символизме тяготело к пейзажу настроения как, например, у И. Левитана в картинах «Вечерний звон», «Над вечным покоем». В жанре портрета художника интересуют, прежде всего, сущность образа, духовность. Импрессионистическая световоздушность прекрасно подходит для передачи иной реальности, грез, видений, пространства сказки или мифа [5, с. 39]. Д. В. Сарабьянов подчеркивает неразгаданность и глубину символистских образов в живописи Серебряного века [5, с. 53].

Символическое мышление стало основой стиля модерн, в Европе получивший название «арт нуво», «югендстиль», «сецессион». Новый

стиль проник во все сферы жизни. «Если «новое религиозное сознание» стало философской основой Серебряного века, то символизм сформировал стиль мышления этой культурной эпохи» [1, с. 101].

Символизм находил свои вариации во всех последующих направлениях, вплоть до авангарда [1, с. 160].

Первоначально негативное отношение к появившемуся символизму со стороны критики сменяется со временем интересом к нему. Интерес этот не всегда глубок, иногда даже поверхностен со стороны широкой публики (интерьер светских салонов непременно украшается символистскими картинами, «модное» увлечение Блоком, сочинение романсов на стихи символистов, подражание им, грим, активно используемый не только на сцене, но и в жизни). Однако символизм был явлением элитарным, близким небольшому кругу интеллигенции.

Многое в начале XX века зависело от интеллигенции, от ответа на вопрос – какие силы и тенденции окажутся более жизнеспособными, сыграв тем самым решающую роль в истории страны.

Интеллигенция европейской части России и Сибири имела некоторые отличия, отсюда и отличительные черты культуры. Специфика Серебряного века в сибирской культуре определяется спецификой формирования местной творческой интеллигенции, которое в Сибири только начиналось и выпало как раз на тот же период – рубеж столетий. В 1890-е года губернские города Иркутск, Омск, Красноярск, Томск становятся крупными культурными центрами, а творческая интеллигенция приобретает самостоятельность, ведет профессиональную и общественную деятельность, также начинается культурный диалог Москвы и Санкт-Петербурга с городами Сибири.

Часть интеллигенции приезжает и в Томск в связи с открытием Томского государственного университета и начинает свою просветительскую деятельность, внося неопределимый вклад в развитие сибирской культуры. Нельзя забывать, что это время и политической ссылки, ведь т.н. «политические» были, как правило, представителями интеллигенции.

В это же время создавалась и сибирская творческая интеллигенция. Получение профессионального образования шло в столицах, в открывшемся Томском университете, однако большую роль в образовании играли и различные просветительские и научные кружки и общества. Естественно, что интеллигенция, как передовая часть русского общества, где бы она не находилась, была носителем общих идей, характерных для того времени. И, конечно, культура Сибири органично вплетается в культуру страны и повторяет те же процессы, происходящие в культурной, общественной, политической жизни центра страны.

Однако специфика сибирской региональности (взять, например, понятие «сибирский характер», учесть условия быта, переплетение местных национальных культур и мн. др.) безусловно накладывает свой отпечаток на любое явление, в том числе и культурное.

Несмотря на общность культурных процессов, культура Сибири носит свои особенности. Выявить их – задача любого исследователя,

занимающегося изучением сибирской культуры. И если, как уже выше говорилось, русский Серебряный век достаточно хорошо изучен, то его специфика в Сибири, как и происходящие тогда культурные события, требуют серьезного специального исследования. Для достижения данной цели необходимо обратиться к изучению источников, в частности, о культурной жизни и развитии томского изобразительного искусства, о проводимых выставках и мероприятиях, связях Томска с Императорской Академией художеств можно узнать из материалов газеты «Сибирская жизнь», основанной П. Н. Макушиным и издававшейся в Томске с 1897 по 1920 год [6, с. 5]. Дальнейшее исследование невозможно без кропотливого изучения этих материалов. Также как невозможно оно и без изучения вопросов создания Томского общества любителей художеств (ТОЛХ) и его деятельности, выпавшей на начало XX века и во многом изменившей и улучшившей художественную жизнь города. Каталоги периодических выставок и отчеты ТОЛХ также являются ценным источником сведений о культурной жизни Сибири.

Названные публикации служат ценным источником информации о выставках, содержат сведения об активных участниках художественной жизни города, творчестве художников и их произведениях, ныне практически забытых, чего не позволяет сделать анализ произведений, хранящихся в собраниях томских музеев [6, с. 18].

В целом, предстоит серьезное изучение особенностей Серебряного века в изобразительном искусстве Сибири, открывающее перспективы для дальнейших специальных и комплексных изысканий в области истории, искусствоведения, философии культуры, культурологии, литературоведения.

Литература

1. Воскресенская, М. А. Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX-XX веков / М. А. Воскресенская / Науч. ред. А. Н. Жеравина. – Москва : Логос, 2005. – 236 с.
2. Гордин, А. М., Гордин М. А. Александр Блок и русские художники / А. М. Гордин, М. А. Гордин. – Ленинград : Художник РСФСР, 1986. – 368 с.
3. Рапацкая, Л. А. Искусство «серебряного века» / Л. А. Рапацкая. – Москва : Просвещение: «Владос», 1996. – 192 с.
4. Сарабьянов, Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века / Д. В. Сарабьянов. Москва : Изд- во МГУ, 1993. – 320 с.
5. Гусарова А. Символизм в России / А. Гусарова // Третьяковская галерея. – 2013. – № 2. – С. 39.
6. Художественная жизнь Сибири начала XX в.: К 90- летию Томского общества любителей художеств: Материалы региональной научно- практической конференции. – Томск.: Изд- во Том. Ун- та, 2000. -214 с.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО. ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАРТИН ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ ТОМСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

УДК 7.03
ГРНТИ 18.31.09

ПЕЙЗАЖ В ЖИВОПИСИ ПЕРЕДВИЖНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ Л. Л. КАМЕНЕВА (1833–1886) «САВВИНО-СТОРОЖЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. ЗВЕНИГОРОД» ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ)

LANDSCAPE IN PAINTING OF ITINERANTS (ON THE EXAMPLE OF A PICTURE L. L. KAMENEVA (1833–1886) “SAVVINO-STOROZHEVSKY MONASTERY. ZVENIGOROD” FROM A CONSTANT EXPOSITION OF TRAM)

Брусьянина Виктория Владимировна

Научный руководитель: Н. И. Романова канд. культурологи, доцент

Научный консультант: М. А. Наумова, ведущий методист Центра музейной педагогики
Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: Товарищество передвижных выставок, художники- передвижники, пейзажная живопись, Л. Л. Каменев, Саввинно-Сторожевский монастырь, искусствоведческий анализ художественного произведения.

Key words: Association of mobile exhibitions, Itinerants, landscape painting, L. L. Kamenev, Savvino-Storozhevsky monastery, art criticism analysis of a work of art.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению особенностей пейзажа в живописи передвижников на примере анализа художественного произведения «Саввинно-Сторожевский монастырь. Звенигород», незаслуженно забытого художника Льва Львовича Каменева. К сожалению, талантливый пейзажист до сих пор остается в тени таких имен, как И. И. Левитан, И. И. Шишкин и др. Между тем, Каменев считается чуть ли не родоначальником лирического пейзажа. В его работах присутствует и мощь русских лесов, и красота чистых озер, и спокойствие русских полей. Художнику удалось вложить глубокий философский смысл в обычные для русского человека картины.

Их цель заключалась не только в том, чтобы порвать с академией, а, главное, чтобы доказать и

академии и русскому обществу, что искусство должно быть освобождено от чиновничьей опеки, от слепого следования устарелым и чуждым русской современности культуре.

И. Пунина

Огромную роль в русской культуре сыграло такое уникальное явление, как Товарищество передвижных художественных выставок. Благодаря Товариществу, искусство отошло от академических канонов и проповедовало в своей деятельности критическое отношение к действительности. Это дало свободу в выражении собственной мысли, возможность экспериментировать, а, следовательно, и развивать новое. Художники-передвижники оказали огромное влияние на формирование и развитие русской художественной школы. Многими их открытиями современные художники пользуются до сих пор. Картины передвижников полны неисчерпаемого смысла, что является неотъемлемой частью такого понятия, как шедевр. Их сюжеты так близки каждому русскому человеку, что мы возвращаемся к произведениям передвижников вновь и вновь.

Целью данной работы является изучение основных принципов пейзажной живописи передвижников, знание которых позволяет провести искусствоведческий анализ произведения художника-передвижника Л. Л. Каменева «Саввинно-Сторожевский монастырь. Звенигород», представленного в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея.

Раскрытию сложившейся ситуации в искусстве России к середине XIX века посвящены труды Рогинской Ф. С. [1], Шумовой М. Н. [2], Пунинной И. Н. [3], Новицкого А. [4], Пикулева И. И. [5]. Сведения о взаимоотношениях, истории, а так же внутренней жизни Товарищества можно найти в автобиографии И. Е. Репина [6]. Жизни и творчеству Л. Л. Каменева посвящена работа Леоновой А. И. [7]. В проведении анализа картины Л. Л. Каменева большую помощь в анализе картины Л. Л. Каменева оказала работа Тюриной И. П. [8]

Как известно, в 1870 г. было основано Товарищество передвижных художественных выставок. Первыми его участниками стали ученики, вышедшие из состава Петербургской Академии Художеств, и выпускники Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Причиной, повлиявшей на создание Товарищества, стало стремление молодых художников к освобождению от оков академизма. Кроме того, как писал Н. А. Ярошенко, задачей передвижников было «вывести искусство из тех замкнутых теремов, в которых оно было достоянием немногих, и сделать его достоянием всех...». И это было особенно важно для развития русского искусства.

Художникам было важно сделать искусство понятным всем, а главное доступным. Так как к середине XIX века в России о жизни в сфере искусства знали только по газетным статьям, у людей не было возможности ознакомиться с подлинными работами деятелей искусства.

А если такая возможность и была, то для простого обывателя произведения были слишком непонятны, сложны. Теперь же Товарищество передвижных выставок открывало искусство для всех и ставило своей целью донести его до народа. Художники пишут типичные сцены городской, сельской жизни, русские пейзажи. Создаются галереи не только выдающихся деятелей той эпохи, но и галереи крестьянских типов. Все это приблизило искусство к народу. Кроме того, Товарищество становится центром русского демократического искусства на весьма долгий период. В нем концентрируются все самые талантливые, амбициозные художники. Именно в этих кругах создается новое понимание искусства.

Передвижники творили в разных жанрах: портрет, бытовой жанр, историческая картина, пейзаж, социальный портрет-картина, картина-новелла, и другие. Одним из самых притягательных волнующих жанров стал, конечно, пейзаж. С пейзажной живописью связаны имена таких известных художников-передвижников, как А. К. Саврасов, А. И. Куинджи, И. И. Шишкин, И. И. Левитан. Однако кроме них пейзажи писали и другие, ныне забытые художники. Таковым является и великолепный пейзажист Л. Л. Каменев.

Родился художник в городе Рыльске в семье небогатого торговца. В 1854 году он едет в Москву, чтобы поступить в Московское училище живописи, зодчества и ваяния. Его учителем становится известный в то время художник К. И. Рабус, повлиявший на развитие художественных способностей молодого Льва Каменева. Но гораздо большее воздействие оказал на молодого художника А. К. Саврасов, «повлиявший на его художественное развитие и как бы открывший его творческую индивидуальность» [7, с. 238]. Саврасов учил молодых художников не только видеть, но и анализировать, формировать свое, особое отношение к увиденному.

После окончания Московского училища живописи, молодой художник становится членом Общества любителей художеств. Он выставляет свои работы на выставках Общества. Лирические пейзажи Льва Каменева пользовались большой популярностью у зрителей. Позже, пользуясь помощью Общества, художник едет за границу. Там он знакомится с зарубежной жизнью, художниками, Европейскими галереями. Он очень скучал по Родине и, будучи вдалеке от нее, используя наброски, пишет замечательную картину «Пейзаж». Л. Л. Каменев уже давно решил, что центром его творчества станет русский пейзаж. И по возвращении на Родину он с особой любовью и тщательностью принимается за работу.

Художник является ярким представителем лирического пейзажа. По мнению искусствоведов, Л. Л. Каменева можно назвать одним из основоположников лирического пейзажа. Трудно не оценить его вклад в пейзажную живопись. Мастер избегает в своих работах явной «красивости», но при этом в них передан трепет и безграничная любовь художника к русской природе. В его пейзажах присутствует уравновешенность, спокойствие композиции. Художнику удается отразить

состояние природы, истинную красоту окружающего мира. Величественные деревья, огромные поля, бесконечные просторы, глубина озер, чистота рек – все это можно увидеть на холстах Л. Л. Каменева. Спокойные тона навевают лирическое настроение. Зритель невольно для себя открывает что-то новое в привычных пейзажах русской природы, что-то такое, чего раньше не замечал.

Одной из самых примечательных картин Л. Л. Каменева является картина «Саввино-Сторожевой монастырь. Звенигород», написанная, скорее всего, в 1870-х годах, когда художник жил и трудился под Звенигородом. Произведение является классической станковой картиной (размеры 62x137см), вытянута по горизонтали и имеет форму прямоугольника. Выполнена маслом на холсте.

На холсте изображен осенний пейзаж вблизи Саввино-Сторожевского монастыря. Выбранный колорит раскрывает нам состояние природы. Исключительно теплые оттенки, использованные автором, говорят о том, что это достаточно теплый осенний вечер. Время, когда солнце только начинает подходить к горизонту. Еще не темнеет, но природа все равно приобретает удивительное настроение. Всё ждет, когда солнце озарит горизонт своим огненно-красным сиянием. Большую часть на холсте занимает небольшое озеро, каких в России огромное количество. Вода изображена спокойной, чистой. Как зеркало, она отражает небесную высь. По тому, что на воде нет ни малейшей ряби, можно сказать, что стоит совершенно безветренная погода. Природа застыла. А над этой застывшей природой возвышаются величественный золотой купол Саввино-Сторожевского монастыря.

«Монастырь основан в 1398 г. под Звенигородом (50 км от Москвы) на высоком берегу р. Москвы на горе Стороже, которая являлась оборонительным укреплением Московского княжества. Его основал преподобный Савва, Звенигородский чудотворец, один из первых учеников преподобного Сергия Радонежского, по просьбе Звенигородского князя Юрия Дмитриевича, второго сына Великого Московского князя Димитрия Донского» [9]. Данный монастырь является важной частью не только религиозной, но и художественной культуры. Для самого художника, видимо, он многое значил – недаром Лев Львович неоднократно писал открывающийся вблизи монастыря пейзаж.

Изображение природы реалистическое. Каменев не пытается идеализировать природу Звенигородского края, а наоборот подчеркивает ее индивидуальность и самобытность. В картине отсутствуют вертикальные линии. Художником была выбрана средняя линия горизонта, простая, спокойная, равновесная композиция, мягкая, тягучая, создана с помощью цвета и освещения, перспектива. Благодаря этому, в творении Каменева хорошо передано огромное пространство, глубина пейзажа. Создается иллюзия того, что зритель стоит на берегу этого озерца. Кажется, бесцельно бродя по бескрайним полям, он остановился, и совершенно случайно бросил свой взгляд на монастырь, подсвеченный пробивающимися из-за туч лучами. Еще минута-другая и пейзаж, возможно, потеряет свое обаяние из-за внезапно налетевшей

тучки. Но мгновение, когда зритель обратил свой взгляд к холму, запечатлелось в его памяти на долгие годы.

Центром композиции, конечно, является сам монастырь. Он выделен с помощью солнечного света, пробивающегося из-за плотных туч. При этом монастырские купола сильно контрастируют со светлым тоном неба, что, естественно, привлекает внимание зрителя. Низкий угол зрения, выбранный художником, и то, что монастырь находится на возвышенности, придает ему величие, недостижимость.

Объекты в пейзаже совершенно не имеют контуров. Они отделены друг от друга исключительно с помощью цвета. Свет в картине Л. Л. Каменева имеет большое значение. Он ровный, мягкий, помогает передать состояние природы, настроение, а так же играет огромную роль в построении композиции. Источником света является предзакатное солнце слева.

Как было сказано ранее, в картине преобладает теплый осенний колорит. Холодные оттенки появляются только на небе и в его отражении в воде, но они нисколько не выбиваются из общего фона. Колорит не богат. Присутствуют такие цвета как: охра, оранжевые, желтые, коричневые, теплые зеленые и легкие голубые оттенки. Все же преобладающими в картине являются охристо-коричневые оттенки, звучащие в каждом дереве, в каждой травинке и даже тучке. Художник оперирует большими массами цвета. Существуют обширные пространства тени и света. Почти весь первый план погружен в тень. Освещены лишь вершина холма и небо.

Л. Л. Каменев использует гладкую фактуру письма для своих работ. Он умело пользуется всеми достоинствами лессировок. Тем не менее, на первом плане мастер для передачи перспективы и светотени использует мазки густой краски. Её можно заметить на траве, возле берега, кустах и стеблях, выступающих из воды. Там он использует густую краску и, зависимости от нужной ему фактуры, прокладывает мазки разной длины и ширины.

Конечно, нельзя сказать, что «Саввинно-Сторожевской монастырь. Звенигород» – лишь картина-впечатление. Нет, Л. Каменев всегда в свои работы вкладывал больше, чем простые эмоции. В его произведениях присутствует любовь и глубокая привязанность мастера к русской природе. Через свои картины он показывает ее прелесть, тем, кто не смог ее заметить. Его пейзажи – это не только красиво написанные деревья, поля, озера, они скрывают и глубокий философский смысл, заставляя задуматься над смыслом своей жизни, а может и смыслом предназначения художника. Лев Львович Каменев тонко и мастерски отразил на холсте чувства, мысли, переживания.

Из-под кисти Л. Л. Каменева вышли множество потрясающих картин. Это «Сенокос», «Зимняя дорога», «Весна», «Туман. Красный пруд в Москве осенью» и другие прекрасные произведения. Но к огромному сожалению, умер Лев Львович в 1886 больным, нищим и забытым, как и многие другие творцы того времени. До сих пор это имя остается почти забытым, но его вклад в русское искусство трудно переоценить.

Его тонкий взгляд на русскую природу еще долго будет тревожить наши души.

Особенностями передвижнического пейзажа является его лиричность, глубоко философское видение мира, пейзажные панорамы, насыщенные глубинным смыслом, монументальные композиции. Эти особенности наблюдаются и в пейзажах русского художника-передвижника Л. Л. Каменева. Именно они и привлекают наш взор и сегодня. Мы восхищаемся мастерством и умением художника любить свою землю и так проникновенно чувствовать родную природу.

Литература

1. Рогинская, Ф. С. Передвижники / Ф. С. Рогинская. – Москва : Искусство, 1993. – 183 с.
2. Шумова, М. Н. Русская живопись середины XIX века / М. Н. Шумова. – Москва : Искусство, 1984. – 240 с.
3. Пунина, И. Н. Петербургская артель художников / И. Н. Пунина. – Ленинград : Художник РСФСР, 1966. – 80 с.
4. Новицкий, А. Передвижники и их влияние на Русское искусство / Новицкий А. – Москва : Издание книжного магазина Гросман и Кнебель, 1897. – 111 с.
5. Пикулев, И. И. Русское изобразительное искусство / И. И. Пикулева. – Москва : Просвещение, 1977. – 288 с.
6. Репин, И. Далекое близкое / И. Репин. – Москва : ИГ Лениздат, 2014. – 384 с.
7. Леонова, А. И. Русское искусство / А. И. Леонова. – Москва : Искусство, 1962. – 692 с.
8. Тюрин, И. П. Русское искусство XVII – начала XX века в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея. / И. П. Тюрин // Текст тематической экскурсии Томского Областного Художественного Музея. – Томск, 2005. – С. 58-60.
9. Савинно-Сторожевский монастырь: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.savvastor.ru> (дата обращения : 29.01.2015).
10. Минченков, Я. Д. Воспоминания о передвижниках / Я. Д. Минченков. – Ленинград : Художник РСФСР, 1965. – 368 с.

УДК 7.035

ГРНТИ 18.01.09

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИЕМОВ В ПОРТРЕТНОМ ЖАНРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ XVII ВЕКА

APPLICATION COMPOSITIONAL TECHNIQUES IN THE PORTRAIT GENRE OF EUROPEAN PAINTING OF THE XVIITH CENTURY

Зайкова Марина Андреевна

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Научный консультант: М. А. Наумова, ведущий методист Центра музейной педагогики Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова:, искусствоведческий анализ, изобразительное искусство XVII века, живопись, художник, портрет, Голландия, композиция, светотень, Томский

областной художественный музей, Герард Ван Донк, композиционные приемы, Питер Пауль, Рубенс, Рембрандт Харменс ван Рейн.

Key words: Art analysis, the art of the XVII century, painting, artist, portrait, painting, Holland, work composition, chiaroscuro, Tomsk Regional Art Museum, Gerard Van Donk, compositional techniques, Peter Paul Rubens, Rembrandt Harmensz van Rijn.

Аннотация. Для любого художника изучение композиции является одной из основных и важнейших основ при написании работ. Знание и правильное применение композиции – залог успеха. Этому учатся все, учаь в колледжах, институтах, академиях и университетах. Приемам композиции мы, конечно, учимся у признанных мастеров во всех отношениях. Она преподается, множество пособий написано, тем не менее, это не означает того, что мы не должны изучать её самостоятельно на примерах работ на выставках, в музеях. Целью статьи является изучение композиционных приёмов, применяемых в портретном жанре в западноевропейской живописи XVII века на примерах произведений из постоянной экспозиции Томского областного художественного музея. Статья раскрывает основные приемы композиции, выведенные из практики голландских мастеров XVII века.

Следующее по времени за эпохой Возрождения семнадцатое столетие стало немаловажной ступенью развития западноевропейского искусства. Это время коренных сдвигов в экономике, роста и развития государств в Европе. Резко обостряются внутренние противоречия клонящегося к закату феодализма, все ярственнее вырисовываются черты идущего ему на смену капиталистического строя, нарастает активный протест народных масс против многовекового угнетения. В тех странах, где развитая промышленность и торговля играли в экономике важную роль и где соотношение и расстановка классовых сил оказались наиболее благоприятными, например, в Голландии и Англии, буржуазная революция завершилась победой и установлением нового общественного строя [1, с. 5].

Культура XVII столетия воплощает в себе всю сложность этой эпохи. В ней ярко запечатлено столкновение сил реакции и прогресса, упорная борьба лучших людей того времени за высокие человеческие идеалы в условиях абсолютистского гнета и в суровой обстановке капиталистического общества [1, с. 6]. Не найти в истории века более насыщенного крупнейшими именами, проявивших себя во всех областях науки и культуры, как в XVII веке. Это был период великих открытий Лейбница, Ньютона, Галилея и др. в физике, математике и астрономии, заложивших фундамент к последующему развитию многих отраслей знаний. Философия развивалась, не отставая от точных наук. Такие имена как Бэкон, Локк, Декарт, Спиноза, Лейбниц формировали в разных странах прогрессирующие общественные идеи.

XVII век был временем подъема различных видов искусства. Достаточно сказать, что это столетие, начало которого еще связано с именами Шекспира и Сервантеса, Расина и Мольера [1, с. 6].

Искусство этого века звенит именами великих художников, прежде всего портретистов (портрет становится заметным жанром изобразительного искусства этого времени): фламандцы Питер Пауль Рубенс и

Антонис ван Дейк, голландцы Рембрандт ван Рейн и Франс Халс, и, конечно же, величайший испанский портретист Диего Веласкес. Эпоха меняла представления о месте человека в мире, формировала иной взгляд, и художники создавали новые формы портрета, исходя из складывающегося нового понимания мира.

В XVII в. в Италии, Фландрии, Голландии, Испании, Франции завершился процесс локализации больших национальных художественных школ [2, с. 165]. В этом веке в жанре портрета большие успехи были достигнуты учениками нидерландской школы живописи. Позднее она разделилась на два самостоятельных направления – голландскую и фламандскую школы.

По сравнению с эпохой Возрождения, искусство XVII века сложнее, противоречивее. Личность испытывала кризис, чувствуя, что она уже занимает не центральное место в мире, а растворена в многообразии, подчинена государству, обществу. Связи с миром становились сложнее, усложнялся и внутренний мир человека. Поэтому в портрете происходит поиск: художники в большей степени пытаются воссоздать и раскрыть многосложный характер модели; происходит демократизация портрета, что особенно заметно в Голландии [3, с. 161; 4].

Становление голландской художественной школы приходится на первую треть XVII века. Пришедшая к власти буржуазия гордилась своими достижениями и стремилась увековечить себя, заказывая портреты, в которых желала видеть точное и правдивое изображение [4]. Из-за прогрессивного роста буржуазии соответственно увеличивалось число заказчиков портретов. В то время в Голландии профессия живописца была самой распространенной. Как только стал расти спрос – начались поиски новых композиционных приемов и решений.

Композиция – это одно из многозначных слов в терминологии искусства. Одним из основных значений этого термина является такое его понимание как «решение в изобразительном искусстве, связанное с распределением предметов и фигур в пространстве, установлением соотношения объёмов, света и тени, пятен цвета» [5]. Так же динамики, статики, нюанса и много другого в картине. Композиция как предмет содержит в себе разделы о приемах, законах, видах и типах. В нашей статье мы рассмотрим только приемы.

Основными приемами композиции являются ритм, выделение сюжетно-композиционного центра, симметрия или асимметрия, расположение главного на втором пространственном плане [6]. Так же в композиции важно все: массы предметов, их силуэты, колорит картины, группировка действующих лиц, направление линии перспективного сокращения предметов, распределение светотени, интенсивность цвета, позы и жесты. Кроме основных, всеобщих, законов композиции в изобразительном искусстве, в отдельных видах и жанрах действуют частные законы композиции, отражающие существенные признаки и специфику построения произведений определенных видов и жанров.

Со складыванием академической живописи сформировалась иерархия жанров с условным делением жанров искусства на «высокие» и

«низкие», причем портрет относился академистами к «низким» жанрам [7].

Как и в любом жанре искусства, в портрете есть свои разветвления. В зависимости от композиционного построения портреты бывают однофигурными и многофигурными. Чувство общности и породило в XVI веке жанр группового портрета – он существовал только в Голландии. Свои изображения художникам заказывали отряды городской гвардии, медики, попечители приютов, богаделен и больниц [8]. В групповом или парном портрете задачи композиции усложняются тем, что нужно не просто изобразить людей с портретным сходством, но и передать их духовное родство. «Чтобы добиться органической, смысловой взаимосвязи в групповом портрете, необходимо иметь в виду действие закона целостности. Единство портретируемых на изобразительном поле может быть выражено через действие, в которое вовлечены участники картины, или через пристальное внимание к одному из них и т. д. Так, у ван Дейка, Веронезе герои групповых портретов заняты ритуальным поклонением святым, у Тициана – беседой, у Халса и Рембрандта – пирушкой, деловым заседанием или лекцией» [6]. Портретные произведения этих художников очень выразительны. Как сказал заместитель министра образования, культуры и науки Нидерландов Марьян Хамерса «Все эти люди, изображенные на портретах, считают себя частью общества, они хотят нести ответственность и несут эту ответственность за общество» [8].

В отличие от группового, однофигурный имеет тенденцию к раскрытию героя композиции. Главное в ней – это раскрытие внутреннего состояния человека, словно мы бы читали очерк об изображенном человеке, написанный им самим. Повествование происходит при помощи выразительной мимики лица, жестикуляции рук, движением туловища и общим психологическим состоянием изображенного. Так же повествует нам о герое и окружающая его обстановка, на которую иногда падает часть сюжетной нагрузки. На первый взгляд мы не всегда сможем сразу раскрыть весь посыл изображенного, но посредством изучения значений – это сделать очень легко.

Выдающимся портретистом этого века был, как уже сказано, Рембрандт. Он использовал такие приемы композиции как светотеневая лепка форм, передача атмосферы, пастозная живопись (открытый мазок), богатый нюансами тёплый тональный колорит, эмоциональные нюансы психологических состояний в портретах, религиозно-мифологических образах, неприкрашенность натуры, духовная красота некрасивого человека. У Рубенса: бурная динамика, диагональное построение композиций, тонкая нюансировка цвета, колористическое богатство [9].

В залах ТОХМ экспонируется характерный для Голландии начала XVII века «Портрет молодой женщины, стоящей у верджинела» Герарда ван Донка. Портрет написан по-старинке – на дереве, а не на холсте. Он однофигурный, женщина стоит во весь рост. Портрет написан с элементами интерьера. Композиционно выстроен на динамике, которую задают линии статичных элементов: занавес, верджинел, стул, а

так же линия платья дамы. Равновесие же достигается за счет деталей обстановки. Элементы движения вносятся в картину посредством света, льющегося по диагонали из-за занавеса, контрастное сочетание квадратов пола, стремительно уходящего вглубь пространства комнаты [4]. Убедительная передана световоздушная среда посредством светотеневых контрастов. В этом мы видим сходство с Рубенсом. С Рембрандтом же Донка роднит теплый колорит и переданная атмосфера. Если бы картина была написана на более вытянутом формате, то была бы написана практически по правилам золотого сечения в композиции, но, увы.

Отдельно стоит сказать о музыкальном инструменте – верджинеле, который служит символом состоятельности семьи [4]. Несмотря на то, что портрет был заказной, художник явно воплотил достаточно сложный характер дамы, ведь мы понимаем, что она позирует, но в этой позе невероятная строгость и достоинство. Художник уделил большое внимание детализации лица и это очень характерно для голландских портретов XVII века, потому что заказчики хотели видеть правдивое изображение. На нем нет улыбки, что еще больше добавляет ее образу бесстрастности.

Проследить другие характерные композиционные приемы можно на примере произведений более известных голландских и фламандских портретистов середины века, таких как «Хелена Фоурмен» Питера Пауля Рубенса, «Портрет Марии Трип» Харменса ван Рейна Рембрандта, «Портрет Амалии Ван Сольмс- Браунфельс» и «Портрет Анны Кресбеке» Антониса Ван Дейка.

Все эти произведения объединяет повторение одного и того же ракурса изображаемого (поворот туловища), статичность позы и схожие движения рук, наличие какого-либо предмета в руках, детальная прорисовка лица и явный световой акцент на нем. Чаще всего, темный костюм и белоснежные воротнички с манжетами, подчеркивающие скромность, душевную чистоту и аккуратность; также присутствие занавеса и стула на фоне, что являлось чисто декоративным приемом, а также означало богатство убранства. В каждом из представленных портретов прослеживается четкая светотеневая лепка форм.

Выделенные приемы прослеживаются и у работы Герарда Ван Донка «Дама у верджинела», являющейся объектом нашего изучения. Но наряду со схожестью присутствуют также и отличия. Вот некоторые из них: рубенсовская Хелена еще несет в себе оттенок барочного парадного портрета с его изысканностью и эмоциональным настроением изображаемой, красочный фон акцентирует внимание на лице модели. Дама ван Донка напротив, вовсе не зависит от фона. Фон в этой работе только вносит динамизм и является как бы общим эфиром, в котором все предметы гармонично витают. В поколенном портрете Амалии и портрете дамы у верджинела есть внешние колоритные сходства, но отличает их костюм. Костюм Амалии является первоклассным примером французской моды того времени, она могла себе это позволить, так как была женой принца. А у дамы ван Донка костюм, довольно-таки,

типичный для жен голландских бюргеров того времени. В портрете Анны Кресбеке мы видим харизматичную и властную женщину, чего не сказать о «нашей» даме. И, наконец, портрет Марии, в котором прослеживается румянец и улыбка, так характерное для руки Рембрандта ванн Рейна. Эмоциональности в портрете Донка мы не наблюдаем.

Таким образом, характерными композиционными приемами однофигурного голландского портрета XVII века является средне-темный или темный фон; высветленное и проработанное лицо, обрамленное светлым воротничком; подчеркивание богатого, но скромного интерьера; боковое освещение, светотеневая лепка форм, сдержанная цветовая гамма.

Портрет молодой дамы несет в себе характерные черты голландского портрета и является первоклассным образцом живописи художника, произведения которого редко встречаются в европейский и отечественных собраниях [4]. Для дальнейшего подробного глубоко анализа требуется время и кропотливый труд в систематизации. Можно провести параллель: историю нужно знать для того, чтобы по одним только признакам предотвратить войну, а историю композиции для того, чтобы не тратить время на изобретение велосипеда. Как гласит крылатая фраза французского литератора Жака Пеше «Все новое – это хорошо забытое старое» [10].

Портрет молодой дамы несет в себе характерные черты голландского портрета и является первоклассным образцом живописи художника, произведения которого редко встречаются в европейский и отечественных собраниях [4].

Литература

1. Всеобщая история искусств в шести томах. Том 4. Искусство XVII-XVIII веков / Ю. Д. Колпинский, Е. И. Ротенберг. – Москва : Государственное издательство “Искусство”, 1963. – 264 с.
2. Сокольникова, Н. М. История изобразительного искусства: учебник для высшего профессионального образования: в 2 т. – 4-е изд. – Том 1. / Н. М. Сокольникова. – Москва : Академия, 2011. – 304 с.
3. Ильина, Т. В. История искусств. Западноевропейское искусство: учебное пособие. – Изд. 3-е / Т. В. Ильина. – Москва : Высшая школа, 2000. – 368 с.
4. Материалы экскурсий по залу западноевропейского искусства. ТОХМ (рукопись).
5. Композиция (изобразительное искусство) // Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/композиция_\(изобразительное_искусств\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/композиция_(изобразительное_искусств)) (дата обращения: 16.04.2015).
6. Композиция; приемы композиции; портрет и однофигурная сюжетная картина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.corosic.ru/> (дата обращения: 16.04.2015).
7. История портрета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_портрета (дата обращения: 13.04.2015).
8. В Эрмитаже открылась выставка “Голландский групповой портрет Золотого века”// Телеканал «Россия – Культура»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/93982 (дата обращения: 09.05.2015).
9. История изобразительного искусства: выдающиеся мастера живописи XVII века;

жанры в европейском искусстве XVII–XIX вв. // tamaristch.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tamaristch.ru/arthistory/arhi.htm#18a> (дата обращения: 16.04.2015).

10. Вадим Серов / Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений // Библиотекарь.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/encSlov/3/196.htm> (дата обращения: 09.05.2015).

УДК 7.03

ГРНТИ 13.11.44

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ НАЧАЛА XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ ДЖ. ДЖИГАНТЕ «ВИД НЕАПОЛИТАНСКОГО ЗАЛИВА», 1840, ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ)

ITALIAN LANDSCAPE EARLY XIX CENTURY (THE EXAMPLE OF PAINTING J. GIGANTE “VIEW THE BAY OF NAPLES”, IN 1840, FROM THE PERMANENT EXHIBITION ТОХМ)

Ильясова Гузаль Рамильевна

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Научный консультант: М. А. Наумова, ведущий методист Центра музейной педагогики Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет г. Томск, Россия

Ключевые слова: Живопись, романтизм, колористика, итальянский пейзаж, итальянская школа живописи Позилиппо, Дж. Джиганте.

Key words: Painting, romanticism, coloristics, Italian landscape, Italian school of painting Pozilippo, J. Gigante.

Аннотация. Пейзаж как жанр изобразительного искусства был и остается востребованным. К Италии, с ее удивительной красотой природных и архитектурных пейзажей, всегда устремлялись целые поколения художников. В самой Италии этот жанр был очень любим итальянскими художниками, где свое особенное развитие получила школа Позилиппо. Особенности школы и картина одного из ее создателей и ярких представителей – Джачинто Джиганте – раскрываются в данной статье.

Пейзаж как жанр изобразительного искусства возник в глубокой древности, и также древен интерес к нему, ибо изображение природы неизбежно приобщает человека к самому истоку его существования – Матери-Природе, вызывает внутренние глубокие переживания при соприкосновении с чем-то родным и близким. В условиях бурно несущейся жизни, развитой индустрии и мощных потоках информации потребность человека в общении с Природой увеличивается многократно, вызывая порою тоску и грусть. У современного человека не всегда есть возможность выехать на природу – сходить в лес, погулять вдоль пруда, полюбоваться закатами, побродить по берегу моря. И вот тут на помощь приходит пейзаж, который дает возможность хоть немного приблизиться к природе. Таким образом, пейзаж остается ведущим

жанром изобразительного искусства и продолжает будить в человеке его связь с природой, воспитывать и пробуждать романтические чувства.

Европейский пейзаж первой половины XIX века подробно изучался многими исследователями, наиболее полезными из них для данной статьи явились труды В. Н. Стасейнич, Б. В. Виппер, А. Г. Федорова, Н. В. Шафранской, Я. А. Тугендхольда, М. В. Доброклонского, Н. Н. Никулина и др. [1-6]. В них раскрываются особенности итальянской школы изобразительного искусства этого времени. К сожалению, творчество итальянского художника Джиганте изучено недостаточно и представлено фрагментарно в исследованиях, посвященных европейскому и итальянскому искусству Нового времени.

Цель работы – на основе изучения работы известного художника Джачинто Джиганте «Вид неаполитанского залива», представленной в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея (ТОХМ), проследить особенности итальянского пейзажа начала XIX века.

Пейзаж приобретает самостоятельную роль в западноевропейской живописи в эпоху итальянского Ренессанса. После многовекового преобладания религиозной тематики в искусстве средневековья, теперь природа интерпретируется как изображение реальной среды обитания человека, что было явлением новым, свидетельствующим об изменившемся отношении к действительности. Удивительная точность изображения реальной местности в ренессансном пейзаже покорила художников барокко, французских художников-классицистов, затем далеких по времени романтиков, и, наконец, тех, кто создал новую школу пейзажа XIX века, получившей название Барбизонской. Барбизонская школа стала самой передовой в Европе, в ней активно утверждались принципы реализма, а правдивость стала лозунгом искусства. Не отрицая эмоциональность восприятию мира, присущую романтизму, они дополнили ее стремлением убедительно и достоверно запечатлеть вид конкретной местности, передовая в обобщенной или художественной форме, ее индивидуальные черты.

Пейзаж XIX века выполняет важную мировоззренческую функцию, стремясь подвести человека к осознанию природы, помогая ему понять её суть. Художник может по-другому увидеть то, что уже давно открыто обычному человеку: порывы ветра, бушующие шквалы моря, грозы, плавные линии ландшафта, уходящие к горизонту, величавые купы деревьев, холмы и горы, дороги в долинах. Однако, начиная с романтизма, открывшего новую эру в искусстве и зовущего к повышенной эмоциональности восприятия действительности и познания своего «Я», с природой сопоставляется судьба людей, индивидуальное сознание, встревоженное социальными и политическими бурями.

В пределах «вспомогательного» пейзажа в искусстве Италии сложились два вида изображения природы. Первое – эмоционально-уравновешенное, динамически-сдержанное, как бы успокоенное изображение ландшафта. Второе – романтическое, где встречаются нагромождения мощных, скалистых и древесных масс [7]. В романтическом пейзаже

Италии встречаются неожиданные чередования объемов, замкнутого и открытого пространства, условность изображения элементов пейзажа – деревьев, облаков, гор, не всегда «итальянских» по своей действительной природе. Здесь преобладает «возвышенная идеализация» действительности, образ «совершенного» пейзажа. Художники второй половины XIX века все чаще стали склоняться к тому, чтобы писать пейзажи с натуры, не подгоняя изображение музейным образцам. Так появилась практика живописи под открытым небом, получившая название «пленер».

Известным итальянским пейзажистом начала XIX века был Джачинто Джиганте (1806-1876). Он – основатель школы Позилиппо (по названию холма на окраине Неаполя), где под его влиянием собирались и работали местные художники, стремившиеся отобразить окружающую природу в романтизированном ключе, но в целом реалистически. В Италии эта школа стала главным центром романтизма, необычно эмоционального, многоликого и многозначного, получившего в начале XIX века всемирное признание. Огромное влияние оказали на Джиганте работы знаменитого русского пейзажиста С. Ф. Щедрина, соединявшего в своих произведениях точный рисунок и насыщенную по цветовой палитре колористику, а также – творчество И. К. Айвазовского. Большим успехом произведения Джиганте пользовались в придворных кругах неаполитанского короля Фердинандо II. Художнику покровительствовал русский посол в Неаполе граф Гурьев. В свою очередь, мастер повлиял позднее на целую плеяду русских художников-пенсионеров Академии художеств, работавших в Италии.

Дж. Джиганте раньше своих современников отказался от классицистического построения живописного пространства. Эмоциональный изобразительный язык его романтических видов Неаполя, Сорренто, острова Капри, Амальфи наполнен убедительными переходами воздушной перспективы и богатством колористических нюансов. Описательные по содержанию произведения пейзажиста имеют не только художественную, но и историко-культурную ценность. Они позволяют представить прошлые виды всемирно известных достопримечательных мест [8]. Джиганте писал картины темперой, акварелью, карандашом и маслом. Используя цветовые градации, живописец писал морские пейзажи, с высокой достоверностью изображал широкие морские лагуны.

Работы Дж. Джиганте отличаются насыщенностью света, воздушностью. Живописец воспроизводил естественные цвета освещения, мастерски применяя технику цветных пятен. Часто используемый Джиганте прием раскрытия пространства в глубину с помощью помещенных на первом плане любующихся пейзажем зрителей или идущих в гору, к селенью, крестьян, позволяет усилить далевую перспективу. Его произведения, как и картины европейского «пейзажа настроения», передают краткие и разнообразные моменты жизни, полной солнечного цвета и воздуха южной природы Италии. Джиганте исполнил 100 видов Неаполя и его окрестностей в офорте [9].

Одной из характерных пейзажных работ кисти Джиганте является картина «Вид неаполитанского залива» (1840, холст, масло, 27*37), представленная в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея. Работа создана в плодотворный период творчества, поэтому передает состояние души художника при виде одного из лучших уголков своей страны. Неаполь неповторим своим местоположением, мягким приморским климатом и особой блаженной атмосферой, праздного «ничего неделания».

В данном пейзаже изображен неаполитанский залив, уходящий вдаль окраин города, ясное безоблачное небо, спокойное море, а вдали виднеются горы; непосредственно в центре картины изображен рыбак, достающий свой улов. Дж. Джиганте хотел написать пейзаж в романтическом ключе, и это ему удалось, правда, с нотками реализма. Для романтика не существует неживой природы, она вся одухотворенная и даже очеловечена. Как мы можем заметить, эта работа «живая», даже чувствуется теплый, приятный утренний воздух раннего утра, когда еще нет невыносимой жары. Художник поставил задачу передать необыкновенную красоту утренней Италии, когда все только просыпается, и нет ни единой души. Видно только одного рыбака, достающего свой улов, пока город беззаботно спит. Он достаточно условно написал человека, а природу, море, небо – весьма реалистически. Также вдали виднеется парусник, что было символом романтизма.

Джиганте отвел себе роль отрешенного созерцателя, стоящего вровень с изображенными объектами. В этой работе отлично передается иллюзия пространства за счет перспективы, но в основном с помощью градации света. Точно переданы нюансы изменяющегося освещения. Также художник использовал прием раскрытия перспективы в глубину с помощью помещенного на первый план рыбака, смотрящего в сторону моря, что позволяет усилить перспективу, легко и воздушно с помощью живописных средств ему это удалось. Очень реально выражен объем объекта, подчеркнут контур картины темными пятнами – на переднем плане – стеной города и камнями. Важную роль в картине играет свет восходящего солнца, лепящего объем, благодаря чему хорошо читаются изображения. Довольно удачно Дж. Джиганте проставил акценты, сфокусировав наш взгляд на объектах, к которым он хотел привлечь наше внимание. Передается разнообразие фактур: морская гладь, грубая поверхность камней и т.д.

Колорит играет огромную роль, тем самым выстраивая композицию, не зависящую от рисунка, являя ее оптически достоверной, художник оперирует большими массами цвета и маленькими пятнами – мазками. Работа написана в теплых тонах, присутствуют такие цвета как: охра, коричневый, желтый, кадмий, зеленый. Так же в этой работе есть блики, рефлексы и тени, которые прописаны достаточно глухо. Можно увидеть ритмические повторы в использовании цветов, сочетании оттенков. Эта картина достаточно холодная, от нее веет утренним морским бризом, передавая всю беззаботность этого уголка Италии.

Таким образом, в картине Дж. Джиганте «Вид неаполитанского залива» нашли отражение особенности как итальянского пейзажа, так и основные приемы пейзажной живописи начала XIX века, такие как градации света, прием раскрытия пространства с помощью изображения человека и перспективы, умиротворенность, выстраивание композиции светом и тенью, воздушность, воспроизведение естественных цветов. Живопись и графика Джиганте, одного из талантливейших мастеров старшего поколения школы Позиллипо, оказала значительное влияние на пленэрные поиски не только итальянских, но и европейских мастеров XIX в.

Литература

1. Стасейнич, В. Н. Пейзаж. Картина и действительность / В. Н. Стасейнич – Москва : “Просвещение” 1978. – 176 с.
2. Вишпер, Б. Р. Проблема реализма в итальянской живописи XVII-XVIII веков / Б. Р. Вишпер. – Москва : “Искусство”, 1966. – 276 с.
3. Из собрания Егорова А. Г. Альбом. Том I. Живопись. Русские и западноевропейские художники XVIII – середины XX веков / А. Г. Егоров. – Москва : Школа акварели Сергея Андрияки, 2009. – 192 с.
4. Овчиникова, Л. Е. Собрание Томского областного художественного музея. XVI – начало XX века / Л. Е. Овчиникова, О. Л. Кряжева, И. Г. Проваленок [и др.]. – Томск, 2013. – 298 с.
5. Федоров, А. Г. История искусства зарубежных стран XVII-XVIII века / А. Г. Федоров, Н. В. Шофранская [и др.]. – Москва : “Изобразительное искусство”, 1988. – 512 с.
6. Тугендхольд, Я. А. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства / Я. А. Тугенхот. – Москва : “Советский художник”, 1987. – 320 с.
7. Чувства и эмоции в пейзажной живописи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=499581> (дата обращения: 01.04.2015).
8. Джачинто Джиганте (Gigante, Giacinto). 1806 – 1876. [Электронный ресурс]. – URL: <http://antikvarius-spb.ru/content38> (дата обращения: 01.04.2015).
9. Федотова, Е. Европейское искусство: Живопись. Скульптура. Графика: Энциклопедия / Под. ред Л. П. Ануровой. – Москва : Белый город, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/euroart/Dzhigante-329/> (дата обращения: 01.04.2015)

УДК 75
ГРНТИ 18.31.31

**КАРТИНА РУССКОГО ХУДОЖНИКА Н. Е. СВЕРЧКОВА
(1817–1898) «ПОРТРЕТ БОГАТЫРЯ» ИЗ ПОСТОЯННОЙ
ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ**

**PICTURE OF RUSSIAN ARTIST N. E. SVERCHKOV (1817–1898)
«PORTRAIT OF BOGATYR» FROM THE PERMANENT
EXHIBITION TRAM**

Татьяна Анатольевна Копылова

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Научный консультант: Л. А. Гадалова, лектор-экскурсовод,
искусствовед Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: живопись, русское искусство, анималистика, художник-анималист, Н. Е. Сверчков, «конный портрет».

Keywords: art, Russian art, animals, animal artist, Nikolai Sverchkov, «equestrian portrait».

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изучения анималистики в русской живописи начала XIX на примере образа лошади в творчестве русского художника Н. Е. Сверчкова. Анализируются особенности «конного портрета», повлиявшего на развитие жанра анималистики в русском искусстве. Также проведен искусствоведческий анализ картины Сверчкова «портрет Богатыря», написанный с рысака Орловской породы.

Первая треть XIX века – «Золотой век» русской культуры, давший миру образцы высочайшего искусства – в литературе, живописи, музыке. Этой эпохе принадлежит и творчество русского художника Н. Е. Сверчкова. И, несмотря на то, что его имя нам малоизвестно, тем не менее, его замечательные работы в жанре анималистики представляют особый интерес. Именно в этом жанре художник достиг своего наивысшего мастерства.

Эпоха в художественной культуре первой половины XIX в. очень хорошо изучена. Для данной работы важно было сосредоточить внимание на анализе двух основных аспектов. Первый – анималистика, как жанр, для изучения которого ценными оказались работы М. Н. Эпштейна, Г. Н. Карлова, И. В. Портновой [1; 2; 3]. Второй – творчество художника Н. Е. Сверчкова. Однако работ, ему посвященных, оказывается очень мало. Некоторые сведения о художнике были обнаружены в издании Леонова А. И. «Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников середины XIX века» [4].

Цель работы – изучить особенности творчества Н. Е. Сверчкова на примере картины «Портрет Богатыря», представленной в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея (ТОХМ).

Первая половина XIX века ярко отразилась на всей русской культуре. Во всех ее направлениях, таких как литература, архитектура, а так

же живопись, открылось множество новых имен, принесших мировую славу русскому искусству.

Как и в XVIII, так и в начале XIX века классицизм был господствующим стилем. Однако к 1830-м годам он теряет былое значение, превращаясь в систему канонов. Культурная жизнь данной эпохи постоянно менялась, тенденции сменяли друг друга невероятно быстро. Поэтому, исследователи искусства первой половины XIX века делят его на два периода – первую и вторую четверти столетия, но разделение это является условным. В первой половине XIX века живопись приобретает большее значение в жизни общественности, чем в XVIII. Рост национального самосознания, который наблюдался после победы в Отечественной войне 1812 года, вызвал и всепоглощающий интерес народа к русской истории и национальной культуре.

Несмотря на невероятное разнообразие идей в творчестве художников и различие их стремлений, общая характеристика русской живописи XIX века сводилась к приближению всех жанров искусства к жизни. Это отразилось и на появлении новых проблем и сюжетов современников, к внутреннему миру человека, к мыслям и эмоциональным переживаниям самого художника. У живописцев появились характерные особенности творческого процесса – тщательное и непосредственное наблюдение натуры. По этой причине зритель испытывает яркое сопереживание героям, вдоволь насыщаясь живыми образами того времени, знакомится с мыслями и чувствами русского человека и, непосредственно, самого автора, творившего в первой половине XIX века.

В этот период особым вниманием художника не обделен и животный мир. Анималистический жанр – это изображение животного в произведениях искусства, таких как скульптура, графика и живопись. «Если вспомнить историю мировой культуры, то станет очевидным, что не было такого периода в истории культуры и искусства всех народов, где бы тема изображения животных не занимала художников, в большей или меньшей степени не отражалась в произведениях изобразительного искусства с древнейших времен и до наших дней» [5, с. 50].

Художник-анималист уделяет особое внимание художественной подаче характеристики животного, не теряя при этом точности в передаче тонкостей анатомического строения. «В иллюстрациях книг, сказок и басен, животное часто «очеловечивают», наделяют антропоморфными деталями, чертам, эмоциям и мыслям, присущими человеку» [6, с. 20]. Русское искусство располагает большим количеством художников, создавших яркие и реалистичные образы животных: Е. Лансере, П. Клодт, В. Серов, В. Ватагин, И. Ефимов, Е. Чарушин, Е. Рачев, Ю. Васнецов и др.

«В XIX веке в произведениях искусства наибольшее значение уделялось точности воспроизведения внешнего вида и натурализму в изображении животного» [7, с. 20]. Чаще всего моделями становились домашние животные, изображаемые на станковых композициях – сценах крестьянского быта, парадов, войн и городской повседневности. В охотничьих и путеводных сюжетах изображали диких птиц и зверей.

Несомненно, что лошади были удостоены отдельной темы в анималистическом жанре. Сельское хозяйство, война, охота и развлечения не обходились без лошадей, набирали силу конные заводы, поэтому внимание многих художников и скульпторов было обращено к этим красивым и выносливым животным.

Развитие анималистики как жанра в русской живописи связано, в первую очередь, с именем Н. Е. Сверчкова, возвысившего в своих произведениях «звериный образ» до уровня портрета и жанровой картины. В каком бы жанре ни писал художник, на большей части его картин изображены лошади. Страстную любовь к лошадям Сверчков пронес через всю жизнь, став в итоге основоположником анималистического направления в русском искусстве. «Прославившись своим знанием пород и умением передать их особенности, живописец стал получать заказы от известных коннозаводчиков» [6, с. 32]. Художник тонко чувствовал, как на холсте передать нрав породистой лошади, ее грацию, а так же особенности каждой породы. «Сверчков так же пробовал себя в батальной и исторической живописи, однако не проявил такого мастерства, как в анималистическом жанре» [8, с. 20].

Примером такой работы является картина Н. Е. Сверчкова «Портрет Богатыря», представленная в постоянной экспозиции ТОХМ.

Художник Николай Егорович Сверчков написал картину «Портрет Богатыря» с рысака стрелецкой породы, разводимых на Стрелецком конном заводе. Картина имеет вытянутую горизонтальную форму и написана маслом на холсте. Моделью для картины послужил верховой жеребец серой масти. Жанр картины – анималистический портрет, направление – реалистическое.

Для Сверчкова характерно точное изображение анатомических особенностей породы лошади, что позволило ему стать замечательным анималистом. Большинство его работ – это станковая живопись небольшого формата. Сверчков один из немногих художников, которые пишут портреты лошадей. Работа для того времени была не нова, художник часто получал заказы от конных заводов на написание той или иной лошади. Главной задачей его была правдивая передача красоты линий орловских рысаков. И для ее исполнения он писал наиболее близко к натуре и формой, и цветом. Автор не прибегает ни к каким экспрессивным искажениям или изменениям природы. В отличие от европейских анималистов, Сверчков не изображал лошадей в неестественных позах, а показывал их в естественном состоянии, что не лишило его лошадей динамики и грации. Рисуя портрет Богатыря, автор создал статичную композицию с лошадью в центре.

В работе преобладают пастельные приглушенные оттенки, но, несмотря на это, она выглядит живописной. При изображении лошади художник использует светлые краски, играя контрастами на шкуре, дабы показать серую масть Богатыря. Для фона он использует неброские охристые и коричневые цвета. Свет в картине нейтральный, а источник его, слабо выраженный и, скорее всего, идет из верхнего окна конюшни. При этом Сверчков мастерски подчеркивает ореолом света

все подробности мускулатуры и статность рысака, выделенную четким абрисом. Четкость линий преобладает над живописностью, но не делает живопись менее впечатляющей. Объем и плоскостность в картине переданы точно, как и приличествует картинам реалистического направления. Задний план не особо детализирован, что несколько не мешает восприятию глубины картины и дает ощущение обширности помещения, в котором находится лошадь. Сам рысак, в отличие от фона, достаточно тщательно прописан. Живописец с любовью и тщательностью прописывает все анатомические нюансы породы.

Колорит у картины, как выше сказано, подчинен линии и объему и является больше локальным. Цветовые пятна мягко перетекают из одного в другое, что, однако, не лишает картину некой линейности. При ближайшем рассмотрении заметны мелкие мазки, особенно выгодно показывающие блики на лоснящейся шкуре. В целом цветовые пятна выглядят однородно. Так как шкура рысака серая, то и теплые цвета на его шкуре показаны как бледно-охристые пятна, а холодные лишь слегка отличаются по тону. Тени на картине прозрачные и растворяются в пространстве. Задний же фон прописан весьма плотно. На шкуре присутствуют рефлексы, блики написаны в основном на крупе и лопатках животного. Фактуру картина имеет гладкую, сквозь которую можно разглядеть основу.

Работа вызывает положительные эмоции не только цветовой гаммой, но и содержанием. Основная задумка автора – показать статью и красоту породистого рысака. Этого он достигает, в первую очередь, линейностью и четкостью рисунка, а также тоновыми нюансами и игрой света. Несомненно, Сверчков является гением анималистического жанра, одним из ярчайших примеров в русской реалистической живописи начала XIX века.

Литература

1. Эпштейн, М. Н. Мир животных и самопознание человека (по мотивам русской поэзии XIX–XX вв. / М. Н. Эпштейн // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Человек – природа – искусство. – Ленинград, 1986. – С. 126-145.
2. Карлов, Г. Н. Изображение птиц и зверей / Г. Н. Карлов. – Москва : Просвещение, 1976. – 192 с.
3. Портнова, И. В. Анималистический жанр в творчестве Н. Е. Сверčkова (Концепция «портретного образа» лошади) / И. В. Портнова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – Выпуск 1. – С. 238-244.
4. Леонов, А. И. Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников середины XIX века / Под ред. А. И. Леонова. – Москва : Искусство, 1954. – 744 с.
5. Ватагин, В. А. Изображение животного. Записки анималиста / В. А. Ватагин. – Москва : Сварог, 1998. – 170 с.
6. Келейников, И. В. Художественные особенности анималистической иллюстрации: Историческая эволюция, теоретические аспекты: автореф. ... дисс. канд. иск: 17.00.04 / И. В. Келейников. – Москва, 2002. – 133 с.
7. Тугендхольд, Я. А. Французское искусство и его представители / Я. И. Тугендхольд. – Санкт – Петербург : Лань, 2013. – 349 с.

8. Тюрина, И. П. Русское искусство XVIII – начала XX века в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея (текст тематической экскурсии) / И. П. Тюрина. – Томск, 2005. – С. 20-21.

УДК 7.034.7

ГРНТИ 18. 31. 09

**ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ БАРОККО В КАРТИНЕ Д. ТЕНИРСА –
МЛАДШЕГО «ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА»
(ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ)**

**FEATURES BAROQUE STYLE IN THE PICTURE D. TENIERS – JR
«SACRIFICE OF ABRAHAM» (FROM THE PERMANENT
EXHIBITION OF THE TRAM)**

Копылова Елена Анатольевна

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Научный консультант: М. А. Наумова, ведущий методист Центра музейной педагогики Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: изобразительное искусство XVII в., барокко, фламандская школа живописи XVII в., жанровая живопись, Д. Тенирс-Младший.

Key words: art of the XVII c., baroque, flemish school of painting of the XVII c., genre-painting, D. Teniers-JR.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности стиля барокко во фламандской живописи XVII века, а также его проявление в искусстве известных фламандских художников. Для более полного раскрытия темы проводится искусствоведческий анализ картины Тенирса-Мл. «Жертвоприношение Авраама».

Актуальность исследования состоит в том, что несмотря на постоянно происходящие новации в искусстве, которые обычно приводят к формированию новой художественной среды, тем не менее никогда не угасает интерес к его истории, творческому наследию «старых мастеров», к их представлениям о мире, красоте и профессиональном совершенстве.

Для проведения исследования полезными стали труды известных искусствоведов, изучавших различные жанры и школы европейской живописи, их представителей, такие, как: Б. Р. Виппер, В. Н. Лазарев, И. Линник, М. Н. Соколов и др. [1; 2; 3]

Цель работы – показать на примере картины выдающегося фламандского живописца Д. Тенирса-Младшего «Жертвоприношение Авраама», представленной в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея (ТОХМ), проявление стиля «барокко» – основного стиля в искусстве того времени.

XVII век в истории Нового времени занимает особое место, как полный противоречий переходный период, находящийся на стыке европейского феодализма и утверждающегося европейского капитализма.

ма. Вместе с тем, Европа XVII века открывает и новую фазу в искусстве. Получает расширение идейно-художественная цель искусства, появляются новые жанры, происходит углубление в мифологические и религиозные темы. Несмотря на то, что, конечно, религиозная тематика оставалась одной из главных в европейском искусстве, сама форма ее воплощения и представления отличалась в зависимости от того, в какой стране писалась картина – католической или протестантской.

Еще одной особенностью развития искусства XVII века стало открытие и расцвет больших национальных школ, выделение ярких национальных черт в искусстве. Одной из известных национальных школ изобразительного искусства XVII века является фламандская школа живописи.

Во фламандском искусстве отразились идеи абсолютизма, так как Фландрия находилась под сильным влиянием сначала испанской короны, а затем абсолютистской Франции. Католицизм, господствовавший в этих странах, оказывала сильнейшее влияние на развитие искусства Фландрии. Маньеризм итальянцев или камерное искусство голландских художников не отвечало абсолютистским и религиозным устремлениям и требованиям. Нужны были иные формы. В основе фламандского искусства были многофигурные сцены, героический образ персонажа, разнообразие характера и содержания. Фламандская живопись к началу XVII века, в эпоху её отделения от голландской, представляла собой в основном подражание итальянским мастерам с примесью грубого реализма. Но окончательного освобождения от влияния голландской живописи во фламандской не наблюдалось.

Рубенс стал первым, кто, соединив классическое искусство Италии и барокко, добавив экспрессии и личного темперамента, создал из этой смеси собственный стиль, который позднее назвали фламандским барокко. Сосредоточим основное внимание на проявлении стиля «барокко» во фламандской жанровой живописи. Этот стиль характеризовал европейское искусство и архитектуру в XVII- XVIII веках.

В барокко гармонично сплелись динамичность и глубокая эмоциональность вместе с основательностью и пышностью. Самыми характерными чертами можно назвать броскую цветистость и динамичность. Барокко проявилось в творчестве таких художников, как Ван Рейн, Рубенс, Караваджо, Аннибале Карраччи, Рембрандт и др.

Именно в эпоху барокко была создана картина фламандского художника Тенирса – Младшего « Жертвоприношение Авраама».

Давид Тенирс – Младший – художник жанрист, работал на мифологические, аллегорические и религиозные сюжеты, а также пейзажист. Родился в 1610 году в городе Антверпене. Все его искусство было пропитано символикой, которая в Голландии была в произведениях любых жанров – бытовой сцене, натюрморте, портрете и даже пейзаже как их естественная деталь; она выступала в завуалированной форме, раскрывая второй, подспудный смысл картины. Но человек все равно преобладает над окружением в живописи того времени. Именно такую тенденцию преобладания человека над природным окружением можно

проследить в картине Тенирса-Младшего « Жертвоприношение Авраама», представленной в постоянной экспозиции ТОХМ.

Картина Давида Тенирса-Младшего написана в 1666 году, во время расцвета нидерландской экономики, формирования обновленной культуры и общества, с господствующим в то время стилем барокко.

Картина изображает одну из ветхозаветных историй, которая повествует о том, как Авраам, родоначальник иудейского народа, возносит благодарность вместе со своим сыном за агнца, ниспосланного Богом за верность. Несмотря на то, что картина называется « Жертвоприношение», самого жертвоприношения на ней нет. Сюжет уже опередил это событие, условно, жертва была принесена и на картине изображается момент, когда ангел отвел руку отца, и старец с сыном благодарят Бога за спасение и милосердие. В 2012 году в ТОХМ картина в связи с уточнением сюжета была переименована и стала называться «Благодарение Авраама».

Как и все картины того времени, работа Тенирса пропитана символизмом и особенностями барокко. Мы видим свойственную этому стилю пышность, помпезность изображения. Человеческие фигуры выделяются на общем плане, являясь центром сюжета и композиции. Даже присутствующие на картине элементы пейзажа, натюрморта и анималистики не уменьшают значимости человеческой фигуры. Тем не менее, выражения лиц и позы нельзя назвать выразительными. На лицах только угадываются эмоции, переживаемые героями в данный момент, позы не столь естественны, сколько призваны украсить и дополнить композицию. Для фламандской живописи XVII века важнее было передать символизм окружения и человека, нежели прямолинейно изобразить ситуацию. Символизм проявляется, например, в небе. Темные, сгущающиеся сумерки вносят драматизм в картину, тревожно светлеет вдали полоса света. Состояние неба говорит о чуть не случившемся убийстве, о возможных чувствах, которые переполняют героев, и возможно, имеют некую связь с Богом.

Картина средних размеров – 62×79, прямоугольная, выполнена маслом на холсте, текстуру которого можно рассмотреть во всех подробностях. Композиционным и смысловым центром является сам Авраам. Он является самой большой и контрастной, на темном фоне, фигурой, привлекая внимание, но гармонично сливаясь с окружением. Как было сказано ранее, на картине присутствуют элементы пейзажа – справа, анималистики – слева в углу – это жертвенный агнец, а в нижнем левом углу – натюрморта, например, светильник. Все это составляет законченный, цельный образ картины, прописанный достаточно подробно, но, не конкурируя с главными фигурами.

Картина построена на контрастах. Темный фон добавляет работе драматичности, не позволяя зрителю отвести глаз. Мы наблюдаем за происходящим параллельно персонажам, но не являемся участниками действия. Зрителю позволено только увидеть и прочувствовать сюжет. Действующими персонажами являются два человека – Авраам и его сын. Хотя они и делают какие-то движения, протягивая руки, склоняясь перед жертвенным столом, но это лишь угадывается в положении

тел. Можно сказать, что движение направлено в левую сторону. Фигура человека, вытянутые руки и взгляд, все направлено влево, но перекоса в работе нет, композиция уравновешена и замкнута. В момент свершения восхваления Бога для людей существует лишь это место, как некий эмоциональный мир, где отгородившись ото всех, находятся герои. Тем не менее, пространство есть. Справа, вдалеке, мы видим небольшой городок или деревню. Над белеющим храмом все еще светит заходящее солнце, мирно сидит отдыхающий путник рядом с лошадью. Мы видим два разных мира на первом и втором плане. С одной стороны – это чуть не случившееся трагедия, а с другой – мирный, тихий фламандский вечер, деревня, где никто не подозревает о случившемся. Люди заняты своими повседневными делами, готовясь к наступлению ночи.

Тенирс мастерски выписывает разные по фактуре ткани и объекты. Смотря на произведение, можно ощутить тонкость белоснежной рубашки мальчика и более плотный материал куртки и штанов. Заманчиво переливается золотистая шелковая ткань рубахи Авраама, контрастируя с кроваво-красной сутаной. От жертвенного стола веет холодными, тяжелыми каменными плитами, по шершавой поверхности которых так и хочется провести рукой. Тускло блестит медный подсвечник и кинжал.

Проследим особенности барокко в картине. Барокко было тесно связано с аристократией и католической церковью, поэтому особенности этого стиля вытекают из пропаганды их могущества, но в то же время в нем нашло отражение и антифеодалное начало. Оно воплотило в себе мысли нового человека о безграничном и многообразном мире, драматичности и изменчивости жизни, возбудило интерес к реальной окружающей среде и природе. Барокко строится на совмещении идеальных и чувственных начал, противоположных друг другу. Для произведений этого жанра, как в живописи, так и в архитектуре, характерна пышность образов, грандиозность, динамичность, возвышенность образов. Все это можно проследить и на «Жертвоприношении». Образы величественны, чувственны, не лишены динамики и образности. Так же мы видим эффектность изображения, нарочитую вычурность фигур.

Еще одним своеобразным признаком барокко является резкая контрастность работы. Броские цвета, глубокие и насыщенные темные и светлые оттенки. В картине нет «плоского» мировосприятия. Герои наделены смыслом, в них чувствуется заложенная автором мысль. Барокко само по себе является чем-то монументальным, поэтому любой сюжет, будь то городская улица, пейзаж или библейское повествование, приобретает многоплановое и поражающие своими размерами формы.

Таким образом, барокко отразило особенности того времени, что проявилось в его великих произведениях, ставших жемчужиной в копилке мирового изобразительного искусства.

Литература

1. Виппер, Б. Р. Статьи об искусстве / Б. Р. Виппер. – Москва : Искусство; 1970. – 591 с.

2. Лазарев, В. Н. Старые европейские мастера / В. Н. Лазарев. – Москва : Искусство; 1974. – 360 с.
3. Линник, И. Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин / И. Линник. – Москва : Искусство; 1980. – 248с.
4. Искусство Европейских стран XVII века. Введение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://la-fa.ru/history/history258.html> (дата обращения: 23.04.2015)
5. Давид Тенирс Младший – картины и биография. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://muzei-mira.com/biografia_hudojnikov/1237-david-tenirs-mladshiy-kartiny-i-biografiya.html (дата обращения: 19.04.2015)

УДК 7.03

ГРНТИ 18.31.09

**ОСОБЕННОСТИ ЖИВОПИСИ МАЛЫХ ГОЛЛАНДЦЕВ XVII В.
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ГЕРАРДА ВАН ДОНКА (1610-1640)
«ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ, СТОЯЩЕЙ У ВЕРДЖИНЕЛА»)**

**SPECIALY PAINTING SMALL DUTCH XVII CENTURY.
(ON THE EXAMPLE OF GERARD VAN DONK (1610-1640)
«PORTRAIT OF A YOUNG WOMAN STANDING AT VIRGINAL»)**

Полина Андреевна Недорезова

Научный руководитель: Романова Н. И., канд. культурологии, доцент

Научный консультант: М. А. Наумова, ведущий методист Центра музейной педагогики Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: искусствоведческий анализ, художник, голландская школа живописи, малые голландцы, Ван Донк, картина.

Key words: analysis of art criticism, the artist, the Dutch school of painting, small Dutch, Van Donk, picture.

Аннотация. Статья посвящена изучению Золотого века Голландии на примере работы Герарда ван Дона «Портрет молодой женщины, стоящей у верджинела». Художественные и стилевые особенности произведения помогают зрителю проникнуться духом XVII века.

В живописи малых голландцев нет ничего героического, однако настоящему поэту не нужен особый повод для создания стихотворения; для него сама жизнь, её бесконечные проявления и есть неисчерпаемый источник творчества. В этом и состоит главная заслуга малых голландцев – они подняли ценность обычной, повседневной жизни на недостижимую до этого высоту. И возможно, остались в этом непревзойдёнными.

М. А. Костыря [1]

Изучение Голландской живописи важно не только в качестве расширения кругозора в теории искусства, но и в качестве наглядного

пособия в развитии художественного мастерства. Глубокое рассмотрение различных аспектов художественных техник, ознакомление с работами именитых художников того времени, а также с нововведениями и художественными традициями позволяют не только приблизиться к видению голландских живописцев, но и развивают профессиональные навыки. Особое внимание стоит уделить голландскому портрету, по-своему интересному и уникальному. Он всегда будет привлекать внимание своей самобытностью, тонкостью письма и чувственностью.

Эпоха, породившая голландскую национальную школу живописи, достаточно полно раскрывается в трудах *М. А. Костыри* [1], *М. Ю. Чертовой* [2], *Б. Р. Виппера* [3,4], *В. Н. Лазарева* [5]. *Многое о становлении и расцвете голландского изобразительного искусства можно почерпнуть из работ И. В. Линник* [6]. *Большую роль в написании данной работы сыграли материалы по собранию Томского областного художественного музея* [7, 8, 9].

Цель данной работы – выявление особенностей периода «Золотого века Голландии» (XVII век) на примере картины Герарда ван Донка «Портрет молодой женщины, стоящей у верджинела».

Герард ван Донк принадлежал к расцвету эпохи «Золотого века Голландии», характеризующегося подъёмом всех сфер жизни общества, развитием науки, торгового ремесла, и, конечно же, живописи. Выдержав почти полувековой военный натиск великой Испанской империи, в 1609 году была признана Республика Соединённых провинций – Голландия. Тогда ещё никто не мог подозревать, что жители крохотной страны на севере Европы в веках прославятся великими живописцами, многих из которых впоследствии будут гордо называть «малыми голландцами».

Само понятие «малые» никоим образом не принижает заслуг художников того времени, оно не является уничижительным или оскорбительным, но имеет место быть лишь потому, что творчество голландских живописцев носило камерный характер, а картины были небольших размеров. Этот факт объясняется тем, что в качестве заказчиков выступали не католические церкви или феодалы, утратившие своё влияние, а бюргеры и голландский магистрат, украшавшие свои скромные жилища или общественные здания. Именно в их руках оказалась высшая власть в стране – первой буржуазной республике Нового времени. Буржуазия отныне стала важнейшим сословием государства, его движущей силой.

Кальвинизм также сыграл особую роль в становлении и развитии голландской живописи. Он не препятствовал и всячески поддерживал развитие науки и предпринимательства, что способствовало бурному экономическому подъёму страны, её культурному расцвету. По темпам экономического роста в первой половине XVII века Голландии не было равных в Европе. Развивались судостроение и банковское дело, сельское хозяйство и наука, но самым преуспевающим началом стала торговля. «Эта горсточка людей, владеющих клочком земли, состоящим из вод и выпасов, снабжает европейские народы большей частью

нужных им товаров», – пишет кардинал Рошелье о голландцах [1].

Вскоре богатая, независимая республика становится одним из главных культурных центров Европы. Наиболее активная и состоятельная часть общества – бюргеры – покровительствовала развитию искусства и науки, т.к. хотела видеть свою страну просвещённой. Голландская живопись в этот период достигла наиболее существенного расцвета, именно она выражала мироощущение народа, познакомила с его бытом и повседневностью. Работы «малых» мастеров стали поистине немеркнущим вкладом в сокровищницу мирового искусства. Самые непритязательные моменты повседневного быта, реальная действительность, комичность окружающего впервые стали главной темой искусства, тем самым не только заняв лидирующие позиции в Европе, но и оказав огромное влияние на развитие живописи последующих столетий.

Однако, далеко не все работы «малых голландцев» являются признанными, и здесь не столько важны проблемы атрибуции, сколько их колоссальные количества, ведь подавляющая часть картин создавалась исключительно для продажи на рынке. Живописцев в Голландии насчитывалось не менее двух тысяч (один художник на каждую тысячу населения), что делало эту профессию не столь значимой в обществе, а значит и не столь прибыльной. Дабы прокормить себя, художнику было необходимо продавать свои работы, а для этого ему должно было быть оригинальным, стать мастером своего дела. Именно так появилась узкая жанровая специализация.

Бытовой жанр делился на виды в зависимости от того, кто был изображен на картине: крестьяне, военные, состоятельные бюргеры и др.; пейзаж делился на марину, городской, песчаный, сцены при лунном свете, пожары и т.д.; натюрморт делился на скромные «завтраки», цветочный, с дичью, фруктовый и т.д.

Голландский портрет XVII века принято считать наиболее плодотворным периодом развития портретного жанра. Его отличают следующие особенности: простота, демократизм, естественность и характерность передаваемой личности, аристократизм, передача, выразительности жеста натуры.

Ярким примером голландского портрета служат произведения Герарда ван Донка. Созданные в период между 1627 и 1640 годами, они первоклассным образом отражают ранний этап развития искусства. К сожалению, биографические сведения о художнике не дошли до нашего времени. Его живописная строгость, статичность, бесстрастность в работе говорят о его связи с нидерландским искусством XVI века. Возможно, Г. Ван Донк испытал влияние портретиста Томаса де Кайзера. Предположительно работал в Харлеме и Амстердаме. Картины Герарда Ван Донка в отечественных и европейских музейных собраниях единичны.

Удивительным образом в далёком от Голландии сибирском городе Томске оказалась одна из немногих картин художника, представленная в постоянной экспозиции Томского областного художественного му-

зея (ТОХМ), а именно: «Портрет молодой женщины, стоящей у верджинела». Картина была доставлена в Томск в 1932 г. из Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (ранее находилась в ГМФ, в собрании картин И. В. Гагарина), а в 1982 г. передана в ТОХМ.

Картина станковая (71x54), формат: вытянутый по вертикали прямоугольник, работа выполнена маслом на основе из дерева (дуб); Между ножками стула подпись автора: GDonk. Перед нами традиционный тип изображения в рост. Художник придерживается бесстрастного слепка с натуры, соблюдает строгость и статичность позы, сохраняет портретное сходство, но, возможно, подвержен аристократической идеализации модели.

В центре картины молодая женщина, стоящая у открытого верджинела в элегантно обставленной комнате. Её рука легко опущена на деревянную крышку музыкального инструмента, подле которой раскрыта нотная книга или же учебник. Возможно, она подошла к инструменту лишь сейчас, или, быть может, отвлеклась, с любопытством обернувшись к гостю. Дорогой музыкальный инструмент, детально выписанный по голландской моде наряд, а также изысканные шторы указывают на высокий социальный статус модели, подразумевают её благополучие и достаток. На ней нарядное дорогое платье. Тёмный лиф с расширением от талии идёт в разрез с царствующей в то время маньеристической модой, объёмный рукав из той же тафты украшен светлым кружевом у кисти. Пояс перехвачен тёмно-зелёной лентой, а рукава – алыми. Проглядывающие алые манжеты, светлый кружевной воротник и чепчик создают образ скромного, бережливого и аккуратного человека. Светло-медная юбка спадает узкими складками, подобно каннелюрам греческой колонны. Волосы аккуратно собраны и закрыты светлым кружевным чепчиком. Спадающие на лоб рыжие пряди завиты, они витиевато дополняют своим силуэтом кружево воротника и рукавов. Её фигуру едва ли можно угадать из-за пышной юбки и необычайно широкого брасьерского верха. Можно отметить, что чем старше была женщина, тем темнее становились её наряды.

Зритель является отстранённым созерцателем, незванным гостем, привлёкшим внимание женщины, занимающейся домашним пением. Её фигура и лицо – первое, что привлекает взгляд. Каноничное и, пожалуй, лишённое индивидуальности, но всё же притягивающее своей простотой и лёгкостью изображения лицо выглядит живо и выразительно, за счёт естественного освещения. Тени на нём прописаны тускло-зеленым цветом с добавлением светло-коричневых мазков, особенно заметных на оригинале. На её лице томится лёгкая полуулыбка, губы её написаны так просто, что напоминают кукольные. Её взгляд обращен к зрителю, в нём читается некоторое удивление и радушие, она рада гостям. Должное внимание следует уделить и детально прописанным рукам героини. Репродукция не может передать, насколько безупречно изображены её нежные ладони, но даже сейчас мы видим, насколько легко и грациозно они подчеркивают впечатление скромной

и невинной девы. Ладони и лицо женщины прописаны многослойно. Коричневато-зеленые оттенки, заметные в тени, смело, но аккуратно нанесены поверх приглушенных красных тонов. Серо-зеленый пигмент, нанесенный на персиковый и розоватый, открывают освещенные места.

Неизвестно, кто являлся моделью для картины, однако этому можно не придавать особого значения, зная, что картина, вероятнее всего, была создана исключительно для продажи и не несёт в себе потаённого авторского посыла.

Голландцы славились своим умением передавать игру света в картинах. Используя проникающие в помещение лучи уличного света, художник ловко и умело передавал объём и воздушную лёгкость изображения. Здесь же автор сознательно использует затенённую комнату, придавая тем самым происходящему оттенок таинственности. В левой верхней части полотна из-за тёмно-синего занавеса падает мягкий свет. Бархатная, почти черная штора с медной тонкой бахромой лишь украдкой появляется в изображении. Голландские окна обычно состояли из верхней поднимающейся рамы, и нижней, что распахивалась настежь. Двойной блик хорошо заметен на фоне серой стены, а также на полу, огибая столик с музыкальным инструментом. Как правило, художникам рекомендовали избегать такого приёма, так как зритель теряет в пространстве картины, однако Герард ван Донк справляется с задачей легко и непринуждённо. Занавес здесь должен подчеркнуть глубину и трёхмерность пространства, иллюзия чего усиливалась изображением на переднем плане крупного предмета, в нашем случае – верджинела и столика, накрытого дорогой узорной скатертью. Передний план всегда играет большую роль в понимании и анализе картин. Здесь музыкальный инструмент – верджинел (разновидность клавесина). Это деревянный ящик, что устанавливался на стол или широкую подставку, специально для улучшения акустики. Этот инструмент был весьма популярен в Европе.

На заднем плане расположен повернутый в сторону зрителя стул, как бы приглашающий его занять место и насладиться дивной мелодией. На его спинке опрометчиво брошен тёмный платок, напоминающий зрителю о любви голландских художников, прежде всего, к быту, а не к постановке. Платок написан легко и просто, в нём перекликаются тона тёмного занавеса и тени кружевного воротника. Следует заметить, что стул уравнивает композицию, создавая ощущение гармонии.

Пускай мы не видим широких окон или распахнутых дверей, но комната полностью освещена. Женщина у верджинела невинна, у неё нет секретов от зрителя.

В «Портрете женщины, стоящей у верджинела» действие происходит спонтанно, подразумевая, что зритель является лишь гостем. Изображение женщины за музыкальным инструментом считается символом гармонии. Композиция уравновешена и статична, всё в ней пронизано покоем и созерцательностью. В изображении чувствуется

глубина, передаваемая за счет света и не столь значительного, но всё же заметного положения объектов относительно друг друга: занавес вырывается вперёд, стул, наоборот, отходит на задний план. Контуры отдельных предметов кажутся чуть размытыми, скраденными. Художник придерживается тонального колорита, допуская слияние форм и цветов. Однако предметы читаются четко и не теряются вкупе с другими, чему способствует их крайняя детализация. Предметы различны по фактуре и материалу, благодаря чему без труда узнаётся тафта, шёлк, дерево или кожа.

Колорит в картине подчинён объёму фигур. Цвета хорошо уравновешиваются полутонами и гармонично играют во всей картине. В картине доминируют три цвета: медный, черный и зелёный.

«Портрет молодой женщины, стоящей у верджинела» – образец раннего этапа развития голландского искусства XVII века. В нём удивительно точно отразились традиции портрета, как бесстрастного слепка с натуры, а также смена моды, аристократизм и тяга к бытовым моментам. Рассматривая картину более детально, с уверенностью можно сказать, что работа Герарда ван Донка – зеркало первой половины Золотого века Голландии. Об этом говорят:

1. Наряд женщины. Подобные костюмы приходили на смену царствующей маньеристической моде Нидерландов XVI века.
2. Музыкальный инструмент. Верджинел приобрёл широкую славу в Нидерландах именно на рубеже XVI-XVII веков.
3. Аристократизм. Аристократизм становится доминирующим элементом портретного изображения только в XVII веке. Художник стремится идеализировать заказчика, но в то же время лишает его индивидуальных черт. В портретах проявляется излишний демократизм.
4. Стремление к изображению быта. Художник всячески старается уйти от постановочного изображения, о чем в данной картине нам говорят забытый на спинке стула платок и раскрытая нотная книга с мятыми страницами.
5. Интерьер. В картине узнается типичный голландский аккуратный интерьер.
6. Отсутствие эмоционального посыла. Несмотря на безупречность исполнения, работа скупа на эмоции, что можно объяснить довольно просто: портрет был создан исключительно для продажи на рынке, как и большинство в XVII веке.

Литература

1. Костыря, М. Малые Голландцы. Поэзия повседневности / М. Костыря. – Москва : Изд-во «Аврора. Янтарный сказ», 2002. – 64 с.
2. Чертогова, М. Ю. Уникальные коллекции художественных музеев России / М. Ю. Чертогова // Материалы и доклады первой Всероссийской научно-практической конференции, г. Кемерово, 11-13 ноября 2004. – С. 184.
3. Виппер, Б. Р. Становление реализма в голландской живописи XVII века / Б. Р. Виппер. – Москва : Изд-во «Искусство», 1957. – 336 с.

4. Виппер, Б. Р. Очерки голландской живописи эпохи расцвета (1640-1670): Введение в историческое изучение искусства / Б.Р. Виппер. – Москва : Искусство, 1962. – 237 с.
5. Лазарев, В. Н. Старые Европейские мастера / В. Н. Лазарев. – Москва : Изд-во «Искусство», 1974. – 360 с.
6. Линник, И. В. Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин / И. В. Линник. – Ленинград : Изд-во «Искусство», 1980 г. – 243 с.
7. Материалы и экскурсии по отделу западноевропейского искусства. Томский областной художественный музей. – Томск. 2008. – 48 с.
8. Евтихиева, И. А. [и др]. Собрание Томского областного художественного музея. Западноевропейское и русское искусство XVI – начала XX века / И. А. Евтихиева, О. Л. Кряжева, Л. И. Овчинникова, И. Г. Проваленок, И. П. Тюрина. – Томск, 2013. – 400 с.
9. Овчинников, Л. И., Микуцкая, Т. Н., Тюрина, И. П. и [др]. Томский областной художественный музей. Путеводитель по залам и фондам / Л. И. Овчинников, Т. Н. Микуцкая, И. П. Тюрина и [др]. – Томск : Изд-во «Д`Принт», 2014. – 148 с.
10. Елатомцева, Т. Голландия середины XVII века, как ходили и что носили [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Elatomceva_02.pdf (дата обращения: 26.03.2015).

УДК 7.041.5

ГРНТИ 18.31

**БЕЛЬГИЙСКИЙ ПОРТРЕТ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ
И. БРИСА «ПОРТРЕТ ТЕРЕЗЫ ЛАНДЖЕНДРИ», 1818,
ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ)**

**THE BELGIAN PORTRAIT OF THE XIX CENTURY (ON THE
EXAMPLE OF I. BRICE'S PICTURE «THERESA LANDZHENDRI'S
PORTRAIT», 1818, FROM THE CONSTANT EXPOSITION OF
TRAM-TOMSK REGIONAL ART MUSEUM)**

Портнова Юстина Сергеевна

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Научный консультант: Л. А. Гадалова, лектор-экскурсовод, искусствовед Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: изобразительное искусство, европейский портрет, бельгийский портрет, искусствоведческий анализ, традиции в изобразительном искусстве XVII века, портрет начала XIX века, БрисИгнасе.

Key words: art, european portrait, belgian portrait, art criticism analysis, traditions in the fine arts of the XVII century, portrait of the beginning of the XIX century, Brice Ignace.

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть особенности бельгийского портрета на примере работы «Портрет Терезы Ланжендри». Раскрываются особенности искусства в Бельгии начала XIX века, где из-за наблюдавшегося застоя изобразительного искусства отмечается подражание традициям XVII века.

Одним из ведущих жанров изобразительного искусства, восходящим к глубокой древности, является портрет. Портретная живопись

имеет одновременно историческую, психологическую и эстетическую нагрузку. Историческая направленность выражается в изображении людей (вождей, правителей, полководцев, учёных и простых людей) определённой эпохи, читаемой по её конкретным признакам. Нам всегда интересно узнать о людях ушедшей эпохи, «увидеть» ее в костюме, интерьере, предметах быта. Также портрет нам интересен с точки зрения психологизма – прочувствовать глубину мысли, эмоции, настроение и иные чувства, всё это принадлежит человеку от природы. Наконец, как любое другое жанровое произведение искусства портрет несет и эстетическую составляющую. Рассматривая портрет, зритель изучает строение, модификацию, все выразительные формы модели, что ориентирует человека на преобразование из аморфного – в целостное, то есть процесс эстетического духовного преобразования

Есть еще один важный момент – через портрет мы читаем и тот посыл, который хочет донести нам автор. Художник передаёт смысл, который не всегда бывает очевидным, заставляя думать каждого человека по-разному, в силу своей фантазии. Таким образом, воспринимая и понимая портрет всесторонне, мы познаем саму жизнь человека, полную исторических событий, переживаний, прекрасных образов и смыслов.

О портретной европейской живописи начала девятнадцатого столетия написано достаточно много. Ценными для написания данной статьи явились работы Тугендхольда Я. А. [1], Баранова И. В. [2], Колпинского Ю. Д. и Яворского Н. В. [3], Алешиной А. [4], Чегодаева А. Д. [5]. Что касается изучения бельгийского портрета начала XIX века, то здесь, к сожалению, не обнаруживаются специальных академических изданий, поэтому основные сведения об изучаемом предмете можно почерпнуть в общих трудах по европейскому портрету. Также можно проследить традиции изобразительного искусства, которые прослеживаются в творчестве бельгийского художника Игнасе Бриса, в трудах Виппера Б. Р. [6], Доброклонского М. В. [7]. Для проведения анализа картины художника ценными оказались работы научных сотрудников Томского областного художественного музея Боровинских Н. П. [8] и Овчинниковой Л. И. [9].

Цель данной статьи – на основе анализа картины бельгийского художника Бриса Игнасе «Портрет Терезы Ланджендри», представленной в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея (ТОХМ), проследить особенности бельгийского портрета первой половины XIX века.

Бельгия с конца XVIII века до второго десятилетия XIX века находилась в составе Франции. Вот почему «характерной чертой художественной жизни страны было тесное взаимодействие бельгийской культуры с культурой Франции на протяжении всего девятнадцатого столетия. Туда ездили молодые бельгийские художники совершенствовать свои знания, в то время как многие французские мастера не только посещают Бельгию, но и живут в ней, участвуя в художественной жизни своей маленькой соседки» [4]. Тем не менее, несмотря на такое

взаимодействие (кстати, рядом была еще и Германия), бельгийское искусство имело свое национальное своеобразие.

Однако, то, что Бельгия входила в это время в состав Франции, повлияло и на жанровые предпочтения в изобразительном искусстве. Несмотря на положительные для экономики реформы, шли непрерывные войны, сопровождаемые рекрутскими призывами и увеличением налогов. Отсюда – широкое недовольство населения, вызванное стремлением к национальной независимости, а впоследствии – и к революции. Вот почему в бельгийской живописи XIX века преобладал исторический жанр. «Бельгийское искусство особенно примечательно своим напряжённым интересом к драматическим сторонам народной жизни, тягой к символичному обобщению жизненных противоречий и конфликтов, создавшим сильных, прочувствовавших образов людей труда» [2, с. 192].

Как пишет А. Алешина о бельгийском искусстве, «одной из специфических особенностей является приверженность бельгийских художников к предметному миру, к реальной плоти вещей. Отсюда успехи реалистического искусства в Бельгии... Лучшие черты классицистического метода – крепкая композиционная построенность, пластическая наполненность формы» [4].

Характеризуя особенности портретной живописи Бельгии начала XIX века, следует отметить, что в ней не было новшеств, и вплоть до 1930 годов в Бельгии был даже некий застой в искусстве [4]. Отсюда некоторые художники XIX века подражали художникам XVII века [3].

Именно традиционные подходы в изображении портретов наблюдаются в творчестве художника Игнасе Бриса (1795 – 1866), родившегося в Брюсселе и окончившего Брюссельскую академию художеств (1808-1814). Брис известен как жанрист, портретист, литограф. Он – один из учредителей Общества изящных искусств в Брюсселе. Брис опирался на мощные реалистические традиции фламандской и голландской школы, что проявилось, прежде всего, в его портретной живописи.

Так, для фламандской живописи XVII характерны простонародные типы моделей, нейтральный фон и сильные контрасты света и тени как выражение напряжённой внутренней силы портретируемых. Художников того времени называли «чудовищами натурализма», которые не скрывали свою любовь к подробностям в каждодневной жизни. Также неравнодушны они оставались к человеческим чувствам, отражая их аллегорически [10, с. 30].

Голландский же портрет строился на принципах реализма. Здесь интерес к показу человека связан с одной из особенностей творческого метода голландских живописцев XVII века – со свойственным им вещественным восприятием мира, утверждающим этическую и эстетическую потребность материального существования человека, что полагает прямое, непосредственное отображение действительности, значительно большую психологическую и социальную конкретность образа человека.

«Наконец, важными особенностями голландского реалистического портрета при всей объективности художественного восприятия является, с одной стороны, ярко выраженное личное отношение художника к портретируемому, к жизни вообще, привнесение в портрет элементов субъективного переживания художника, с другой стороны, гораздо более активное, чем это раньше делали портретисты, вовлечение зрителя в жизнь портретных образов» [1, с. 150].

Итак, бельгийский портрет начала XIX века мог демонстрировать как черты фламандской, так и голландской живописи. Проследим теперь – насколько выделенные особенности проявляются в портрете кисти И. Бриса «Портрет Терезы Ланджендри», находящегося в постоянной экспозиции ТОХМ. Примечательно то, что «это единственное произведение И. Бриса в отечественных музейных собраниях» [9, с. 34]. Художник написал картину в 1818 г., будучи довольно молодым, в 23 года. Брис создал психологический портрет, отличающийся живописным достоинством. Картина является одной из лучших работ и относится к раннему периоду.

Автор портрета – Брис Игнасе, родился и умер в городе Брюссель. Портретируемая – Тереза Ландженри, про которую известно, что она родилась в Браманте в 1740 году, умерла в Брюсселе в 1823 году. Поступила в возрасте 23 лет сестрой в монастырский госпиталь в Брюсселе, руководила его работой с 1785 года до конца жизни. Известно даже, что она использовала на практике такой вид лечения, как гомеопатия.

Портрет по стилю относится к реализму, к станковой живописи, написан маслом на холсте, размеры 92x71, вверху надпись: *ThérèseL'Angendiesâgéeede 80 ans. Supérieure de la CommunautéHospitalière de St. Jean à Bruxelles.*

Автор произведения показывает нам престарелую монахиню и делает акцент на лицо и руки, затемняя всё остальное. Неяркий свет падает на портретируемую, придавая неконтрастный объём. Тереза Ланджендри почти полностью одета в чёрное, как бы укутавшись в своём привычном «футляре». Художник ничуть не приукрашивает модель, привлекая к ней внимание как раз естественностью изображения, при этом зрителю хочется остаться у полотна и вникнуть в его суть. Глядя на скромную, добрую женщину, смиренно сложившую руки, которыми она вылечила многих больных, создается спокойное и умиротворённое впечатление. Этот портрет психологичен, проникает вглубь сознания, вызывая особые чувства.

«Один путь» – такое название хотелось бы дать этой картине. На полотне изображена сестра монастырского госпиталя, где она верой и правдой, с благочестием служила 22 года, после чего стала сама им руководить госпиталем, отдав ему ещё 38 лет, что в итоге составляет 60. Шестидесять лет жизни отданы Богу через служение раненым и больным людям. На 60 лет монахиня отказалась от благ мира, ведя аскетическую и духовно-созерцательную жизнь. Это нелёгкий путь к наивысшему благу. Этот путь был выбран осознанно, и в столь молодом возрасте. Когда другие только начинают жить, черпать всё радостное и

печальное, заводить семью и посвящать себя ей, Тереза Ланджендри идёт совершенно другой дорогой – дорогой, лишённой всего того, что есть у обычного человека. Мы не знаем, какие мысли подтолкнули её не этот серьёзный шаг, – несчастье, грехи, или желание насладиться жизнью в ином мире, но мы знаем, что этот путь, ведущий к светлому и прекрасному, был тяжёлым и долгим. Художник попытался передать зрителю те качества, тот характер, ту глубину духовности, которые сформировались именно на таком пути.

Нам, безусловно, нравится работа художника И. Бриса, так как её интересно рассматривать и разгадывать её настроение, мысли, чувства. При этом каждый человек будет приближен к той мысли, которая ему интересна или волнует его.

Композиционный центр портрета – лицо. Голова модели расположена в анфас. Нос слегка увеличен и мягок, как и у всех пожилых людей, кончик носа опущен вниз. Подбородок с ямочкой, добрая и сдержанная улыбка, она радуется простым, окружающим её вещам, отчего создаётся ощущение, что она всегда в этом состоянии, и места зависти, ненависти, да и любого другого чувства, от которого Библия советует освободиться, нет. Рассматривая портрет на расстоянии, создаётся впечатление, будто взгляд направлен вниз, а вот при близком рассмотрении видится, что взгляд направлен на зрителя, что создаёт некую загадку. Если престарелому человеку, в связи с возрастом, больше свойственны впалые глаза, то здесь такого свойства не замечаем. Глаза – самая выразительная, важная и интересная часть лица, как говорится, «зеркало души». Что же в этом зеркале мы видим? В нем, безусловно, отражается вся пройденная жизнь. Монахиня была свидетелем и светлого выздоровления, ещё лучше – спасения, и горькой, мучительной боли (когда казалось, что смерть это спасение), и, конечно, смерти. Непременно, будучи духовным человеком, она пропускала это через себя. Глаза Ланджендри улыбаются с частичкой хитрости, что объясняет её неполное отдаление от «мирского», что тоже оставляет некоторую тайну. Видно, что она любит людей, что она не потеряла интерес к жизни, в которой она должна помогать ближнему, ведь не просто так «в 1815 году во время войны привезены были в монастырь раненые, в том числе и русские, и, вероятно кто-нибудь из бывших под попечением русских офицеров привёз этот портрет» [8, с. 14].

Не маловажны в портрете руки модели. Кисти рук портретируемой мягкие и пухлые, лежат на животе расслаблено и естественно, они сложены в свободный замок. Их положение отражает чувство спокойствия, умиротворения, ей удобно и комфортно. Но самое главное в том, что эти руки – свидетельство ее тяжелых и праведных трудов.

Фигура Тереза Ланджендри одетая в чёрную рясу (одежда монахинь), заполняет почти все пространство холста, которая занимает почти всё пространство. Апостольник не закрывает шею, вместо него эту миссию выполняет белая, другая часть одеяния. Фон коричнево-охристого цвета не противоречит всему цветовому строю картины. Характер написания локаничен, не агрессивен, мазки плавные.

Портрет психологичен – автор не зря расставляет акцент на особенно зрелом лице, по которому можно прочесть все события пройденной жизни, настроение, характер, а также на руках, дополняющих образ женщины. С помощью этого композиционного приема 23-х летний художник И. Брис пытается показать не только внешнее сходство, но и отворить дверцу к духовному миру человека, затрагивая его иерархию. Во всем этом портрет напоминает знаменитые портреты пожилых людей кисти Рембрандта. Таким образом, это подчеркивает тот факт, что картина написана в духе реалистических традиций голландской школы.

Образ вызывает ощущение тихого и смиренного состояния, как погода теплым осенним днём, оставляет ощущение светлой надежды на завтра, лёгкости, несмотря на перенесённую бурю (пройденную жизнь), хочется радоваться мирному небу над головой.

«Портрет Терезы Ланджендри» – пример классицизма XIX века с реалистическими традициями фламандского и голландского искусства XVII века, что является особенностью бельгийского портрета начала XIX века. Характерным для классицизма выступают такие признаки, как крепкая композиционная построенность, законченность, созвучность и гармония, отсутствие ярких эмоций в образе портретируемого. Влияние голландских традиций портрета в произведении И. Бриса заключается в непосредственном отображении действительности, значительно большей психологической и социальной конкретности образа человека, в передаче индивидуальных явлений, к познанию частного, обыденного человека. Черты фламандской живописи XVII века отразились в применении таких приемов, как нейтральный фон и сильные контрасты, акценты света как выражение напряжённой внутренней силы персонажа.

Литература

1. Тугендхольд, Я. А. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. – Москва : Советский художник, 1987. – 320 с.
2. Баранов, И. В. Краткая художественная энциклопедия. Искусство стран и народов мира / Баранов И. В. и [др]. – Москва : Советская энциклопедия, 1962. – 696 с.
3. Всеобщая история искусств в шести томах. Академия художеств СССР. Том 5 / Под ред. Колпинского Ю. Д. и Яворской Н. В. – Москва: Искусство, 1964. – 972 с.
4. Алёшина, Л. Искусство Бельгии [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000019/st018.shtml> (дата обращения: 01.04.2015).
5. Чегодаев, А. Д. Статьи об искусстве Франции, Англии, США – XVII-XX веков. – Москва : Искусство, 1978. – 267 с.
6. Виппер, Б. Р. Становление реализма в голландской живописи XVII века. – Москва : Искусство, 1957. – 332 с.
7. Доброклонский, М. В. Рисунки фламандской школы XVII-XVIII веков. – Москва : Искусство, 1955. – 258 с.
8. Боровинских, Н. П. Каталог собрания Томского областного художественного музея: Живопись. Графика. Скульптура. Декоративно-прикладное искусство / Боровинских и [др]. – Томск: Красное знамя, 2012. – 344 с.

9. Овчинникова Л. И. Собрание Томского областного художественного музея. Западноевропейское и русское искусство XVI-начала XX. Альбом / Овчинникова Л. И. и [др]. – Томск: ТОХМ, 2013. – 55 с.
10. Ивашнев, В. И. Фламандские караважисты / В. И. Ивашнев // Юный Художник. – 1995. -№ 11-12. – С. 30-33.

УДК 7.036.4
ГРНТИ 18.31.09

**СЕЗАННИЗМ В РУССКОМ АВАНГАРДЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ П. П. КОНЧАЛОВСКОГО
«НАТЮРМОРТ С БЕГОНИЕЙ», 1916,
ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ)**

**THE RUSSIAN SEZANNISM AVANT-GARDE (BY THE EXAMPLE
OF PYOTR KONCHALOVSKY «STILL LIFE WITH BEGONIA», 1916,
FROM THE PERMANENT EXHIBITION TOXM)**

Савенкова Елена Владимировна

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Научный консультант: М. А. Наумова, ведущий методист Центра музейной педагогики Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: изобразительное искусство, русский авангард, сезаннизм, постимпрессионизм, художник, картина, искусствоведческий анализ, обобщенность образа, упрощение, Поль Сезанн, П. П. Кончаловский.

Key words: art, Russian avant-garde, sezannism, Post-Impressionism, artist, painting, art history analysis, generalized image of simplification, Paul Cezanne, Pyotr Konchalovsky.

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть влияние сезаннизма на живопись русского авангарда, изучить вопрос – насколько манера письма русских авангардистов близка ему. Исследование особенностей течения «сезаннизм» позволяет обнаружить их в творчестве русского художника П. П. Кончаловского.

Русский авангард 10-х – 30-х годов XX столетия являет собой переход от традиционных общепринятых норм в русском искусстве к новаторским явлениям: большее влияние уделяется цвету, обобщенности образа, исчезает детализация, наблюдается стремление к упрощению или преувеличению отдельных деталей. Тем самым русские авангардисты хотели добиться гармонии цвета и формы. Яркими представителями русского авангарда стали Василий Кандинский, Казимир Малевич, Владимир Татлин и другие. Авангардисты были профессионалами своего дела, они были очень хорошо подготовлены и отличались добросовестностью по отношению к своему ремеслу. Художники, как правило, работали в многосложной технике, чётко следуя продуманным им этапам живописного процесса и используя разные приемы.

Русский авангард был и остается узнаваем в мире, и по сей день не угасает интерес к произведениям русских авангардистов. Неслучайно одной из визитных карточек, представляющих русскую культуру на открытии Олимпиады в Сочи 2014 году, были узнаваемые во всём мире яркие и красочные образы известных полотен Кандинского и Малевича.

Влияние сезаннизма на русский авангард изучалось многими исследователями. Наибольшую ценность для данной работы представляют труды искусствоведов В. И. Ракитина и А. Д. Сарабьянова [1; 2], М. Ф. Киселева [3] и И. А. Евтихиевой [4].

Цель работы – проследить влияние сезаннизма на творчество русских художников начала XX в. на примере картины П. П. Кончаловского «Натюрморт с бегонией», представленной в постоянной экспозиции Томского областного художественного музея (ТОХМ).

Изучая появление сезаннизма в русском авангарде, прежде всего, следует помнить о том, что он является течением постимпрессионизма. Знакомство русских художников с ним состоялось в 1904-1908 гг. Но чёрно-белые репродукции и ограниченное число подлинников не могли дать большего представления об этом художественном направлении. Восполнить пробелы помогли зарубежные поездки и выставки. Так, впервые в Москве в 1908 году на выставке «Салон «Золотого руна» были представлены работы Сезанна, Гогена, Ван Гога. А выставка постимпрессионистов «100 лет французского искусства», состоявшаяся в 1912 году в Петербурге, произвела неизгладимое впечатление на русских художников. Таким образом, начало XX века ознаменовалось серьезным знакомством русских художников с французским постимпрессионизмом, оказавшим определенное влияние на их творчество. К этому времени уже становится очевидна роль Поля Сезанна в возникновении нового русского искусства.

Русские художники воспринимали постимпрессионизм как «освободительский» этап от академических правил, ознаменовавший замену категорий света на категорию цвета. А творчество Поля Гогена, Ван Гога и Поля Сезанна активно воздействует на русских художников на стадии формирования авангарда. Но особенность русского искусства начала XX века состоит в том, что в нем происходит сближение двух источников авангарда – французской живописи и народного искусства.

Поставленная цель определяет необходимость раскрыть сущность и основные особенности творчества Сезанна, а также самого течения «сезаннизм».

Поль Сезанн был удивительным художником-живописцем и ярким представителем изобразительного искусства начала XX века. Он интересовался не мимолетным впечатлением, а материальной предметностью природы. В основном писал маслом и акварелью, со временем стал себя ограничивать тремя цветами: голубым, зелёным и охристым. Таким образом, он ставил перед собой совсем нелёгкие задачи при написании картин. И как писал сам П. Сезанн: «Художники должны полностью посвящать себя изучению природы и пытаться создавать картины, которые бы являлись наставлением. Разговоры об искусстве почти

бесполезны. Работа, которая помогает человеку достичь успеха в своем деле, является достаточной компенсацией за непонимание, проявляемое глупцами. Литератор выражает себя абстракциями, тогда как художник конкретизирует свои ощущения и восприятия посредством рисунка и цвета. Художник не должен быть чересчур скрупулезным, или чересчур искренним, или чересчур зависимым от природы; художник является в большей или меньшей степени хозяином своей модели, а главным образом – своих средств выражения» [5]. В своём творчестве он хотел примерить современность и классику, свободу и каноны, что было почти невозможно.

Влияние творчества Поля Сезанна на современников было настолько велико, что в художественной среде, в постимпрессионизме возникает целое течение – сезаннизм, в котором наблюдается присутствие и русских художников. Уже в первом десятилетии XX века в его манере пытались писать М. Ф. Ларионов («Груши», 1908, ГРМ) и П. П. Кончаловский («Франция. Немур», 1908. Фонд Петра Кончаловского).

Но сам русский сезаннизм возник как оригинальное направление только в 1912-1913 гг. Создателями его были учредители общества «Бубновый валет» – П. П. Кончаловский, Р. Р. Фальк, А. В. Лентулов, А. В. Куприн, И. И. Машков, А. А. Осмеркин, В. В. Рождественский. Сезаннизм становится серединой между ранним авангардом и его более радикальными течениями. При всей условности термина «русский сезаннизм», сам сезаннизм сыграл важную роль в творчестве художников «Бубнового валаета», для которых был чужд академический пейзаж, натюрморт, портрет, зато близки по душе простые формы, коллаж, рельеф и другое.

В истории русского сезаннизма выделяются 2 этапа [2]:

1912-1916 гг. – первый – этап расцвета «Бубнового валаета». Кончаловский, Куприн, Машков и другие не столько подражают Сезанну, сколько используют его технику и методы для создания русской вариации стиля, заметно приближенную к брутальности и декоративности. На их картинах пространственные смещения утрированы, интенсивнее и резче цветовые контрасты, объёмы кажутся весомыми.

1917-1920 гг. – второй этап русского сезаннизма. Это период распада общества «Бубновый валет» и победы радикальных течений авангарда. Многие художники к творчеству Сезанна приходят уже поодиночке, находя для себя индивидуальные стилистические решения. Общим качеством становится подчёркнуто станковый характер картины, отказ от схематизаций форм и цвета. Интерес к сезаннизму был ещё потому, что в 1918 году многие художники преподавали в академиях и за основу новой системы обучения взяли живописные принципы Сезанна. Важно отметить и стремление художников понять истоки авангардного движения.

Основными чертами русского сезаннизма являются: обобщённость образа, исчезновение детализации, большее влияние уделяется цвету, наблюдается стремление к упрощению или преувеличению отдельных деталей.

Проследим их проявление на примере картины П. П. Кончаловского «Натюрморт с бегонией», представленной в постоянной экспозиции ТОХМ.

Картина «Натюрморт с бегонией» написана в Москве в 1916 году и выполнена на холсте маслом; размер 58,5x82,5, жанр – натюрморт. Этот жанр позволяет наиболее свободно осуществить свой замысел: художник может самостоятельно перемещать вещи, подобно режиссеру, конструируя реальность. Предметы в картине имеют объем за счет цвета, это видно по фруктам, бегонии, фоновой драпировке, что говорит нам и о чертах сезаннизма. Также мы видим приверженность художника работе со светотенью, что придает глубину предметам и относится к более традиционному написанию, это можно увидеть по тому как написаны тарелки и горшок в которой стоит бегония. Есть ощущение, что работа словно выходит за рамки холста. На нее невозможно не обратить внимания. Выполнена уверенно и смело, что можно увидеть по мазкам лежащий на столе драпировки, орнамент который упрощен и написан широкой кистью, но также не стоит забывать и об аккуратности выполнения работы, пример тому – персики, прописанные более детально, мелкими мазками. Она так и притягивает взгляд. Картина представляет собой достаточно натуралистично-условное изображение.

Композиция складывается из двух тарелок с фруктами, горшка с бегонией, двух драпировок, стола и т.д. Объекты выходят на первый план, занимая значительное количество центрального пространства, тем самым фоновые драпировки уходят на второй план. Художник при написании картины выбрал удобный угол зрения – почти вровень с натюрмортом, но всё же чуть-чуть сверху смотря на предметы, благодаря чему зритель может увидеть глубину и объем. Композиция достаточно уравновешенная, статичная. Местами видны прерывистые контуры, очерчивающие предметы так легко и непринужденно. Объем явно передан на трёх тарелках, горшке с бегонией, фруктах за счет светотени, тени на самих предметах и на плоскости. Каждый объект по отдельности выразителен и очень красив, все силуэты читаются достаточно хорошо, несмотря на некую обобщенность.

Ещё один признак сезаннизма – это цвет. Он является достаточно значимым в «Натюрморте с бегонией», в котором невозможно не заметить ярких красок. Явно выражены цвета: зелёный, желтый, коричневый, серый, красный, синий и все возможные оттенки этих цветов. Границы цветовых пятен частично различимы между собой. В данной работе преобладает теплая цветовая гамма, наиболее освещенные места переданы через белую краску, или краску светлых оттенков, а затемнённые места через использование темных цветов тёмно-коричневого, тёмно-синего. Явно видны блики, гибкие мазки плавного насыщенного цвета.

Влияние сезаннизма в картине достаточно хорошо видно и в том, что предметы в ней детально до мелочей не прописаны, используются широкие мазки кисти, кое-где даже предметы искажены, что говорит

о, стремлении художника к упрощению, исчезновении детализации, обобщённости образа.

Тем не менее, в работах П. П. Кончаловского одновременно уживается сезаннизм и академическая школа письма, которая внесла определённую утонченность в его творчество.

Кончаловский был замечательным живописцем. В живопись у него превращалось всё: малое и большое, люди и вещи, мельчайшие различия и оттенки в окраске и фактуре предметов и неповторимые особенности человеческого характера. Его живопись почти никогда не была тусклой и вялой, чаще всего, она была сверкающей и яркой. П. П. Кончаловский – универсал, он – пейзажист, театральный художник, портретист, мастер натюрморта, также он расписывал фарфоровую посуду и жестяные подносы, – всюду он замечательный художник, жизнелюбивый, но больше всего влюбленный в искусство! Труженик, написавший большое количество картин и набросков. Человек, горячо любящий свою Родину, искренне служащий своему искусству и народу. «Живопись для меня не только источник радости. Это источник жизни и силы», – писал П. П. Кончаловский [6].

Творения русских авангардистов оставили большой след в истории искусства, явив собой феномен XX в. – только одно упоминание таких знаковых имен, как Казимир Малевич с его «Черным квадратом», Василий Кандинский с многочисленными абстрактными композициями, Павел Филонов с «Формулой весны» мгновенно вызывает образы, формируя определенное отношение. К ним же относится и Петр Кончаловский. До них никто в отечественном искусстве не отважился бросить такой вызов традиционным принципам живописи. Все они добились поставленных целей и ушли от академической манеры письма, привнеся в искусство обобщенность образа, упрощение или преувеличение отдельных деталей, передачу объема через цвет и др.

Литература

1. Ракитин, В. И., Сарабьянов, А. Д. Энциклопедия русского авангарда: в 3 томах. Том 1: А-К биография / В. И. Ракитин, А. Д. Сарабьянов. – Москва : Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013. – 528 с.
2. Ракитин В. И., Сарабьянов А. Д. Энциклопедия русского авангарда: в 3 томах. Том 3: Н-Я История. Теория. Книга 2 / В. И. Ракитин, А. Д. Сарабьянов. – Москва : Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013. – 816 с.
3. Киселев, М. Ф. Художественное наследие / М. Ф. Киселев [и др.]. – Москва : Изд-во «Искусство», 1964. – 382 с.
4. Евтихиева, И. А. Собрание Томского областного художественного музея. Западно-европейское и русское искусство XVI-начала XX. Альбом / Овчинникова Л. И. и [др.]. – Томск: ТОХМ, 2013. – 55 с.
5. Поль Сезанн [Электронный ресурс]. – URL: <http://сезанн.рф/cit.html> (дата обращения 07.04.2015).
6. Гапеева, В. И., Кузнецова, Э. В. Беседы о советских художниках. Художник П. П. Кончаловский (1876–1956). – Москва : Изд-во «Просвещение», 1964 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.artvek.ru/iskusstvo/beseda18.html> (дата обращения 13.04.2015).

УДК 7.035
ГРНТИ 18.01.09

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО И РУССКОГО РОМАНТИЗМА
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ)**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF FEATURES OF THE EUROPEAN
AND RUSSIAN ROMANTICISM (FOR WORKS PERMANENT
EXHIBITION TOHM)**

Светлана Витальевна Савицкая

Научный руководитель: Н. И. Романова, канд. культурологии, доцент

Научный консультант: М. А. Наумова, ведущий методист Центра
музейной педагогики Томского областного художественного музея

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: культура, изобразительное искусство, живопись, романтизм: европейский, русский, художники, В. А. Тропинин, И. Брис.

Key words: culture, fine art, painting, Romanticism: European, Russian, artists, V. A. Tropinin, I. Brice.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и сравнению европейского и русского романтизма с привлечением искусствоведческого анализа картин из постоянной экспозиции Томского областного художественного музея (ТОХМ).

Современное поколение двадцать первого столетия увлечено и вовлечено в новый век быстроразвивающихся компьютерных и информационных технологий, что ведет к нивелированию нравственных и культурно-исторических ценностей. Увлечение современной молодежи техническим прогрессом выхолащивает и огрубляет чувственную сферу, притупляет способность к душевным и эстетическим переживаниям. Поэтому так важно изучать и всячески побуждать современных школьников, студентов, а также простых граждан к посещению культурных учреждений, таких как музеи, выставочные залы, театры с тем, чтобы учить их умению погружаться в мир глубоких чувств и ощущений. Пожалуй, из всех стилей художественной культуры – романтизм – более всего способен выполнить, эту роль – воспитания чувства прекрасного в человеке.

Как сказала искусствовед И. В. Карташова: «Романтизм актуален тем, что основан на утверждении высоких духовных ценностей, на прекрасных и благородных идеалах, на представлении о совершенстве, изяществе, изысканности и утонченности мира человеческих чувств, на ярком ощущении красоты мира и человека, на драгоценной способности удивляться этой красоте. ... Нельзя забывать, что романтизм это не искусство, летающее, где то в облаках, не наивное «донкихотство». Романтики были способны очень глубоко осмыслять окружающую жизнь, ощущать её бесконечную сложность, противоречивость. Они не отрицали материального мира. Они осуждали только чрезмерную

погружённость в материальную сферу, меркантильность, отказ от духовности» [1].

Изучению романтизма посвящено достаточно много исследований. Для данной работы ценными явилась работа искусствоведа Н. Н. Степановой «Романтизм как культурно-исторический тип: междисциплинарного исследования» [2], а также авторской диссертации Шикиной А. Н. «Стилевые формы творческого самосознания в культуре романтизма» [3] и др.

Целью данного исследования является изучение особенностей европейского и русского романтизма и выявление их на примере картин из постоянной экспозиции Томского Областного Художественного Музея (ТОХМ) В. А. Тропинина «Портрет Мазуриной» и И. Бриса «Портрет Терезы Ланжандри».

Прежде всего, рассмотрим сущность романтизма? Романтизм (от франц. *Romantisme*) – идейное и художественное направление, которое возникает в конце XVIII века в европейской и американской культуре и продолжается до 40-х годов XIX века. Отразив разочарование в итогах Великой французской революции, в идеологии Просвещения и буржуазном прогрессе, романтизм противопоставил утилитаризму и нивелированию личности устремленность к безграничной свободе и «бесконечному», жажду совершенства и обновления, пафос личности и гражданской независимости [4]. В изобразительном искусстве романтизм наиболее ярко проявился в живописи и графике. В своих полотнах художники подчинялись только зову собственной души, уделяли большое внимание выразительному показу чувств и переживаний человека. Живописи романтизма была присуща «страшная сила творить всеми возможными способами». Любимыми выразительными средствами романтической живописи становятся колорит, освещение, внимание к деталям, эмоциональность манеры, мазка, фактуры [5].

Зарождение европейского романтизма приходится на первую четверть XIX века. В работах европейских мастеров романтизм славится своим горячим колоритом, моделировкой форм в интерьере и в фигурах, экспрессивным рисунком, смелой, иногда хаотичной композицией, лишённой величественности и незыблемого спокойствия.

Появление и развитие романтизма в русском изобразительном искусстве относится ко второй четверти XIX века. На русский романтизм повлияли следующие факторы: война 1812 года, движение декабристов, и, конечно, идеи Великой французской буржуазной революции, хотя и в малой степени. В своих полотнах русские живописцы-романтики выразили дух свободолюбия, активного действия, страстно и темпераментно взывали к проявлению гуманизма. Актуальностью и психологизмом, небывалой экспрессией отличаются бытовые полотна русских живописцев. Одухотворенные полотна – это попытка романтиков проникнуть в мир человека, показать, как живется и мечтается человеку в подлунном мире [6].

Русская романтическая живопись отличалась от зарубежной тем, что её особенности определялись исторической и традиционной

обстановкой, а именно: просветительская идеология ослабла, но не потерпела крах, как в Европе. Поэтому романтизм не был ярко выражен в русском изобразительном искусстве. Второй особенностью является то, что романтизм развивался параллельно с классицизмом, нередко переплетаясь с ним. Третья особенность заключалась в том, что в России романтизм не был устойчив и поэтому, романтиков тянуло к академизму.

С уверенностью можно сказать, что романтизм интересен своим колоритом, стремлением к индивидуальному своеобразию, и проявлением огромного интереса к душевному миру человека. Следуя этому, обратимся к искусствоведческому анализу портретных работ В. А. Тропинина «Портрет Мазуриной» и И. Бриса «Портрет Терезы Лангендри», находящихся в постоянной экспозиции ГОХМ, для полного представления о душевном и мировоззренческом состоянии художников-романтиков и самих жителей XVIII-XIX веков.

Проведем искусствоведческий анализ портрета А. Ф. Мазуриной русского художника Василия Андреевича Тропинина. Работа написана в 1839 году, предположительно в Москве, размер картины 99x76 см., материал – холст, масло.

Для того чтобы провести полный анализ картины, сначала рассмотрим, что художника подтолкнуло на написание портрета.

В декабре 1835 года в Москву приехал Карл Павлович Брюллов. Знакомство с ним наложило отпечаток на творчество художника: после общения с Брюлловым у Василия Андреевича появляются произведения большого размера со всеми приемами и аксессуарами большого парадного портрета [7]. Таковым является и портрет А. Ф. Мазуриной, относящийся к позднему периоду творчества художника. На холсте изображена купчиха А. Ф. Мазуринина в парадном одеянии, сидящая в кресле, которое почти слилось с изображением ее фигуры. В работе Василий Андреевич стремится к живой, вольной характеристике натуры, поэтому образ поражает не портретным сходством с самой Мазуриной, а необыкновенно тонким проникновением во внутренний мир женщины.

Содержание картины заключается в передаче художником душевного, психологического характера женщины, через ее эмоции на лице, или то, как лежат руки, а также в самой позе. На наш взгляд, художник поставил перед собой задачу передать выразительность и душевное состояние портретируемой через ее добрые, выразительные глаза, и грациозную посадку фигуры. Через прописанные черты лица, одежду, можно предположить не только то, о чем думала женщина, когда позировала, но и то, что пережила за свою жизнь.

Композиционно полотно вытянуто вертикально, что свойственно портретному жанру. По центру расположена фигура пожилой женщины сидящей в кресле, которая занимает достаточно много места на полотне. Зрительно центр изображения находится в нижнем левом углу, с руки, после плавно переходит к лицу, а затем к правой руке. Гамма полотна теплая. На свету доминирует коричневые, красные цвета с

присутствием белого и охристого, на лице, руках и чепчике. В тени наблюдается глухие холодные оттенки, такие как, серый, синий, темно фиолетовый, черный. Блики присутствуют на руках, лице, чепчике, накидке, платье, стуле. Фигура освещена искусственным светом, за ней наблюдается освещенный фон и рассеянная тень. Все это придает объем лицу, рукам и одежде. Фигура женщины статична. Изображение фона плоскостное. Поза, душевное спокойствие, независимость и в то же время покорность женщины, а также теплый колорит холста, композиционное решение художника, особые приемы освещения – все это свидетельствует о свойственных романтизму экспериментах со светом, цветом, композиционными решениями.

О картине Тропинина «Портрет А. Ф. Мазурина» можно сказать, что в нем явно присутствие концепции романтического героя, выработанной в искусстве романтизма, суть которой в поиске и передаче средствами живописи образов героических, прекрасных людей. Это явление было попыткой протеста, направленного против уродливых форм современной им общественной жизни, вот почему с портретов художников на нас смотрят люди красивые и внутренне благородные, иногда полные романтического трепета. Так, созданный женский портрет Тропинина отражает эту основную тенденцию. И хотя перед нами не портрет героя с полем сражений, не поэт-романтик (как, например, портрет Пушкина кисти Кипренского) или автопортрет художника (опять того же Кипренского), но это образ одухотворенной женщины с богатым внутренним миром. И хотя мысли и чувства Мазуриной остаются замкнутыми во внутреннем мире пожилой дамы, но именно это и делает ее привлекательной и загадочной. Художник пишет именно даму, а не купчиху. Об этом говорит весь облик Мазуриной, одетой с изысканным вкусом и строгостью, не свойственным ей купчихам, даже поднявшимся на высокий социальный уровень. Это не в последнюю очередь можно объяснить происхождением, москвичи считали, что Анна Федоровна незаконнорожденная дочь графа Шереметьева

Теперь рассмотрим европейский романтизм на примере картины Бельгийского художника Игнаса Бриса «Портрет Терезы Ланжендри», написанной в 1818 году. Материалы – масло, холсты, размеры полотна 92x71 см.

Картина принадлежит к раннему романтизму, основываясь на мощных реалистических принципах и традициях фламандской и голландской школы. Перед нами портрет слегка улыбающейся монахини, сидящей в темной мантии и позирующей художнику.

На наш взгляд, художник хотел в данной картине передать не только старость, но и душевное и психологическое спокойствие Терезы Ланжендри. Героиня портрета родилась в Брабанте в 1740 году, позже поступила в возрасте 23 лет сестрой в монастырский госпиталь в Брюсселе, руководила его работой с 1785 до конца жизни.

Композиционно картина вытянута вертикально, что свойственно портрету. Фигура женщины скрыта под одеждой. Руки и лицо монахини, более тщательно прописаны, чем складки на одеянии, таким обра-

зом, художник делает главный акцент на долгие пережитые годы монахини. Фигура женщины занимает большую часть на полотне, остальное – драпировка на заднем плане. В картине отсутствует какое-либо движение.

Цветовая гамма теплая, темная, с присутствием света, направленного на лицо. Видны блики на изображении нижней части лица женщины (нос и подбородок). В картине больше всего черного цвета, используемого художником для написания мантии монахини. Теплые красные, коричневые и охристые оттенки можно заметить в написании рук, лица, также они прослеживаются в написании фона, белый цвет – используется для воротника. Картина написано достаточно рельефно, объем прослеживается в лице, руках, в мантии.

Эта картина привлекает тем, как художник смог применить технику высветления на руки и лицо монахини, что помогло художнику передать жизнь этой монахини, душевную теплоту и доброту по отношению к людям.

В картине прослеживаются первые намеки на романтизм, точнее на то, что перед нами хотя еще и не классический, но все-таки уже романтический герой. Ведь Тереза была загадочной личностью. Уйдя от обыденной жизни, монахиня погрузилась в себя, сосредоточившись на своей работе и помощи людям. Она не похожа на обычных людей с их мелкими чувствами. Именно об этом хотел сказать нам И. Брис. Применяя рембрандтовскую технику высветления рук и лица монахини, художник передал нам ощущение нелегкой, полной самоотверженности жизни этой монахини, ее душевную теплоту и доброту, глубокое сострадание по отношению к людям.

На основе анализа двух картин, принадлежащих к европейскому и русскому романтизму, можно сказать, что в них есть то, что свойственно романтизму в целом. Так, в русском портрете художник В. А. Тропинин стремится к необыкновенно тонкому проникновению в душу Мазуриной, показывая ее мягкое, одухотворенное лицо, красивую одежду, руки, но, не делая акцента на чем-то одном, главном. Русский романтизм проявляется через отношение художника к написанию портрета, он передает характер, личность героини, показывает ее статут, пышные и красивые одеяния. А в европейском «Портрете Терезы Лангендри», его автор И. Брис старается передать старость, трудолюбие, жизненный опыт монахини, выраженные в четко прописанных лице, руках, которые художник попытался выделить, увеличив руки и лицо, уйдя от торжественной и эффектной позы. Таким образом, художник стремился отойти от повседневной жизни, и передать в монахине историческую личность, мудрость накопленную годами, и показать женщину в ту минуту, когда в ней раскрывается наиболее лучшие черты ее духовного облика. Брис показывает женщину-тайну, спокойную и погруженную в духовную работу, добровольно ушедшую от повседневной мирской жизни. А Тропинин показал пышность женщины, и хотя он и не ушел от акцента на душевном состоянии героини, но оно менее значительное, чем в европейском портрете. Купчиха Мазурина отно-

сится к людям из жизни, которых можно повстречать везде, и она такая же, как все, только со своими принципами и взглядами.

Литература

1. Реабилитация романтизма // Литературная Россия. – 2010. – № 37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litrossia.ru> (дата обращения: 20.03.2015).
2. Степанова, Н. Н. Романтизм как культурно-исторический тип: междисциплинарного исследования / Н. Н. Степанова / Кафедра философской антропологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anthropology.ru> (дата обращения: 11.04.2015).
3. Шикина, А. Н. Стилиевые формы творческого самосознания в культуре романтизма / А. Н. Шикина / Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура // Человек и наука [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения: 11.04.2015).
4. Причина возникновения романтизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru> (дата обращения: 12.04.2015).
5. Романтизм в живописи XIX века [Электронный курс]. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru> (дата обращения 4.03.2015).
6. Ракова, М. М. Русское искусство первой половины XIX века / М. М. Ракова. – Москва : «Искусство», 1975. – 87 с.
7. Русский художник Тропинин Василий Андреевич. Биография. Картины // Русская живопись. Знаменитые русские художники и репродукции их картин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art19.info/tropinin/biography.html> (дата обращения: 14.04.2015).

ФИЛОСОФИЯ

ГРНТИ: 02.15.99
УДК: 17212

ФИЛОСОФИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ TAXATION PHILOSOPHY

Ю. М. Науменко

Научный руководитель: д-р философ. наук, А. А. Степанов

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: функциональный анализ, система, системный метод, налог, налоговая теория, распределение.

Keywords: functional analysis, system, system method, tax, tax theory, distribution.

Аннотация. В статье предпринимается попытка дать свое определение понятию «философия налогообложения», путем системного метода. Рассматриваются основные функции налогов, основные категории, классификация взглядов на суть налогов, принцип справедливости, а также основные понятия этики относительно обязанности платить налоги.

Изучая литературу касательно данного вопроса, мы столкнулись с скудностью материала и несогласованностью в определении философии налогов. Поэтому мы попытались самостоятельно определить сущность философии налогообложения и показать ее место в философии.

Философия науки являет собой основу, фундамент других наук, так как одна из главных ее составляющих – методология научного познания. Системный метод познания позволяет рассматривать объект как совокупность знаний о нем и его подсистемах, давая возможность в разносторонних элементах увидеть целостность, постичь общую объемную картину данного явления, совокупность его функций. Производится функциональный анализ, рассматриваются причины и основы функционирования налогообложения, а также связь с другими системами [1].

Проанализируем налогообложение с использованием системного подхода, чтобы дать определение понятию «философии налогообложения».

Философия налогообложения относится к экономической философии, которая, в свою очередь, входит в состав социальной экономики. Налог представляет собой одну из основных составляющих науки финансов, изучающую денежные потоки, не связанные с товарами и

услугами. Налоговые поступления всех бюджетов и внебюджетных фондов РФ составляют порядка 90% [2]. Государство посредством налога распределяет ресурсы, то есть функционально налоги обеспечивают относительную равномерность развития регионов и уровня жизни различных слоев населения. Учитывая такую большую долю налоговых поступлений в Федеральный бюджет, можно сказать, что налоги являются основой функционирования государственного аппарата, армии, государственных бюджетных учреждений и предприятий и т.д.

Невозможно понять сущность налогообложения без знания его основных категорий [2] :

- объект налогообложения (то, с чего взимается налог: имущество, доход, прибыль и т. д.);
- налоговая база (стоимостная, физическая или иная характеристика объекта налогообложения);
- налоговый период (период времени, по окончании которого определяется сумма налога);
- ставка налога (размер налога с единицы обложения);
- метод налогообложения (изменение налоговой ставки с изменением налоговой базы);
- налоговая льгота (возможность налогоплательщиков уплачивать налоги в меньшем размере или не уплачивать вовсе).

Существует классификация налоговых теорий, подробно представленная в книге «Налоги и налогообложение» А.Э. Сердюкова [3].

Мы же хотим предложить следующую систематизацию философских воззрений на суть налогов:

1. Самая распространенная точка зрения: налог как взаимосвязь благосостояния отдельных граждан и всего общества. «Все подданные государства нуждаются в его защите, без которой они не могут существовать, и государь, глава и правитель страны, не может дать им эту защиту, если подданные не доставляют ему необходимых средств», – С. Вобан [Цит. по 4]. Таких же взглядов придерживались: Ф. Вольтер, Г. Гегель, Р. Мирабо, О. Габриель, Н.И. Тургенев.
2. Налог как жертва и как благо. «Великий налог есть пожертвование собственности, принесенное гражданином для пользы и безопасности всего общества», М.Ф. Орлов [Цит. по 5]. Схожие мысли высказывал Ж. Сисмонди.
3. Налог как жертвоприношение. «Жертвоприношение принято считать начальной формой налогообложения», – Н.А. – Карташов [Цит. по 6]. Также считали: Д.Г. Черник, Б.А. Райсберг, М. Буланже Л.Ф. Проворова.
4. Налог как опасность произвола государства. «Подданные будут бедны и лишены всякого стимула к труду до тех пор, пока те, кто ими управляет, будут ставить преграды их предприимчивости или как бы в наказание за их труд взимать с них произвольные, несправедливые и чрезмерные налоги», - П. Гольбах [Цит. по 7].

5. Точка зрения, являющаяся своего рода следствием предыдущей: налог как причина революций. «Налоги – средство опасное, ссорящее короля с его подданными», - Жан Боден [Цит. по 4].

Экономисты, философы и политики пытаются найти такое идеальное состояние, в котором налогообложение будет устраивать всех членов общества – оптимальное. Принципы оптимального налогообложения сформулировал в 1776 году А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов»: справедливость, удобство, определенность и экономичность. Самым неоднозначным является принцип справедливости.

Рассматривая принцип справедливости важно затронуть вопрос о соотношении размера налоговой ставки и налоговой базы. Выделяют твердую (фиксированная сумма, не зависит от размера нал. базы), пропорциональную (фиксированный процент, от размера нал. базы не зависит), прогрессивную (процент, повышается с увеличением нал. базы) и регрессивную (процент, понижается с ростом нал. базы) ставки налога. В ситуации с твердой налоговой ставкой возникает ситуация, когда предельная полезность (на каждый потерянный рубль – полученный) бедных и богатых слоев населения очень различается. Пропорциональная ставка является оптимальной, так как обеспечивает максимальные поступления в бюджет и соответственно максимальное распределение ресурсов. Регрессивный может существовать в интересах небольшой элитарной группы, основная же масса населения будет страдать от высоких налогов. Прогрессивная же ставка тормозит промышленное развитие и предпринимательство, количество поступлений в бюджет уменьшается, что объясняется кривой Лаффера (рис. 1).

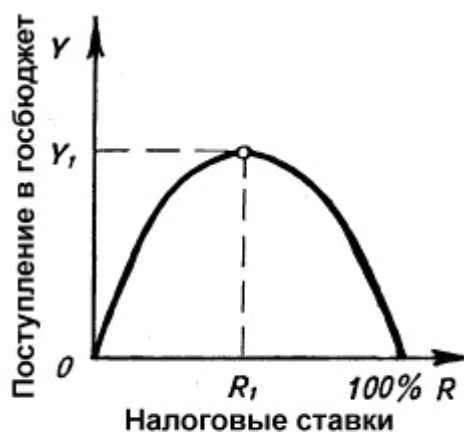

Рис. 1. Кривая Лаффера [8].

«Ничто не требует столько мудрости и ума, как определение той части, которую у подданных забирают, и той, которую оставляют им, » – писал Ш. Монтескье. Существует некоторая черта в определении налоговой ставки, превысив которую, государство все больше лишает себя налоговых потоков в казну. Зависимость этих двух показателей вывел

А. Лаффер, создав концепцию графика, получившего названия «кривая Лаффера» [Рис. 1]. Его суть в том, что пока налоговая ставка повышается до точки пересечения прямых $Y1$ и $R1$, налоговые поступления в бюджет тоже растут. Но затем рост останавливается, и налоговые потоки сходят на нет. Из-за высоких налоговых ставок люди укрывают доходы, переходят в теневую экономику и пр.

Большой вклад в развитие мысли о справедливом распределении ресурсов внес утилитаризм (является основой прогрессивного налогообложения) с его собственными определениями «справедливости» и «пользы», которые неоднократно менялись и критиковались за всю историю существования данного течения. Ценностью налогообложения считается польза (от лат. *utilitas* – польза, выгода), которая по утилитаризму понимается как счастье и удовольствие всех членов общества. Несомненным плюсом является то, что справедливость утилитаризма понимается как беспристрастное распределение пользы между отдельными людьми. Существенным недостатком данной теории является допущение принесения в жертву блага нескольких людей в обмен на благо всего общества. Несмотря на это, такая справедливость распределения теперь ассоциируется с социальной справедливостью [9].

Уплата налогов закреплена законодательно как обязанность гражданина. Одним из основных признаков государства является право на легитимное принуждение. Поэтому налоги могут взиматься в принудительном порядке. В связи с этим (относительно налогоплательщика) возникает ряд этических категорий. По Канту добродетель есть моральная твердость воли человека в соблюдении им долга. Долгом же признается то, что должно быть исполнено из моральных, а не из правовых соображений [1]. Отсюда вытекает, что гражданин должен иметь представление об обоснованности необходимости уплаты налогов, осознавать их как важную часть механизма государства. Именно от «образованности», как писал Н.И. Тургенев, зависят справедливость налогообложения и распределения ресурсов, а также готовность граждан платить налоги. Из понимания необходимости платить налоги, то есть налогового сознания, возникает понятие совести – осознание своего долга и ответственности перед обществом. Г. Гегель пишет: «Нигде не платят таких налогов, как в Англии. А между тем нет в Европе народа, который бы располагал большим состоянием, чем англичане, и пользовался бы таким уважением как нация... Происходит это потому, что англичанин свободен, что он пользуется правами, даруемыми свободой, – одним словом, потому, что он сам облагает себя налогами.» Нравственная свобода – это превращение моральных требований во внутренние установки. Она требует моральной ответственности – возможности отвечать за свои поступки перед самим собой и перед обществом. «Быть свободным – значит быть ответственным» [Цит. по 10].

Рассмотрев понятия, элементы и теории налогообложения можно сформулировать собственное определение. Философия налогообложения – система знаний, объединяющая: философскую мысль относи-

тельно сути налогов, категориальный аппарат, методологию и ценности налогообложения, взаимосвязь его с такими системами как общество и государство, функциональный анализ налогов.

Литература

1. Спиркин А.Г. Философия [Текст] / А.Г. Спиркин. – Москва: Гардарики, 2000. 816 с.
2. Сизов В.В. Финансы [Текст]: учебное пособие / В.В. Сизов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2013. 406 с.
3. Сердюков А.В. Налоги и налогообложение [Текст]: учебник для вузов / А.В. Сердюков, Е.С. Вылкова, А.Л. Тарасевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – С. 13–16.
4. Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов [Электронная версия]: Учеб. Пособие / В.М. Пушкарева – М.: ИНФРА-М, 1996. – режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Puschk/, свободный.
5. Большухина И.С. Налоги и налогообложение [Электронные текстовые данные]: учебное пособие / И.С. Большухина, – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – режим доступа: <http://venec.ulstu.ru/lib/disk/2012/Bolshuhina.pdf>, свободный.
6. Лабзин А.А. О ранних свидетельствах налоговых отношений [Электронные текстовые данные] / Лабзин А.А., Насонов Н.А. // Вестник Удмуртского университета – Ижевск, 2007. – режим доступа: http://vestnik.udsu.ru/2007/2007-02/vuu_07_02_15.pdf, свободный
7. Пинская М.Р. Основы теории налогов и налогообложения [Электронные текстовые данные]: монография / М.Р. Пинская, – Москва: Палеотип, 2004. – режим доступа: <http://www.fa.ru/dep/regres/Documents/Pinskaya>, свободный.
8. Фролова Н. Нобелевская премия по экономике. [Электронный ресурс] / Н. Фролова. – Электрон. архив журнала «Наука и жизнь». – 1998. – №2 – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/10318/>, свободный.
9. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России [Электронные текстовые данные] / Б.Н. Калашников, – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. – режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/641/1219/02.pdf>, свободный.
10. Категория этики. Свобода. Воля. [Электронный ресурс] / estimation – Электрон. текстовые дан. – 2011. – Режим доступа: <http://etika-education.ru/shpory-po-etike-kategoriya-etiki-svoboda-volya.html>, свободный.

УДК 101.1:316

ГРНТИ 02.41.51

СВОБОДА КАК УСЛОВИЕ И ЦЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

FREEDOM AS CONDITION AND PURPOSE OF THE HUMAN BEING

Ирина Николаевна Рябцева

Научный руководитель: д-р философ. наук, проф., Т. П. Минченко

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: свобода, личность, философия, проблема.

Key words: freedom, personality, philosophy, problem.

Аннотация. Свобода является всеобщей, но она всегда воплощается в конкретных целях и идеалах, определяемых характерными для эпохи обстоятельствами и противоречиями.

Целью статьи является рассмотрение изменения содержания понятия свобода в истории философии.

В настоящее время существуют попытки переоценки свободы любого отдельно взятого человека, хотя таковая определяется нами как естественное право человека. Выражение «свобода личности» часто используется прессой, этим словосочетанием злоупотребляют политические деятели и оно присутствует в Конституции Российской Федерации. Но есть разница в оценке и осмыслении этого конструкта, и существуют идеи, предполагающие некие варианты разрешения этой проблемы свободы индивида. Возможно, отсутствие основательных попыток исследования понятия «свобода» и есть тому причина. Люди очень часто говорят на словах, не понимая, не осознавая этимологии слова, всей многогранности значений, которые использовались в предшествующие эпохи. А те работы, которые проводились учёными ранее – не популярны, некоторые из них трудны для восприятия, ведь не каждый сейчас захочет «пережёвывать как корова каждое слово» [1, С. 475–493]. Это трудно, не все это умеют, даже и этому нужно научиться.

Свободу можно трактовать как философское понятие, определитель применяемый к индивиду с целью дать оценку его сущности и способам его существования. Существует понимание «отрицательной» свободы (свобода от чего-то) и «положительной» (свобода для чего-то).

Этот вопрос разбирался знаменитыми немецкими философами И. Кантом, Г. Гегелем, А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, и другими мыслителями, более близкими нам по времени: В. Соловьевым, К. Ясперсом, Ж.-П. Сартром, Н. Бердяевым. Э. Фроммом. Вариации осмысления различны, будь то полнейшее отрицание самого варианта свободного выбора или обоснования «бегства от свободы» в ситуации современного цивилизованного социума.

Видение свободы в качестве «осознанной необходимости» сводится к уподоблению человека предметам физическим, зависимым от случая, от состояния, от природы. Только понимание свободы как потенциальной способности человека к свободному выбору альтернативы, как возможности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего или внешнего принуждения дает личности возможность обретения духовной свободы, обретения человеком самого себя.

Н. Бердяев пишет: «Свобода – бесосновная основа бытия, и она глубже всякого бытия. Идея свободы для меня первичнее идеи совершенства, потому что нельзя принять принудительного, насильственного совершенства» [2, С. 298]. Не исключено, что его попытка осмысления свободы может стать интересной и актуальной для наших современников, так как он творец в мире идей сравнивает не сводимое, но безусловно всё это вопросы оценки.

Свобода – есть присутствие альтернативы выбора, вариации развития ситуации. Если нет альтернативы, вариаций развития ситуации, то и свободы как таковой тоже нет.

Свобода может быть элементом случая, ведомая волей (намеренность воли, осознанная свобода), либо стохастическим законом (непредсказуемость исхода события, неосознанная свобода). В таком понимании «свобода» противопоставлена категории «необходимости» [3].

Этика указывает на волю индивида взаимосвязанную со «свободой». Свобода неразделима с волей и предстаёт как элемент контроля, где человек контролирует самого себя: свою речь, свои решения, отвечает за их следствия. Решения, действия их следствия придаются оценке со стороны морали и в её категориях, например нравственным будет то совершено человеком свободной воли. Этика не разделяет осознание индивида самого себя как свободного, исполнителя своей воли и ответственность за поступки человека.

Правовое поле поставило свободу во взаимосвязь с субъектом, что означает прямую взаимозависимость волеизъявления с размером ответственности, но также учитываются и условия: вменяемость, невменяемость, виновность, невиновность, и др. согласно действующим юридическим правоприменительным практикам и ситуации [4, С. 672]. И в основе этой процедуры по задумке должны лежать категории справедливости, вопрос того соответствуют ли идеи реальности тема отдельного исследования и не будет рассматриваться здесь, сейчас.

Категория свободы эволюционирует и понятие творческой свободы со временем оттесняет понятие свободы от препятствий (принуждения, причинно-следственной связи, судьбы). У Сократа и Платона идет полемика о свободе в судьбе, что позже развивается в идеях Аристотеля и Эпикура о свободе и правильном государстве, сложностях в жизни человека.

Средние века были тёмным временем, поэтому и в поле рассмотрения были свобода от греха и проклятие церкви, были противоречия по вопросам свобод индивида и богословским догматам. В эпоху Просвещения осмысление свободы присутствовало в либерализме и философии естественного права, соседствуя с идеями о возможностях естественной причинности, обусловленности и закономерности вещей. Немецкие мыслители Мейстер Экхарт, Г. Лейбниц, И. Гёте, И. Кант, Ф. Шиллер, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, основательно проработали эту тему рассматривая свободу через постулирование нравственно-творческого соотношения сущности и её становления. Интересными представляются идеи марксизма, так как свобода здесь предстаёт фикцией: индивид думает и действует в соответствии с со своими мотивами и воздействиями среды, под давлением классовой борьбы и влиянием экономических отношений. Сам Карл Маркс говорит о свободе как об осознанной необходимости.

М. Хайдеггер в своём экзистенциализме рассматривал бытие, категорию страха, в частности страх перед небытием, панический страх «освобождающий» индивида от совокупности условностей окружающей

действительности и, таким образом, приведёт к свободе, основанной на ничто, возможности выбора самого себя в своём неизбежном переносе ответственности на себя самого, то есть выбрать себя как собственное, имеющее ценность существование. К. Ясперс же говорил о том, что индивид свободен превозмочь бытие мира в выборе самого себя и перейти к трансценденции Всеобъемлющего. Свободное бытие значит, что можно претворять в жизнь свою волю, как добрую, так и злую. Воля добрая содержит верность и подлинность безусловного, божественного; она ограничивается бессознательным жизненным упрямством простого определенного бытия и подлинного бытия. Ж.-П. Сартр говорит, что свобода не свойство индивида, а его субстанция [5, С. 95]. Индивид не может отличаться от своей свободы, свобода не может отличаться от её проявлений. Индивид, так как он свободен, может проецировать себя на свободно выбранную цель, и эта цель определит, кем он является. Вкупе с целеполаганием появляются и все ценности, вещи выступают из своей недифференцированности и организуются в ситуацию, которая завершает человека и к которой принадлежит он сам. Как следствие, индивид всегда получает то, что должен, что заслужил. И нет никаких оснований для оправданий.

Вывод: свобода как самоосуществление и самосоздание человека есть смысл жизни, в котором кристаллизуются фундаментальные цели общества и личности в настоящем и будущем.

Литература

1. Ницше Ф. Избранные произведения / Ф. Ницше. – Москва : Просвещение, 1993. – С. 475–493.
2. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики / Н. А. Бердяев. – Москва: Республика, 1995. – 298 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – Москва: Правда, 1989
4. Фромм Э. Бегство от свободы. /Э.Фромм. – Минск.: Попурри, 1998. – 672 с.
5. Шлайфер Н. Е. Свобода личности и исторический детерминизм /Н.Е. Шлайфер. – М.: Высшая школа, 1983. – 95с.

УДК 101.1:316
ГРНТИ 02.41.51

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ СЧАСТЬЯ ACHIEVING HAPPINESS PROBLEM

Соболев Игорь Александрович

Научный руководитель: д-р философ. наук, проф., Т.П. Минченко

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: счастье, нравственность, материализм, религия

Key words: happiness, morality, materialism, religion

Аннотация. В этой статье рассматривается проблема достижения счастья, с точки зрения различных религиозных практик и философских исследований.

Первым исследователем счастья считается Эпикур. По его мнению, чтобы достичь счастья необходимо жить в гармонии со своими желаниями, но также он говорит о чувстве меры в удовлетворении своих желаний. Потому что за удовлетворением желаний неминуемо последуют последствия. Идеалом счастливой жизни, по мнению Эпикура, является жизнь греческого Бога.

Если философия Древнего Мира и средневековья занималась более глобальными проблемами философии, то развитие философии и науки, в общем, в новое время пошло по гуманитарному пути развития и накопления знаний о человеке.

К новому времени относятся знаменитые труды о человеке И. Канта. Он сформулировал свои вопросы: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?» которые могут, как утверждает Кант, быть сведены к одной-единственной проблеме: «Что такое человек?».

Эти три вопроса можно представить как своеобразный тест, который поможет определиться человеку с его дальнейшим направлением развития. Так, если человек ответит на первый вопрос объективно и непредвзято [1], то сможет очертить круг своих талантов, поймет, в каких сферах общественной жизни он может применить свои навыки и таланты. Другими словами, ответив на этот вопрос, человек познает свои возможности.

Отвечая на второй вопрос: «Что я должен делать?» [2], человек познает свое место в этом мире, свои обязательства перед другими членами этого общества, свои социальные роли. Происходит осознание той жизненной ситуации, в которой находится человек, обдумываются пути решения и выхода из нее. Также важно заметить, что здесь происходит принятие очень важного решения, а именно: принятие или неприятие человеком обязательств и социальных ролей, добровольно принятых или навязанных обществом.

И, наконец, ответ на третий вопрос: «На что я могу надеяться?» [3] – дает представления о целях, которые человек может достичь при правильном использовании своих способностей и возможностей, которые встречаются у него в жизни.

Если максимально упростить вышесказанное, то первый вопрос – это инструмент, второй вопрос – путь достижения, а третий – цель.

Подобное рациональное понимание философии и науки, в самом общем понимании этого слова, применимое для достижения материальных благ, начало складываться в России еще в конце XIX – начале XX веков [4].

Если исходить из того, что счастье – это особое эмоциональное состояние человека, вызванное удовлетворением его потребностей, то эта теория легко применима на практике.

Возможно, вы возразите мне. «А у меня есть знакомый банкир, у него есть все, о чем только может желать человек: красивая жена, дети, большая зарплата, но он остается глубоко несчастным человеком» – скажите вы. Почему же этот человек несчастен? Ведь у него все есть?

Ответ на эти вопросы очень прост. Этот человек просто не может удовлетворить свои потребности, которые и сделают его счастливым. Причин этому может быть несколько. От простого неосознавания своих потребностей, когда человек не знает, чего хочет, до невозможности физически удовлетворить свои потребности.

Однако этот путь достижения счастья скрывает большой подводный камень, а именно: гедонизм. Стремление любыми способами, как можно дольше, удовлетворять свои потребности. Это вызвано тем, что эйфория от достижения своей цели очень быстро заканчивается, а желание быть счастливым осталось. Поэтому люди и становятся гедонистами.

Возникает логичный вопрос: счастье ли это? Думаю, нет. Счастье – это более стабильное состояние эмоционального подъема человека. Тут мы плавно подходим к христианской модели счастья и ее научному обоснованию И. Кантом.

Смысл ее сводится к тому, что счастье – это награда, даруемая богом за праведный, или нравственный по Канту, образ жизни. Однако Кант и христианская религия разошлись в мнения по вопросу: можно ли достичь счастье при жизни?

Кант утверждает, что если человек ведет нравственный образ жизни, то Бог дарует ему счастье при жизни. Но на вопрос, что же такое счастье, которое можно обрести при жизни, Кант не дает ответа [3].

Христианская религия утверждает, что счастье человек получит только после смерти, естественно, в том случае, если он его достоин. Также она дает однозначный ответ по вопросу, что такое счастье? Счастье – это вечное блаженство, которое возможно только после того, как душа человека попадет в рай. Также существует место, в котором человек будет глубоко несчастным, – ад.

Таким образом, если Кант говорит о высших человеческих ценностях, которые являются не только средством достижения счастья, но и главной его составляющей, то в христианской религии высшие человеческие ценности являются только средством достижения счастья.

Учение Будды о счастье схоже с христианским, но и имеет существенное отличие [5]. Так счастье достигается благодаря достижению нирваны, выхода из бесконечного цикла рождения и смерти. Если в раю человека ожидает удовлетворение всех его потребностей, то в нирване счастье возможно благодаря избавлению от всех человеческих желаний.

В отличие от христианства и буддизма в даосизме возможно достижение счастья при жизни [6]. Единственный путь для его достижения – слияние с дао. Это состояние, особого духовного просветления и миропонимания, достигается путем принятия мира и его законов, уходом от личности. Прослеживается аналогия с христианскими святыми.

На мой взгляд, самая интересная теория достижения счастья – это современная теория, которая складывалась в конце XX – начале XXI века. Ярким представителем этой теории можно считать Э. Мэтьюза [7]. Суть ее сводится к следующему утверждению: веди себя, как будто ты уже достиг цели, и ты ее достигнешь. К примеру, если хочешь быть бо-

гатым, веди себя как богатый человек, хочешь быть счастливым – веди себя как счастливый.

Основная идея сводится к известной поговорке: «Деньги к деньгам идут». Прослеживается аналогия из физики, а именно: закон всемирного тяготения о притяжении тел. Так, притяжение Земли удерживает на определенной орбите Луну.

Кажется, все очень просто: захотел быть счастливым – веди себя, как счастливый. Захотел и получил. Но на самом деле все не так просто. Здесь заложен тонкий психологический расчет. А заключается он в том, что человек должен полюбить то, что у него есть. Быть счастливым не ради будущего, а ради настоящего. «А вот будет у меня любимая, красивая жена, и тогда-то я точно буду счастлив». Достигнув этой цели, человек понимает, что он не счастлив, тогда он ставит перед собой новую цель. И так до самой смерти. Именно с этим и борется данная теория – с отговорками от счастья.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сказать, существуют различные подходы к пониманию достижения счастья в пределах или за пределами земной жизни с позиций материализма и идеализма, через призму категорий объективного и субъективного.

Например, направление объективного идеализма и большинство религиозных практик исходит из того, что счастье объективно, является единым для всех людей и возможно только после смерти тела. Естественно предполагается единый путь достижения счастья.

Для субъективного идеализма достижение счастья возможно при жизни, но для этого необходимо вести нравственный образ жизни. При этом сознание самого человека выступает в роли критерия морали и счастья. Для каждого человека счастье своё, которое заключается в удовлетворении его личных потребностей и желаний.

Материалисты, исходя из первичности материи, которая может существовать вне и независимо от сознания, полагают возможным достижение счастья в земной жизни. При этом в некоторых направлениях материализма отмечается, что это возможно лишь при высоком уровне благосостояния большинства. Так, например, утверждали российские социалисты начала XX в.

Однако вопрос о том, что же такое счастье остается открытым.

Литература

1. Что я могу знать? // Балтийский федеральный университет. [Электронный ресурс]:- Режим доступа: <http://www.kantiana.ru/about/kant/page07.php> (дата обращения: 20.03.2015)
2. Что я должен делать? // Балтийский федеральный университет. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.kantiana.ru/about/kant/page08.php> (дата обращения: 20.03.2015)
3. На что я могу надеяться? // Балтийский федеральный университет. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.kantiana.ru/about/kant/page09.php> (дата обращения: 20.03.2015)

4. Франк С.Л. Этика нигилизма// Вехи. [Электронный ресурс]:- Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/frank.html> (дата обращения: 20.03.2015)
5. Буддизм //Ресурс необходимых знаний. [Электронный ресурс]:- Режим доступа: <http://www.gitak.ru/buddhism> (дата обращения: 20.03.2015)
6. Торчинов Е.А. Даосизм. [Электронный ресурс]:- Режим доступа: <http://www.abhidharma.ru/A/Dao/0004.pdf> (дата обращения: 20.03.2015)
7. Мэтьюз Э. Счастье в трудные времена //iknigi/net. [Электронный ресурс]:- Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-endryu-metyuz/43465-schaste-v-trudnye-vremena-endryu-metyuz/read/page-1.html> (дата обращения: 20.03.2015)

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

УДК 323.11

ГРНИ 14.07.05

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИСЛАМСКОЙ ОБЩИНЫ И ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

THE PROBLEMS OF THE INTERRELATIONS OF ISLAMIC COMMUNITY AND FIELDING SOCIETY OF MODERN FRANCE

Артём Павлович Вознюк

Научный руководитель: И. Е. Рудковская, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет г. Томск, Россия

Ключевые слова: ислам, светское государство, культура, иммигрант, предконфликтная ситуация.

Key words: Islam, secular state, culture, immigrant, preconflict situation.

Аннотация. На сегодняшний день взаимоотношения между светским обществом Франции и иммигрантами из стран Магриба в нескольких шагах от достижения апогея взаимной ненависти. Государство пытается найти решение, устраивающее обе стороны, но, несмотря на это, градус взаимонедовольства постоянно растет и периодически выливается в стычки между сторонами или террористические атаки, последняя из которых датируется 7-ым января 2015г.

В работе анализируются проблемы столкновения двух совершенно разных культур: принимающей светской Франции и прибывающей и обживающейся в Европе мусульманской. В связи с этим предполагается проанализировать рост миграции мусульманского населения как основу для расширения требований направленных на становление и поддержку культуры ислама во Франции, рассмотреть влияние закона 1905г. «Об отделении церквей от государства» на конфессиональную структуру общества во Франции и влияние исламской культуры на развитие католичества во Франции, а также проанализировать складывающиеся отношения двух конфессиональных общин с учетом признаков предконфликтной ситуации.

Ислам во Франции – явление не новое. Нет необходимости напоминать ни об огромном количестве мусульман во французских колониях, ни о постоянно увеличивающемся потоке иммигрантов, прибывающих в бывшую метрополию из стран, большинство населения

которых исповедует ислам. Напомню только, что Великая Парижская Мечеть была открыта в 1926 в честь воинов-мусульман, павших во время обороны Франции в годы первой Мировой Войны. До 1981г. она была крупнейшим центром, равно как и официальным символом исламской культуры во Франции [2]. Однако, сейчас всё по-другому, французы словно прозрели и увидели магометанство в своём обществе. Эта вспышка беспокойства, очевидно, связана с нарастанием исламистских движений во всех мусульманских странах, особенно в Алжире – в стране в высшей степени значимой для французов.

Сущность произошедшего феномена – прежде всего – заключается в изменениях за последние 34 года: изменения в гражданском положении иммигрантов из стран Магриба, работающих во Франции, которые оседают в принимающей стране со своими семьями или приезжают в молодом возрасте и заводят семьи, появляющиеся на свет дети в которых становятся коренными жителями Франции, исповедующими ислам [3]. Для этого слоя населения, никогда не жившего иначе, перспектива возвращения на родину из страны, считающейся верующими землей неверных, не просто теряет свою актуальность, она практически не воспринимается иммигрантами как реальная. При таких условиях лишённые возможности вернуться на родину мусульмане требуют от властей Франции позволить им жить своей религиозной жизнью. И последние, в свою очередь, идут на уступки: увеличение количества мечетей с начала 1980-х годов (примерно 2.200 на сегодняшний день), открытие особых (более крупных, важных) мечетей, при которых живут целые семьи мусульман, а также переделывание католических церквей в мечети [4]. Несмотря на это, в апреле 2015г. министр от правящей партии социалистов, отвечающий за государственные реформы, Тьерри Мандо сообщил, что Франции не хватает мечетей, что приводит к развитию радикализма среди мусульман. Требования последователей Мухаммада основать мусульманские кладбища имеют большое значение с этой точки зрения: захоронения по месту проживания отныне – участь большинства мусульман, оказавшихся во Франции. Появление мусульманских кладбищ означает полный отказ от перспективы возвращения на родину, то есть даже для захоронения в земле ислама [5]. С такой верностью религии система государства просто обязана считаться. К тому же, государство теперь – не принимающая сторона, и даже не место временного проживания, а родной край для тех, кто отныне имеет французское гражданство.

Анализируя международные конфликты, Л. В Дериглазова выделила следующие базовые ценности, присущие любой социальной группе независимо от культурных особенностей или социального устройства: безопасность; материальный комфорт или экономическое благосостояние; идентичность, или принадлежность группе; признание; свободу или автономность, независимость [1. С.59]. Мусульмане, имеющие гражданство Франции, живущие многочисленными общинами, в праве требовать их реализации.

Однако проблема осложняется радикализмом части исламской общины. Среди миллионов мусульман во Франции радикальных исламистов относительно немного. В 2012 г. социолог Самир Амгар – специалист по проблемам ислама – заявил, что согласно данным службы общей информации (система подразделений политического сыска во Франции), количество салафитов, то есть приверженцев салафизма как течения в исламе, выступающего с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, праведных предков, квалифицируя как ересь все позднейшие нововведения, колеблется между 12 и 15 тыс. человек. Эти цифры означают, что примерно на 200 мусульман приходится 1 салафит, то есть их можно сравнить с количеством людей, вовлеченных в сеть джихадистов, которых, по словам министра внутренних дел Франции Бернара Казнёва, всего около 2000, что составляет 0,075% от общего числа людей, исповедующих ислам [6].

Закон 1905г. «Об отделении церквей от государства», созданный с целью сделать общество во Франции более светским, не позволяющий демонстрацию религиозных символов в общественных местах и заметно ослабляющий этим позиции католичества, однако, не может запретить развитие и популяризацию мусульманства во Франции [7]. Как следствие, католичество во Франции стремительно теряет свое влияние: в 1966 г. 80% населения республики относилось к католикам, однако на современном этапе их число не превышает 51%. Более того, быстрыми темпами прогрессирует атеизм – 35% населения, и 63% людей, в возрасте от 18 до 24 лет, не отнесли себя ни к какой религии, что, разумеется, препятствует развитию католичества как традиционной религии во Франции [8].

Таким образом, от доктрины светского государства в большей степени выигрывает не католичество, не государство, а именно ислам. И, вероятно, однажды последователи Мухаммада потребуют от властей отменить этот закон.

В этой ситуации у многих коренных французов, привыкших к светскости своего государства, может наступить момент отчаяния при виде десятков мусульман, молящихся рядом прямо на улице. И для кого-то это может свидетельствовать о слабости государства, о победе чужеземцев на их земле. Сейчас совершенно очевидно, что государство не может поставить общие для всех – как для мусульман, так и для католиков – рамки. Например, в интервью французскому еженедельнику "Le Nouvel Observateur" Ален Крот – священник крупнейшей средневековой католической церкви – признался, что христианская община уже не имеет былого влияния, и если последователи ислама смогут купить Сан-Элоиз, то им останется только поздравить мусульман с тем, что у них появилось очередное место для служения. Его слова были встречены с негодованием местными жителями, которые теперь пытаются предотвратить превращение одной из крупнейших католических церквей Франции в мечеть. Разумеется, это не просто провоцирует французское общество на раскол, это провоцирует полномасштабный конфликт на религиозной почве.

Конфликт рассматривается здесь как «столкновение противоположных или несовместимых целей, ценностей или интересов, носителями которых являются отдельные люди и различные по размеру группы людей» [1. С.62]. Характеристики, данные настоящему этапу взаимоотношений, позволяют проанализировать сложившуюся во Франции ситуацию с учетом выделяемых в политической конфликтологии признаками предконфликтной ситуации.

- Словесная (информационная) война.

На высказывания радикальных исламистов о желании «захватить католический Рим», на демонстрации против принятия закона о светском государстве правительство Пятой Республики отвечает тем, что на выборах в региональные органы власти одним из важнейших тезисов, встречавшихся в программах почти всех партий, был тезис о борьбе с исламизацией Франции. Тема эта поднимается накануне каждых парламентских и президентских выборов с начала текущего века.

- Объединение противоборствующих сил.

Разделение французского общества на, как минимум, два лагеря является фактом, о чем свидетельствуют, в частности, массовые антиправительственные демонстрации мусульман в январе 2004 г. во Франции. То обстоятельство, что жители Пятой республики настроены против мусульманской общины, подтверждает и обширная электоральная поддержка партии «Национальный фронт», имеющей довольно жесткую позицию по отношению к иммигрантам из неевропейских стран. Коренные французы не приемлют нарастающего влияния исламской общины в их родной стране, в то время как последние обвиняют принимающую сторону в нежелании идти на компромисс.

- Изменение отношений между принадлежащими к разным культурам слоями населения, ранее вполне толерантными по отношению друг к другу.

Социологические опросы (по данным на конец 2012 г.) показывают, что принимающее общество Франции относится к мусульманам хуже, чем два года назад. Уже 60% (а не 55%) французов считают, что ислам стал слишком ощутимым и слишком влиятельным в государстве. 43% (а не 17%) опрошенных считают, что иммигранты меняют национальное самосознание французов. Наконец, с 61% до 68% увеличилось число людей, которые связывают проблемы в социуме с мусульманскими иммигрантами, нежелающими интегрироваться во французскую культуру [9].

Таким образом, мы видим, что ситуация отвечает признакам предконфликтной стадии, что может ознаменовать новый виток в истории этих непростых отношений. Развитие событий зависит от обеих сторон – принимающей и прибывающей. Как полагает Л.В. Дериглазова, конфликт «считается разрешенным тогда, когда стороны достигли состояния, удовлетворяющего обе стороны, и таким образом разногласие или противоречие, порождавшее конфликт, исчерпано хотя бы на время» [1. С.63]. Поэтому необходимо искать компромиссы и решать ситуацию в кабинетах елисейского дворца, пока она не переросла во что-то большее, нежели взаимные обвинения и перемена отношений.

Литература

1. Дериглазова, Л.В. Конфликты в международных отношениях. // Томск: Изд-во Томского государственного университета. 2013. – 256 с.
2. Hervieu-Léger, D. Le miroir de l'islam en France / D. Hervieu-Léger // Vingtième Siècle. Revue d'histoire, No. 66, Numéro spécial: Religions d'Europe (Apr. – Jun., 2000), pp. 79-89.
3. Constant, H. L'Islam en France et en Europe: Présentation / H. Constant // Archives de sciences sociales des religions, 34e Année, No. 68.1 (Jul. – Sep., 1989), pp. 5-8.
4. Jobert, M., L'Islam et sa modernité / M. Jobert // Revue Tiers Monde, Vol. 23, No. 92, L'Islam et son actualité pour le Tiers Monde (Octobre-décembre 1982), pp. 773-784.
5. Julien, C. France and Islam / C. Julien // Foreign Affairs, Vol. 18, No. 4 (Jul., 1940), pp. 680-699.
6. Pouchard, A. Laurent, S. Quel est le poids de l'Islam en France? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/01/21/que-pese-l-islam-en-france_4559859_4355770.html (дата обращения : 15.04.2015).
7. Giry, S. France and Its Muslims / S. Giry // Foreign Affairs, Vol. 85, No. 5 (Sep. – Oct., 2006), pp. 87-104.
8. Joignot, F. En France, des jeunes de plus en plus fidèles à l'Islam [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/culture/article/2012/11/01/des-jeunes-fideles-a-l-islam_1784520_3246.html (дата обращения : 15.04.2015).
9. Kern, S. Islam Overtaking Catholicism as Dominant Religion in France [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gatestoneinstitute.org/3426/islam-overtaking-catholicism-france> (дата обращения : 13.04.2015).

УДК 324.8

ГРНТИ 11.15.87

СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ПОЛИС» ЗА 2011–2014ГГ.).

SPECIFICS OF THE ELECTORAL SYSTEM IN RUSSIA (ACCORDING TO THE MAGAZINE «POLIS» FOR 2011–2014)

Глаголь Дарья Вадимовна

Научный руководитель: И. Е. Рудковская, канд. истор. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: электоральная система; партийная система; выборы; партия; выборы президента; электорат; власть.

Key words: electoral system, party system, elections, party, presidential elections, the electorate, authority.

Аннотация. В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать точки зрения на электоральную систему в современной России, представленные на страницах журнала «Полис» за последние 4 года. Автором выделены как особенности подходов исследователей к анализу электорального процесса, так и те проблемы, которые не нашли отражения в статьях последних лет либо лишь едва затрагивались авторами статей.

В большинстве государств современного мира существуют выборные политические институты, которые в значительной мере определяются

спецификой сложившейся политической культуры. В частности, возникает вопрос о том, насколько формально или неформально работают политические институты и, соответственно, какую практическую роль выполняет процедура выборов. Известно, что процедура выборов может принимать имитационные формы, призванные легитимировать фактически авторитарные политические системы, подобные Ираку времен Саддама Хуссейна или Египта в период Хосни Мубарака. В постсоветской России проблема дееспособности электоральной системы также является актуальной, поскольку в 90-х годах XX в. была предпринята попытка заимствования демократических институтов, сложившихся на Западе.

В данной статье предпринята попытка проанализировать подходы к анализу российской электоральной системы, представленные в журнале «Полис», который является ведущим политологическим журналом в России, а потому комплекс публикаций в нем представляется достаточно репрезентативным источником при рассмотрении особенностей трактовки политологическим сообществом электоральной системы с России в последние годы. Для достижения поставленной цели представляется необходимым выявить специфику трактовки исследователями взаимоотношений между электоральной и партийной системами в России в ходе выборов в Государственную Думу, выборов президента, а так же особенностей культуры участия граждан на основе публикаций в журнале «Полис».

За период с 2011 по 2014 год так или иначе электоральную систему рассматривало немало исследователей. Наиболее значимыми и важными представляются выводы, предложенные в исследованиях Е. Б. Шестопал и В. В. Петухова. Данные исследователи акцентируют внимание на поведении избирателей и состоянии электоральной системы в государстве.

Избирательной или электоральной системой называются взаимоотношения между парламентом, правительством и электоратом, устанавливающиеся на основе конкретных правил [1. С. 1]. Именно в ходе процедуры выборов, при соблюдении норм избирательного права, электорат действительно может повлиять на ситуацию и изменить путь развития государства.

Партийная система – система партий, правящих и оппозиционных, участвующих в борьбе за власть и ее осуществление. Естественно, что борьба эта предусматривает политическое участие граждан. В этой борьбе реально участвуют все партии. В России в парламенте представлены 4 партии, остальные партии не могут быть представлены, поскольку или министерство юстиции отказывает им в регистрации, или они не могут набрать нужное количество голосов. Отдельно надо отметить, что деятельность этих партий редко освещаются в СМИ, что создает отдельные трудности в наборе голосов.

Проблема взаимодействия электоральной и партийной системы была затронута Е. Б. Шестопал в рамках круглого стола в МГУ, посвященного российскому обществу и власти накануне выборов. Она отме-

тила, что, с точки зрения респондентов, партия «Единая Россия» достаточно привлекательна, поскольку «конечно, наглая партия и выдает себя за партию власти, но хотя бы работает» [2. С. 151-152]. «Справедливая Россия», по данным того же опроса, видится позитивнее, но лишь за счет относительной молодости партии, поскольку молодая партия не испытывает на себе образы неудачного прошлого опыта. «Справедливость» в названии партии так же является важным элементом ассоциации с нравственными ценностями и демократией [2. С. 152].

Шестопал отмечает и высокую, но не корректную, персонифицированность «Единой России» среди избирателей. Большинство опрошенных называют лидером партии Путина В.В. (63%), Грызлова считают лидером лишь 26%, но часто наряду с Путиным. Еще 10% вовсе не знают лидера партии. К деятельности В.В. Путина опрошенные относятся положительно. Шестопал утверждает, что весь «позитив», создающийся при правлении В.В. Путина, опрошенные распространяют и на якобы представляемую им партию. Равно как и наоборот: негативные оценки «Единой России» переносятся на Путина [2. С. 152-153]. Что касается «Справедливой России», то ее респонденты знают не слишком хорошо, ее образ у избирателей неинформативен и совершенно обезличен. В итоге можно говорить о нестройности образов обеих партий, что снижает их – электоральные возможности.

По данным всероссийских исследований «Поколение «нулевых»: социальные настроения, мировоззренческие установки, поведенческие практики» (2011 г.) лишь четверть молодых респондентов в возрасте от 18-25 лет и треть в возрасте 26-30 лет отмечают рост возможностей граждан для политического участия, в то время как 63% и 57% соответственно полагают, что такие возможности увеличились лишь у узкого круга людей или не претерпели никаких существенных изменений [3. С. 57].

В исследованиях отмечается и использование технологий манипуляций в ходе выборов, что так же оказывает негативное воздействие на избирателей. Например, регистрация неизвестных гражданам групп с целью выдвижения или снятия кандидатов. Продолжают отменяться, вопреки мнению общественности, выборы глав районов и городов. Вместо этого создаются «гонго» – группы, поддерживающие любое решение власти [4. С. 62].

Учитывая, что и сами исследователи являются избирателями, можно обратить внимание на фрагменты текста, которые выражают их отношение к электоральной системе, фиксируют готовность согласиться с существующим статус-кво. Создается впечатление, что использование В.В. Петуховым термина «элитарная модель демократии» связано с противопоставлениями, явными и неявными, власти и общества, с недооценкой политических прав граждан [5 С. 57].

Важной частью функционирования электоральной системы являются выборы президента. Как ни странно, этот немаловажный пункт исследователями освещается не слишком подробно. В работе Б.И. Макаренко, например, отмечается, что для выборов президента в 2007 го-

ду был составлен отчет о достижениях России за последние четыре года, но плебесцитарный характер кампании привел к тому, что основная агитация сфокусировалась на личности кандидата, а также на необходимости обеспечения преемственности власти. Конкретная программа, таким образом, успехом не пользовалась [6. С. 59].

Говоря о выборах президента, Е.Б. Шестопап отметила, что в рамках сложившейся ситуации альтернативы Владимиру Владимировичу не было, и, на момент выхода статьи, нет [7. С. 55]. Зарубежные исследователи. Ривера Д. и Ривера Ш. В. в статье «Ельцин, Путин и президентская власть» отметили, что с 1985 года именно президент России играет ключевую роль в демократизации страны [8. С. 28].

Поведение избирателей в ходе выборов в Государственную Думу, президентских и региональных выборов также нашло отражение в публикациях журнала. Степень интереса к политике по данным исследования ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011 г.) составила лишь 18%, в то время как 33% опрошенных отказываются принимать участие и не интересуются политикой [3. С. 57]. Стоит упомянуть, что в 2001 году аполитичных граждан было лишь 21%. Согласно данным статистики, отечественная партийная система уже потому отличается от классической политической системы, функционирующей на Западе, что электорат в ней не заинтересован и не видит возможности повлиять на принятие политических решений.

В то же время, В.В. Петухов подчеркнул факт массового участия десятков тысяч молодых людей, ранее аполитичных, в президентской избирательной кампании весной 2012 года в качестве наблюдателей [4 С.62]. Позднее им было отмечено, что осенью 2012 года произошел спад активности избирателей на региональных выборах [5. С. 95]. Равнодушные россияне в целом или, по выражению Петухова, «благожелательный скептицизм» [3. С. 60] по отношению к ценностям и институтам демократии, Петухов совершенно справедливо объясняет тем, что свобода эта не заслужена, а «дарована свыше» [5. С. 90]. Но и этот тезис не объясняет ни пика активности в марте 2012 г., ни ее спада осенью того же года.

Рассматривая возможные пути выхода из сложившейся ситуации, Е.Б. Шестопап отмечает важность роли «профессионалов» в формулировании повестки дня, которая отражается в предвыборных программах. Следует, однако, добавить, что положительную роль такая работа «профессионалов» может сыграть только в том случае, если осуществляется взаимодействие с самоорганизующимися группами избирателей, заинтересованными в решении того или иного вопроса. Опираясь на выводы авторов статьи «Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов», можно говорить о том, что общественные организации более не имеют возможность участвовать, например, в избирательном процессе. Если такие организации существуют, то влияния они не оказывают. Можно предположить, что в таком случае работа «профессионалов» вряд ли может быть достаточно эффективна [9 С. 93-94].

Исследователями отмечается и изменение оценки власти обществом. «Рубежом» этих оценок стали лесные пожары 2010 года, которые сильно повлияли на рейтинги доверия к власти, особенно в городах. Это объясняется тем, что граждане поняли, что даже при наличии жилья и заработной платы, никто не может гарантировать решение реальных насущных проблем [10. С. 156].

Подводя итоги в целом, можно сделать ряд выводов. Авторы статей подчеркивают слабую информативность образов партий для электората, отмечают, что в ходе выборов речь идет не столько о честной борьбе, сколько о манипуляции электоратом с использованием «подставных лиц» и гонго.. Вопрос выборов президента в журнале «Полис» освещается крайне слабо. Отмечая незаинтересованность населения в политическом участии, политологи ограничиваются констатацией фактов, почти без попыток анализа.

Литература

1. Уоллерстайн, М. Избирательные системы, партии и политическая стабильность / М. Уоллерстайн // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 5. – С. 156
2. Шестопап, Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами. / Е. Б. Шестопап // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 7-24.
3. Петухов, В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие. / В.В. Петухов // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 56-62.
4. Круглый стол журнала «ПОЛИС». Гаман-Голутвина О. В., Авдонин В. С., Сергеев С. А., Черникова В. В., Сиденко О. А., Соколов А. В., Евдокимов Н. А., Тупаев А. В., Слатинов В. Б., Жуков И. К., Козлова Н. Н., Рассадин С. В., Чугров С. В. Региональные политические процессы: насколько «субъектны» субъекты РФ. / О. В. Гаман-Голутвина, В. С. Авдонин, С. А. Сергеев, В. В. Черникова, О. А. Сиденко, А. В. Соколов, Н. А. Евдокимов, А. В. Тупаев, В. Б. Слатинов, И. К. Жуков, Н. Н. Козлова, С. В. Рассадин, С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 59-76.
5. Петухов, В. В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики. / В. В. Петухов // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 87-99.
6. Макаренко, Б. И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте. / Б. И. Макаренко // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 42-65.
7. Шестопап, Е. Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия. / Е. Б. Шестопап // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 3. – С. 47-57.
8. Ривера, Д., Ривера, Ш. В. Ельцин, Путин и президентская власть. / Д. Ривера, Ш. В. Ривера // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 19-29.
9. Какабадзе, Ш. Ш., Зайцев, Д. Г., Звягина, Н. А., Карастелев, В. Е. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов. / Ш. Ш. Какабадзе, Д. Г. Зайцев, Н. А. Звягина, В. Е. Карастелев // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 88-108.
10. Круглый стол факультета политологии МГУ. Российское общество и власть накануне выборов. // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 1. – С. 149-164.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**
**TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY
IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE RUSSIAN SOCIETY**

Тиунова Яна Викторовна

Научный руководитель: Жукова Елена Анатольевна, д-р филос. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: историческая память, историческое знание, трансформация исторической памяти, Александр Невский, национальное самосознание.

Key words: historical memory, historical knowledge, transformation of historical memory, Alexander Nevsky, national self-consciousness.

Аннотация. Историческая память очень важна для каждого конкретного человека и для общества в целом. Она выражается в чувстве солидарности в отношении оценок исторических знаний. Однако в обществе часто происходят трансформации исторической памяти. В исследовании рассмотрена трансформация образа Александра Невского в исторической памяти российского общества: основные вехи трансформации, цели и методы, а также представлен ответ на вопрос – к чему ведет трансформация исторической памяти. Была проанализирована литература по данной проблематике, проведен небольшой опрос. В статье также раскрыто значение фигуры Александра Невского для современного российского общества.

Историческая память очень значима. С одной стороны, она важна не только для общества, но и для каждого конкретного человека, так как способствует формированию чувства идентичности. С другой – способствует установлению объективности в исторической науке. В настоящее время вопрос об объективности исторического знания в социальных науках стоит очень остро.

В данной статье мы будем основываться на точке зрения Д.А. Аникина, который полагает, что сущность понятия «историческая память» заключается не столько в знании человеком своего прошлого, сколько в солидарности в отношении оценок этих фактов [1, с.100-101].

С течением времени всегда происходила трансформация исторической памяти. Она часто оказывалась средством для достижения различных целей в руках правящей элиты. Методы таких трансформаций менялись на протяжении истории. С. Г. Кара-Мурза подчеркивает, что историческая память общества становится наиболее уязвимой для манипуляций, когда из общества убирают блок традиций. Он акцентирует внимание на том, что к манипуляциям чаще всего прибегают в политических целях в периоды социальных кризисов [2, с. 511].

Прецедент уничтожения исторической памяти обнаруживается в истории древнего Китая, а точнее в период правления Цинь Шихуанди. В 213 г. до н.э. по приказу императора сжигали все книги доциньской династии, в особенности исторические и религиозные тексты [3,

с. 116]. Цинь Шихуанди преследовал важную для себя цель – он претендовал на первое место в истории Китая, а средством для достижения этой цели было уничтожение исторической памяти. Другой подобный пример имеется в новейшей истории Германии. В 1933 г. под руководством Й. Геббельса, возглавлявшего Министерство народного просвещения и пропаганды Германии, властями Третьего Рейха была проведена кампания по уничтожению книг, не соответствующих национал-социалистической идеологии [4, с. 94]. В первую очередь это были книги по философии, экономике, психологии, художественная литература, а также книги по истории. В этих примерах мы сталкиваемся с явным уничтожением исторической памяти.

В современном обществе методы трансформации исторической памяти становятся более сложными и изощренными. Для этого используются средства массовой информации и коммуникации, позволяющие манипулировать исторической памятью, не используя прямые запреты, но создавая желаемые привлекательные образы исторических персонажей и трактовки исторических событий. К началу XXI века использование различных технологий информационно-психологического воздействия манипулятивного характера на людей уже стало достаточно обыденным явлением не только в экономической конкуренции и политической борьбе, но и в повседневной жизни [5, с. 29].

Рассмотрим в качестве примера трансформацию образа Александра Невского в исторической памяти российского общества, в том числе современного. Образ Александра Невского в точки зрения историографии является и являлся неоднозначным. В историографии существовали разные подходы к пониманию его роли в истории. Это связано во многом с амбивалентностью взглядов на роль в истории Ледового побоища и Невской битвы.

Проблемой места Александра Невского в истории занимались многие исследователи, в том числе историк И. Н. Данилевский. В своей статье «Ледовое побоище: смена образа» [6] он анализирует реальную роль Александра Ярославича в российской истории на основе ряда источников, таких как Новгородская I летопись, Лаврентьевская летопись и псковские летописи, в которых очень скудно описываются события 1242 г., а в Ипатьевской летописи они и вовсе отсутствуют. В летописях Ледовое побоище уступает место другим событиям: сражению под Шауляем в 1236 г. или Раковорской битве 1268 г. И. Н. Данилевский подчеркивает, что иностранные источники еще существеннее уменьшают масштаб и последствия сражения на Чудском озере.

Историк Дж. Линд полагал, что Невская битва была всего лишь приграничным сражением и до сих пор не занимает важного места в исторической памяти шведов [7, с. 40].

Феномену Александра Невского было посвящено монументальное исследование немецкого историка Ф. Б. Шенка – «Александр Невский в русской культурной памяти». В своей работе Ф. Б. Шенк особо указывает, что трудности, существующие при оценке роли Ледового побоища, связаны в первую очередь с тем, что в источниках сохранилось

мало информации о самом сражении и о тактике Александра, а сохранившаяся информация не предоставляет точных сведений [7, с. 42]. Ф. Б. Шенк пишет, что образ Александра Невского неоднократно трансформировался [7, с. 500-507].

Изначально, после того, как в 80-х годах XIII века было создано Житие Александра Невского, он выступал лишь в роли «классического местного святого». В тот период времени он играл существенную роль как минимум для монастырской общины и как максимум для жителей Владимиро-Суздальского княжества. Ф. Б. Шенк делает предположение, что Невский выступал фигурой коллективной идентичности.

Далее, через сеть православных храмов информация о Невском распространилась и в другие княжества. На фоне борьбы за право политической власти между Новгородом и Москвой, можно наблюдать расхождения в содержании Жития Александра Невского. Новгородцы на первый план выносили деятельность князя, связанную с защитой торгового города, москвичи же, напротив, подчеркивали его заслуги в роли князя и основателя московской династии.

В период с конца XV по начало XVIII в. образ Невского трактовался двояко. С одной стороны, это было сакральное почтение, связанное с его канонизацией. С другой – почитались земные деяния князя, в первую очередь основание московской династии.

В начале XVIII века происходит вторая трансформация образа Александра Невского. Петр I сознательно обратился к исторической памяти общества и изменил ее в своих целях. После победы в Северной войне в 1721 г. Петр I избирает Александра Невского небесным покровителем Санкт-Петербурга, перевозит его мощи в резиденцию на Неве, переносит день памяти святого на 30 августа (как и день подписания Ништадтского договора), но, подчеркнем, при этом запрещает его живописное изображение в роли монаха. Как полагает Ф.Б. Шенк, Петр I таким образом посредством символов встраивает сакральную фигуру князя в имперскую знаковую систему, модернизируя ее под западный институт политической власти.

В XIX веке появляется так называемый «национальный» взгляд на фигуру Александра Невского. Его образ трансформируется из православного святого и российского правителя в образ национального русского героя. Он оказывается символом противопоставления, во-первых, Западу, во-вторых, «нецивилизованным» монголам. Его подвиг видится в сбережении русской культуры. Князь теперь изображается в доспехах и с мечом, а его образ «фольклоризируется». Образ Невского становится средством для национальной самоидентификации русского народа.

Ф. Б. Шенк указывает, что после Октябрьской революции 1917 г. образ Невского являлся негативным символом, так как большевики объявили войну аристократии, православному духовенству и российскому национализму.

Образ Александра Невского, как показывает Ф. Б. Шенк, был возвращен в 30-х годах XX в. во время «реабилитации» многих российских правителей и полководцев. Это было сделано с определенной це-

лью. Причиной реабилитации князя стала его победа над Тевтонским орденом в 1242 г. Советская власть сделала из фигуры князя антинемецкий символ, связав борьбу с Тевтонским орденом с борьбой против немецкого рейха. Ссылка на Невского демонстрировала, что в российской истории уже имелся прецедент отражения агрессии с запада.

В этом контексте особенно важной вехой в трансформации образа князя стало использование новых средств массовой коммуникации, в первую очередь кинематографа. Речь идет о выпуске в 1938 г. С. Эйзенштейном художественного фильма «Александр Невский». Фильм изначально не подразумевался как исторический и вызвал массу споров среди историков. Например, советский историк М. Н. Тихомиров считал этот фильм «издевкой над историей» [8, с. 375]. Это был пропагандистский шедевр. Такого рода пропаганда, подчеркивает Ф. Б. Шенк, была направлена, в первую очередь, на создание образа победителя немцев, умелого военного стратега и грозного вождя своего народа. Этот образ способствовал консолидации общества в предвоенное время с отсылкой на «средневековую концепцию православного сакрального общества».

Н. И. Клейман, российский киновед и историк кино, в интервью Arzamas пролил свет на историю создания фильма С. Эйзенштейна [9]. Целью фильма изначально являлось единственно создание «оборонного кино» – киноленты, в которой бы прославлялся русский дух и русское оружие. И такой фильм был снят. Н. И. Клейман утверждает, что при создании фильма стоял выбор между сценарием к фильму об Александре Невском и о сценарии к фильму о Минине и Пожарском. Был выбран первый вариант, так как «об эпохе Невского мало что известно». Подчеркнем, что это наводит на следующую мысль: если известно мало, то открывается широкое поле для режиссерской фантазии.

Понятно, что в годы Великой отечественной войны культ Невского приобрел еще более масштабный характер: в целях мотивации воинов и сплочения общества пропаганда образа князя, отважно сражающегося с Тевтонским орденом, достигла небывалых размеров. Такой патриотический образ князя просуществовал в послевоенное время вплоть до окончания «холодной войны»; единственно был заменен образ врага, которому противопоставлялся образ Невского: в контексте «холодной войны» на место «немецких варваров» пришли, как указывает Ф. Б. Шенк, «католические силы Запада, вступившие в заговор против Руси» [7, с. 508].

В период перестройки мощи князя были перемещены в Троицкий собор Александро-Невской Лавры. В некоторых регионах страны из его образа пытались сделать фигуру региональной самоидентификации [7, с. 508]. В постсоветской России Невский стал воплощением разнообразных сторон общества, сливающихся в единый концепт – «латентно антизападного «патриотического консенсуса» [7, с. 509].

Образ Александра Ярославича не потерял былой славы и в настоящее время очень популярен. Это демонстрирует проект, запущенный в 2008 г. телекомпанией ВИД совместно с телеканалом «Россия» под названием «Имя России» [10]. Выбор этого имени проходил путем голо-

сования интернет-пользователей, телезрителей и радиослушателей. Первое место и звание «имени России» получил Александр Невский, набрав более полумиллиона голосов и обогнав П. А. Столыпина, И. В. Сталина, А. С. Пушкина, Петра I, В. И. Ленина, Ф. М. Достоевского и многих других важных в истории России личностей.

Стоит также упомянуть и об Ордене Александра Невского. В 1725 г. императрицей Екатериной I был учрежден орден Святого Благоверного Князя Александра Невского [11, с. 201]. В 1942 г. Президиумом Верховного совета СССР учрежден Орден Александра Невского. В современной России Орден Александра Невского был учрежден указом президента в 2010 г. [12]. Орденом награждались за особые заслуги перед отечеством, в особенности за военные успехи. Подчеркнем, что это единственный орден, с определенными изменениями просуществовавший в наградных системах Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации.

Нами был проведен небольшой опрос (опрошено 30 человек). Респондентам был задан вопрос: «какова, по вашему мнению, роль Александра Невского в российской истории?». Положительно оценивают роль князя в формировании истории России 10 из 10 опрошенных возрастом от 50 до 80 лет, 7 из 10 опрошенных возрастом от 25 до 50 лет и 5 из 10 опрошенных возрастом от 18 до 25 лет. Большая часть опрошенных (примерно 73%) проявили неуверенность при высказывании своего мнения, связав это с незнанием столь ранних годов русской истории или отсутствием интереса к периоду средневековой Руси и истории в целом.

За неполные 8 веков образ Александра Невского прошел через невероятные трансформации: от обычного местного святого в XIII в. он превратился в небесного покровителя Российской империи в XVIII в. и могущественного война в XX в. Его фигура послужила «точкой фиксации» общественного единства [7]. С одной стороны, фигура Невского служит объединяющим символом для всего российского общества, с другой – под гущей многовековых искажений исторической памяти и политических манипуляций теряется самое главное – объективность исторического знания. Сегодня мы можем только догадываться о реальных фактах из жизни Александра Невского, однако его образ плотно засел в исторической памяти современного российского общества. Александр Невский стал фигурой национального единства, образом, олицетворяющим Россию, но перестал быть реальным человеком в памяти граждан. С нашей точки зрения, это позволяет использовать его образ для различных манипуляций, в первую очередь в политических целях, причем не только исторической памяти, но и общественного сознания вообще.

Литература

1. Аникин, Д. А. Трансформация исторической памяти в обществе риска / Д. А. Аникин // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. – М., 2014. – С. 83-108.

2. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза – М.: Изд-во: Эксмо, 2005. – 851 с.
3. История Китая: учебник / под ред. А.В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. – 736 с.
4. Ватлин, А. Ю. Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин // М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2002. – 336 с.
5. Жукова, Е. А. Человек в плену Ни-Нуме / Е. А. Жукова // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2007. – Вып. 11 (74). – С. 29-36.
6. Данилевский И.Н. Ледовое побоище: смена образа / И.Н. Данилевский // Исторические записки. – 2004. – № 5 (20). – Режим доступа: <http://strana-oz.ru/2004/5/ledovoe-roboishche-smena-obraza> (дата обращения: 20.03.2015)
7. Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 592 с.
8. Тихомиров, М. Н. Древняя Русь / М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1975. – 430 с.
9. Наум Клейман об «Алекサンドре Невском». – Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/348> (дата обращения: 20.03.2015).
10. Имя России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nameofrussia.ru> (дата обращения: 20.03.2015).
11. Шишков, С. С. Награды России. 1698–1917 гг. / С. С. Шишков – Т. 1. – АРТ-Пресс, 2003. – 317 с.
12. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/09/15/nagrady-dok.html> (дата обращения: 20.03.2015).

УДК 65.014.

ГРТИ 26.31.61.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

THE PROBLEM OF FORMATION OF THE PROJECT TEAM IN SOCIAL DESIGN

***Шляпников Сергей Евгеньевич
Фатхутдинова Вероника Зуфаровна***

МАОУ СОШ № 34 г. Томск, Россия

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: проектная команда, социальный проект, руководитель, проектные технологии, целеполагание.

Keywords: project team, project leader, project technology, goal setting.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием эффективной проектной команды при реализации различных социальных проектов. Представлены основные этапы социального проекта с точки зрения распределения обязанностей между участниками. Также отмечены основные профессиональные и социально-психологические характеристики, необходимые специалистам по проектированию в соответствии с ролью в проекте.

В условиях современных социально-экономических процессов одним из наиболее актуальных видов менеджмента становится так называемое

социальное проектирование. Как указывает В.М. Баутин, обществу необходима некая система формирования целей и стимулов, обеспечивающая его развитие и в качестве такой системы можно рассматривать социальное проектирование[2]. Как отмечает В.И. Курбатов, сегодня существует множество определений проектирования опирающихся на различные теоретико-методологические подходы[1]. Поскольку рассмотрение подходов к определению понятия проектирования выходит за рамки объёма научной статьи, необходимо принять рабочее определение социального проектирования. По мнению авторов, проектирование можно рассматривать как методологически обоснованную деятельность, направленную на осуществление трансформации социальных процессов.

Безусловно, для наиболее полного достижения целей проектирования необходимо сформировать проектную команду, которая обеспечит эффективную реализацию всех стадий социального проекта. Построение проектной команды складывается из нескольких этапов:

1. Определение категорий, необходимых для реализации проекта сотрудников;
2. Построение профессиограммы сотрудников;
3. Сплочение проектной команды.

Можно выделить несколько категорий сотрудников, необходимых для построения эффективной проектной команды:

1. Руководители, определяющие цель и задачи социального проекта;
2. Разрабатывающие средства достижения задач;
3. Непосредственно применяющие средства достижения задач.[3]

Успешность реализации социального проекта зависит от деятельности сотрудников каждой из этих групп. Если руководителем неверно определены цели и задачи проекта, то он обречён на провал вне зависимости от квалификации других групп сотрудников. Если низкую квалификацию имеют исполнители, реализация проекта также окажется невозможна. Соответственно, чтобы повысить качество проектной среды, необходимо грамотно сформировать кадровый потенциал проекта. Под кадровым потенциалом понимается формирование коллектива, способного эффективно решать поставленные перед ним задачи. В первую очередь нужно выделить те задачи, которые будет реализовывать каждый из участников проекта.

Таблица 1

Задачи участников социального проекта

Группа сотрудников	Основные задачи
Руководители, определяющие цель и задачи социального проекта	Определяет цель и задачи проекта, состав исполнителей. Осуществляет поиск источников для привлечения ресурсов в проект.
Разрабатывающие средства достижения задач	Подбирают наиболее эффективные технологии для решения задач проекта. Привлекают ресурсы в проект.
Непосредственно применяющие средства достижения задач	Применяют разработанные технологии для реализации задач проекта.

В соответствии с обозначенными для различных категорий сотрудников задачами формируется профиограмма, отражающая требования к личным и профессиональным качествам сотрудника. При помощи профиограммы возможно уже непосредственно производить формирование команды.

Конечно, в рамках статьи невозможно представить все компоненты профиограммы для каждой категории сотрудников, однако можно условно выделить наиболее значимые социально-психологические характеристики и навыки. На основе опыта реализации нами ряда социальных проектов различного уровня мы выделяем следующие характеристики для различных категорий сотрудников.

Таблица 2

Профессиональные и социально-психологические характеристики участников проекта

Категория должности	Профессиональные характеристики	Социально-психологические характеристики
Руководители, определяющие цель и задачи социального проекта	Высшее гуманитарное образование, владение технологиями планирования, целеполагания, подбора персонала, желателен опыт успешной реализации проектов	Целеустремленность, развитые коммуникативные навыки, активная жизненная позиция, организованность, ответственность, адаптивность
Разрабатывающие средства достижения задач	Высшее гуманитарное образование, владение технологиями проектирования, информационными, PR технологиями, методами социально-психологического исследования	Внимательность, организованность, усидчивость, креативность, навыки работы с информацией
Непосредственно применяющие средства достижения задач	Уровень образования может быть различным, но должны уверенно владеть технологиями, применяемыми в проекте, понимать цели и задачи проекта	Организованность, ответственность, дисциплинированность, стрессоустойчивость, коммуникабельность

Практически, задача формирования эффективной команды стоит именно перед руководителем социального проекта. Он должен сконцентрировать вокруг себя сотрудников, обладающих значительным профессиональным и социально-психологическим потенциалом. Именно от руководителя в первую очередь зависит успешность реализации проекта. Поэтому, очень тяжело реализуются проекты, руководители которых назначаются вышестоящими инстанциями, а не являются основателями команды единомышленников. В командообразовании совместимость людей не менее важна, чем «талантливость» в конкретных сферах деятельности. Хотя зачастую объективно оценить эффективность той или иной человеческой совместимости в рабочем производственном процессе гораздо сложнее, чем, например, техническую компетентность сотрудника.

Сами участники проекта также работают гораздо более эффективно, если реализация проекта соответствует наиболее значимым для них жизненным ценностям и целям. Как уже отмечалось выше, это должна быть команда единомышленников. Также, важную роль при формировании успешной команды играет как способность, так и готовность членов команды к мобильной внутренней перегруппировке, включая принятие быстрых, но рациональных решений, путем перемещения с одной ролевой позиции на другую.

Еще один ключевой момент, который необходимо учитывать при построении эффективной команды – создание корпоративного климата, играющего особую роль при решении вопросов, связанных с созданием оптимальных «комбинаций людей» и способствующего формированию коммуникативной среды, как поля с расширенными возможностями общения.

Таким образом, эффективная реализация социального проекта требует формирования проектной команды, которая действует как единый механизм с четко распределенными между компонентами функциями. Создание такой команды является одной из наиболее сложных задач для руководителя проекта.

Литература

1. Курбатов В.И. Социальное проектирование: природа, сущность, методология. / В. И. Курбатов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. – 416с.
2. Баутин В.М. Управление персоналом: кадровый аспект / В.М. Баутин – Москва : Изд-во МГСУ, 1995. – 264с.
3. Крючков Ю.А. Методология и методы социального проектирования / Ю.А. Крючков – Москва : Изд-во МГСУ, 1998. – 50 с.

ВИЗУАЛЬНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 614.253
ГРНТИ 0241.41

ОБРАЗ ВРАЧА В СОВРЕМЕННОМ ТЕЛЕСЕРИАЛЕ (ДОКТОР РОСС VS ДОКТОР ХАУС?)

CHARACTER OF PHISICIAN IN MODERN TV SERIES (DOCTOR ROSS VS DOCTOR HOUSE?)

Ольга Владимировна Антонова
Ольга Владимировна Герасимова

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск, Россия

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Научный руководитель: О.В. Герасимова, ст. преподаватель

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: биоэтика, модели взаимоотношения врача и пациента, телевизионный сериал, патернализм.

Key words: bioethics, model the relationship between the doctor and the patient, television series, paternalism.

Аннотация. Рассматривается роль медицинских сериалов в стихийном и профессиональном образовании студентов медицинского вуза. Представлен сравнительный анализ образов врачей из сериалов (доктор Росс и доктор Хаус) на основе теоретической модели взаимоотношения врача и пациента Р. Витча.

Сериалы о врачах и медицине всегда были популярны у зрителей, позволяя увидеть скрытую сторону врачебной профессии, испытать сильные эмоции. Они обеспечивали эффект «подглядывания» и десакрализации врачебного мастерства.

Немаловажную роль медицинские телесериалы играют в становлении идеала врача студентов медицинских вузов, что в дальнейшем может повлиять и на профессиональную деятельность, ведь это «тот образ, который складывается в течение длительного времени и на который в дальнейшем сам врач будет опираться, ориентироваться, возможно даже «советоваться», соотнося с ним свой выбор» [1, с.120-121]. Следует отметить, что сериалы, художественные фильмы на врачебную тематику используются и для освоения курса биоэтики студентами

Сибирского государственного медицинского университета в г. Томске (СибГМУ), являясь дополнительным инструментом «в преподавании медицинской этики, который обеспечивает более полное обсуждение этических проблем» [2, с.128]. Таким образом, сериалы и фильмы становятся не только частью стихийного образования, но и частью системы профессиональной подготовки.

В ходе ежегодно проводившихся социологических исследований среди студентов СибГМУ, было выявлено, что за последние годы образцом для подражания в профессиональной сфере все чаще становятся медийные персонажи, в частности, доктора из фильмов и сериалов. И если в 2005 году опрашиваемые студенты в качестве идеала врача называли доктора Росса (персонажа сериала «Скорая помощь»), то аналогичное исследование, проводившееся в 2013 году, выявило как образец для подражания другой идеал – доктора Хауса из одноименного сериала [1, с. 124]. В целом эти два исследования показали трансформацию идеального образа врача в рамках изменения общекультурного контекста. Это можно объяснить популярностью сериалов в свое время – премьера «Скорой помощи» в России состоялась в 1999 году, а «Доктор Хаус» в 2007. Есть и другое предположение, заключающееся в том, что произошли изменения морально-этических установок современных студентов, ориентирующихся на холодный и рационализированный образ доктора Хауса, так отличающийся от эмоционального доктора Росса. Так ли это – ответ на этот вопрос может дать сравнительный анализ этих двух образов.

В рассматриваемых сериалах внимание концентрируется на профессиональной деятельности врачей. Медицина – это социальная практика, как и любая другая, выстраивающаяся на основе взаимоотношений людей. И если в классическую эпоху на первое место выходили взаимоотношения врача и пациента (иногда в эти взаимоотношения включались родственники пациента), то современная медицина расширяет границы коммуникации, это и взаимоотношения врача с коллегами, администрацией лечебного учреждения, различными организациями. Однако в данной работе основанием сравнения авторами выделены взаимоотношения врача и пациента, как наиболее значимые и сегодня.

Для сравнения данного типа взаимоотношений в качестве теоретического основания использована модель Р. Витча, который выделил четыре базовые модели: техническую, патерналистскую (сакральную), коллегиальную и контрактную [3]. Техническая модель предполагает, что врач является носителем объективного научного знания, он сравнивается с ученым-прикладником, который должен «опираться на факты, избегая всех ценностных суждений» [3, с.68], игнорируя мнение самого больного, как субъективное, а стало быть, неистинное. Тело больного рассматривается как механизм, который нужно починить. Такой подход приводит к обезличиванию не только больного, но и врача: если научное знание свободно от ценностей, то и личностные интересы врача в процессе лечения тоже не учитываются: «Даже если в

процессе принятия решения врач смог бы избежать суждений морального и иного ценностного характера, даже если бы ему удалось на деле осуществить неосуществимый идеал свободы от ценностных суждений, то такой образ действий был бы оскорбительным для него самого с моральной точки зрения. Он превратился бы в техника, в водопроводчика, который соединяет трубы и промывает засорившиеся системы, не мучаясь никакими вопросами» [3, с.68]. Такая модель характерна для позитивизма, возможно, что предпосылки ее появления возникают раньше – в эпоху Просвещения, которая характеризовалась верой в разум, науку, которые должны были улучшить этот мир, победив пороки, голод, болезни. Однако такой подход, лишенный ценностей, ведет к дегуманизации врачевания и медицинских исследований.

Патерналистская (сакральная) модель взаимоотношения врача и пациента более древняя, находит свое выражение еще в клятве Гиппократова. Суть этой модели заключается в том, что врач уподобляется пастору, священнику, отцу, а больной – прихожанину, ребенку. Отцовская забота о пациенте – самая характерная черта данной модели. «В медицине патернализм – это такая модель взаимоотношений врача и пациента, в которой главенствующее положение занимает врач: он определяет, в чем состоит благо пациента, а пациент, доверяя врачу, полностью подчиняется ему и выполняет все его назначения» [4, с.163]. Решая за пациента, в чем состоит его благо, врач лишает пациента возможности принимать решения самостоятельно. Главная цель врача – исцеление пациента, ради этой цели можно подходят любые средства.

Модель коллегиального типа подразумевает отношения врача и пациента как отношения коллег, равноправных соратников, а их мнения одинаково значимы. Общение строится на взаимном доверии, т.к. у врача и пациента общая цель – победить болезнь. Такая модель возможна при совпадении ценностей врача и пациента, что в реальности встречается не всегда. Такая модель взаимоотношений подразумевает высокую степень уважения автономии пациента, что позволяет ее отнести к новой модели, т.к. сам принцип уважения автономии пациента появляется в последние десятилетия XX века.

Контрактная модель имеет место там, где «два индивида или две группы людей действуют на основе взаимных обязательств и ожидающейся взаимной выгоды» [3, с.71]. Причем контракт может трактоваться не обязательно в юридическом смысле, но и в смысле символического договора. Он делает врача и пациента равноправными, при этом нет необходимости отказываться от своих моральных ценностей ни врачу (как в технической модели), ни пациенту (как в патерналистской модели) и «позволяет избежать ложного и неконтролируемого равенства в модели коллегиального типа» [3, с.71].

Все приведенные модели являются идеальными типами, которые не существуют в чистом виде. В реальной практике один и тот же врач может использовать разные модели, однако одна все равно окажется доминирующей.

Внешнее сравнение образов врачей из сериалов Дага Росса и Грегори Хауса указывает на их различие. Даг способен сопереживать пациенту. В серии «День первый» зритель видит слезы на глазах доктора, глядящего на умершую старую женщину. Доктор Росс вежлив с пациентами, прощаясь, желает удачи, чувствителен к чужим страданиям. Доктор Хаус выглядит совсем иным. Он достаточно жесткий, неделикатный, часто пациенты не знают, что он их лечащий врач, т.к. он общается с ними лишь в крайних случаях. Он грубо отзывается об интеллектуальных способностях своих пациентов, попросту называя их идиотами. Его принцип – все врут.

Далее образы докторов будут анализироваться в рамках типологии Р. Витча. Рассматривая деятельность доктора Росса, можно сделать вывод о доминировании патерналистской модели. Впрочем, сама специфика работы доктора Росса (он педиатр) способствует именно такой модели взаимоотношений с пациентами, поскольку считается, что данная модель хорошо себя проявляет там, где дееспособность пациента ограничена – это педиатрия, психиатрия, гериатрия, лечение пациентов в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Однако с законными представителями недееспособных пациентов (например, родителями больного ребенка) более этично выбрать иную модель взаимоотношения, коллегиальную или контрактную. Но доктор Росс выстраивает взаимоотношения с родителями в рамках той же патерналистской позиции, иногда проявляя строгость, как в серии «В одну прекрасную ночь», где он лечит девочку больную астмой, одновременно проявляя настоящую заботу, покупая лекарства девочке, мать которой из-за бедности не может этого сделать, или настойчивость, как в серии «Жара в Чикаго», когда он отказывается отдать девочку отцу, у которой обнаружили проблемы с сердцем из-за передозировки кокаина. Он уверен, что должен защищать своего больного, даже если его мнение идет вразрез с мнением больного, его близких и даже с медицинским протоколом. Но решение о благе пациента принимает сам доктор Росс, что очень характерно для патернализма. Особенно ярко это проиллюстрировано серией «Дыра в сердце», где Росс проводит тайком от коллег и сотрудников социальной службы сверхбыструю детоксикацию маленького ребенка, страдающего из-за матери наркотической зависимостью. Процедура эта была очень опасной, могла закончиться комой или даже смертью маленького пациента. Но доктор считает, что это лучший вариант для ребенка. Он говорит: «У меня нет пристрастий к нарушению правил, просто иногда они мешают помочь больному». Однако во взаимоотношениях доктора Росса с пациентами не всегда проявляются классические черты патернализма. Например, в серии «Долгое путешествие» он настаивает, чтобы родители сказали восьмилетнему мальчику, что у него возможен рак, соблюдая принцип уважения автономии пациента, что, однако, не характерно для патерналистской модели. Он довольно твердо заявляет: «Мы не можем делать биопсию, если мальчик не будет знать, что с ним», подробно объясняя ребенку проведение процедуры биопсии. Но в боль-

шинстве случаев он демонстрирует именно патерналистскую модель.

Если говорить о докторе Хаусе, то на первый взгляд он демонстрирует инженерную модель, ведь его цель – получение объективного знания, постановка верного диагноза и мнение больного здесь не играет никакой роли. Более того – все врут, стало быть, на слова больного полагаться нельзя. Но это лишь на первый взгляд: «У нас складывается впечатление, что больные занимают Хауса не более, чем научные проекты, но в действительности оказывается, что он о них беспокоится, и гораздо больше, чем другие, и это проявляется в его въедливости» [5, с.36-37], а это противоречит инженерной модели. Профессор философии Марк Уиклер прямо считает, что Хаус – патерналист: «Для Хауса цель – возвращение пациенту здоровья – оправдывает средства, в число которых входит давление, утаивание информации, манипулирование, ложь и даже проникновение в жилище со взломом. Эти средства являются патерналистскими при соблюдении двух условий: 1) направлены на благо пациента, а не других лиц ... и 2) объектом принуждения, обмана и т. д. является тоже сам пациент» [6, с. 155]. И именно благо пациента Хаус отстаивает самым решительным образом. Доктор Хаус практически в каждой серии демонстрирует свою установку: для больного лучше то, что рекомендую я, что характерно именно для патернализма. Например, в серии «Отказ от реанимации» он идет на прямое нарушение правил, интубируя пациента с остановкой дыхания против его воли, которое ранее тот выразил письменно. В серии «Медовый месяц» Хаус, для того, чтобы взять анализ у больного, провоцирует опасный приступ. Делает он это не только против воли самого пациента, но и против воли своих коллег. Доктор Хаус не отрицает, что пациент знает, что он хочет. Пациент не может знать, в чем состоит его благо. И здесь Хаус ведет себя как строгий отец, стремящийся дать ребенку (пациенту) не то, что ему хочется, а то, что ему полезно. При этом он реализует этический принцип «делай благо» (в понимании самого Хауса) в часто ущерб другому принципу «не навреди», практически полностью игнорируя принцип уважения автономии пациента. Однако доктор Хаус способен проявлять чуткость и даже сострадание к своим пациентам, это видно по сериям «Материнство», «Аутопсия». Данные примеры только подчеркивают патерналистический характер взаимоотношений, поскольку патернализм наполнен «такими моральными ценностями, как милосердие, сострадание, любовь к пациенту, но в то же время исключая автономия пациента» [7, с.184]. Таким образом, доминирующая модель взаимоотношения доктора Хауса со своими пациентами – патерналистская.

Итог данного исследования показал, что, несмотря на внешнее несходство образов доктора Росса и доктора Хауса, по сути, они демонстрируют одну и ту же модель взаимоотношения врача и пациента. Поэтому, если трансформация образа идеального врача в представлениях студентов медицинского вуза и происходит, то она носит скорее внешний характер, серьезно не затрагивая основ моделей врачевания.

Литература

1. Герасимова О.В. Идеал врача: трансформация образа в представлениях студентов-медиков / О.В. Герасимова // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики, 2015, № 1 (3). – С.120-126.
2. Мещерякова Т.В. Визуализация в преподавании биоэтики: ее формы и функции / Т.В. Мещерякова // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики, 2015, № 1 (3). – С.127-132.
3. Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений / Р.Витч // Вопросы философии, 1994, № 3. С. 67–72.
4. Мещерякова Т.В. Утопия патернализма / Т.В. Мещерякова // Утопия и образование: сборник трудов Международной научно-практической конференции (26-28 октября 2011 г., Москва). – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. – С. 162-170.
5. Дисфункциональная семья, проживающая по месту работ / Д. Уинтерс // Загадка доктора Хауса – человека и сериала. – Санкт-Петербург : Изд-во «Питер», 2010. – С. 36-46.
6. Уиклер М. Хаус и патернализм / М. Уиклер // Хаус и философия: Все врут! – Москва : Изд-во «Юнайтед Пресс», 2010. – С. 154-164.
7. Мещерякова Т. В. Смена поколений или проблема формирования ценностного сознания будущего врача / Т.В. Мещерякова, О.В. Герасимова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Выпуск 11 (139). – С.179-187.

УДК 13; 316.33; 316.34

ГРНТИ 02.15.51; 02.15.61; 02.41.31; 02.41.41

ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ВОЛОНТЁРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЙ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ)

VISUAL SYMBOLS OF VOLUNTEERING (ON EXAMPLE OF ANIMAL WELFARE AND RESCUE ORGANIZATIONS)

Горбулёва Мария Сергеевна, канд. филос. наук, с.н.с.

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия
Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск, Россия*

Ключевые слова: волонтеры, волонтерская работа, защита животных, визуальность, символы, добровольчество.

Keywords: volunteers, volunteer work, protection of animals, visuality, symbols, volunteering.

Аннотация. В статье рассмотрены разновидности и направления работы движений защиты животных. Проведён анализ визуального выражения, мотивы, колористическое и символическое выражение организаций. Сделаны выводы о характере и концепции деятельности.

Актуальными сегодня представляются исследования волонтеров, их деятельности. Наше исследование волонтеров и визуальности основано на примере защитников животных. Волонтеров, движений и до-

бровольческих организаций становится больше. В России это мало исследованное поле, только последние десять лет, с активизацией волонтерского движения, все больше специалистов интересуются спецификой и закономерностями волонтерской деятельности, ее менеджментом, особенностями etc.

Также актуальной проблемой, в частности России, является проблема обращения с домашними и бездомными животными. В Российской Федерации нет законодательства, которое регламентирует эти отношения, защищает животных. По некоторым данным наша страна отстает от зарубежного опыта (Европа, США) в вопросах регулирования отношения к животным в среднем на 100 лет [1].

Не смотря на отсутствие нормативной базы, движение защитников животных в России в последние годы набирает обороты. Появилось большое количество движений, для которых характерны самоорганизация и стихийность [2].

Защита животных сегодня представляет собой вид деятельности, которая направлена на улучшение содержания и обращения с животными, предотвращение жестокого обращения с животными. Проблемы жестокости в отношении животных и низкой компетентности населения в вопросах содержания, ухода и обращения с животными – самые основные, из которых как следствие проистекает несовершенство социального устройства общества в сфере использования животных.

Основные направления современных концепций защиты животных: благополучие животных (animal welfare), то есть контроль за психологическим и физическим благополучием животных и права животных (animal rights), сторонники которой придерживаются точки зрения о недопустимости отдельных разновидностей традиционного использования животных человеком в своей хозяйственной деятельности. Представители выступают главным образом против эксплуатации и умерщвления животных, предлагают не рассматривать животных в качестве собственности [3].

Так образуется несколько направлений защиты животных, которые напрямую или опосредованно связаны с основными проблемами: эксплуатация животных (плохое обращение с животными, запрещенное законами – например организация боёв животных, цирки с животными, развлечения, зоопарки); использование животных (узаконенная эксплуатация животных – сельское хозяйство, меховая промышленность, вивисекция); контроль над животными (узаконенный контроль популяции животных – например отлов бродячих животных, контроль диких животных); благосостояние животных (стремление предотвратить излишние страдания животных – стремление обеспечить животным достойное качество жизни и гуманную смерть); права животных (вера в то, что у животных, как и у человека, также есть основные права – на жизнь, свободу). Сторонники освобождения животных против их использования и нахождения во владении человека, особенно при не соблюдении гуманности в отношении животных – представители направления выступают за возможность применения

незаконных мер, насилия в отношении таких людей и для спасения животных, которые никак не защищены современным законодательством); защита прав животных (философия отрицания эксплуатации животных человеком, с отступлениями – возможность симбиоза человека и животных, приемлемо владение животными на основах гуманности и уважения свобод животных) [4, с.8].

Таким образом, «защитники животных» – это общее понятие, которое объединяет различные категории людей, объединенных целью – защитить животных от излишних страданий. Понятие «благополучие животных» – это довольно широкое понятие, основанное на этической позиции защитников животных, которые убеждены в том, что каждое животное имеет свои достоинства, каждое животное необходимо уважать и защищать. Такое отношение базируется на знаниях о биологически предопределенных инстинктах животных, их особенностях, интересах и отличительных чертах характера. Животные могут испытывать боль, а, следовательно, они должны быть защищены от ненужных страданий (тех, которых можно избежать), причиняемых людьми. Человек имеет обязательства заботиться о благополучии других биологических видов, поэтому необходимо постоянно контролировать и проводить анализ целей использования животных человеком [4, с. 9].

На практике направления работы с проблемами в отношении животных складываются так, что существуют организации, движения волонтеров, благотворительные фонды, инициативные группы, работающие по следующим направлениям: работа по организации пропаганды, акций, мероприятий для информирования и ментальных изменений общества в отношении животных, гуманного отношения к ним (*animal liberation, animal welfare*); теоретическая, юридическая, правовая работа по защите животных (*animal rights*); работа по спасению животных (вымирающие виды, пострадавшие от несчастных случаев домашние животные или животные в дикой природе – *animal welfare, animal rescue*); приюты для животных, фонды поддержки, работа по реабилитации животных, возвращение в естественную среду (*adoption, shelters, rehab*). Существует также специализация по видам животных – домашние или компаньоны (кошки, собаки etc.), животные ферм (коровы, овцы etc.), дикие животные (животные леса, морская фауна etc.), промысловые виды (меховая промышленность etc.), животные в экспериментах (мыши, кролики, обезьяны etc.), редкие и вымирающие виды (панды, тигры etc.).

В качестве примера можно привести крупнейшие мировые организации по защите животных: Всемирное общество защиты животных (ВОЗЖ)¹ объединяет 900 обществ, выступающих в защиту животных в 150 странах мира. Некоторые организации, которые входят в ВОЗЖ разделяют концепцию благополучия животных (*animal welfare*), некоторые борются за «права животных» (*animal rights*), например PETA². Отдельно от общей группы часто находятся «радикальные за-

¹ Всемирное общество защиты животных, ВОЗЖ (*World Society for the Protection of Animals, WSPA*) – международная некоммерческая зоозащитная организация.

² Люди за этическое обращение с животными, PETA (*People for the Ethical Treatment of*

щитники животных» – организации типа Фонда освобождения животных (ФОЖ)¹, которые практикуют «прямые» действия для освобождения животных, находящихся в неволе (animal liberation), что часто входит в конфликт с законодательством (погромы, взломы, захват заложников etc.)

Все эти организации в своей работе опираются на международные акты и местные законы о защите и благополучии животных. Например, в Европе существуют различные документы, которые регламентируют отношение к животным в различных сферах: Европейская конвенция о защите домашних животных, Европейская конвенция о защите содержащихся на фермах животных, Европейская конвенция о защите животных, предназначенных на убой, Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях, Европейская конвенция о международной перевозке животных, Конвенция о сохранении животного мира и природной среды обитания в Европе. В свою очередь большинство международных актов опираются на Концепцию пяти свобод². Изначально правила представляли собой рекомендации о том, что животным, содержащимся в неволе необходимы свобода поворачиваться, ухаживать за собой, вставать, ложиться, вытягивать конечности. Затем была сформулирована концепция, включающая пять пунктов о необходимой свободе животных: свободу от голода и жажды – путем предоставления доступа к воде и еде, которые поддерживают хорошее здоровье и активность; свободу от дискомфорта – путем предоставления соответствующей среды для проживания, включая жилище и место для сна и отдыха; свободу от боли, травм или болезни – путем предоставления превентивных мер или ранней диагностики и лечения; свободу естественного поведения – путем предоставления достаточного места, соответствующих благоприятных условий и приспособлений, а также компании себе подобных; свободу от страха и стресса – путем обеспечения соответствующих условий и отношения, которые исключают моральные страдания.

«Пять свобод» включены во Всемирную декларацию благосостояния животных (Universal Declaration on Animal Welfare). Согласно этой Декларации, эти свободы должны быть обеспечены всем животным, которые содержатся в условиях неволи. В России законов на федеральном уровне, которые регламентируют отношение человека к животным на данный момент нет. Текст закона РФ «О защите животных от жестокого обращения» был принят Государственной Думой ФС РФ и одобрен Советом Федерации ФС РФ, однако был отклонен и.о. президента РФ. На данный момент правовое поле касемо животных опре-

Animals) – организация, ведущая борьбу за права животных.

¹ Фронт освобождения животных, ФОЖ (*Animal Liberation Front, ALF*) – основанное в 1976 году международное подпольное движение безлидерного сопротивления, объединяющее вегетарианцев и веганов.

² «Пять свобод» – используемая во многих странах система оценки благополучия одомашненных животных была разработана в Великобритании Советом по охране сельскохозяйственных животных в 1977 году.

деляется ГК РФ, в котором животные подпадают под классификацию «имущество». Для сравнения, в Европейских странах животные являются недееспособным субъектом правовых отношений (как и дети до определенного возраста или некоторые категории граждан).

Говоря о визуальности и символике добровольчества, необходимо сказать о том, что визуальное выражение имеет особое значение, часто отражается в культуре, масс-медиа, образовании, социальных институтах etc. Визуальная символика и ее выражение довольно спонтанны, является следствием наиболее актуальных идей и проблематики [5, с.140]. Исследуя символику и визуальные обозначения организаций защиты животных можно выделить некоторые группы, особенности и темы. Основной набор символов для обозначения работы организаций защиты животных касаются животной темы и человеческой ответственности по отношению к животному миру (изображения животных, изображения человека вместе с животными, отпечатки лап и человеческих рук). Довольно часто можно встретить форму сердца как выражение любви и заботы. Также как одна из целей – содержание или нахождение дома для животных – отражено в изображениях крыши, дома, будки. В зависимости от того, каким видом животных (домашние, животные-компаньоны, животные ферм, дикие животные, морские животные etc.) занимается организация – это может быть также отражено визуально: изображения кошек, собак, панд, лошадей, акул, китов, птиц etc. Также организации бывают узконаправленные и работающие в общем направлении, с экологическим уклоном, что также влияет на наглядное выражение – от конкретного вида животных (например, котов) и до изображения всей планеты или многих видов животных. Цветовая гамма довольно разнообразна – это либо все цвета радуги – как символ разнонаправленности, экоуклона, природного многообразия, либо один или два основных цвета, самые часто используемые из которых – черный (траур о пострадавших, незнание, жестокость, страдания), зеленый (природа, леса, жизнь, рост, флора и фауна), красный и его оттенки (любовь, забота, помощь, тревога), синий и его оттенки (знания, ответственность, умиротворенность, моря и океаны). В качестве общего вывода можно сказать о визуальности добровольчества то, что она выражает дух, основные направления и концепции работы волонтерских организаций защиты животных: заботу, оказание помощи, ответственность, гуманность, неконфликтность, милосердие, терпимость и терпение. Таким образом, качества направлены на минимизацию причинения вреда окружающей природе и животным, которых человек использует или которые зависят от него, а по возможности следования благу и пользе в отношении природы. Такое понимание концептуальной направленности и деятельностной парадигмы параллельно с клятвой врачей по отношению к своим пациентам [6].

Таким образом, необходимо стимулировать критическое мышление в вопросах защиты и благосостояния животных. В большинстве стран понятие «благосостояние животных» не является известным вообще, не говоря уже о применении его к психологическому, физиоло-

гическому благосостоянию животных. Но нужно понимать, насколько важно для дальнейшей эволюции социума признать этические и юридические аспекты в отношении животных, быть в состоянии применить критический анализ с любой точки зрения для разных биологических видов и в различных ситуациях.

Литература

1. Горбулёва М.С. Парадоксы отношений биоэтики и биомедицины: технология создания «анимаглов» / М.С. Горбулёва // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 9-15.
2. Горбулёва М.С. Memory-turn и биоэтическое содержание символики современной культуры / М.С. Горбулёва // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 157-164.
3. Broom. D. M. Animal welfare: concepts and measurement / D. M. Broom // Journal of animal science. 1991. 69:4167-4175.
4. Принципы благосостояния животных. Вспомогательная программа для преподавания благосостояния животных на ветеринарных факультетах / Материал переведен Центром этичного отношения к животным «Жизнь» им. Л. Толстого. Харьков, 2001 – 20 с.
5. Первушина Н.А. Границы применимости психологических теорий восприятия визуальной информации / Н.А. Первушина // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 140-146.
6. Мелик-Гайказян И.В., Мещерякова Т.В. Клятва гиппократ: трансформация семантики и возрождение прагматики / И.В. Мелик-Гайказян, Т.В. Мещерякова // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9. № 1. С. 35-44.

УДК 316.33

ГРНТИ 02.41.41

ТЕХНОНАУКА: РОЖДЕНИЕ НОВОГО СИМВОЛИЗМА

TECHNOSCIENCE: CREATION OF THE NEW SYMBOLISM

Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: технонаука, Hi-Tech, семиотическая диагностика.

Key words: technoscience, Hi-Tech, semiotics diagnosis.

Аннотация. Технонаука фиксирует трансформацию контекстов фундаментальных исследований. Семиотическая диагностика этого позволила квалифицировать биоэтику в качестве нового символизма.

Трансформация семиотического ландшафта культуры.¹ В последние тридцать-сорок лет стали очевидны итоги технической реализации достижений фундаментальных исследований. Эти итоги получили на-

¹ Выяснение семиотической сущности трансформаций проведено в рамках выполнения проекта № 155 «Методология моделирования семиотических механизмов управления нелинейной динамикой образовательных систем» Государственного задания для ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»; определение целей трансформаций – в рамках проекта РФФИ №14-06-00440, а определение специфики биоэтики – в рамках проекта РГНФ № 15-03-00598.

звание «высокие технологии» или «Hi-Tech». Саму же область науки, сформировавшуюся на пересечении фундаментальных исследований и технического знания, часто называют «технонаука». Этим именем фиксируют достаточно специфическую для современной науки ситуацию. Мы привыкли к тому, что практическая реализация или положительный результат эксперимента служат подтверждением справедливости некой теории. По крайней мере, это подтверждение является если не окончательным вердиктом, то весомым аргументом в пользу справедливости теории. Но вопрос о верификации теории не входит в число актуальных для технонауки вопросов. Актуальность составляет лишь то, что касается практической реализации, причем такой реализации, конечный продукт которой станет началом новой технологии. Эта задача одновременно стимулирует фундаментальные исследования и смещает акцент в их устремленности от получения достоверного знания к получению знания, запрашиваемого высокотехнологичным производством, то есть – от истины к пользе. Утилитаризм сам по себе не влечет деформации научной этики, поскольку является легитимной теорией морали. Предубеждения, связанные с негативными оттенками звучания термина «утилитаризм», легко уходят в случае даже кратковременного пребывания на родине этой этической теории – в Великобритании. Действие силы утилитаризма здесь продемонстрировано ясно и отчетливо. Явственность преимуществ утилитаризма заставляет обнаруживать пределы его эффективности. Эти границы представляют собой очертания социальных систем. Наука же изначально обладала автономностью в сфере социального устройства. Современной ее трансформацией стало размывание рубежей автономности, что перевело положение системы «наука» внутри системы «социум» в положение «общество» в «науке» [1].

Смена акцента в целях научного творчества повлекла за собой применение социальных и производственных способов управления в сфере образования. И за взлетом университетов на начальном этапе формирования общества знания последовала их деформация, вызванная тем, что «первыми лицами» стали менеджеры [2], «измерителями» деятельности ученых стали пресловутые индексы, а процесс образования стал «услугой», оцениваемой в экономических единицах. Всё это превращает образование из социального института, служащего целям воспроизводства культуры, в структуру производства. Это превращение бумерангом затронуло производство, в которое проник символизм, свойственный научному творчеству, а именно – самоценность новизны. Последние четыре века целью науки было приращение достоверного знания, за счет постоянного получения нового знания. Итак, технонаука вызвала трансфер символизма, что вынесло на ландшафтную поверхность культуры образы и знаки не интеллектуальных традиций, а любых инноваций. Примером служит стиль hi-tech, смешавшим «новое» и «лучшее», «прогрессивное» и «техническое», «красивое» и «продвинутое».

Парадоксы инноваций. На пути встречного переноса символизма оказалось образование. Трансформации подверглись его цели и средства. Целью стало формирование компетенций, которые диктует рынок труда. Источник данного «диктата» часто упускается теоретиками и практиками образования. Способы образования стали подбирать по критерию их эффективности, а сам подбор осуществлять в стиле технического конструирования, что привело к этической эклектике применения образовательных технологий. Технологии, разработанные в разных этических пределах, без какой-либо проверки на совместимость стали собирать «под одной крышей». В итоге деформации подверглась вся архитектура образовательного пространства – процесс воспитания подчинен несовместимым комбинациям различных этических позиций, процесс обучения подчинен реализации технологий, которые своим устройством приводят учащихся к запланированным результатам. Эти результаты, напомним, сводятся к формированиям компетенций, продиктованным конъюнктурными интересами рынка труда. Конъюнктурная устремленность редко в истории культуры становилась финишной целью всего образования. Каждая самобытная эпоха культуры выдвигала цели, полагая эти цели асимптотическими, то есть бесконечно удаленными в будущее. Образование же давало способы социальной адаптации человека и в связи с этим ориентировалось на прогнозируемые изменения в состояниях социума. Данные прогностические цели образования были подчинены асимптотическим целям культуры. В эпоху Hi-Tech образование стало руководствоваться конъюнктурными целями. Интервал времени для их достижения меньше длительности какого-либо периода человеческой жизни – детством, юностью, молодостью, зрелостью etc. В принципе, это положение выразило себя в парадигме «образования, длиною в жизнь». Продвижение в длительности этого пути происходит короткими шагами, весь маршрут вариативен, но результат предсказуем в «штамповке» обучающих технологий и конъюнктурной ориентации. Иными словами, деформация архитектуры образовательных систем произошла при смене прогностических целей обучения и воспитания на цели конъюнктурные. В подобном экспресс-образовании можно получить полезные навыки, но трудно получить воспитание. Итогом деформации архитектуры образования стали три парадоксальных следствия.

Первый парадокс состоит в том, что в обществе знаний каждый человек обрел участь профана. Конъюнктурная специализация позволяет человеку стать экспертом только в одной области и делает его несведущим во всех других областях.

Второй парадокс состоит в том, что когда будущее предсказуемо, то память о прошлом утрачивает свою актуальность и определенность. Это положение вещей становится следствием вариативной смены конъюнктурных целей при нарастающем темпе инноваций и конвергенции всех слагаемых Hi-Tech. Состояние конвергенции высоких технологий, соединяющих нано-, био-, когнитив-, социо-, информационные технологии, сводит всю мощь Hi-Tech в одно целое, что уже позволяет

детерминировать наступление будущего во всей определенности его образов. Например, приверженцы концепции трансгуманизма обосновывают наступления будущего, в котором силами конвергентных технологий будут устранены все виды человеческих страданий: боль, болезни, страх смерти. Утверждается, что продукты конвергентных технологий будут способны замещать выходящие из строя «детали» организма, и тем самым обеспечивать каждому человеку вечную жизнь. Этот пример амбициозных устремлений является крайним проявлением тенденции к утверждению брэнности интеллектуальных традиций. Потенциалы замещения искусственным естественного создают иллюзию такой мощи технологий, которая превосходит силы природы, устраняет «человеческое в человеке». Происходит амнезия многих уроков культуры – вечная жизнь не означает вечного счастья и есть тяжелая участь, замена поисков смысла жизни на поиски способов комфортной жизни приводит к трагическим итогам, стремление к одинаковому счастью для всех ведет к подавлению уникальности конкретного человека etc.

Третий парадокс состоит в том, что инновации Hi-Tech ведут к упрощению действительности, а декларируемое ими усложнение действительности является иллюзией. Причины этой иллюзии заключены в следующем. Во-первых, создается впечатление, что технические продукты, наполняющие нашу жизнь, состоят из новых достижений науки, состоят из «новизны». Но те идеи, которые стали фактом технической реализации, научной новизной уже не обладают. Научный результат является новым в момент его получения, а на этапе его прикладного применения он становится тривиальным. В лучшем случае, можно лишь констатировать новизну технического воплощения, которое в специфике технонауки, отмеченной выше, далеко не всегда связано с теоретическими результатами фундаментальных исследований. Во-вторых, экспресс-образование предлагает в качестве своего содержания некие новые знания, умения и навыки, но эта новизна также условна, поскольку основана на уже пережитом опыте или прецеденте успешного практического применения. В-третьих, усложнение действительности означает появление новых структурных уровней в социальных системах, увеличение разнообразия культурных кодов, языков и практик, расщепление социальных сценариев и жизненных траекторий. То есть – усложнение не терпит единообразия и не имеет тождества с грандиозностью. Внимательное рассмотрение визуальных символов современной действительности приводит к пониманию иллюзорности усложнения – одна антропологическая роль профана, двоичный код «цифровой культуры», единообразно понимаемый визуальный язык современной «клинописи» в социальных сетях, общая мечта о решении всех проблем одним способом, который предоставляют потенциалы Hi-Tech. Все это симптомы катастрофического упрощения.

Биоэтика как новый символизм. В нарастающем темпе инноваций Hi-Tech в культуре успел возникнуть феномен, защищающий уникаль-

ную индивидуальность и фиксирующий ценность сохранения множественной «правильности». Это феномен – биоэтика. В этой изначально узкой и прикладной области медицинской этики обрели новую актуальность проблемы жизни и смерти, определение сути «человеческое в человеке» и извращенность этой сути в проекте трансгуманизма [4]. Все перечисленные парадоксы в оптике биоэтики обретают ясность [5-12].

Актуальность определена очевидными и беспрецедентными социокультурными трансформациями, которые в современных условиях необратимо воздействуют на все сферы жизни человека. Очевидность трансформаций обусловлена всепроникающим символизмом, в котором себя фиксируют, и распространение которого обеспечивают новации конвергентных технологий. Беспрецедентность трансформаций обусловлена реальностью осуществления произвольных манипуляций над силами природы, телесностью человека и его осознанием себя, что деформируют духовные иммунитеты, полагавшие пределы созданию и применению технологий в конструировании человека человеком. При этом суть, генезис, механизмы и антропологические последствия данных трансформаций в философских исследованиях представлены в широком, но противоречивом спектре интерпретаций. Проблему составляет то, что унифицирующее воздействие саморазвивающихся технологий неизбежно рождает вариативность реакций в сложноорганизованном социокультурном пространстве, и каждый порождаемый вариант дальнейшего развития создает свое возможное будущее – свой аттрактор, а у гуманитарного знания отсутствуют инструменты фундаментального естествознания для точного измерения всего спектра аттракторов как объективных целей динамики самоорганизующихся систем. В гуманитарных науках есть арсенал подходов к исследованию социальных тенденций по диагностике происходящих изменений в культурных кодах, языках и образах, то есть – изменений в символизме. «Революции в символизме» [13] способны ретроспективно отметить этапы социокультурной динамики, и они же способны указать на ее «семиотические аттракторы», поскольку к ним устремлена трансляция значений и образов «сегодня», «послезавтра», «далекое будущее», а эти образы визуализируют бытующие представления о взаимосвязях действительности и реальности, прошлого и настоящего, научного и вненаучного. На пересечении отмеченных парадоксальных взаимозависимостей сложилась биоэтика как феномен самосознания современной культуры, трансдисциплинарная область, социальная институция экспертизы инициатив конвергентных технологий. Сплав этого в феномене биоэтики соотносится со многими движениями в символизме современной культуры: медикализацией языка культуры, биоэстетикой, гибридизацией естественных и искусственных форм жизни etc. Очевидность этих движений не проясняет их направленность и беспрецедентность, что ставит задачу диагностики их прагматики – адаптации привычных символов прошлого к действительности настоящего; имитации позитивной социокультурной динамики; компенсации неопределенности антропологических перспектив в создании способа

конструирования желаемой реальности; генерации способа угадать и проектировать желаемое будущее. Это ставит перед философией новые задачи – разработку способов измерений трансформаций, паллиативной заменой которых способны стать методы семиотической диагностики визуальных символов культуры.

Литература

1. Латур, Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества : монография / Б. Латур. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
2. Ридингс, Б. Университет в руинах : монография / Б. Ридингс. – Москва: Изд.дом Гос. ун-та – высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
3. Тищенко, П. Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики : монография / П. Д. Тищенко. – Москва: Изд. Дом «Мирь», 2011. – 288 с.
4. Юдин, Б. Г. Человек как объект технологических воздействий / Б. Г. Юдин // Человек. – 2011. – № 3. – С. 5-20.
5. Мещерякова, Т. В. Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания / Т. В. Мещерякова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Выпуск 10. – С. 216-221.
6. Мещерякова, Т. В. Memory-turn, или Возврат к утерянному / Т. В. Мещерякова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4. – С. 187-193.
7. Мещерякова, Т. В. Визуализация в преподавании биоэтики: ее формы и функции / Т. В. Мещерякова // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2015. – Выпуск 1. – С. 127-132.
8. Горбулёва, М. С. Memory-turn и биоэтическое содержание символики современной культуры / М. С. Горбулёва // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4. – С. 157-164.
9. Горбулёва, М. С. Феномен памяти и его роль в маргинальных субкультурах / М. С. Горбулёва // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Выпуск 11. – С. 188-193.
10. Горбулёва, М. С. Химеры в современной культуре, или опыт знакомства с «таксидермией» экзистенциальных ценностей / М. С. Горбулёва // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2015. – Выпуск 1. – С. 99-104.
11. Первушина, Н. А. Подход к упорядочению процессов восприятия визуальной информации и роль музея в современной культуре / Н. А. Первушина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Выпуск 11. – С. 167-172.
12. Первушина, Н. А. Границы применимости психологических теорий восприятия визуальной информации культуре / Н. А. Первушина // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2015. – Выпуск 1. – С. 140-146.
13. Whitehead, A. N. Symbolism, Its meaning and Effect / A. N. Whitehead. – New York: The Macmillan Company, 1927. – 80 p.

УДК 330.341.1:62
ГРНТИ 06.54.31

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПРИ СОЗДАНИИ НОВОЙ ТЕХНИКИ

VISUALIZATION MANAGEMENT TASKS WHEN CREATING A NEW TECHNOLOGY

**Чонг Хуо Хоанг,
Мария Вигеновна Мелик-Гайказян**

Научный руководитель: М. В. Мелик-Гайказян, канд. экон. наук, доцент

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
г. Томск, Россия*

Ключевые слова: визуализация, менеджмент, новая техника, нелинейная динамика.

Key words: visualization, management, new technology, nonlinear dynamics.

Аннотация. Визуализация решений входит в специфику нелинейной динамики как научного направления, релевантного управленческим задачам создания новой техники. Представлен методологический вариант решения подобных задач.

В экономических теориях и теориях менеджмента зафиксирована неоднозначность способов оценки эффективности управленческих решений при создании новой техники. Причем преодоление этой неоднозначности является актуальной задачей как в наши дни [1-2], так и тогда, когда только «учились» управлять эффективностью научно-технического прогресса [3]. Вместе с тем аппарат теории катастроф и методы моделирования нелинейной динамики создают концептуальную основу для построения простых математических моделей для визуализации поведения управляющих параметров в экономических процессах [4].

Для большинства видов продукции производственно-технического назначения характерным является ограниченный период спроса вследствие морального старения и соответственно снижения эффективности, как производства, так и использования этой продукции. Поэтому производственный менеджмент анализирует и учитывает все факторы, которые оказывают влияние на продолжительность периода, в течение которого продукт может быть реализован на рынке.

Любой продукт проходит в своем развитии в течение его жизненного цикла определенные фазы. Несмотря на большое разнообразие форм и видов продуктов, эти фазы являются общими и включают, как известно, создание, освоение, рост, зрелость и старение. Для большинства видов продуктов характерна циклическая повторяемость этих стадий, связанная каждый раз, как правило, с разработкой новой модификации нововведения. При этом эксплуатационные характеристики продукции до определенного предела улучшаются в рамках одного

и того же технического принципа действия. В конечном итоге потенциальные возможности этого технического принципа исчерпываются. И дальнейшее повышение эффективности становится возможным при переходе к использованию возможностей нового технического принципа функционирования новых образцов техники, аналогичных по своему назначению устаревшей продукции.

Анализ динамики экономических показателей производства и использования продукции технического назначения приводит к следующим выводам. В начале промышленного освоения инновационной идеи и появления нового продукта на рынке наблюдается низкая эффективность, как технических характеристик продукта, так и произведенных инвестиций: выручка от реализации продукции еще не позволяет полностью покрывать повышенные производственные затраты. Другими словами, на этой стадии нововведение требует модернизации. По мере совершенствования освоенной техники в полной мере реализуются потенциальные возможности того технического принципа, действие которого было изначально заложено при создании новой техники. Эта вторая стадия отличается повышением эффективности до тех значений, которые были недостижимы в рамках прежнего принципа. И, наконец, третья, последняя стадия характеризуется отсутствием роста эффективности в связи с отсутствием каких-либо возможностей у данного технического принципа к ее увеличению.

«Сами по себе экономические исследования и анализ их результатов позволяют констатировать описанные особенности динамики эффективности и доказать их общность. Однако следует признать, что они не раскрывают причин угасания эффекта. Механизм этого процесса может быть понят лишь при изучении динамики эффективности тех или иных технических усовершенствований» [4]. Поэтому целесообразно рассмотреть конкретные примеры эволюции технических средств обработки металлов. В середине прошлого века совершенствование металлообрабатывающих станков осуществлялось в направлении увеличения мощности двигателя, ускорения режимов обработки, быстрой переналадки, улучшения в системе подачи инструмента, в системе смазки др. Показатель, комплексно характеризующий все эти изменения, возрастал до середины 60-х годов, после наблюдалось затухание темпа накопления усовершенствований. То есть возможности эффективного совершенствования традиционного металлорежущего оборудования постепенно исчерпывали себя.

В этот же период широкое распространение получили электрофизические и электрохимические методы обработки. Соответствующий комплексный показатель, рассчитанный для электроэрозионного станка, показывал хорошую динамику. В настоящее время подобное оборудование с высокой эффективностью используются для обработки деталей сложной конфигурации. Однако оно, вопреки прогнозам, не вытеснило обработки металлов резанием как основного метода получения изделий. Анализ зависимости эффективности использования традиционных станков показал, что рост эффективности был связан с

внедрением систем автоматического контроля, появлением быстро перепрограммируемого оборудования, с повышением производственной и эксплуатационной технологичности. Прогресс в области металлообработки в последней четверти прошлого века был связан с переходом от автоматизации отдельного станка к гибким автоматизированным системам с использованием промышленных манипуляторов.

Эффект от производства и использования новой техники в рыночных условиях можно оценить повышением ее производительности, снижением себестоимости ее изготовления, уменьшением уровня технологических потерь, повышением массы и нормы прибыли и др., а также экономичностью ее эксплуатации. Если рассматривать эффект (\mathcal{E}) как функцию времени – $\mathcal{E} = f(t)$, то объективной особенностью его динамики является немонотонная зависимость от величины инвестиций (I), размер которых также можно представить функцией – $I = f(t)$. Эта закономерность $\mathcal{E} = f(I)$ изображается возрастающей кривой с максимумом или насыщением. Иллюстрацией закономерности этой зависимости является график динамики эффекта от использования новой техники по стадиям реализации технических принципов [3; 4, с. 216].

Таким образом, можно наблюдать высокие темпы роста эффекта при переходе к выпуску новой продукции, действие которой основано на новых принципах или технологиях, постепенное затухание этих темпов по мере морального старения, а также дополнительные преимущества при своевременном переходе на выпуск и использование продукции, реализующей новые принципы или потери в связи с запаздыванием этого перехода. Перспективу для предлагаемого подхода создают возможности связать стадии реализации технических принципов со стадиями динамики тех информационных и семиотических систем [5], которыми, по существу, являются этапы создания новой техники.

Литература

1. Мау, В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году / В. Мау // Вопросы экономики, 2014, № 2. – С. 4-32.
2. Идрисов, Г. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? / Г. Идрисов, С. Синельников-Мурылев // Вопросы экономики, 2014, № 3. – С. 4-20
3. Гатовский, Л.М. Экономические проблемы научно-технического прогресса : монография / Л. М. Гатовский. – Москва : Наука, 1971. – 382 с.
4. Мелик-Гайказян, И.В. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем : монография / И.В. Мелик-Гайказян, М.В. Мелик-Гайказян, В.Ф. Тарасенко. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2001. – 272 с.
5. Мелик-Гайказян, М.В. Семиотические инструменты аттрактивного менеджмента / М. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Выпуск 7. – С. 88-93.

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ИЗУЧЕНИИ БИОЭТИКИ

USING LITERARY AND ART CHARACTER IN STUDYING BIOETHICS

*Екатерина Александровна Стаценко,
Тамара Владимировна Мещерякова*

Научный руководитель: Т. В. Мещерякова, канд. филос. наук, доцент

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: биоэтика, индивидуальность, медицинский нарратив, художественная литература.

Key words: bioethics, individuality, medical narrative, literature art.

Аннотация. В результате прогресса медицины произошли кардинальные изменения взаимоотношений врача и пациента прежде всего в сторону обезличивания больного, не учёта его индивидуальности, что привело в конечном итоге к появлению биоэтики, которая сегодня является обязательным предметом во всех медицинских учебных заведениях. В статье рассматриваются трудности изучения биоэтики студентами медицинских вузов на первых курсах и предлагается изучение примеров из художественной литературы, как один из методов преподавания биоэтики, который помогает преодолевать указанные затруднения.

Современный прогресс медицины принес как удивительные возможности для лечения, спасения ранее неизлечимо больных людей, так и создал новые проблемы во взаимоотношениях врачей и пациентов, связанных прежде всего с технизацией медицины и повлекших за собой обезличивание больного, не учёта его индивидуальности. «Проявилось это прежде всего в том, что несоответствие между непрофессиональным и медицинским дискурсом углубили пропасть между исключительно индивидуальным опытом болезни и безлично-анонимной медицинской теорией» [1, с. 465]. Одна из главных претензий пациентов сегодня – это то, что врачи рассматривают их как объект для изучения и манипулирования, состоящий из органов и клеток. Сегодня у нас в стране причиной жалоб пациентов и подачи исков в суд являются не столько врачебные ошибки, сколько невнимательное, и даже хамское отношение к ним.

«Поэтому сегодня актуальной является задача защиты индивидуальности пациента, которая предполагает не только учет индивидуальных особенностей пациента при постановке диагноза и назначении лечения» [1, с. 465-466], но и уважительное отношение к личности пациента, к его системе ценностей. Индивидуальность пациента как эмпирически доступное явление реализуется прежде всего в нарративе [2]. Профессиональная практика врачей повседневно связана с историями: они выслушивают жалобы пациента как рассказ о событии и его переживании, рассуждают и принимают решения, общаются с кол-

легами, выступают на конференциях, и все это осуществляют в терминах нарратива. Но, как от лица врачей говорит Ш. Ватсон, «мы не слышим историю пациента; мы выявляем ответы, части историй, соответствующие нашему диагнозу или шаблону историй...» [3, р. 1283]. Современная врачебная практика требует выражения индивидуального рассказа пациента о своих жалобах, о своем опыте страданий в терминах стандартизированного научного медицинского знания, которое по определению является абстрактным и анонимным. «И роль врача заключается в том, чтобы соединить два мира: мир медицины и мир пациента, а осуществить это возможно через интерпретацию нарратива» [1, с. 466].

На занятиях по биоэтике классическим средством изучения моральных дилемм, с которыми будущие врачи столкнутся на практике, является анализ, обсуждение клинического случая, который бывает представлен как нарратив, но у него как педагогического метода есть свои границы применения. Во-первых, он рассказывает о врачах, пациентах и других действующих лицах стандартно, безлико, как о людях, лишенных индивидуальности. Во-вторых, для большинства студентов эти клинические случаи непонятны, загадочны, так как студенты первого курса (чаще всего именно тогда происходит знакомство с курсом биоэтики в медицинских вузах) незнакомы с медицинскими аспектами, рассматриваемых моральных проблем.

Для преодоления вышеназванных проблем в курсе биоэтики представляется очень важным изучение примеров, взятых из художественной литературы. Этот методический инструмент играет большую роль в понимании типических человеческих реакций и эмоций, которые не сводимы к чисто физиологическим реакциям и необъяснимы с точки зрения биологии, он также дает возможность для развития навыка рассмотрения индивидуальной человеческой жизни, а кроме этого помогает студентам развивать логическую культуру, чтобы грамотно обосновывать свое мнение.

Художественная литература дает возможность познакомиться с широким спектром биоэтических проблем. Например, повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» может быть рассмотрена как пример осознания и переживания человеком того факта, что он безнадежно и скоро должен умереть, притом в условиях патерналистских взаимоотношениях врач-пациент-семья, что в свою очередь неизбежно приводит к изоляции и одиночеству человека перед лицом смерти. Со стороны врача мы видим такие негативные моменты, как холод и равнодушие, дистанцирование от больного. Модель дистанцированного поведения врача, как правило, проявляется в отношении к умирающим пациентам. Для врача это способ психологической защиты самого себя. Но пациент в таком случае остается брошенным, погруженным в одиночество. Он догадывается о своем безнадежном состоянии, но ему не с кем поделиться своей тревогой, не от кого услышать слова сострадания, не с кем погрузиться в милосердное понимающее молчание.

В романе А.И. Солженицына «Раковый корпус» также встает проблема взаимоотношений врача и пациента, в центре которой актуализирован вопрос об информировании пациента. Два диаметрально противоположных подхода врачей к страданию человека иллюстрируют рассказы Э. Хемингуэя «Индийский поселок» и А.П. Чехова «Визит доктора». Удивителен образ врача в рассказе А.И. Куприна «Чудесный доктор», который спасает своих пациентов не только искусством врачевания, но и жертвенным вниманием к их безнадежной, угрожающей жизни бедности.

Повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце» вполне можно рассмотреть как притчу об исследовательской этике, на примере которой высвечиваются насущные вопросы о правилах проведения медико-биологического эксперимента (которые на момент написания книги еще не были установлены в медицине), а также поднимается проблема ответственности врача-ученого за свое творение. Булгаков указывает на то, что мы не можем безответственно подходить к изменению сущности человека (экзистенциальной и биологической) и манипулировать жизнью и смертью.

В книге Дениэла Киза «Цветы для Элджернона», описывающей эксперимент на человеке, поднимается сразу несколько биоэтических проблем, но центральной, на наш взгляд, является проблема обесценивания личности. Развитие новых технологий и бесконечная погоня человека за новыми знаниями очень часто приводят к утрате им внутренних моральных ориентиров, цинизму и безразличию к другим. Человек, как личность, уходит на второй план, а главной ценностью становятся знания и та польза, которую он может принести обществу в качестве объекта исследований и манипуляций.

Чарли Гордон, главный герой книги, является ярким примером жертвы этого самого «научного» цинизма. Воспользовавшись его добротой и открытостью к людям, группа ученых решила провести на нем медицинский эксперимент, направленный на повышение уровня IQ. Эти люди были уверены, что совершают благо, как для самого Чарли, так и для всего человечества. Но они забыли о том, что, оставаясь слабоумным с рождения, Чарли является человеком, является отдельной личностью со своими мыслями и переживаниями.

Ослепленность ученых собственными достижениями затмила в них нравственные основы. В итоге их исследование теряет всякую ценность, потому что, как отмечает Дениэл Киз, «голые знания, не пронизанные человеческими чувствами, не стоят и ломаного гроша» [4, с. 256]. А почему не стоят? Да потому что сами знания, как таковые, не приносят человеку счастья. Автор объясняет это словами Чарли, достигшего после операции самого высокого уровня умственного развития. В своих поисках главный герой книги открывает для себя, что настоящими ценностями в жизни являются любовь, дружба, уважение человека человеком. «Слишком часто погоня за знаниями подменяет поиски любви», – сокрушается он в одном из своих монологов. Чем разумнее он становится, тем яснее понимает свое одиночество. Разум

не сделал его счастливым, в чем были уверены ученые, проделавший столь сложную операцию ради того, чтобы дать ему этот разум.

Более того, Чарли начинает чувствовать, что до операции он был намного счастливее. У него были друзья, которых он любил, была любимая работа. Но после операции все это исчезло из его жизни. «Разум вбил клин между мной и всеми, кого я знал и любил, выгнал меня из дома. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким» [4, с. 115], – пишет он в своем дневнике.

Профессор Немур и его коллеги относятся к Чарли исключительно как к «лабораторному образцу». Они считают, что дали умственно отсталому шанс на настоящую жизнь, что до операции он был никем. «Может это пахнет благодарностью, но что действительно злит меня – отношение ко мне как к подопытному животному. Постоянные напоминания Немура, что он сделал меня тем, кто я есть, или что в один прекрасный день тысячи кретинов станут настоящими людьми. Как заставить его понять, что не он создал меня? Немур совершает ту же ошибку, что и люди, потешающиеся над слаборазвитым человеком, не понимая при этом, что он испытывает те же самые чувства, что и они. Он и не догадывается, что задолго до встречи с ним я уже был личностью» [4, с. 152], – возмущается Чарли.

Никто и никогда не хотел признавать его личностью: ни до операции, ни после. Родители, одноклассники, коллеги по работе, ученые и все окружающие его люди постоянно ждали от него чего-то иного, не того, чего хотел сам Чарли. Это сделало его несчастным на протяжении того периода жизни, когда в результате эксперимента он имел очень высокий уровень интеллекта, и тем самым была перечеркнута гипотетическая польза эксперимента, проведенного учеными-медиками. В данном случае актуально требование И. Канта всегда рассматривать рациональные существа как цели и никогда как средства: *«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»* [5, с. 206]. Немецкий философ не допускал отношение к человеку как средству даже ради достижения всеобщего блага.

Чарли не боялся ни жизни, ни смерти, ни пустоты, но его страшило открытие того, что его никогда не было. Такой глубокий экзистенциальный страх, страх потери самого себя не может быть ценой достижения общечеловеческого блага.

Следует отметить, что важность использования в образовании студентов-медиков художественной литературы было осознано в последней трети XX в. В США направление на гуманитаризацию медицинского образования стало оформляться уже в 60-е годы прошлого века (одновременно с появлением биоэтики). Позднее использовать художественную литературу как вспомогательный инструмент для изучения медицинской этики стали в Великобритании. В 1972 г. в американских медицинских школах было введено преподавание литературы в рамках междисциплинарного интеллектуального течения *literature and*

medicine, идеологи которого отмечали, что обществу необходим образованный врач, воспринимающий каждого пациента как отдельную личность, со своими мыслями и чувствами [6, p. 599].

Значение художественной литературы в системе медицинского образования на наш взгляд бесспорно: литература помогает вносить в него эмоциональное переживание, дает возможность преподавателю биоэтики продемонстрировать, а студенту легче понять этические затруднения, возникающие в практике врачевания. Примеры из художественной литературы помогают будущим врачам более глубоко понимать пациентов, их страданий, чаяний, выработке такого подхода к ним, когда человек воспринимается как личность с уникальным внутренним миром, и тогда естественным образом в центр их внимания станет забота о благе индивидуального пациента.

Литература

1. Мещерякова Т.В. Особенности преподавания биоэтики в медицинском ВУЗе // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры : Материалы международной научной конференции к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 г. / науч. ред. совет: А.А. Лазаревич [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 465–467.
2. Мещерякова, Т. В. Медицинский нарратив в биоэтике как критерий учета индивидуальности пациента / Т. В. Мещерякова // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 5. – С. 66-72.
3. Watson, S. An extraordinary moment. The healing power of stories / S. Watson // Canadian Family Physician. – 2007. – V. 53. – № 8. – P. 1283-1287.
4. Киз, Д. Цветы для Элджернона / Д. Киз. – Москва : Эксмо, 2013. – 320 с.
5. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – Москва : Изд-во «Мысль», 1999. – 1472 с.
6. Charon, R., Banks J., Connelly J., Hawkins A., Hunter K., Jones A., et al. Literature and medicine: contributions to clinical practice / R. Charon, J. Banks, J. Connelly, A. Hawkins, K. Hunter, A. Jones // Annals of Internal Medicine. – 1995. – V. 122(8).

УДК 330.341.1:62

ГРНТИ 06.54.31

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ МЕНЕДЖМЕНТА В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

DISPLAY OF PURPOSE: SEMIOTIC MANAGEMENT TOOLS IN HIGH-TECH

Дык Тхо Нгуен

Научный руководитель: М. В. Мелик-Гайказян, канд. э. наук, доцент

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
г. Томск, Россия*

Ключевые слова: визуализация, высокие технологии, аттрактивный менеджмент.

Key words: visualization, Hi-Tech, technology, attractive management.

Аннотация. Каждая техническая революция с необходимостью вызывала революцию в способах управления. Высокие технологии требуют новой «революции в символизме». Подобные семиотические инструменты управления находят свое выражение в концепции аттрактивного менеджмента.

Комплекс высоких технологий вызвал глубокую трансформацию организации всего современного производства. Подобные коренные преобразования требуют разработки новых способов организации производства и релевантных инструментов менеджмента. Тесная взаимосвязь научных исследований и внедрение их результатов в производство стало вызовом для теорий менеджмента. Особую сложность представляет создание условий для творческих решений, соответствующих строгой регламентации технологического цикла. Основной трудностью является соединения свободы творчества и соблюдение нормативов, генерации новых решений и следование стандартам, поощрение инициатив и обеспечение технологической дисциплины. Эта трудность становится непреодолимой в прежних коммуникативных стилях менеджмента, поскольку в сфере высоких технологий незначительна доля малоквалифицированных кадров. Таким образом, задачей менеджмента в сфере высоких технологий является создание условий для контролируемой самоорганизации структуры коммуникаций всех субъектов производственной деятельности и всех этапов производства: от разработки новаций до создания конечного продукта.

Все указанные условия учтены в концепции аттрактивного менеджмента [1-2]. Ее авторы лаконично формулируют суть концепции – управление целями, а в роли целей предлагают видеть аттракторы в качестве объективных целей всего коммуникативного пространства высокотехнологичного производства. Поскольку данная концепция выдвигает обоснования для использования семиотических инструментов менеджмента, что представляет собой редкий случай в теориях управления, то целью данной работы будет обобщение основных положений аттрактивного менеджмента.

В основаниях концепции заложены философские интерпретации тех взаимосвязей, которые являются механизмами коммуникативных и семиотических процессов. В роли механизма выступают информационные процессы [3-4], частным проявлением которых становятся коммуникативные взаимодействия, каждый этап которых создает свой вид семиотической формы [5-7]. Особую ценность концепции для мониторинга эффективности управленческих решений составляет возможность привлечения характеристик информации для измерения согласованности всех этапов менеджмента [8]. Предложенный способ измерения эффективности менеджмента удобен тем, что позволяет осуществить как семиотическую диагностику последствий управленческих решений [9-10] и произвести моделирование процессов самоорганизации систем, обладающих свойствами самообучающихся систем [11], то есть отвечают специфике высоких технологий. Необходимо

подчеркнуть, что на основе моделей, составляющих концептуальное ядро аттрактивного менеджмента [1-5], найдены семиотические границы применимости спектра управленческих теорий «нового поколения» [12-20].

В интерпретации обсуждаемой концепции два события генерируют начало и семиотическое завершение коммуникативных структур управляемой системы [21]. Одно из них (событие-в-действительности) фиксирует семантика кода, а второе (событие-в-реальности) фиксирует прагматика кода. Название этих событий явно указывает на те версии философии процесса и философии символизма, к которым восходит концепция аттрактивного менеджмента [1-2]. Данные версии принадлежат А.Н. Уайтхеду [22-23]. Они получили новую интерпретацию на основе найденного аналога того процесса, метафизику которого создал А.Н. Уайтхед. Этим аналогом стал информационный процесс. Указание места совершения события-в-действительности и события-в-реальности в графике модели информационного процесса [3] стало обозначением в концепции аттрактивного менеджмента точек приложения управленческих усилий. Слово «точки» здесь употреблено, чтобы подчеркнуть поиск точечных, а, следовательно, малых усилий для вызова большой реакции управляемой системы. Поиск таких нелинейных реакций осуществляет синергетика, которая актуализировала все положения философии А.Н. Уайтхеда [21]. В этой актуализации роль события-в-действительности выполняет состояние той неустойчивости, которая предшествует генерации информации, отделяя потенциальность неустойчивости от действительности, формируемой управлением. То есть событие-в-действительности разграничивает потенциальную *множественность*, предшествующую выбору цели менеджмента, и *единственную* действительность для управляемой системы, которая становится сценарием, общим для всех субъектов управления. Событие-в-реальности «совпадает» в графике модели информационного процесса [5, 21] со стадией – построение оператора для совершения целенаправленных действий. Это событие разграничивает *единственную* действительность и *множественность* реальностей, представляющих собой спектр восприятий управленческих решений субъектами управления. Подобием данного события или аналогом оператора становится предложение образа конечной цели [5, 21]. Тем самым, в концепции аттрактивного менеджмента реализован либеральный стиль управления, представляющий большую редкость в сфере строго регламентированных производств. Однако «жесткий» стиль управления стесняет свободу творчества, которая необходима для динамики высоких технологий [7]. Семиотическим инструментом аттрактивного менеджмента становится визуализация образа события-в-реальности, то есть, по сути, промежуточной цели управления высокотехнологичным производством. Отсутствие вербализации в предъявлении этой цели оставляет возможность для множественных интерпретаций и создает условия для перспективных разработок реализуемой технологии.

В концепции аттрактивного менеджмента нашло строгое обоснование та корреспонденция, которая существует между иерархией целей самоорганизующейся системы и стадиями семиотической динамикой. Получены [21, 22] корреспонденции между конъюнктурными, прогностическими, асимптотическими целями и стадиями «роста символов»: семантикой, синтактикой и прагматикой. Данная корреспонденция приобретает актуальность в связи с биомедицинскими технологиями, которые являются либо компонентами высоких технологий, либо их «потребителями» [6, 23].

Компьютерный эксперимент с моделью [24] тех процессов, которые происходят после совершения события-в-действительности, демонстрирует «технику» формирования визуализации цели. Эта цель прогностическая. В ней фиксируется цель действий в условиях соблюдения регламентов и стандартов высокотехнологичных производств. Формирования образа этой цели преодолевает «кризис синергии», который столь фатален для крупных производств, поскольку для их оптимального функционирования необходимо объединение целенаправленности действий структур и коллективов, входящих в виртуальные коммуникации. Результатом формирования образа прогностической цели становится «семиотический аттрактор», существенно оптимизирующий управление сложноорганизованными системами. Условием этой оптимизации, во-первых, является вербализация асимптотической цели, примером выражения которой служит миссия организации; во-вторых, строгое подчинение визуализированной прогностической цели прагматике асимптотической цели.

Литература

1. Мелик-Гайказян, И. В. Аттрактивный менеджмент: методологические проблемы теории управления и философское обоснование понятия / И. В. Мелик-Гайказян, М. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – Выпуск 11. – С. 36-40.
2. Мелик-Гайказян, И. В. Аттрактивный менеджмент: методологические принципы управления символизмом целей : монография / И. В. Мелик-Гайказян, М. В. Мелик-Гайказян. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. – 160 с.
3. Мелик-Гайказян, И. В. Концептуальная модель диагностики технологий информационного общества / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – Выпуск 11. – С. 36-40.
4. Мелик-Гайказян, И. В. Воздействие меняющегося мира как информационный процесс / И. В. Мелик-Гайказян // Человек. – 2007. – № 3. – С. 32-43.
5. Мелик-Гайказян, И. В. Методологические основания создания обобщенной модели коммуникации / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Выпуск 7. – С. 37-42.
6. Мелик-Гайказян, И. В. Memory-turn: проявленная биоэтикой брэнность интеллектуальных традиций / И. В. Мелик-Гайказян // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 49-63.
7. Мелик-Гайказян, И. В. Новая культура для новых людей / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. 7. – С. 33-44.

8. Мелик-Гайказян, И. В. Интеллектуальный салон, идея процесса и проблема измерения / И. В. Мелик-Гайказян // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 20. – № 2. – С.127-141.
9. Мелик-Гайказян, И. В. Семиотическая диагностика: способ измерения эгоизма власти / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Выпуск 9. – С. 255-261.
10. Мелик-Гайказян, И. В. Метафоры биоэтики как предчувствия гуманитарной революции / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4. – С. 178-186.
11. Мелик-Гайказян, И. В. Моделирование образовательных систем: исследовательская программа / И. В. Мелик-Гайказян // Высшее образование в России. – 2008. – № 9. – С. 89-94.
12. Нив Генри, Р. Пространство доктора Деминга: принципы построения устойчивого бизнеса : монография / Р. Нив Генри. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 458 с.
13. Петерс, Э. Порядок и хаос на рынках капитала: монография / Э. Петерс. – Москва: Мир, 2000. – 333 с.
14. Лайкер, Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира : монография / Дж. Лайкер. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 402 с.
15. Оно, Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства : монография / Т. Оно. – Москва: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. – 312 с.
16. Йенсон, Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес : монография / Р. Йенсон. – Санкт-Петербург: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 268 с.
17. Нордстрем, К. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта : монография / К. Нордстрем, Й. Риддестралем. – Санкт-Петербург: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001. – 268 с.
18. Сенге, П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации : монография / П. Сенге. – Москва: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. – 408 с.
19. Беннис, У. Дж. Как становятся лидерами: менеджмент нового поколения : монография / У. Дж. Беннис, Р. Дж. Томас. – Москва: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 208 с.
20. Мелик-Гайказян, И. В. «Событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3. – С. 53-67.
21. Whitehead, A. N. Symbolism, Its meaning and Effect / A. N. Whitehead. – New York: The Macmillan Company, 1927. – 80 p.
22. Whitehead, A. N. Process and Reality / A. N. Whitehead. – New York: The Macmillan Company, 1929. – 546 p.
23. Мелик-Гайказян, И. В. Измерение мечты по правилу Льюиса Кэрролла / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Выпуск 10. – С. 202-208.
24. Евдокимов, К. Е. Моделирование динамики распространения и конкуренции различных типов информации / К. Е. Евдокимов, Е. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Выпуск 11. – С. 193-198.

БИОЭСТЕТИКА КАК «ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ» КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

BIOAESTHETICS AS A PRODUCT OF CONVERGING TECHNOLOGIES

Первушина Нина Андреевна

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: визуальная информация, восприятие визуальной информации, конвергентные технологии, биоэтика, биоэстетика, информационно-синергетический подход, синергетика.

Key words: visual information, the perception of visual information, convergent technologies, bioethics, bioaesthetics, synergetic, information-synergetic approach.

Аннотация. Социокультурные трансформации, являясь результатом активно развивающихся конвергентных технологий, способствуют формированию новых форм искусства. В связи с этим становится актуальной биоэстетика. Изложены отдельные результаты выполнения проекта РГНФ № 15-03-00598-а и РФФИ № 14-06-00440.

Активно развивающиеся конвергентные технологии вызывают социокультурные трансформации, которые необратимо воздействуют на все сферы жизни человека. Данные трансформации беспрецедентны в произвольности манипуляций над силами природы, телесностью человека, его осознанием себя, что может иметь непредсказуемые последствия. Конвергентные нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии (НБИК-технологии) превращают технологическую сферу человечества в органическую часть природной среды, поскольку позволяют воспроизводить системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов. Так становится возможным создание организмов, которые подобны мифическим существам – например Химере. Печальные последствия этих новаций стали понятны достаточно быстро, что повлекло разнообразные запреты на создание подобных существ, стимулируемые биоэтикой [1, 2]. Вместе с тем интерес к созданию химер и гибридных существ не угасает, о чем свидетельствует опыты, предпринимаемые в сфере искусства. Химеры «таксидермистов» (Эндрю Ланкастер, Сарины Брюэр, Энрике Гомеса, Тиа Реслю etc.) часто имеют черты нескольких разных видов животных. Существуют и более «безобидные» способы реализации конвергентных технологий. Так существуют компании, использующие в качестве орнамента для производства предметов интерьера (ковры, картинны etc.) и аксессуаров (бусы, шарфы, галстуки etc.) персональный генетический код человека, снимки возбудителей различных болезней etc. Интерес к подобным явлениям нарастает и приводит к формированию новых феноменов в искусстве и науке – от Sci-Art до биоэстетики [3, с. 357-386; 412-440]. Очевидно, что в возникновении

подобных шедевров развитие биотехнологий играет немаловажную, даже главную роль, но употребление слов «art» и «эстетика» отсылает в поиске ответа на поставленный вопрос к критериям красоты, которая сама по себе неизменно притягивает человеческие взоры и возбуждает интерес.

Одним из критериев красоты является определенное сочетание хаоса и порядка. При этом эстетическое наслаждение доставляет лишь самостоятельное открытие закономерности в этих сочетаниях. Восприятие произведений искусства пронизано подобным рассогласованием между прогнозируемым и полученным [4]. Получается, что красивым воспринимается некое отклонение от нормы, неожиданность, сюрприз. Здесь очень важна эмоциональная окраска. Ведь красивым считается то, что вызывает позитивные эмоции, переживания. Однако не все существующие направления искусства сразу воспринимались восторженно. На заре своего существования они столкнулись с морем критики и негодования, но приобрели широкую популярность. Столь же неоднозначное отношение можно встретить относительно искусства Стеларка (вырастившего на предплечьи своей руки третье ухо) и «таксидермистов», создающих химер. Подобные творения удивляют и являются определенным сюрпризом для воспринимающего. Возникает проблема, связанная с защитой индивидуальности, являющаяся одной из форм проявления биоэтики [5, 6].

Биоэтика, являясь формой защиты индивидуальности, предполагает информирование «пациента» либо участника исследования и уважение его автономии, свободы выбора. Подразумевается защита любой индивидуальности: как человека, так и животных [2, 5, 6, 7]. Биоэтика защищает право оставаться таким, какой есть. Подобное же искусство, демонстрируя достижения биомедицины, бросает вызов человеческой природе и природе в целом. При этом, если сам художник соглашается на такого рода эксперимент, то реципиент не всегда может осознать последствия такого восприятия для себя. Кроме того, сам художник-экспериментатор может не задумываться о последствиях воздействия своих творений. В то же время в психологии существует целое направление, изучающее восприятие. Но единого мнения об этом процессе среди ученых нет. Поэтому важно определить границы применимости психологических теорий восприятия. Начало поиска решения будет связано с обращением к пониманию восприятия информации как информационного процесса или, точнее, к одному из этапов информационного процесса [8].

Информационный подход имеет смысл рассматривать с точки зрения постнеклассической методологии [9]. Возможности исследования восприятия в постнеклассической парадигме, связываются, прежде всего, со сменой традиционных воззрений, переходом к новому видению мира, в основании которого лежат идеи универсального эволюционизма, системность, многовариантность и полифундаментализм.

Можно выделить исходные идеи, лежащие в основании постнеклассического видения мира, согласно В.С. Степину: единство вселен-

ной заключается в том, что на всех уровнях организации действуют общие законы; системное видение в противовес механистическому пониманию мира; синтез детерминизма, многовариантности и случайности; отказ от концепции редукционизма [10, 11]. Явления самоорганизации включают информационные процессы, в том числе стадии генерации и эволюции ценной информации в качестве начального этапа этого общего процесса [8, 9].

Кроме того, постнеклассической парадигме соответствует понимание восприятия как диалога, где человек – полноправный участник, определяющий его параметры. Восприятие же в границах классического направления предполагает противопоставление субъекта и объекта, неклассические подходы рассматривают взаимодополняющие отношения наблюдателя и среды. Как видим, в постнеклассической парадигме [10, 11] вводится «человекоразмерность», предполагающая включение ценностно-смысловых факторов. В этом новом пространстве формируются новые диалоговые познавательные стратегии, учитывающие многоплановые взаимосвязи человека и мира.

Особенно ярко это проявилось в синергетике, где на естественно-научной базе (нелинейный анализ, теория детерминированного хаоса, теория диссипативных структур) формируются новые подходы к исследованию человека и культуры. Гуманитарная ориентация синергетики, связанная с идеями необратимости, многообразия возможных линий развития, возникающих при прохождении системы через точки бифуркации, идеями органической связи саморегуляции и кооперативных эффектов, позволяет говорить о становлении «синергетики с человеческим лицом» [11]. Нелинейность системы имеет мировоззренческий смысл. В исследованиях Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова нелинейность в мировоззренческом плане выражается посредством: идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции; идеи выбора из данных альтернатив; идеи темпа эволюции; идеи необратимости эволюции [11]. Описывая феномен нелинейности, исследователи выделяют следующие особенности: принцип «разрастания малого» или «усиления флуктуации»; определенные классы нелинейных открытых систем демонстрируют «пороговость чувствительности»; порождает «квантовый эффект» – дискретность путей эволюции нелинейных систем; возможность неожиданных изменений направления течения процессов [11].

Перцептивная система является нелинейной в силу того, что восприятие определяется не только совокупностью стимулов. Попытки части психологических концепций построить теорию восприятия «суммируя» его элементарные свойства оказались несостоятельными поскольку целое не сводится к сумме его частей. Сенсорные сигналы лишь «поставляют» данные, выбор системы ведет к рождению новых качеств, к перестройке структуры. Восприятие одних и тех же элементов, включенных в разные контексты, вариативно. Поскольку, с точки зрения Л.С. Выготского, психика – «решето, процеживающее мир» [12, с. 347]. Обоснованный подход к восприятию как открытой и нелинейной системе является перспективным в методологическом плане, поскольку

позволяет с информационно-синергетических позиций [8, 9] исследовать границы применимости различных психологических концепций восприятия и упорядочить их.

Восприятие информации как неравновесный процесс позволяет исследовать информационно-синергетический подход, поскольку рецепция означает возникновение определенной упорядоченности в перцептивной системе [13]. Информационные процессы, связанные с рецепцией информации, как выявлено в исследованиях И.В. Мелик-Гайказян, возможны только в открытых и нелинейных системах. Такое понимание восприятия созвучно психологической теории [13]. Процесс восприятия выступает в качестве рецепции отбора алгоритмов действия с целью выбора способа дальнейших действий. При этом отбор алгоритмов может происходить как из памяти, так и в реальном времени. Иными словами, процесс рецепции становится этапом трансляции информации в диахроническом и синхроническом режиме [13].

Информационно-синергетический подход к исследованию восприятия обладает потенциалом, в силу того, что позволяет исследовать процессы восприятия на новом уровне на основе того, что: а) сложный феномен информации рассматривается как целостный информационный процесс, содержащий отдельные стадии (генерации, кодирования, хранения, передачи информации, построение оператора для целенаправленных действий и редупликации); б) четыре вида информации (синергетическая, генетическая, поведенческая, логическая) обладают гомоморфизмом и единым образом связаны с идеей универсальной эволюции; в) каждая из стадий информационного процесса своим результатом имеет конкретную семиотическую форму и актуализирует одну из характеристик информации (новизна, качество, количество, ценность, эффективность), что делает возможным измерение воздействия инноваций и точное установление границ антропологических конфигураций этих воздействий, а также – теорий их изучающих. «Суть подхода составляет взаимосвязь трех положений: феномен информации есть необратимый во времени процесс; начало процесса есть случайный результат спонтанного события; информационные процессы – есть механизмы самоорганизации сложных открытых систем. Каждое положение выражено в специально разработанной концептуальной модели, а их сочетание составляет метод решения задач в междисциплинарных исследованиях нелинейной динамики сложных систем» [14, с.171].

Именно эти модели, концептуальные и схематические виды которых исчерпывающе представлены И.В. Мелик-Гайказян в ряде статей [8, 9, 13, 14], открывают возможность проводить семиотическую диагностику границ применимости различных подходов к восприятию визуальной информации [15].

Понимая перцептивную систему как сложную, открытую и самоорганизующуюся, восприятие рассматривается как стадия информационного процесса, необратимого во времени и являющегося случайным результатом спонтанного события. Это делает возможными диагно-

стику границ применимости психологических теорий восприятия на основании моделей информационно-синергетического подхода. Биоэстетика предполагает, что искусство функционирует в рамках коммуникативных систем и служит для передачи сообщений в виде социальных пусковых стимулов и культурных символов, облеченных в эстетически привлекательные формы. И поскольку активное развитие конвергентных технологий непредсказуемо трансформирует социокультурную сферу, крайне важным представляется проведение диагностики границ применимости психологических теорий восприятия визуальной информации.

Литература

1. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: эксперименты и этика // Этнографическое обозрение. – 2013, – № 6. – С. 109-117
2. Горбулёва М.С. Парадоксы отношений биоэтики и биомедицины: технология создания «анимаглов» // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (148). – С. 9-15.
3. Брызгалина Е.В. Концепции современного естествознания. – М.: Издательство «Проспект», 2014. – 496 с.
4. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. / Под редакцией: И. Ренчлера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна. – М.: Мир, 1995. – 335 с.
5. Мещерякова Т.В. Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2011. – Вып. 10 (112). – С. 216–221.
6. Мелик-Гайказян И.В. Метафоры биоэтики как предчувствия гуманитарной революции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 178-186.
7. Горбулёва М.С. Применимость принципов биоэтики в высшем образовании // Высшее образование в России, 2013. – № 2. – С. 116-121.
8. Мелик-Гайказян И.В. Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек. – 2007. – № 3. – С. 32-43.
9. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В. Аттрактивный менеджмент: методологические проблемы теории управления и философское обоснование понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 11. – С. 36-40.
10. Степин В.С. Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Тексты. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 108-122.
11. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетея, 2002. – 414 с.
12. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
13. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. Мелик-Гайказян И.В. – М.: Научный мир, 2005. – 256 с.
14. Мелик-Гайказян И.В. Memoir-turn: архитектура биоэтики как диагностика нового поворота философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2012. – №4. – С. 165-179.
15. Первушина Н. А. Основания для классификации психологических теорий восприятия информации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. 7 (148). – С. 94-98.

Содержание

Секция: Всеобщая история, археология и этнология

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСПАНИСТИКИ (КОНЕЦ XIX – 40-Е ГГ. XX ВВ.) FORMATION OF THE NATIONAL HISPANISM: THE END OF XIX – THE 40-IES OF XX CENTURY <i>Алина Александровна Азарова</i>	3
ПИРАТЫ XXI ВЕКА – НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА PIRATES OF XXI CENTURY – NEW GLOBAL THREAT <i>Васильева Кристина Викторовна</i>	7
САМУРАИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОСЛОВИЯ И СУБКУЛЬТУРЫ SAMURAI: THE EMERGENCE OF CLASSES AND SUBCULTURES <i>Михаил Юрьевич Герасимов</i>	12
РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ ЛИВИИ 2011 ГОДА MEDIA'S ROLE IN THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 2011 LIBYA <i>Ежова Вероника Сергеевна</i>	16
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТУРЕЦКИХ ИММИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ (КОНЕЦ XX – XXI ВВ.) PROBLEMS OF FORMATION OF CIVIC IDENTITY OF TURKISH I MMIGRANTS IN GERMANY TODAY (END OF XX – XXI CENTURIES) <i>Наталья Алексеевна Жмурова</i>	21
ОБРАЗ ЕРЕТИКА В СОЧИНЕНИЯХ ИНКВИЗИТОРОВ РАЙНЕРИЯ САККО И БЕРНАРА ГИ FIGURE OF HERETIC IN TREATISES OF REINERIIUS SACCHO AND BERNARD GUI <i>Елена Гайратдиновна Кайнова</i>	25
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВИЗАНТИИ И САСАНИДСКОГО ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКЕ АСПЕКТЫ CONFRONTATION OF BYZANTINUM AND SASANIAN IRAN ON THE NEAR EAST: STRATEGIC ASPECTS <i>Александр Владимирович Капустин</i>	29
ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПЕРИОДА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ. О ТАКТИКЕ И ЧИСЛЕННОСТИ ЯНЫЧАРСКОГО ВОЙСКА FOREIGN TRAVELERS OF XVII – FIRST HALF XVIII CENTURIES ON TACTICS AND NUMBER OF THE JANISSARY TROOPS <i>Александр Евгеньевич Корсаков</i>	34
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА ГЕРМАНИИ С ИДЕЯМИ ДАРВИНИЗМА В 60–80-Е ГГ. XIX В. INTERACTION OF THE THEORETICAL SOCIALISM OF GERMANY WITH IDEAS OF DARWINISM IN 1860–1880 S. <i>Владислава Олеговна Кривошеина</i>	38

ИММИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛЬГИЙЦЕВ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.) FACTOR OF IMMIGRATION AND ITS INFLUENCE ON BELGIANS' NATIONAL IDENTITY (END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXICENTURY) <i>Виктория Викторовна Литвиненко</i>	43
НОВЫЙ ОБРАЗ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ THE NEW IMAGE OF THE CRUSADES IN THE MODERN ENGLISH AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY <i>Анна Валерьевна Мурзакова</i>	47
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕН- НОЙ ЕВРОПЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОБАРОМЕТРА 2004–2014 ГГ.) PROBLEM RELATIONS EUROPEAN AND NATIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF MODERN EUROPE (ACCORDING TO THE EUROBAROMETER 2004–2014) <i>Попцов Дмитрий Александрович</i>	51
КИТАЙСКИЕ МИЛИТАРИСТЫ 1920-Х ГГ. ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКОВ КОМИНТЕРНА CHINESE MILITARISTS OF THE 1920-ES I N THE EYES OF THE KOMINTERN <i>Юлия Сергеевна Шаева</i>	55
ГОНКОНГ И КИТАЙ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ HONG KONG AND CHINA: PROBLEMS OF INTEGRATION <i>Мария Алексеевна Шишкина</i>	59

Секция: История России

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ BASIS OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE FIELD SETTLEMENT OF THE ARAB-ISRAELI CONFLICT TODAY <i>Екатерина Викторовна Арлт</i>	64
ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА К ПРИМЕТАМ И ОБЕРЕГАМ (ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ) THE RELATION OF THE MODERN PERSON TO SIGNS AND CHARMS (ACCORDING TO QUESTIONING) <i>Евгения Валерьевна Веселкина</i>	69
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЮЗА В РОССИИ В 1915–1917 ГГ. ACTIVITY OF THE DOMESTIC PATRIOTIC UNION IN RUSSIA IN 1915–1917 <i>Денис Анатольевич Гаврин</i>	73

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СИБИРСКОГО ГОРОДА XVIII ВЕКА ПО ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ЗАПРОСАМ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КУЗНЕЦКА) THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE SIBERIAN CITY OF THE XVIII CENTURY ON GEOGRAPHICAL NEEDS OF THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES (AT THE EXAMPLE OF THE CITY OF KUZNETSK) <i>Григорий Вадимович Гориков</i>	79
ТЕОРИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И «ВЕЛИКИЙ СЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ» В ТРУДАХ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО THE THEORY OF LOCAL CIVILIZATIONS AND “THE GREAT SLAVIC UNION” IN WORKS OF NICOLAY DANILEVSKY <i>Мария Николаевна Довнарвич</i>	82
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАХ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА POLITICAL CRASH OF THE RUSSIAN GOVERNMENT OF THE ADMIRAL A.V. KOLCHAK <i>Александра Валентиновна Лиманова</i>	86
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДА ТОМСКА НА ПРИМЕРЕ УЛИЦЫ СОЛДАТСКОЙ (1853–1920) HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE CITY OF TOMSK ON THE EXAMPLE OF THE SOLDIER STREET (1853–1920) <i>Юрий Александрович Рудницкий</i>	92

Секция: Религиоведение

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1933–1939 ГОДАХ THE ORTHODOX CHURCH IN NAZI GERMANY DURING 1933–1939 YEARS <i>Александр Владимирович Капустин</i>	97
ПРЕДПОСЫЛКИ КЛАССИФИКАЦИЙ РЕЛИГИЙ PRECONDITIONS OF RELIGION CLASSIFICATION <i>Евгения Анатольевна Кустова</i>	101
ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРЯДА ИНИЦИАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ RESEARCH OF THE RITE OF INITIATION: BASIC PROBLEMS <i>Ольга Анатольевна Райкова</i>	106
МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ (ВОЗНЕСЕНСКИЙ) И ЕГО БОРЬБА С ЭКУМЕНИЗМОМ И «СОВЕТСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ» METROPOLITAN PHILARET (VOZNESENSKY) AND HIS STRUGGLE AGAINST ECUMENISM AND THE “SOVIET CHURCH” <i>Руслан Юрьевич Терекон</i>	110
СМЕРТНЫЕ КАЗНИ ЗА ВОЛХОВАНИЕ В РОССИИ: РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕЕ ПОЗИЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИБЛИИ EXECUTIONS FOR WITCHCRAFT IN RUSSIA: THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE INTERPRETATION OF ITS POSITION FROM THE POINT OF VIEW OF THE BIBLE <i>Вадим Мурадханович Эмирханов</i>	115

Секция: Теория и методика обучения истории и обществознанию

- РОЛЬ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ПО ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ «ПРИРОДА
ЧЕЛОВЕКА» В 10-М КЛАССЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
ПРОФИЛЯ
ROLE OF THE ELECTIVE COURSE «HUMAN NATURE»
IN GRADE 10 OF SPECIALISED CLASS
Владислава Олеговна Кривошеина122
- НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ
ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ
NORMATIVE ASPECTS OF TEACHING
OF ELECTIVE COURSES IN MODERN SCHOOL
Анастасия Александровна Сячина125

Секция: История и культурология

- РОССИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ
RUSSIA IN INFORMATION WAR
Дарья Александровна Аббасова129
- РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ
THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN RUSSIA
Карина Артуровна Джакишева, Вера Юрьевна Вамбольдт134
- ЦЕНА ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
Наталья Сергеевна Казанцева138
- ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ?
IS THERE LIMIT OF THE CULTURAL DEVELOPMENT?
Александра Константиновна Новохрестова145
- ВКЛАД ТОМСКИХ МЕДИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
CONTRIBUTION OF TOMSK DOCTORS IN NATIV`S MEDICINE
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
*Носкова Татьяна Владимировна,
Сергеев Андрей Владимирович, доцент*150
- КУЛЬТУРА РУСИ РУБЕЖА XV–XVI В.
НА ОСНОВЕ ФИЛЬМА ТАРКОВСКОГО «АНДРЕЙ РУБЛЕВ»
CULTURE OF RUSSIA FOREIGN XV–XVI B.
BASED TARKOVSKY’S FILM «ANDREI RUBLEV»
Очкарева Анастасия Сергеевна156
- ОНТОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ: ПРИРОДНЫЕ ЧАКРЫ
КАК ФУНДАМЕНТ ЖЕНСКОЙ ЭНЕРГИИ
Ошлакова Алина Викторовна159
- НЕОЯЗЫЧЕСТВО. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ
NEOPAGANISM. PROMOTION AND FALSIFICATIONS
Паульс Кирилл Константинович163

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЛЮБВИ И СЕКСА
RESEARCH OF QUESTIONS OF LOVE AND SEX
Александра Игоревна Путьшева169

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ
DAILY AS A SOURCE OF INSPIRATION
Соснина Евгения Викторовна172

Секция: Искусство. Народная художественная культура

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КАЗАХСКИХ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ
В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ НА ТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ
КАЗАХСКИХ МАСТЕРОВ-ЮВЕЛИРОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТОВ
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО АРХИТЕКТУРНО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)
ON THE EFFECT OF KAZAKH FOLK TRADITION IN THE JEWELRY ART
ON CREATIVITY MODERN KAZAKH JEWELERS (ON THE EXAMPLE
OF EXHIBITS EAST KAZAKHSTAN REGIONAL ARCHITECTURAL-
ETHNOGRAPHIC AND NATURAL LANDSCAPE MUSEUM-RESERVE)
Асыл Адина Адилбекқызы176

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГОБЕЛЕНА
MODERN EQUIPMENT MANUFACTURING TAPESTRY
Анжелика Альфритовна Булатова181

ЛОСКУТНАЯ МОЗАИКА: ЦВЕТА, МОТИВЫ, РИТМЫ
THE PATCHWORK MOSAIC: COLOURS, MOTIFS, RHYTHMS
*Ирина Геннадьевна Бурицева, Елена Евгеньевна Ланкина,
Светлана Ивановна Ларионова,*184

РАБОТА НАД ТЕМАТИЧЕСКИМ РИСУНКОМ «ВОЙНА. ТОМСК. ДЕТИ»
В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ
WORK ON THEMATIC PAINTING «WAR. TOMSK. CHILDREN»
IN THE CONDITIONS OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN
Ирина Геннадьевна Бурицева187

РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ШКОЛА ИКОНОПИСИ
КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
RUSSIAN TRADITIONAL SCHOOL OF ICON PAINTING AS A WAY
OF PRESERVING NATIONAL IDENTITY: BY THE STATEMENT
OF THE PROBLEM
Екатерина Олеговна Быдзина.192

ФЕНОМЕН ГЕНИАЛЬНОСТИ ФРЕДЕРИКА ШОПЕНА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
THE PHENOMENON OF GENIUS OF FREDERIC CHOPIN
IN PSYCHOLOGICAL ASPECT
Войцеховская Вероника Юрьевна.197

ФЕНОМЕН СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА КАК СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА THE PHENOMENON OF THE FORMATION OF RUSSIAN FOLK DANCE AS A PERFORMING ARTS <i>Арина Александровна Диденко</i>	.201
ФОНДЫ МУЗЕЯ – ЗОЛОТАЯ КЛАДОВАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ- СКОЙ РАБОТЫ. КОЛЛЕКЦИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ БЕРЕСТЫ FUNDS OF MUSEUM – GOLD PANTRU SCIENTIFICALLY RESEARCH WORK. COLLECTION OF WAKES FROM BIRCH BARKS <i>Елена Анатольевна Лабецкая</i>	.205
ВЛИЯНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НА САМОИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАРОДА THE INFLUENCE OF SLAVIC PAGAN VALUES ON THE SELF-IDENTITY OF MODERN RUSSIAN PEOPLE <i>Ольга Владимировна Лутвинова</i>	.210
НАРОДНО-ПЕСЕННЫЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА В.А. ГАВРИЛИНА FOLK SINGING ORIGINS OF V. A. GAVRILIN'S CREATION <i>Ирина Юрьевна Некристова</i>	.215
ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ АЛТАЙСКОЙ РОСПИСИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ МАСТЕРОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ REVIVAL OF TRADITIONS ALTAI PAINTING IN CREATIVITY MODERN MASTERS OF EAST KAZAKHSTAN. ON THE PROBLEM <i>Елена Анатольевна Романова</i>	.220
«ПЕРЕХОД» ИЗ НЕВЕСТЫ В ЖЕНЫ В БРАЧНОМ ОБРЯДЕ «ПОЛЯКОВ» НА ВОСТОКЕ КАЗАХСТАНА «TRANSITION» FROM THE BRIDE TO WIFE IN THE MARRIAGE CEREMONY OF THE «POLES» IN EASTERN KAZAKHSTAN <i>Свахина Татьяна Евгеньевна</i>	.225
НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И СРЕДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ NATIONAL VILLAGE AS A MODERN SOCIAL AND CULTURAL PHENOM- ENON AND MEANS OF ETHNOCULTURAL INTERACTION. ON THE PROBLEM <i>Марина Андреевна Солонец</i>	.231
ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПОЯСА: К ПРОБЛЕМЕ ПРОЧТЕНИЯ MULTIVALUED STRUCTURE BELT OF OLD BELIEVERS: TO THE PROBLEM OF PERUSAL <i>Наталья Николаевна Честнейшина</i>	.236
РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ROLE OF ETHNO-CULTURAL ASSOCIATIONS EAST KAZAKHSTAN TO PRESERVE THE NASHIONAL CULTURE <i>Ирина Сергеевна Шувалова</i>	.241

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СИБИРИ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ SILVER AGE IN THE ART OF SIBERIA. ON THE PROBLEM <i>Александра Михайловна Юдинцева</i>	.245

**Секция: Изобразительное искусство. Искусствоведческий анализ картин
из экспозиции Томского областного художественного музея**

ПЕЙЗАЖ В ЖИВОПИСИ ПЕРЕДВИЖНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ Л. Л. КАМЕНЕВА (1833–1886) «САВВИНО-СТОРОЖЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. ЗВЕНИГОРОД» ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ) LANDSCAPE IN PAINTING OF ITINERANTS (ON THE EXAMPLE OF A PICTURE L. L. KAMENEVA (1833–1886) “SAVVINO-STOROZHEVSKY MONASTERY. ZVENIGOROD” FROM A CONSTANT EXPOSITION OF TRAM) <i>Брусьянина Виктория Владимировна</i>	.250

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИЕМОВ В ПОРТРЕТНОМ ЖАНРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ XVII ВЕКА APPLICATION COMPOSITIONAL TECHNIQUES IN THE PORTRAIT GENRE OF EUROPEAN PAINTING OF THE XVII TH CENTURY <i>Зайкова Марина Андреевна</i>	.255

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ НАЧАЛА XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ ДЖ. ДЖИГАНТЕ «ВИД НЕАПОЛИТАНСКОГО ЗАЛИВА», 1840, ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ) ITALIAN LANDSCAPE EARLY XIX CENTURY (THE EXAMPLE OF PAINTING J. GIGANTE “VIEW THE BAY OF NAPLES”, IN 1840, FROM THE PERMANENT EXHIBITION TOHM) <i>Ильясова Гузаль Рамильевна</i>	.261

КАРТИНА РУССКОГО ХУДОЖНИКА Н. Е. СВЕРЧКОВА (1817–1898) «ПОРТРЕТ БОГАТЫРЯ» ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ PICTURE OF RUSSIAN ARTIST N. E. SVERCHKOV (1817–1898) «PORTRAIT OF BOGATYR» FROM THE PERMANENT EXHIBITION TRAM <i>Татьяна Анатольевна Копылова</i>	.266

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ БАРОККО В КАРТИНЕ Д. ТЕНИРСА – МЛАД- ШЕГО «ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА» (ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ) FEATURES BAROQUE STYLE IN THE PICTURE D. TENIERS – JR «SACRIFICE OF АВРАНАМ» (FROM THE PERMANENT EXHIBITION OF THE TRAM) <i>Копылова Елена Анатольевна</i>	.270

ОСОБЕННОСТИ ЖИВОПИСИ МАЛЫХ ГОЛЛАНДЦЕВ XVII В. (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ГЕРАРДА ВАН ДОНКА (1610-1640) «ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ, СТОЯЩЕЙ У ВЕРДЖИНЕЛА») SPECIALLY PAINTING SMALL DUTCH XVII CENTURY. (ON THE EXAMPLE OF GERARD VAN DONK (1610-1640) «PORTRAIT OF A YOUNG WOMAN STANDING AT VIRGINAL») <i>Полина Андреевна Недорезова</i>	.274

БЕЛЬГИЙСКИЙ ПОРТРЕТ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ И. БРИСА «ПОРТРЕТ ТЕРЕЗЫ ЛАНДЖЕНДРИ», 1818, ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ) THE BELGIAN PORTRAIT OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF I. BRICE'S PICTURE «THERESA LANDZHENDRI'S PORTRAIT», 1818, FROM THE CONSTANT EXPOSITION OF TRAM – TOMSK REGIONAL ART MUSEUM) <i>Портнова Юстина Сергеевна</i>	.280
СЕЗАННИЗМ В РУССКОМ АВАНГАРДЕ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ П. П. КОНЧАЛОВСКОГО «НАТЮРМОРТ С БЕГОНИЕЙ», 1916, ИЗ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ) THE RUSSIAN SEZANNISM AVANT-GARDE (BY THE EXAMPLE OF PYOTR KONCHALOVSKY «STILL LIFE WITH BEGONIA», 1916, FROM THE PERMANENT EXHIBITION TOXM) <i>Савенкова Елена Владимировна</i>	.286
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО И РУССКОГО РОМАНТИЗМА (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ТОХМ) COMPARATIVE ANALYSIS OF FEATURES OF THE EUROPEAN AND RUSSIAN ROMANTICISM (FOR WORKS PERMANENT EXHIBITION TOXM) <i>Светлана Витальевна Савицкая</i>	.291

Секция: Философия

ФИЛОСОФИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ TAXATION PHILOSOPHY <i>Ю. М. Науменко</i>	.297
СВОБОДА КАК УСЛОВИЕ И ЦЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ FREEDOM AS CONDITION AND PURPOSE OF THE HUMAN BEING <i>Ирина Николаевна Рябцева</i>	.301
ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ СЧАСТЬЯ ACHIEVING HAPPINESS PROBLEM <i>Соболев Игорь Александрович</i>	.304

Секция: Социальные науки

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИСЛАМСКОЙ ОБЩИНЫ И ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ THE PROBLEMS OF THE INTERRELATIONS OF ISLAMIC COMMUNITY AND FIELDING SOCIETY OF MODERN FRANCE <i>Артём Павлович Вознюк</i>	.309
СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ПОЛИС» ЗА 2011–2014 ГГ.). SPECIFICS OF THE ELECTORAL SYSTEM IN RUSSIA (ACCORDING TO THE MAGAZINE «POLIS» FOR 2011–2014) <i>Глаголь Дарья Вадимовна</i>	.313

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY
IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE RUSSIAN SOCIETY
Тиунова Яна Викторовна 318

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЫ
В СОЦИАЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ
THE PROBLEM OF FORMATION OF THE PROJECT TEAM
IN SOCIAL DESIGN
*Шляпников Сергей Евгеньевич,
Фатхутдинова Вероника Зуфаровна* 323

Секция: Визуальность и современные научные исследования

ОБРАЗ ВРАЧА В СОВРЕМЕННОМ ТЕЛЕСЕРИАЛЕ
(ДОКТОР РОСС VS ДОКТОР ХАУС?)
CHARACTER OF PHISICIAN IN MODERN TV SERIES
(DOCTOR ROSS VS DOCTOR HOUSE?)
Ольга Владимировна Антонова, Ольга Владимировна Герасимова 327

ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ВОЛОНТЁРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЙ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ)
VISUAL SYMBOLS OF VOLUNTEERING
(ON EXAMPLE OF ANIMAL WELFARE AND RESCUE ORGANIZATIONS)
Горбулёва Мария Сергеевна 332

ТЕХНОНАУКА: РОЖДЕНИЕ НОВОГО СИМВОЛИЗМА
TECHNOSCIENCE: CREATION OF THE NEW SYMBOLISM
Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян 337

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗАДАЧ
ПРИ СОЗДАНИИ НОВОЙ ТЕХНИКИ
VISUALIZATION MANAGEMENT TASKS
WHEN CREATING A NEW TECHNOLOGY
Чонг Хуо Хоанг, Мария Вигеновна Мелик-Гайказян 343

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
В ИЗУЧЕНИИ БИОЭТИКИ
USING LITERARY AND ART CHARACTER IN STUDYING BIOETHICS
*Екатерина Александровна Стаценко,
Тамара Владимировна Мещерякова* 346

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ
МЕНЕДЖМЕНТА В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
DISPLAY OF PURPOSE: SEMIOTIC MANAGEMENT TOOLS IN HIGH-TECH
Дык Тхо Нгуен 350

БИОЭСТЕТИКА КАК «ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ» КОНВЕРГЕНТНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ
BIOAESTHETICS AS A PRODUCT OF CONVERGING TECHNOLOGIES
Первушина Нина Андреевна 355

